

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЗЭН

АНТОЛОГИЯ
КЛАССИЧЕСКИХ
КОАНОВ ДЗЭН
ЭПОХИ ТАН

Составление
и комментарии
Р. Х. Блайса

是
什
麼

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

Кипрушкина
Вадима Альбертовича

Перевод с английского:
Мищенко А. А.

Оформление:
Лосев П. П.

Золотой век дзэн. Антология классических коанов дзэн эпохи Тан. Составле-
ние и комментарии Р. Х. Блайса. «Евразия», СПб. 1998. — 384 стр.

(с) 1998. «Евразия» СПб.
(с) 1998. Перевод на русский А. Мищенко
(с) 1998. Оформление П. Лосев

Содержание:

Предисловие	7
Часть I	
<i>ШКОЛА СЭЙГЭНА</i>	13
Глава 1	
<i>ПЯТЬ ДЗЭНСКИХ СЕКТ</i>	13
Глава 2	
<i>ШКОЛЫ ГОДЗУ И РОАН</i>	20
Глава 3	
<i>ЭНО И ЕГО УЧЕНИКИ</i>	26
Глава 4	
<i>УЧЕНИКИ СЭКИТО</i>	35
Глава 5	
<i>СЭППО</i>	52
Глава 6	
<i>УЧЕНИКИ СЭППО</i>	64
Глава 7	
<i>ХОГЭН</i>	80
Глава 8	
<i>ОТ ЯКУСАНА ДО СЭКИСО</i>	91
Глава 9	
<i>СЭНСУ, КАССАН, СЁДЗАН</i>	98
Глава 10	
<i>ТОДЗАН</i>	103
Глава 11	
<i>СОДЗАН И УНГО</i>	113
Глава 12	
<i>УММОН</i>	123
Часть II	
<i>ШКОЛА НАНГАКУ</i>	157
Глава 13	
<i>НАНГАКУ И БАСО</i>	157

Посвящается
Дайсэцу Судзуки,
который может прочесть то,
что я не могу написать

Глава 14	
<i>УЧЕНИКИ БАСО</i>	168
Глава 15	
<i>НАНСЭН И ДЗЁСЮ</i>	185
Глава 16	
<i>ХЯКУДЗЁ И ЕГО УЧЕНИКИ</i>	208
Глава 17	
<i>ИСАН И КЁДЗАН</i>	219
Глава 18	
<i>ОБАКУ</i>	228
Глава 19	
<i>ТРАКТАТ ОБАКУ О ПРИРОДЕ УМА</i>	231
Глава 20	
<i>УЧЕНИКИ ОБАКУ</i>	240
Глава 21	
<i>РИНДЗАЙ</i>	250
Глава 22	
<i>УЧЕНИКИ РИНДЗАЯ</i>	264
Приложение I	
<i>СИНДЗИНМЭЙ</i>	277
Приложение II	
<i>ТРИ ДЗЭНСКИХ ЭССЕ</i>	
Четыре японских монаха	331
Рёкан	332
Хакуин	336
Такуан	340
Иккю	343
Пути и Путь	349
Дзэн и юмор	353
Жизненный путь Р. Х. Блайса	369

Предисловие

Эта книга содержит предания о жизни дзэнских мастеров от Шестого патриарха Эно до таких учителей, как Содзан и Риндзай, то есть предания двух основных школ, или ветвей “генеалогического дерева” дзэн. Эти ветви связаны с именами двух учеников Шестого патриарха, Сэйгэна и Нангаку, последователи которых создали две существующие в настоящее время дзэнские секты — Сото и Риндзай.

История дзэн — история мгновений. Она не может, подобно истории идей и даже истории свободомыслия, иметь вид хронологии событий, критических наблюдений, подробного перечня изменений, преобразований и так далее. Иногда дзэн кажется глубже, иногда поверхностнее, иногда шире, иногда уже, но ему чужды развитие и прогресс в обычном смысле. История дзэн может быть “историей” лишь постольку, поскольку это — упорядоченный по времени список имен людей, которые достигли величия в словах, делах и образе жизни.

Однако, в руках читателя находится не сухое изложение событий, а сборник историй о выдающихся мастерах. Именно из таких историй, как эти, были составлены известные сборники коанов *Мумонкан*, *Хэкиганроку* и *Сёёроку*. Эти три сборника напоминают подборки лучших стихотворений лучших поэтов, но создают неполное, даже искаженное представление о дзэнских гениях. Между тем, ошибки и заблуждения великих людей — музыкантов, художников, писателей, дзэнских мастеров — позволяют узнать многое не только об их характере, но и о сущности музыки, искусства, литературы и дзэн. Чтобы понять мир, мы должны выйти за его пределы; чтобы понять дзэн китайских мастеров, мы должны пойти дальше историй, которые вош-

ли в классические сборники, и узнать о жизни мастеров всё, что только сможем.

Подобное неуважение к признанным авторитетам составляет суть дзэн и делает его уникальным. “Кто создал Бога?” — этот вопрос может показаться неуместным в христианстве, но только не в дзэн. В обычной жизни можно превозносить и обвинять, быть превозносимым и обвиняемым, выигрывать и проигрывать. И всё же, если выбирать что-то одно из этих противоположностей, лучше выбрать тройку: обвинять, быть обвиняемым и проигрывать — ведь тогда мы не расслабляемся, а мобилизуем свои силы для жизни и творчества.

Дзэнские мастера всегда плохо отзывались друг о друге, чтобы избежать сентиментальности, присущей традиционному буддизму, точнее, человеческой природе. Но следует признать, что в ходе обучения монахов мастера иногда проявляли слишком сильное желание побеждать. Мэн-цзы считает это великим недостатком людей. Однако, когда мы знакомимся со *всеми* историями о мастерах, а не только с теми, которые цитируются чаще всего, мы видим, что мастера часто проигрывают — причем проигрывают добровольно, если только это помогает их ученикам чему-то научиться.

Как уже говорилось, *Мумонкан* и другие известные сборники коанов дают несколько искаженную картину поведения дзэнских мастеров. У читателя создается впечатление, что мастера всегда правы, а монахи всегда ошибаются, или — и это еще хуже — что монахи вообще не способны давать ответы на трудные вопросы. То же самое чувство мы выносим из Евангелий. Но любовь и уважение к Христу едва ли не больше всего внушает нам его упрек в адрес человека, который назвал его благим, на что Иисус ответил: “Никто не благ, как только один Бог”. (Мф. 19, 17)

Говорят, что *коаны* (дзэнские вопросы) и *мондо* (дзэнские диалоги) непонятны для неподготовленного читателя. Но они не более непонятны, чем поэзия Вордсворта, музыка Баха, полотна Кли. Многие комментаторы, встречая трудности с трактовкой тех или иных эпизодов, неожиданно заявляют, что мы должны практиковать медитацию, и только тогда смысл коанов и их толкований станет для нас понятным. Подобное мнение не лишено оснований, но если это так, зачем

объяснять что-либо вообще — ведь суть всё равно не исчерпывается объяснением?

Хотя все люди, как предполагается, обладают природой Будды, не все они в равной мере (поняли, что) наделены поэтической, музыкальной, писательской природой, подобно Уммону, Шекспиру, Моцарту и Джигито. О дзэнском мастере часто говорят, что он имел больше тысячи учеников и что из них, скажем, двадцать восемь были просветлены. Можно предположить, что остальные девятьсот семьдесят два были ленивы и глупы, но почему бы не предположить, что они, или по крайней мере некоторые из них, не обладали природой Будды вообще, подобно тому как около девяноста восьми процентов населения мира не (понимают, что) обладают музыкальной природой?

Просветление, видение своей собственной природы — это всего лишь слова, тогда как люди бесконечно разнообразны, и просветление одного человека не похоже на просветление другого, хотя в обоих случаях есть что-то общее. Так, задавшись вопросом, каким должен быть настоящий христианин, мы можем из соответствующей инстанции получить ответ, но, используя эти критерии в каждом конкретном случае, мы обнаружим, что иногда трудно сказать: “Этот человек не был христианином” или: “Этот человек был плохим христианином”, используя слово “христианин” в глубинном смысле.

Но если дзэн составляет суть всех религий, включая буддизм и даже христианство, и если, кроме того, он лежит в основе искусства, поэзии, музыки и подлинной жизни, как мы вообще можем проводить подобные различия? Может ли человек быть просветленным — и в то же время не-поэтичным, не-музыкальным, не-артистичным? Нам сделают замечание, что мы не упомянули здесь “не-моральным”. Это намек на то, что традиционный дзэн, как его понимали китайские мастера, прежде всего моралистичен, а уже потом поэтичен, музыкален и артистичен, — или же на то, что таковыми являются люди, которые рассуждают о дзэн.

Цель китайского дзэн — выйти за пределы жизни и смерти и начать подлинно жить. Умереть, гнить и жить, пока мы живы — как нам осуществить это наилучшим образом? Такова великая проблема

жизни. Дзэн решает ее, не прибегая к моральным заповедям. Дзэн предпочитает сначала умереть, а потом продолжать жить. Чтобы умереть для своего обыденного сознания, человеку требуется моральная сила и стойкость. Понимание литературы, хороший вкус в искусстве и музыке, даже юмор — всё это не имеет никакого отношения к умиранию. Но жизнь после смерти обыденного сознания позволяет стать подлинным художником, наслаждаться естественными формами, постигать природу вещей через музыку.

Таким образом, с теоретической точки зрения китайский дзэн — это приготовление к жизни путем умирания для себя, то есть отказа от жадности, эгоизма, амбициозности, любви-и-ненависти. Японский же дзэн стал применением китайского дзэн к повседневной жизни за пределами монастыря. Вопрос китайского дзэнского мастера: “Можешь ли ты умереть и выпить чашечку чая?” Вопрос японского мастера: “Можешь ли ты умереть и выпить чашечку чая?” В дзэн эту двойственность называют мечом, который убивает и возвращает жизнь.

Что такое европейский дзэн? Это еще одно скрещивание, еще одно новое рождение. Христос говорил: “Вы должны родиться снова”; мы можем добавить: “Снова и снова”. Родиться означает получить тело. Родиться снова означает научиться по-новому использовать это тело, по-новому видеть вещи, не пытаясь объяснить их и обладать ими. Подлинное видение вещей невозможно без забвения себя, без смерти иллюзорной личности. Следует отметить также, что китайские (да и японские) монахи-мужчины никогда не отказывались от предрассудков своего пола и не вникали в жизнь женщин. Все истории в этой книге — о мужчинах и для мужчин. Но мужчина является мужчиной лишь тогда, когда обзревает “любовным взором” не только горные вершины, но и женщин. “Любовный взор” — это взгляд новорожденного, взгляд человека, который не привязан к желаниям и удовольствиям.

Три стадии в истории дзэн — китайская, японская и европейская, — как уже говорилось, существуют лишь в теории. В китайской живописи танской и сунской эпох мы видим приложение дзэн к искусству. В христианстве тоже есть смерть и воскресение. Не хватает

только средневековой идеи о величии души, об идеальном человеке, к которому мы должны сознательно стремиться и который бессознательно создает хорошее общество. Следуя традициям древних религиозных мистерий, человек должен умереть и возродиться, но сделать это он должен каким-то особым, присущим только ему образом — ведь подражание, соответствие стандартам, следование условностям — это верное самоубийство.

Часть I ШКОЛА СЭЙГЭНА

Глава 1 ПЯТЬ ДЗЭНСКИХ СЕКТ

Мне кажется, что дзэн, каким мы его знаем, не был присущ историческому Будде. В буддизме вплоть до прихода в Китай в 520 году двадцать восьмого индийского патриарха Бодхидхармы, который известен также как Первый китайский патриарх Дарума, именно индуизм с заимствованным из *Упанишад* анимизмом и пантеизмом наделяли вселенную жизнью. И только китайские дзэнские мастера после Дарумы, опираясь на идеалы раннего даосизма, воплотили в своей жизни слова Блейка о радости:

На легу целуй ее —
Утро вечности твое.

(Пер. С. Я. Маршака)

Дзэн как школа буддистской медитации возникла в VI веке с приходом Дарумы. Дзэн как философия жизни берет начало в VII веке с Шестым патриархом Эно (Хуэйцзэном).* Дзэн Эно не индийский, но

* Здесь и далее, если особо не оговорено, в скобках даются китайские прочтения собственных имен. — Прим. перев.

всё еще и не китайский. Дзэн Эно интернациональный, почти сверхчеловеческий, хотя и не сверхъестественный. Эно немного напоминает китайского поэта танской эпохи Бо Цзюи. Подобно ему, Эно чувствовал бы себя как дома в Афинах, Париже и Лондоне.

Основоположником настоящего китайского дзэн, каким мы его знаем, стал мастер Басо (ум. 788) с его “упоительным безумием” и “диким кружением слов”. Своей вершины китайский дзэн достиг в мастерах Дзёсю (778-897) и Уммоне (ум. 996). Секта дзэн как организация, избравшая своей целью просветление монахов, берет начало с мастера Хякудзё (724-814). Лебединой песней ее творческого развития стали сборники коанов *Хэкиганроку* (1125) и *Мумонкан* (1228).

Прежде чем перейти к рассмотрению пяти основных дзэнских сект, возникших в Китае после прихода Дарумы, упомянем две ранние дзэнские школы — Годзу и Роан. Секта Годзу ответвилась от линии Четвертого китайского патриарха Досина, а секта Роан — от линии Пятого китайского патриарха Конина.

Дзэн школы Годзу проявлял склонность к эксцентричному поведению, которым отличался также Басо и его ученики. Людей со странностями привлекала абсолютная свобода, которую обещал дзэн, и поэтому обретавшие эту свободу не могли не быть чудаковатыми.

Для дзэн школы Роан были свойственны острота ума и чувство юмора. Ее последователи избегали императорских милостей, хотя император неизменно благоволил им. В обеих традициях, несомненно, были талантливые монахи, но ни школа Годзу, ни школа Роан не просуществовали достаточно долго, чтобы оставить заметный след в истории дзэн.

У Шестого патриарха Эно (637-713) было много учеников и среди них “пять великих мастеров” — Сэйгэн, Нангаку, Катаку, Нанё и Ёка.

Дзэнская традиция Катаку оборвалась в 841 году со смертью его пятого духовного преемника, Кэйхо. Катаку долго жил вместе с Эно, и поэтому дзэн Катаку мало чем отличался от дзэн его учителя.

Ёка известен своим трактатом-стихотворением *Сёдока* и кличкой Ученик Одной Ночи за то, что Шестой патриарх Эно однажды удостоил его чести провести с ним ночь. Дзэн Ёка во многом похож на дзэн Катаку и Эно.

Нанё, о котором говорят, что он не покидал долину Нанё в течение сорока лет, имел много учеников, но дошедшие до настоящего времени сведения о них немногочисленны. Как и в случае с Катаку, линия передачи Нанё оборвалась в середине эпохи Тан, и мы можем предположить, что его дзэн тоже недалеко отошел от дзэн Эно.

Именно в школах Сэйгэна и Нангаку появились все великие дзэнские мастера. Из традиции Сэйгэна произошли дзэнские секты Уммон, Хогэн и Сото, из традиции Нангаку — секты Игё и Риндзай. Таким образом, современные секты Риндзай и Сото своими истоками восходят к этим двум главным ученикам Эно (см. схему 1).

В линии Нангаку появились мастера Басо, Хякудзё, Обаку, Риндзай, а в линии Сэйгэна — Сэкито, Якусан, Унган, Тодзан, Содзан. По поводу названия секты Сото существует несколько гипотез. Согласно одной из них, за основу были взяты первые слоги имен Тодзана и его ученика, Содзана (840-901), согласно другой — иероглиф *со* восходит к названию храма Сокэй, в котором жил Шестой патриарх. Вполне может быть, что верны обе интерпретации.

Дзэн самих Сэйгэна и Нангаку во многом был похож на дзэн Эно с некоторыми отличиями в сторону ухудшения. Сэкито, ученик Сэйгэна, написал трактат-стихотворение *Сандокай*, который кажется мне не просто не-дзэнским, но анти-дзэнским в своем сведении всего и вся к сверхбожеству, названному Великое Начало.

Позже на основе этого учения возникло представление о *го-и* — пяти ступенях, или пяти категориях, впервые введенных Тодзаном. Эти пять ступеней впоследствии стали предрассудком, напоминающим некоторые даосские предрассудки, и были раскритикованы Догэном, но позже их снова возвели на пьедестал. Трактат Тодзана *Хокёдзаммай* содержит учение о пяти ступенях и объясняет их таким образом:

(1) Абсолютное становится относительным; Бог становится человеком.

(2) Относительное становится Абсолютным; человек становится Богом.

(3) Только Абсолютное; Бог есть Бог.

(4) Только относительное; человек есть человек.

(5) Абсолютное как относительное, относительное как Абсолютное; нет Бога, нет человека.

Такие идеи представляются мне непозитивными, непрактичными, чуждыми духу дзэн и, кроме того, интуитивно непонятными. Вне всяких сомнений, учение о пяти ступенях может дать интеллектуальное просветление, которое оторвано от органов чувств. По своей природе такое просветление сродни символам, которые в данном случае наименее опасны, но при этом наименее интересны и содержательны. Подобно всему человеческому, дзэн иногда становится жертвой абстрактного мышления.

Нангаку сам по себе не был блестящим учителем, но, тем не менее, дал начало традиции, ставшей новым витком в развитии дзэн. Эта традиция, если быть более точным, начинается с Басо, главного ученика Нангаку. У самого Басо было два великих ученика — Нансэн и Хякудзё.

Дзёсю, ученик Нансэна, и Обаку, ученик Хякудзё, а также Риндзай, ученик Обаку, завершают список величайших дзэнских мастеров. Таким образом, мы получаем следующее обобщенное генеалогическое дерево (см. схему 1).

Уммон принадлежал к линии Сэйгэн-Сэкито-Сэппо. Сэйгэн ничего не прибавил к дзэн Эно, но Сэкито был наделен проницательностью, юмором и способностью подводить учеников к просветлению. У Сэкито было два основных ученика, Тэнно (Дяньхуан, 748-807) и Якусан (Юэсянь, 751-834).

Главным учеником Тэнно был Рютан. С именем Рютана связана идея обучения путем не-обучения, представляющая собой развитие слов Дарумы, который сказал, что не знает, что такое дзэн. Известный эпизод, в котором Рютан, неожиданно задув свечу, темной «просветлил» своего ученика Токусана, — это ортодоксальный, монашеский дзэн в его лучших проявлениях. Сравните этот эпизод со стихотворением Стивенсона:

Порыв ветра с благодатных земель
Неожиданно налетает с моря
И стучит дверью моей хижины.
Я слышу твой голос, Господи, — и понимаю всё.

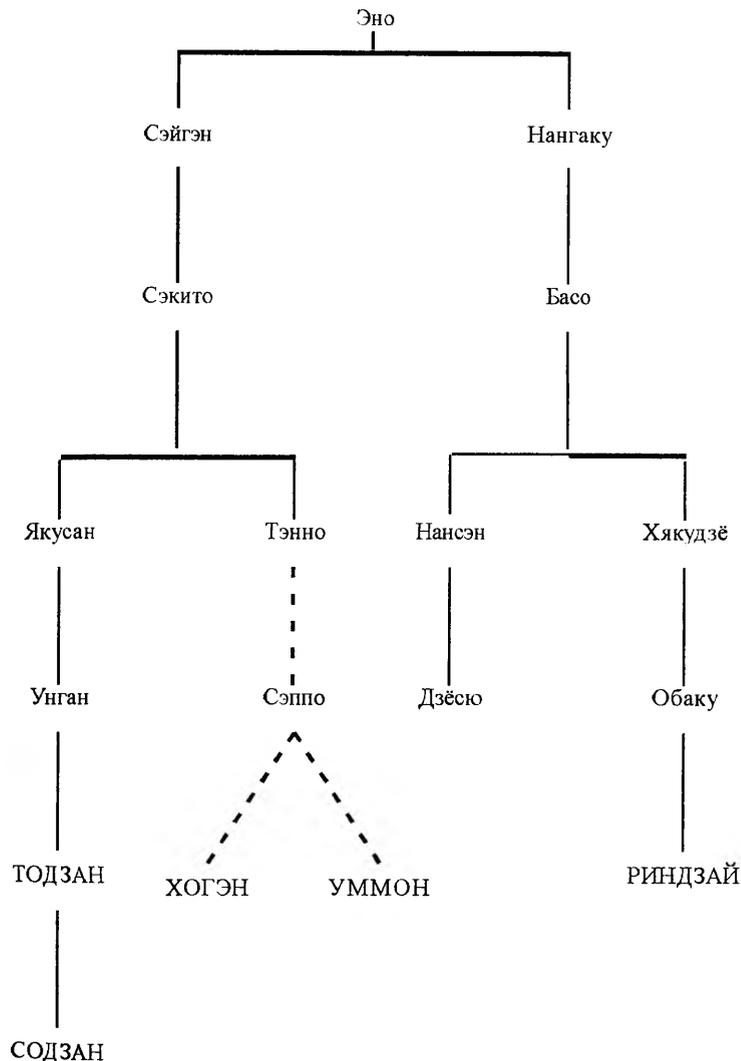

Схема 1.
Обобщенное «генеалогическое дерево» мастеров школ Сэйгэна и Нангаку

По твоему велению приходит ночь.

Я поем, лягу спать и не буду больше вопрошать.

Когда Рютан задул свечу, Токусан достиг просветления и на следующий день разжег костер из своих сутр. Нам не известно ни одного случая христианского обращения, которое закончилось бы сожжением Библии. Христиане жгут только священные писания других народов. Между тем, Нирвана представляет собой “задувание свечи жизни”. Крещение — ее христианский эквивалент, но крещение считается лишь прелюдией к вознесению, а в Нирване нет вознесения.

То же самое можно сказать и о созерцании стены Дарумой в течение многих лет: оно ни к чему не привело. Даже просветление Эно было в некотором смысле нигилистическим, но Токусан и его ученики — Ганто и Сэппо — наделены живостью, свидетельствующей о том, что дзэн далек от нигилизма. Дзэн не имеет ничего общего с пессимизмом и побегом от жизни, приводящим многих к буддизму. Дзэн — это побег от всего, в том числе и от самого побега.

Истории о Ганто, и особенно о Сэппо, дают нам дзэн в его самых простых и в то же время самых глубинных проявлениях. Мы не можем отличить их дзэн от работы в поле, прогулок в лесу, жизни в монастыре. Человеческая история в самом глобальном смысле есть вечное разделение и воссоединение вещей. Ганто (828-887) и Сэппо (822-908) были частью человеческой истории, потому что невозможно отделить их жизни от их вселенской значимости. В этих двух людях Слово стало плотью и жило в Китае в IX веке.

В линии Сэйгэна берут начало три из пяти основных дзэнских сект — Сото, Уммон и Хогэн. Уммон был учеником Сэппо, а Хогэн — учеником Гэнся через Ракана. Секты Уммона и Хогэна пришли через Токусана, который объединил учение об абсолютной Пустоте с ударами палкой. Токусан использовал палку не для наказания, а как средство выражать одобрение и несогласие. Девиз Токусана: “Говоришь или молчишь — тридцать ударов!” Две другие секты, Игё и Риндзай, появились в линии Нангаку.

Трудно проследить отличительные черты “пяти домов дзэн”, рассматривая их сквозь толщу времени, истекшего после их создания, но их основатели до сих пор представляются нам уникальными

личностями. Подобным образом, св. Павел и св. Августин были христианами, но все же отличались друг от друга и тем более от Христа — точнее, от библейских преданий о нем.

Дзэн секты Игё был фантастическим, если сравнивать его с приземлённым дзэн Шестого патриарха. Вопросы и ответы здесь в равной мере трансцендентны. Но Исан и Кёдзан прибегали к действиям чаще, чем к словам, и кроме того, использовали в процессе обучения рисунки — например, круги. Если верить преданиям, мастера этой линии не брезговали даже левитацией. Здесь явно просматривается тенденция к магии и предрассудкам. Секта Игё появилась первой и пришла в упадок очень скоро.

Секта Риндзай еще больше походила на Мартовского Зайца из *Алисы в Стране Чудес* и была столь же неумолимой, как Королева с ее воплями: “Отрубите ему голову!” Однако, именно в этой секте нашли себе место не только “четыре хозяина и четыре гостя”, но и “три таинства и три сущности”.

Дзэн секты Сото понятнее, потому что проблему здесь можно если не решить, то хотя бы осмыслить рационально. Однако, теория пяти ступеней, упомянутая выше, настолько сложна, что кажется (мне) совершенно непонятной.

Дзэн секты Уммона великолепен и представляет собой подлинное единение тела и духа.

Дзэн секты Хогэна был слишком “добреньким”. Мастера этой традиции пытались, насколько это возможно, встретить монаха-искателя на полпути. Скорее всего, это объясняется тем, что секта Хогэна возникла последней, уже в X веке. Другие секты появились в IX веке (за исключением секты Уммона, умершего в 949 году, на девять лет раньше Хогэна).

Глава 2

ШКОЛЫ ГОДЗУ И РОАН

Прежде чем описать разделение “генеалогического дерева” дзэн после Шестого патриарха на северную (постепенную) и южную (внезапную) школы и последующее процветание последней, мы должны вернуться к Четвертому и Пятому патриархам, от которых пошли ветви, выглядевшие поначалу многообещающими, но позже усохшие. “Генеалогия” мастеров школ Годзу и Роан представлена в схеме 2.

Годзу (594–657), ученик Четвертого патриарха Досина, основал подсекту дзэн, которая просуществовала около ста лет. Когда Годзу было девятнадцать лет, он зачитывался сутрами и особо ценил *Ханья-сутру*. Годзу говорил: “Конфуцианство — закон этого мира, но это не высший закон. Только обладая подлинным пониманием *Ханья*, мы можем добиться успеха в жизни”. Предание гласит, что когда он проповедовал великую *Ханья-сутру* в храме Кэнсэджи, слушателей собралось больше, чем облаков в небе, а когда он дошел до раздела, озаглавленного “Спокойное угасание”, случилось землетрясение.

Став монахом, Годзу поселился на горе, от которой получил свое имя, в пещере под названием Юсэйдзи. Говорят, что птицы приносили ему цветы, и этот факт дал начало коану, на который известно более пятидесяти (правильных) ответов. Коан звучит так:

До встречи Годзу с Четвертым патриархом птицы приносили ему цветы — почему? После их встречи, птицы прекратили приносить цветы — почему?

Один из самых коротких ответов сразу на оба вопроса принадлежит Дзёсю: “Долго таская воду и поднося дрова, мы устаем”. Таскать воду и подносить дрова — работа дзэнского монаха, и Дзёсю отвечает на вопрос спонтанно, в духе *Алисы в Стране Чудес*. Смысл его слов в том, что хотя подобные вопросы по-своему интересны, на них не существует рационального ответа, и мы не должны даже пытаться его дать.

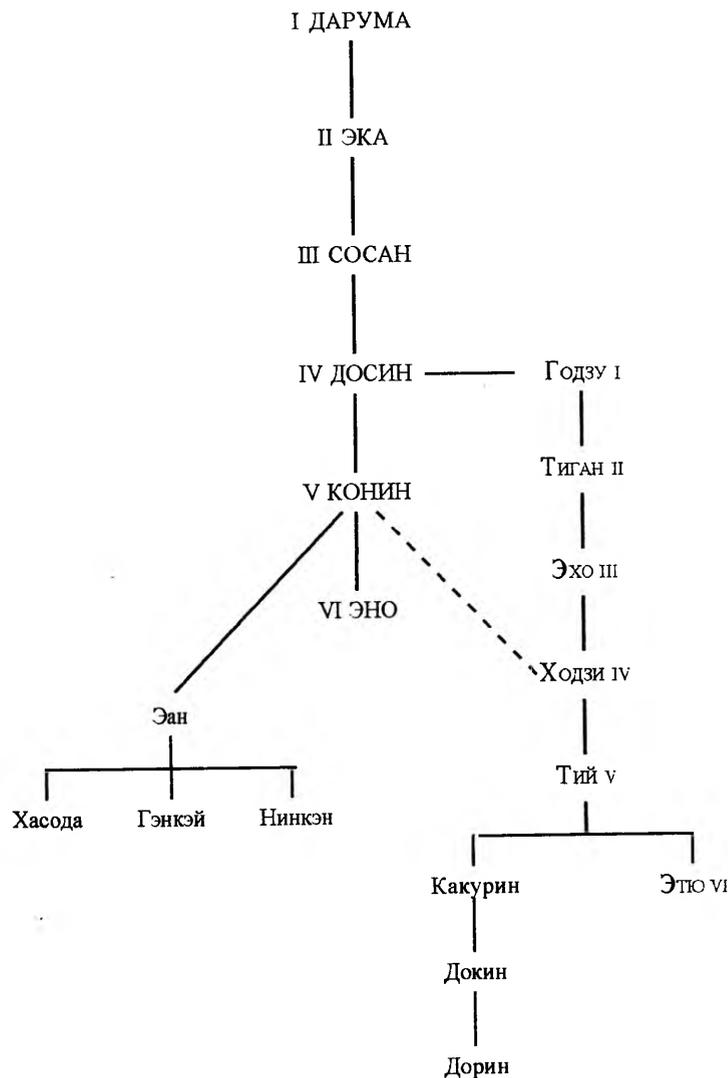

Схема 2.

“Генеалогическое дерево” мастеров школ Годзу и Роан

В окрестностях пещеры, где жил Годзу, водились тигры и волки. Четвертый патриарх, услышав о Годзу, решил посетить его. Годзу был настолько погружен в медитацию, что даже не заметил прихода Патриарха.

— Чем ты здесь занимаешься? — спросил Патриарх.

— Я созерцаю свой ум, — ответил Годзу.

— Кто созерцает и что такое ум?

Услышав этот вопрос, Годзу упал к ногам Патриарха и попросил у него разрешения стать его учеником.

К этому же времени, наверное, относится и следующая история.

Четвертый патриарх направился к горе, на которой жил Годзу. Входя в обитель, он сделал вид, что испугался тигра, сидящего у входа. Годзу спросил у него:

— Вы что, до сих пор — того?

— До сих пор — чего?

Годзу тут же достиг просветления.

В 1848 году Торо писал в письме Блейку: “Если мы трусливы, давайте будем поступать трусливо”. Цель дзэн — Ум, а не спокойствие ума. Но дзэнские монахи часто находят общий язык с тиграми. Утверждается, что Букана, друга легендарных китайских поэтов Кадзана и Дзитоку, часто видели верхом на тигре. У св. Джерома был свой лев, возможно, дальний родственник Андроклового льва. У Уны также был лев, который защищал ее, и всё же дзэнские тигры отличаются от христианских львов.

Еще одно предание говорит, что когда у монахов Годзу не хватало еды, он два раза в день, утром и вечером, отправлялся в далекую деревню Танё, откуда приносил на себе тяжелую ношу риса, которой прокармливал триста монахов.

Второй наставник школы Годзу, известный под именем Тиган, был мужчиной около двух метров ростом и прославился как воин. В сорок лет он стал монахом и поступил в монастырь Годзу, а впоследствии стал его преемником. Тиган умер в 677 году в возрасте 78 лет.

Третьим в линии Годзу был Эхо, четвертым — Ходзи, который встретился с Пятым патриархом ортодоксального дзэн Конином, был

одним из его десяти учеников, но впоследствии вернулся к Эхо и стал его духовным наследником.

Пятым в линии Годзу стал Тий, который умер в 729 году. Он был современником Тэнно и Хякудзё. Одним из его учеников был Какурин Гэнсо, чьим учеником в свою очередь был Киндзан Докин, основатель прославленного храма Модзюдзи.

Поначалу Докин был конфуцианцем, но в двадцать восемь лет встретил Гэнсо, который “обратил” его. Докин общался с Басо. Дорин, ученик Докина, был отдан в монастырь в возрасте девяти лет, стал монахом в двадцать один и изучал сутру *Кэгонкё*. Позже Дорин поселился в густом лесу на горе Симбо и занимался медитацией, сидя на дереве. За это современники прозвали его Тёка Дзэндзи (Мастер Птичьего Гнезда) и Дзякусо Дзэндзи (Мастер Гнезда Сороки), потому что сороки и другие птицы свивали свои гнезда на ветвях рядом с ним.

Дорин жил в лесу, находившемся на территории провинции, префектом которой был китайский поэт Бо Цзюи (яп. Хакуракутэн). Однажды они встретились, и между ними имел место знаменитый диалог.

— Вы живете в опасном месте, — сказал Бо Цзюи.

— Место, где живете вы, еще опаснее, — ответил Дорин.

— Какие же опасности подстерегают префекта провинции?

— Как вы могли подумать, что ваше положение не опасно, если ваши страсти кипят, подобно пламени, и вы постоянно чем-то обеспокоены?

— В чем суть буддизма? — спросил Бо Цзюи.

— Не делай зла, твори только добро, очищай себя — таково учение всех Будд, — ответил Дорин, повторяя слова исторического Будды.

— Даже трехлетний ребенок знает это! — воскликнул Бо Цзюи.

— Верно. Даже дети знают эту заповедь, но восьмидесятилетние старики не могут следовать ей, — ответил Дорин.

Шестым и последним наставником традиции Годзу был Этю (ум. 769). Вместе с ним, просуществовав немногим более ста лет, школа

Годзу пришла в упадок. Однако, согласно одному преданию, японец Дэнгё Дайси, путешествуя по Китаю, изучал дзэн школы Годзу у Сюкунэна Дзэндзи.

О том, чем был дзэн Годзу, можно судить по *зэ* (гагхам) мастеров этой традиции, например, по стихотворению Этю:

Мысли и идеи иллюзорны;
Наша природа не имеет начала и конца;
Если вы постигнете смысл этих слов,
Река Чанцзян прекратит течь.

Глупцов и мудрецов, будд и обычных людей не существует; никто ничем не обладает; все пусто по всей сути; мудрости невозможно достичь; имена вещей относительны, не абсолютны. Следует отметить — и это примечание важнее, чем весь этот буддистский нигилизм — что традиция Годзу *практиковала* свое учение. Так, они были очень “демократичны” с птицами и зверями. Ходзи и Этю водили дружбу с тиграми, потомки которых через 1200 лет прислуживали миссис Адамсон. Среди последователей этой традиции было принято отдавать тела покойников на съедение хищным животным и птицам. Отметим еще один важный момент: у них было отличное чувство юмора. Их религия была здоровой и доброй, в ней не было насилия и сарказма, без которых невозможно представить секту Риндзай.

Сделаем еще одно замечание. Вертикальность генеалогического дерева дзэн становится все менее важной в наши дни, когда в жизни последователей дзэн на передний план выходят горизонтальные влияния современных и древних писателей различных сект и даже религий. Сегодня, в 1964 году, вертикальность дзэн отмирает.

Кроме школы Годзу, восходящей к Четвертому патриарху Досину, известна также школа Роан, берущая начало от Пятого патриарха Конины. Ее основателем был Сугаку Эан, о котором говорят, что он прожил 128 лет, и годы жизни которого дают по-разному: 579-706 или 582-709.

В это время монахам и монахиням, которые всегда свободно странствовали по стране, было велено зарегистрироваться в одном из буд-

дистских монастырей. Сугаку уклонялся от регистрации и продолжал странствовать, как мог помогая бедным и голодающим крестьянам. Встретившись с Пятым патриархом, Сугаку получил подтверждение своего постижения и вскоре поселился в горах Сугаку, откуда и получил свое имя. Сюда к нему приходило много монахов, включая Эдзё, который посещал также Шестого патриарха. Среди учеников Эана были Нинкэн и Хасода. Нинкэна называли также Тото Осё, что означает Внештатный Мастер.

Однажды Нинкэн по приглашению императрицы пришел во дворец, вошел в ее покои, помолчал некоторое время, а затем спросил:

— Вы понимаете?

— Совсем ничего не понимаю.

— Я дал обет молчания, — заключил Нинкэн и вышел, оставив несчастную женщину наедине со своими сомнениями.

Хасода был человеком не без чувства юмора. При соседнем храме было святилище, в котором приносили в жертву животных, бросая их в котел с кипящей водой. Однажды Хасода вместе с еще одним монахом проникли в святилище и палками разбили котел. За это уничтожение жертвенников Молоха Хасода получил прозвище Разрушитель Котлов. Сравните этот эпизод со стихотворением Бо Цзюи, которое приводится в моей книге *Восточный юмор* (стр. 36-37).

Дзэн школы Роан был божественным и своенравным, напоминая о Фудайси (497-569). Бывало, в ответ на вопрос монаха: “Что такое дзэн?” Эан всего лишь закрывал и открывал глаза. Нинкэн иногда вел себя довольно бесцеремонно не только на приеме во дворце, но и в других местах, куда его приглашали.

Подобно школе Годзу, школа Роан была, наверное, слишком свободной, слишком экзистенциальной, чтобы существовать долго. Чтобы на основе дзэн создать сильную, живучую секту, свободу ее последователей следовало в значительной степени ограничить, позволить ей проявляться только в отдельные мгновения довольно механической монашеской жизни. Школа Роан просуществовала немногим более ста лет. Современный дзэн во многом уступает учению этой школы.

Глава 3

ЭНО И ЕГО УЧЕНИКИ

Разделение дзэн на две школы после Пятого патриарха Конины вызывает особый интерес. Часто можно услышать, что в этом разделении проявилось различие характеров населения северного и южного Китая. В этом утверждении, несомненно, есть доля истины, но скорее в данном случае следует искать соответствие двум типам человеческого характера вообще. Лэм говорил, что люди делятся на тех, кто берет в долг и тех, кто одалживает, другими словами, на активных и пассивных, на мужественных и женственных, на тех, кто тяготеет к секте Риндзай, и тех, кто тяготеет к секте Сото.

О двух главных учениках Пятого патриарха можно сказать, что Дзинсю был доктором Ватсоном, а Эно — Шерлоком Холмсом. Первый снискал себе презрение всех последующих поколений за то, что был привязан к фактической буддистской истине, состоящей в том, что люди должны совершенствоваться в добродетели, улучшать свой характер и вкус. В то же время Эно со своим (односторонним) трансцендентализмом и отрицанием очевидных вещей, — например, необходимости тщательно протирать зеркало, чтобы оно лучше отражало предметы, — а также тем, что говорил “нет” всякий раз, когда ожидалось, что он скажет “да”, стал примером для многих поколений дзэнских эксцентриков.

Еще одной, более приятной особенностью Эно было его отвращение к *дзадзэн* (сидячей медитации). Создается впечатление, что Эно в первый раз постиг суть дзэн, заготовливая (и продавая) дрова, а затем углубил свое постижение, перемалывая (и, конечно, поедая) рис в монастыре Пятого патриарха. Известно несколько историй о сидячей медитации, которые являются упреком в адрес Дзинсю. Вот одна из таких историй.

Дзинсю призывал своих учеников сосредоточивать ум на покое и медитировать, не ложась спать как можно дольше. Один из них отправился к Эно и спросил, что тот думает об этом.

— Сосредоточивать ум на покое, — сказал Эно, — это не дзэн, а болезнь ума. Ограничивать тело одним только сидением бессмысленно. Вот мое стихотворение:

Сидеть и не ложиться в течение жизни,
Лежать и не садиться после смерти —
Зачем подвергать таким тяжким испытаниям
Этот вонючий мешок с костями?

Ученики Эно и Дзинсю плохо относились друг к другу, но сам Дзинсю был скромным человеком и иногда спрашивал себя: “Пятый патриарх назначил Шестым патриархом Эно — было ли это случайно?” Скорее, Дзинсю не был обычным недалеким глашатаем буддистских идей, каким его рисуют последователи южной школы. Именно Дзинсю принадлежат слова: “Все истины буддизма содержатся в нашем уме; искать их вне ума — всё равно что воровать у собственного отца”. Однако, южная школа в своих высказываниях пошла намного дальше этого.

Однажды Кутга Сандзо, индийский последователь Эно, проходя через деревню, обнаружил монаха, медитировавшего в маленькой хижине, которую он сам для себя построил.

— Зачем ты сидишь здесь в одиночестве? — спросил Сандзо.

— Я медитирую, — ответил монах.

— Кто тот, кто медитирует? На чем он медитирует?

— Что вы имеете в виду?

— Почему бы тебе не обратить взор внутрь, туда, где можно обрести подлинный внутренний покой?

Монах по-прежнему смотрел на него с недоумением.

— Из какой ты школы? — спросил Сандзо.

— Из школы Дзинсю.

— В Индии, откуда я родом, даже самые глупые еретики не падают так низко! Просто сидеть, тупо глядеть в одну точку и ничего не делать — какой в этом смысл?

Отсюда можно видеть, что дзэн Эно и дзэн Дарумы существенно отличаются друг от друга, по крайней мере, в методологии.

Обратимся теперь к ученикам Шестого патриарха (см. схему 3). Гэнкаку (ум. 713), автор известного трактата-стихотворения *Сёдока*, написанного в характерном для буддизма цветистом, многословном стиле, был одним из наиболее прославившихся учеников Эно. Их встреча, описанная в *Сутре помоста Шестого патриарха*, наверное, является самым драматичным дзэнским эпизодом.

Гэнкаку три раза обошел Шестого патриарха, так и не поклонившись, затем остановился и со звоном потряс своим посохом, на который были наизаны железные кольца.

— Шрамана* воплощает в себе три тысячи правил поведения и восемьдесят тысяч моральных заповедей. Позвольте спросить, откуда вы пришли и почему вы столь самоуверенны? — спросил Патриарх.

— Рождение-и-смерть — проблема одного мгновения; поток изменений невозможно остановить, — ответил Гэнкаку.

— Почему бы не воплотить в себе Нерожденное и не постичь Вневременное?

— Быть Нерожденным означает воплотить его; быть Вневременным означает постичь его.

— Верно, верно.

После этих слов Гэнкаку поступил по всем правилам. Он простерся перед Патриархом, затем встал и стал прощаться.

— Не кажется ли вам, что вы слишком торопитесь? — спросил Патриарх.

— Движение не является подлинно сущим — как можно говорить о том, что я тороплюсь? — ответил Гэнкаку.

— Кто сказал, что движение нерезально?

— Вы продолжаете проводить различия, задавая такие вопросы.

— Я вижу, вы глубоко постигли Нерожденное.

— Имеет ли смысл говорить о Нерожденном?

— Если не говорить о нем, как вообще можно проводить различия?

— Различия не имеют смысла!

— Вот это да! — воскликнул Шестой патриарх.

* Буддистский монах.

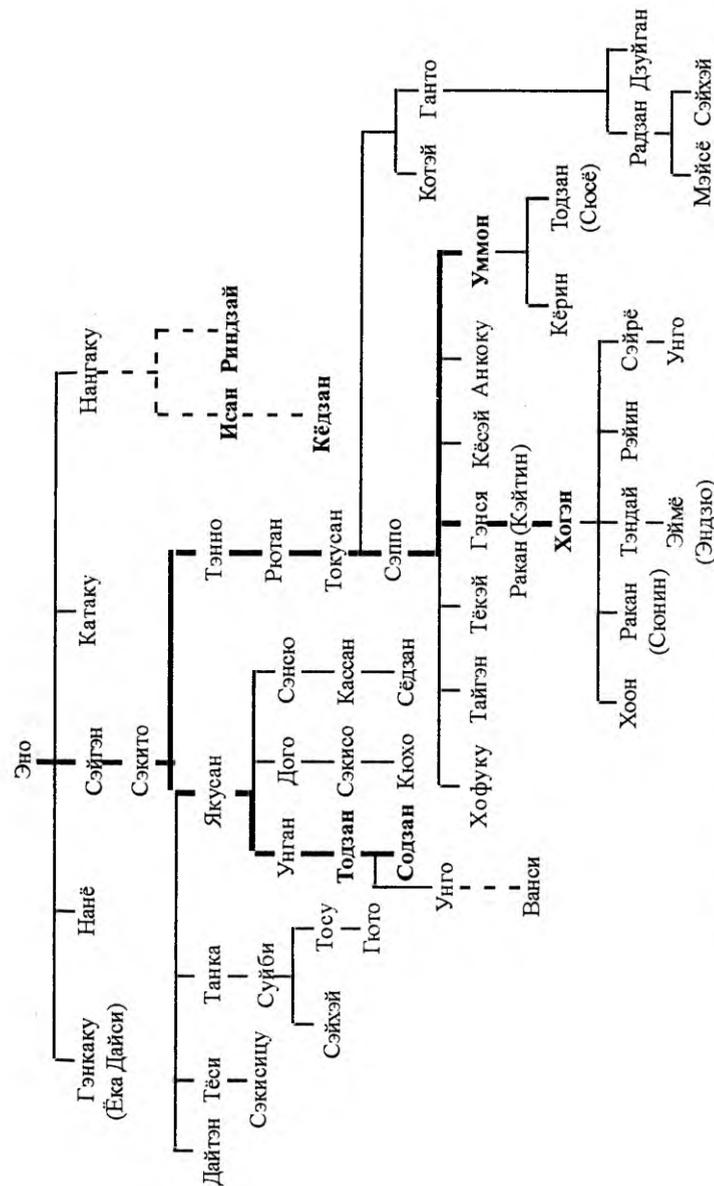

Схема 3. "Генеалогическое древо" мастеров школы Сэйгэна

В этом диалоге мы чувствуем уникальность и в то же время повседневность. Эта история уникальна, потому что оба ее участника наделены бесконечной силой и проявляют ее друг перед другом, не соревнуясь и не подражая. Эта история повседневна, потому что нечто подобное, хотя и в меньшем масштабе, случается каждый день, когда встречаются два человека подлинной силы. “Подлинная сила” в данном случае означает “чистая сила” — сила, не направленная против других. Эту силу можно часто увидеть у поэтов, но ее никогда не бывает у политиков и журналистов.

Еще одним из сорока трех учеников Эно (из которых до наших дней дошли сведения лишь о девятнадцати) был Катаку (668-760). Предание гласит, что вначале он изучал буддистские сутры, Чжуан-цзы, Лао-цзы и поздних китайских классиков, стал священником храма Кукосядзи, а затем отправился к Шестому патриарху в храм Сокэй. История их встречи, приведенная в *Сутре помоста*, свидетельствует о том, что Катаку был проникательной и самоуверенной личностью.

Катаку оставался с Шестым патриархом в течение нескольких лет, а затем, посетив многие знаменитые места Китая, вернулся в провинцию Чанань. Придя к Шестому патриарху еще раз, он получил подтверждение. Впоследствии он проповедовал учение южной школы в Лояне, где в то время знали только северную школу. Дзэн Катаку был очень интеллектуальным. Его духовный прапраправнук Кэйхо (760-841) определил пять типов дзэн: еретический, обычный (или огородный), хинаянский, махаянский и высший махаянский.

Два других знаменитых ученика Эно, от которых ведут начало все позднейшие мастера и школы, — это Сэйгэн и Нангаку. От Сэйгэна пошли Сэкито, Якусан, Танка, Тэнно и так далее, а вместе с ними и три дзэнские секты — Сото, Хогэн и Уммон. От Нангаку пошли Басо, Нансэн, Дайбай, Хякудзё, Обаку, Исан и две секты — Риндзай и Игё. Впоследствии вереница дзэнских гениев, появившихся в линиях Сэйгэна и Нангаку, затмила все остальные дзэнские традиции, в том числе северную школу Дзинсю и школы Годзу и Роан, о которых мы уже говорили. Однако, северная и южная школы существовали еще некоторое время, враждуя между собой. Сэкито написал трактат *Сандо-*

кай, стараясь примирить враждующие школы, но противоречия между ними в конце концов разрешились сами собой.

У Сэйгэна (ум. 740) было очень много учеников. Его дзэнское учение было требовательным и строгим. Приведем пример.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Сэйгэна.

— Потом он снова куда-то ушел.

— Прошу вас, скажите мне несколько мудрых слов.

— Подойди ближе!

Монах подошел.

— Запиши это отчетливо, — сказал Сэйгэн.

В письме Уайли (1856) Торо говорит: “Один за другим щелкай орешки, угадывая происхождение, намерение, судьбу человека, пока тебе это под силу. Это может облагородить тебя — и тогда ты, возможно, получишь нечто лучшее, чем ответы, которых ты ждал”. Торо также писал Блейку (1855): “Мы постоянно возвращаемся в панцирь наших мыслей, подобно беспомощной черепахе”.

Нангаку родился в 677 году, стал священником в пятнадцать лет, повстречался с Эном, а затем учился у Шестого патриарха в течение пятнадцати лет. Именно Нангаку вместе с восемью другими дзэнскими мастерами помог достичь просветления монаху, который стал впоследствии прославленным учителем Басо. Нангаку умер в 744 году в возрасте шестидесяти восьми лет. Нангаку чтут прежде всего за то, что позже в его линии появился Риндзай.

Впервые увидев Нангаку, Эно спросил у него:

— Ты откуда?

— Я пришел из Судзана.

— Что приходит? — спросил Патриарх.

— Ничто не приходит, — ответил Нангаку.

— Можно ли достичь его религиозными практиками?

— Вполне возможно, но одно известно точно — что испортить (запятнать) его никак нельзя.

— То, что нельзя испортить, постигли все Будды. Ты постиг его, равно как и я. Двадцать седьмой индийский патриарх Праджнягара

в своем пророчестве сказал, что вскоре после тебя придет лошадь, которая растопчет насмерть многих людей в этом мире.

Последнее утверждение считается апокрифическим предсказанием появления Басо, Дикой Лошади. “Что приходит?” Цель дзэн не в том, чтобы ответить на этот вопрос в словах или даже в действиях, а в том, чтобы *быть* этим “что” или “он”. Таким образом, цель дзэн — *приходить*. Никогда не задавайте вопросов. Никогда не отвечайте на вопросы. Даже не разговаривайте о задавании вопросов и получении на них ответов. “Его нельзя испортить (запятнать)”. Говорят, что грязь — это то, что лежит не на своем месте, но с точки зрения дзэн, грязь всегда на своем месте, подобно облаку или драгоценному камню.

Символизм круга тесно связан с учением секты Кэгон о “взаимопроникновении шести качеств”. Говорят, что Нангаку первым стал использовать круг, к которому впоследствии прибегали только в секте Игё. Между тем, круги, а также обведенные кружком пастушечьи картинки и другие вспомогательные средства, в действительности, являются лишь препятствиями и в начале и в конце пути.

Нангаку практиковал *Нэмбуцу*, что можно сказать также и о Ходзи, четвертом наставнике школы Годзу. Дзэн Нангаку нельзя назвать выдающимся. Историй о нем немного, и они не очень интересны, за исключением эпизода, в котором Нангаку учит Басо, что секрет просветления нельзя найти, занимаясь сидячей медитацией.

Живя в Дэмбоине, Басо практиковал медитацию каждый день. Нангаку, понимая, что Басо подает надежды, однажды пришел к нему и спросил:

— Скажи, в чем смысл занятий медитацией?

— Я хочу стать Буддой, — ответил Басо.

Нангаку поднял кусок черепицы и начал тереть его о камень.

— Что вы делаете? — спросил Басо.

— Я хочу сделать зеркало.

— Разве можно сделать зеркало, шлифуя черепицу?

— Разве можно стать Буддой, занимаясь медитацией?

Другая версия истории содержит теоретическое разъяснение.

Нангаку сказал Басо:

— Ты практикуешь *дзадзэн**, или *дзабуцу***? Но если это подлинный *дзадзэн*, то знай, что дзэн не имеет ничего общего с сидением или лежанием. Если это подлинный *дзабуцу*, то знай, что Будда не имеет фиксированной формы. Истина внепространственна. Ее нельзя принять или отвергнуть. *Дзабуцу* — убийство Будды. Оставаясь привязанным к сидячему положению, ты не можешь постичь природу вещей.

Предание гласит, что, услышав это разъяснение, Басо словно вкусил эликсира жизни. Вообще, как уже говорилось, Нангаку знаменит не историей о нем самом, а тем, что его учеником был Басо. В этом роль Нангаку напоминает роль Иоанна Крестителя.

Сэкито (700-790) был очень молод, когда встретил Эно, и после его смерти обучался у Сэйгэна. Позже Сэкито отправился в храм Нангакунандзи и построил себе хижину на большом камне к востоку от храма. За это его прозвали Мастер Каменная Голова. Сэкито написал трактат *Сандокай* для распространения учения “внезапной школы”, но при этом он не отказывался от многих идей “постепенной школы”.

— В чем глубинный смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Сэкито.

— Выйди и спроси столб у ворот храма!

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я тоже не понимаю.

Каждое следствие имеет причину, а как насчет (перво)причины причины? Каждая причина имеет следствие, но что можно сказать об окончательном следствии всех следствий? Вполне возможно, что Бог чувствовал себя одиноко и поэтому, от нечего делать, сотворил вселенную, но почему Бог (внезапно) почувствовал одиночество?

Хоун, впервые встретившись с Сэкито, спросил у него:

— Кому нет равных среди вещей?

Сэкито закрыл рукой рот Хоуна. Тот внезапно достиг просветления.

* Сидячую медитацию.

** Сидящего Будду.

Это напоминает процитированное выше стихотворение Стивенсона, заканчивающееся словами: “И не буду больше вопрошать”. Дзёсю в своем *гороку* (сборнике поучений) говорит, что когда он был у Сэкито и кто-то задавал Сэкито вопрос (о дзэн), Сэкито восклицал: “Закрой рот! Нечего лаять, как собака!”

Однажды, прогуливаясь в горах со своим учеником Сэкисицу, Сэкито велел ему отрезать ветви, которые преграждали дорогу.

— У меня нет с собой ножа, — ответил Сэкисицу.

Сэкито достал свой нож и протянул его лезвием вперед.

— Пожалуйста, дайте мне нож другим концом, — попросил Сэкисицу.

— Что ты будешь с ним делать? — спросил Сэкито, и от этих слов Сэкисицу достиг просветления.

День сотворения мира и Судный День, рождение и смерть, лезвие и рукоятка ножа, понимание и непонимание этой истории — одно и то же (хотя в то же время они довольно сильно отличаются). Поскольку мы знаем, что каждое следствие *должно* иметь причину, разве следствие — не источник причины? Причина и следствие — два названия для одного и того же спонтанного ни от чего не зависящего и ни к чему не приводящего процесса. Это утверждение — половинчатая истина, которую дзэн позволяет нам постичь. Но подлинная, целостная истина не здесь. Рукоятка — это рукоятка, а лезвие — это лезвие, но не в такой мере, в какой это кажется непросветленному человеку. Лезвие — это рукоятка, а рукоятка — лезвие, но не в такой мере, в какой в этом уверены некоторые последователи дзэн.

— Откуда ты пришел? — спросил Сэкито у прибывшего монаха.

— Из Кодзэя.

— Ты видел великое дерево Ба?

— Видел.

— Что можно сказать, если сравнить дерево Ба с вот этим? — спросил Сэкито, указывая на пеня, находившийся поблизости.

Монах не отвечал. Тогда мастер спросил:

— Ты видел пеня и молодые побеги дерева Ба. Какие они были?

— Огромные.

— Какой же ты Геркулес, однако!

— Почему?

— Как не назвать тебя Геркулесом, если ты принес с собой огромный пеня дерева Ба?

Похожи ли вещи одна на другую, как подразумевают аналогии, или они отличны, как показывают сравнения, или же они тождественны, как утверждают метафоры? Какова связь между великим дзэнским мастером Басо и пнем дерева, бесполезной вещью, которую можно использовать лишь для того, чтобы развести костер? Бог в равной мере любит их обоих, но любят ли они Бога в равной мере? Самая глубокая английская поговорка, поговорка, в которой больше всего дзэн: *Comparisons are odious* (сравнения отвратительны). Еще лучше она звучит в вариации, которую дает в своем сборнике Боттом: *Comparisons are odorous* (сравнения воняют).

Сэкито известен этими и многими другими дзэнскими историями, а также тем, что относится к линии, в которой после него идут Якусан, Унган, Тодзан. Двадцать один ученик Сэкито достиг просветления. Самые знаменитые из них — Тэнно, Танка и Якусан.

Глава 4 УЧЕНИКИ СЭКИТО

Одним из учеников Сэкито был Танка (733-824). Он прославился странным поведением, которое напоминает нам поведение Старика из *Короля Лира*. Танка изучал дзэн вначале под руководством Басо, затем перешел к Сэкито, а затем учился в храме секты Тэндай. Наибольшей популярностью пользуется история о том, как он сжигал деревянные статуи Будды, чтобы согреться. У Танка было много про-

светленных последователей, благодаря которым дзэн Сэйгэна распространился в северных провинциях.

Однажды по пути к мастеру Басо Танка встретил старика с мальчиком и спросил у них, где они живут.

— Вверху на небе! Внизу в земле!

— Где вы будете жить, если небо упадет на землю, а земля расплется на куски? — спросил Танка.

— Ох-ох-ох! — застонал старик, а мальчик только глубоко вздохнул.

— Без отца ребенок не может родиться, — сказал Танка.

Старик и мальчик ушли в горы, и их больше никто не видел.

Странные люди встречаются странным людям. Возможно при этом действует какая-то неизвестная гравитация. На первый вопрос старик дал даосский ответ, но второй вопрос Танка был дзэнским. “Небо и земля уйдут, но Слово Божье пребудет вовеки”. В чем смысл глубокого вздоха мальчика и восклицания старика, которое при желании можно перевести с китайского словами: “Голубое небо!”? Мальчик и старик, каждый по-своему, выражают принятие неизбежного, о котором говорят также Лао-цзы и Чжуан-цзы. Танка видит дальше и чувствует себя свободнее, но эта встреча вполне заслуживает того, чтобы быть записанной.

По поводу сжигания Танка буддистских ступ в храме Эриндзи для того, чтобы согреться, преобладает мнение, что он поступил правильно, то есть действовал в духе дзэн. Этот эпизод получил дальнейшее развитие.

Однажды Суйби, современник Танка, делал жертвоприношения перед статуей Ракана, ученика Будды.

— Почему Танка сжигал статуи Будды, а вы делаете приношения перед статуей Ракана? — спросил монах.

— Даже если статую Будды сжечь, на ее месте что-то останется. Что касается меня, позволь заниматься тем, что мне нравится.

— Когда вы совершаете богослужение перед образом Ракана, приходит ли его дух за вашими приношениями? — не унимался монах.

— Ты принимаешь пищу каждый день или нет? — спросил Суйби.

Монах промолчал.

— В наши дни редко встретишь проникательного человека! — заключил Суйби.

Мне кажется, что Суйби, духовный преемник Танка — религиозный шарлатан, который перескакивает от абсолютного к относительному, когда это ему удобно. Поклоняться деревянному истукану бессмысленно, и поэтому сжечь его не зазорно. Предлагать пищу духам покойников, живущих или нерожденных — предрассудок. Дзэн — единственная из буддистских сект, которая должна быть выше этого. Петь национальные гимны, отдавать честь флагу, посещать публичные молельни, становиться на колени в храмах, считать некоторые предметы священными, читать газеты, пытаться разбогатеть — всё это грубо и пошло.

Еще одним обманщиком был Тэндзика.

Однажды монах спросил Тэндзику, прав ли был Суйби, когда делал приношения статуе Ракана:

— Когда нам холодно, мы собираемся вокруг очага.

— И все же, прав был Суйби или нет? — настаивал монах.

— Когда нам жарко, мы отдыхаем в бамбуковой роще.

Более интересен следующий случай.

— Почему у старшего монаха выпали брови? — спросили у Дайнэя, духовного сына Радзана.

— Вор не крадет в доме бедняка.

Речь идет о старшем монахе того храма, в котором Танка сжигал деревянные статуи Будды. Выражение “выпали брови” означает, что Танка победил монаха в диалоге. Дайнэй желает сказать, что у Танка не было намерений, предрассудков, представлений о справедливости. У него не было любви к истине, буддизму, дзэн. Ему просто было холодно.

Историй о Танка не так уж много. Возможно, это объясняется тем, что он был “иконоборцем”, и о его поступках предпочитали

умалчивать, а возможно, причина в том, что характер у него был простой и прямолинейный.

Дайтэн, ученик Сэкито, известен только одной или двумя интересными историями. Кажется, это был человек сурового нрава.

— Океан страданий глубок. Как построить паром или лодку, чтобы пересечь его? — спросил монах у Дайтэна.

— Из дерева.

— Как нам переправиться через реку перевоплощений?

— Слепые рождаются слепыми; глухонемые рождаются глухонемыми.

Дайтэн смеется над монахом и его вопросом. Возможно, ему следовало быть снисходительнее, ведь он тоже не идеален.

Канно посетил Дайтэна и спросил у него:

— Сколько раз вы видели весну и осень?

Дайтэн поднял вверх четки и спросил:

— Ты понимаешь?

— Нет.

— И днем, и ночью на них сто восемь бусин.

Канно вернулся домой в полном недоумении. Жена спросила у него, почему он такой расстроенный, и он рассказал ей.

— Почему бы тебе не сходить еще раз к Дайтэну и не спросить, что он имел в виду? — предложила жена.

Рано утром на следующий день Канно отправился в храм и встретил у ворот храма главного монаха.

— Куда вы так рано? — спросил главный монах.

— Хочу спросить кое-что у мастера.

— Что тебе непонятно? — спросил главный монах.

Канно рассказал ему.

— Теперь задай свой вопрос мне, — велел главный монах.

— В чем смысл ста восьми бусин на четках?

Монах щелкнул зубами три раза. После этого Канно встретил Дайтэна и задал ему свой вопрос. Дайтэн щелкнул зубами три раза.

— Я и раньше знал, что буддизм везде одинаков, — сказал Канно.

— Почему ты это говоришь? — спросил Дайтэн.

— У ворот храма я встретил главного монаха, и он ответил на мой вопрос точно так же.

Дайтэн велел позвать главного монаха и спросил у него:

— Только что ты объяснял этому человеку, что такое буддизм?

— Да, — ответил монах.

Дайтэн ударил его и выгнал из храма.

Рассуждая цинично, можно сказать, что главный монах без разрешения применил запатентованное средство Дайтэна. Но кроме этого естественного негодования Дайтэна по поводу (духовного) пиратства и последовавшего на нем падения курса его (дзэнских) акций, вспомним то, о чем писал Торо: “Только природа может повторять себя”. Лишь тот, кто поступает вполне естественно, может повторять себя, но даже с его стороны это бывает опасно. Но пытаться быть оригинальным и никогда не повторять себя — это так же противоестественно, как делать что-то на том основании, что вы уже делали это раньше. Четки символизируют возраст человека, который измеряется тем, сколько религиозных, поэтических, эстетических озарений он пережил.

У буддистского монаха, как правило, два возраста: обычный возраст и количество прожитых лет в монастыре. Например, Хогэн умер в возрасте семидесяти четырех. Его монашеский возраст тогда был пятьдесят четыре, что означает, что он стал монахом в двадцать лет. Еще одна особенность четок в том, что и днем, и ночью на них сто восемь бусин. Четки как четки. Они не хороши и не плохи. Подобно Богу, они всегда одинаковы, что, кстати, подчеркивается тем, что бусинки круглы, а сами четки замкнуты в кольцо. Сто восемь бусин соответствуют также числу заблуждений (это число можно вывести несколькими способами).

Смысл щелканья зубами три раза в том, что для достижения абсолютного уровня мы должны полностью отсечь представление о пространстве и времени, выйти за пределы абсолютного и относительного. Канно (ум. 824) прославился тем, что протестовал против суеверного поклонения императора буддистским святыням. Кажется, он глубоко интересовался дзэн, хотя и питал нехорошие чувства к

буддизму. Вот история, показывающая, что он умел отыграть на дзэнских монахах, которые иногда побеждали его в диалоге.

— Я слышал, что вы проведете *Дзёрон*, это правда? — обратился Канно к монаху.

— Правда, — ответил монах.

— Говорится ли в этом писании о “четырёх неизменных”?

— Говорится.

Канно взял со стола чашку, разбил ее и спросил у монаха:

— Это изменение или неизменное?

Монах молчал.

Тёси, время жизни которого точно не известно, также был учеником Сэкито.

Во время первой встречи с Тёси Сэкито спросил:

— Откуда ты пришел?

— Из Дайю-рэйго.

— Тебе удалось приобрести добродетели, которые ты мог бы мне показать?

— Я добился успеха, но так и не научился рисовать глаза на изображении Будды.*

— Хочешь ли ты научиться рисовать глаза?

— Умоляю вас, научите меня!

Сэкито поднял ногу. Тёси поклонился.

— Почему ты мне поклонился? Разве ты что-то понял? — спросил Сэкито.

— Снежинка среди жаркого пламени, — ответил Тёси.

Фраза, использованная Тёси в конце истории встречается в LXIX случае *Хэкиганроку*. Тёси желает сказать, что в нем ничего не осталось (от него самого). Я лично не одобряю этот ответ, поскольку подобные иносказания легко вводят в заблуждение тех, кто легко вводится в заблуждение.

Известно несколько историй о Тёси. Все они интересны, потому что напоминают “мысли в чувственной форме”. Однако, они довольно длинные. Одним из учеников Тёси был Сэкисицу.

* То есть, не достиг окончательного просветления.

— Я слышал, вы посетили гору Дай-сан. Встретили ли вы там бодхисатву Манджушри? — спросил Кёдзан у Сэкисицу.

— Встретил.

— Что он сказал?

— Он сказал: “Мать и отец, давшие тебе это тело, живут среди роскошных трав”.

Кёдзан не ответил.

Этот случай интересен тем, что дает пример отношения буддистских монахов к людям, с которыми их больше не связывают узы любви и которые живут в глубоком неведении.

Однажды Кёдзан смотрел на луну вместе с Сэкисицу.

— Куда девается округлость луны, когда она становится полумесяцем или серпом? — спросил Кёдзан.

— Когда луна имеет вид серпа, округлость присутствует в ней. Будучи круглой, луна также имеет вид серпа, — ответил Сэкисицу.

Это хорошая иллюстрация трудного принципа, который гласит, что просветление — иллюзия, а иллюзия — просветление, что различие — тождественность, а тождественность — различие.

Два других ученика Сэкито, Тэнно и Якусан, интересны сами по себе и важны тем, что в линии первого появились Тодзан и Содзан, а в линии второго — Хогэн и Уммон.

Тэнно в возрасте четырнадцати лет прекратил есть, чтобы родители разрешили ему стать монахом. Поучившись у нескольких мастеров, он пришел к Басо и оставался с ним в течение двух лет. Затем он посетил Сэкито, и у него достиг просветления. Впоследствии он восстановил храм Тэннодзи, от которого и получил свое имя. Конец его монашеской жизни был столь же интересен, как и начало.

Когда Тэнно был при смерти, монахи пришли к нему и спросили, как он себя чувствует. Тэнно велел позвать *тэндзо**. Монах подошел к его постели.

— Ты понимаешь? — спросил Тэнно.

— Не понимаю, — ответил *тэндзо*.

Тэнно схватил подушку, швырнул ею в монаха и скончался.

* Монах, который заведует одеждой и едой.

Этот случай имел место в 807 году, через шесть лет после битвы при Малдоне. А вот еще одна история.

Рютан прожил со своим учителем Тэинно три года и однажды сказал ему:

— Я пробыл с вами так долго и до сих пор не получил наставлений!

— Как? Разве все это время я тебя ничему не обучал?

— Когда вы обучали меня?

— Когда ты приносишь мне чай, я принимал его. Когда ты приносил мне еду, я брал ее из твоих рук. Когда ты делал мне поклон, я отвечал тебе киванием головы. Разве я не обучал тебя?

Рютан молчал, погружившись в свои мысли.

— Если хочешь понять, понимай без промедления. Когда ты начинаешь думать об этом, смысл ускользает от тебя.

Рютан был просветлен.

Впервые придя к Рютану, Токусан сказал ему:

— Я много раз слышал имя Рютан (Пропась Дракона). Сейчас я стою перед вами, но где же здесь пропасть? Где же здесь дракон? Что-то их не видно!

— Вот ты и побывал в Пропасти Дракона, — сказал Рютан.

Токусан поклонился и ушел.

Дракон не опасен — по крайней мере настоящий. Пропась страшна — если она бесконечно глубока. Если и есть что-то страшное, то это мысль о том, что вселенная не может спасти себя, или что она ограничена и лишена жизни. Именно этот страх свел с ума Ницше.

Кроме Токусана, у Рютана был еще один ученик по имени Рокутан, но Токусан прославился намного больше. Достигнув просветления у Рютана, Токусан посетил Исана и впоследствии имел много учеников, среди которых были Ганто и Сэппо. Токусан умер в 865 году в возрасте 86 лет. Просветление Токусана было одним из самых странных, потому что его непосредственной причиной послужило “затемнение”, задувание свечи мастером Рютаном, когда Токусан вот-вот должен был взять ее в руки.

— Что такое *бодхи* (освобождение)? — спросил у Токусана монах.

— Пошел вон! Не приноси сюда дерьма!

— Кто такой Будда? — спросили у Токусана другой раз.

— Старый монах из западного мира.

Должно быть, каждый вопрос, особенно если его задают другому человеку, отвратителен своей неискренностью. Все мы знаем, что есть что, что нужно делать, а что нельзя, но притворяемся, что не знаем, задавая друг другу вопросы о смысле жизни, о существовании Бога и бессмертии души. Комментируя второй ответ, скажем, что понять, что Иисус есть Путь, Истина и Жизнь, не трудно; трудно понять, что Иисус — плотник, простой человек, хлебнувший горя.

В молодости Токусан проповедовал *Алмазную сутру*, а после просветления палкой прогонял тех, кто стучался к нему в ворота. В дзэн его почитают именно за эту непримиримость. В ходе странствий по стране Токусан посетил многих великих дзэнских мастеров своего времени, в частности Исана.

Неся с собой узелок с монашескими пожитками, Токусан вошел в зал для медитации, прошелся по нему с востока на запад, затем с запада на восток и в конце концов заглянул в комнату Исана. Исан сделал вид, что не заметил его.

— Здесь мне делать нечего, — сказал Токусан и вышел.

Подойдя к воротам храма, он подумал: “Незачем так спешить. Лучше я вернусь и буду вести себя более учтиво”. Он снова пересек порог покоев Исана, достал подушечку и сказал:

— Мастер!

Исан достал *хоссы**.

Токусан выкрикнул: “Катц!”, встряхнул рукавами и вышел.

Вечером Исан спросил главного монаха, есть ли новоприбывшие.

— Недавно кто-то пришел в храм, но потом обул сандалии и ушел, — ответил главный монах.

— Знаешь ли ты, кто это был? — спросил Исан.

— Понятия не имею.

* Короткая палка с пучком волос на конце, которая применялась, чтобы прогонять комаров и вытирать пыль, а затем стала культовым предметом.

— Этот парень поселится в хижине на вершине горы и, живя там, будет насмехаться над буддами и злословить на патриархов.

Ганто (828-887), главный ученик Токусана, был другом Сэппо и Киндзана. Сначала он посетил Риндзая, но в конце концов пришел к Токусану, у которого достиг просветления. Он иногда говорил монахам: “Перед смертью я буду громко кричать”. Однажды в храм ворвались разбойники и убили Ганто. Умирая, он кричал так громко, что его было слышно на многие мили вокруг.

— В чем смысл буддизма? — спросил монах у Ганто.

— Большая рыба съедает маленькую рыбку.

Это история не о “тварях с окровавленными клыками и когтями”, которые поедают друг друга, а о том, что Ганто по другому случаю, отвечая на вопрос: “Что есть вечный и фундаментальный принцип вещей?”, сказал одно слово: “Движение”.

— Когда три мира атакуют нас, что нам делать? — спросил у Ганто другой монах.

— Сидеть спокойно!

— Пожалуйста, объясните подробнее.

— Принеси сюда гору Ро, и я всё тебе расскажу!

Это напоминает нам два места из Библии: слова св. Павла: “Все преодолевши, устоять” (Еф. 6, 13) и слова Христа о том, что вера может двигать горы (Мф. 17, 20). Горы стоят на месте, и никто не может сдвинуть их с помощью молитвы. Слова Христа нужно понимать не буквально и не иносказательно, а в дзэнском, поэтическом смысле.

Ганто спросил у монаха, откуда тот пришел.

— Из западной столицы, — ответил монах.

— Ты держал в руках меч?

— Держал.

Тогда Ганто подошел ближе к монаху, вытянул шею и сказал:

— Ну, давай, руби!

— Ваша голова отрублена, — ответил монах.

Ганто разразился оглушительным хохотом. После этого монах отправился к Сэппо, который спросил у него:

— Откуда ты пришел?

— От Ганто.

— У тебя есть что рассказать?

Когда монах рассказал ему о случившемся, Сэппо ударил его палкой тридцать раз и выгнал из храма.

С этим двухсерийным эпизодом мы должны обращаться аккуратно. Когда Ганто спрашивал монаха о мече, он имел в виду не физический меч, которому подвластны (физические и духовные) жизни людей, и не духовный меч, меч жизни и смерти, символ духовной власти над другими. Ганто имел в виду меч чистой силы, который становится у Блейка “зернышком песка”, у Стивенсона “ржавой подковой”, у Басё “всплеском в тишине”. Этот меч объединяет и разделяет все вещи. Это жизнь-и-смерть.

Монах говорит, что у него есть этот меч. Ганто проверяет его, подставляя свою шею для смертоносного удара. Монах говорит ему: “Ваша голова отрублена!” (“Ваша жизнь пребывает с Христом в Боге”). Ганто, кажется, удовлетворен ответом, о чем свидетельствует его оглушительный хохот. После этого монах идет к другому мастеру, который оскорбляет его, а может быть и наносит телесные увечья. Создается впечатление, что один мастер одобрил монаха, а другой нет. Кто из них был прав? Кто ошибся? Или правы они оба? Или прав монах, а оба мастера неправы? Или неправы все трое? Прав ли я в своих догадках? Прав ли?

Этот эпизод, составляющий, кстати, LXVI случай *Хэкиганроку*, по замыслу его создателей должен ввести нас в сферу, выходящую за пределы правильного и неправильного, — но в то же время мы должны думать, что Ганто был неправ, или же что Сэппо неправильно понял монаха и избил его напрасно. Возможно, монах был слишком горд тем, что ему удалось “отрубить голову” Ганто. Сэппо заметил это и выхватил у монаха из рук его тупой дешевый меч.

Радзан, годы жизни которого точно не известны, был последователем Ганто, но вначале пришел к Сэппо. Довольно необычна история о том, как Радзан уходил из жизни.

Чувствуя, что приближается его конец, Радзан поднялся на кафедру и стал показывать что-то левой рукой. Главный монах долго не понимал, что тот имеет в виду, но позже догадался, и велел уйти монахам восточного храма. Затем Радзан стал делать похожие жесты правой рукой, и ушли монахи западного храма. Оставшимся он сказал:

— Чтобы отблагодарить Будду за все то доброе, что он сделал для вас, вы должны всеми силами способствовать распространению его Великого Учения. А теперь, уходите все!

Сказав эти слова, Радзан громко засмеялся и умер.

Бинно попросил у Радзана прочесть в храме первую проповедь. Радзан поднялся на кафедру, снял с себя мантию, затем простился с монахами и ушел. Бинно догнал его, взял за руку и сказал:

— Встреча на Священной Горе была такой же!

— А я-то думал, ты вполне обычный человек, — ответил Радзан.

Слова “встреча на Священной Горе” подразумевают проповедь Будды на горе Грдхаракута, когда он молча показал собравшимся цветок. Бинно похвастался своим пониманием дзэн; Радзан сказал ему комплимент — вполне “обычная” ситуация. И Радзан, и Бинно знают все тонкости своего ремесла.

Впервые встретившись с Сэкисо, Радзан спросил у него:

— Что, если мысли продолжают возникать и исчезать?

— Превратись в холодный пепел и высохшее дерево! Стань безупречно чистым! Считай, что это твои первые впечатления за десять тысяч лет! Посмотри, как плотно подогнана крышка шкапулки!

Радзан не понял смысла этих слов и обратился с тем же вопросом к Ганто. Ганто воскликнул: “Каги!”, а затем спросил:

— Кто возникает и исчезает?

Радзан пережил глубокое просветление.

Сэкисо избрал стратегию, которую в наши дни называют стратегией секты Сото, тогда как Ганто использовал тактику секты Риндзай. Из того, что именно Ганто помог Радзану достичь просветления,

конечно, не следует, что техника секты Риндзай более эффективна. Мы обречены всю жизнь “страдать и мучиться, томаясь в беспокойном экстазе” (Шекспир, *Макбет*, 3-2). Подобно Радзану, мы желаем избежать этого. Сэкисо говорит нам, как можно этого избежать, но Ганто просто освобождает нас, напоминая, что неугомонные мысли возникают, потому что должны возникнуть, и исчезают, потому что должны исчезнуть. “Позвольте им возникать и исчезать”, — говорит Ганто. Слуги входят и выходят из комнаты, но хозяин вальяжно развалился у окна и смотрит на зеленые поля и горы вдали. Торо пишет в своем *Дневнике*:

Когда я чувствую себя обреченным или сам обрекаю себя, я продолжаю мыслить, но при этом полагаюсь на свою любовь к некоторым вещам. В этом моя цельность и целостность. В этом меня поддерживает Бог.

Жить дзэнской жизнью означает быть цельным и целостным, когда мысли непрестанно возникают и бессмысленно исчезают. Когда мы живем дзэнской жизнью, нас поддерживает Бог, но тут появляется Ганто и спрашивает: “Кого поддерживает Бог?” Если мы скажем: “Никого”, мы будем неправы. Но Ганто не унимается и спрашивает: “Кто поддерживает нас?”, и если мы снова ответим: “Никто”, мы снова будем неправы.

— Кто хозяин Трех Царств? — спросил монах у Радзана.

— Ты умеешь есть рис?

Здесь имеются в виду не Три Мира (прошлое, настоящее и будущее), а Трайлокья (мир желания, мир формы и мир без формы). Названия этих миров можно перефразировать в упрощенном виде как мир секса, мир искусства и мир дзэн. Монах как бы спрашивает о существовании Бога, и ответом Радзана является китайская версия истории о хорошем самаритянине, из которой, однако, выброшена братская любовь. Следует ответить также, что японцы научились и учат нас, как правильно есть рис, как правильно пить чай. Но суть здесь в следующем: правильно есть рис означает быть Мастером. Только Мастер ест рис правильно; мы проглатываем рис с отвращением или давимся им с жадностью. Личность Мастера, который ест

рис, есть не-личность, Не-Личность, “присутствие”, о котором говорит Вордсворт.

Однажды Радзан шел к Сэнсю и встретил Тан Тёро, который заваривал чай, сидя у дороги. поприветствовав Радзана, Тан протянул Радзану чашку чая, из которой уже успел немного отпить. Радзан поднес чашку к губам, когда Тан спросил:

— Вкусный чай, правда?

Радзан выплюнул чай. Тан промолчал, и тогда Радзан рассмеялся и пошел прочь.

Эта история позволяет нам определить дзэн. Дзэн — это хорошие манеры. Выражение “хорошие манеры” означает, что мы должны выплевывать чай, пищу, книги или людей, когда они вульгарны, несдержанны, сентиментальны, лишены чувства юмора, лицемерны или фанатичны — другими словами, такие, какими обычно бывают люди. Лоуренс пишет: “Отвергайте людей. Общайся с ними, вы чувствуете, словно вас окутывает ядовитый дым. Но у вас слишком мало чистого воздуха, чтобы жертвовать им”. Тан скорее всего был чело-веком наподобие Байтя-о (1675-1763), японского монаха секты Обаку, которого прозвали Старым Продавцом Чая за то, что он у дороги заваривал чай (в те времена большая редкость) и продавал его прохожим.

Мэйсё был учеником и духовным преемником Радзана. Во время своей первой встречи с Радзаном, Мэйсё, едва успев поклониться, вскочил на ноги. Радзан спросил у него, откуда он пришел. Ответив на вопрос, Мэйсё спросил в свою очередь:

— Скажите, что происходит *сейчас*?

Радзан вежливо поздоровался с ним и предложил ему чашечку чая. Мэйсё заколебался, и Радзан сказал ему:

— На дворе теплый осенний день. Почему бы тебе не прогуляться?

Мэйсё вздохнул и подумал, что разговор не удался, потому что, затеяв его, он был исполнен амбиций. На следующий день Мэйсё опять попытался заговорить с Радзаном, но учитель сказал:

— Перья еще не выросли, крылья еще недостаточно сильны. Уходи!

Достигнув просветления, Мэйсё, годы рождения и смерти которого неизвестны, никогда не задерживался долго на одном месте, а скитался по стране, проповедуя для разных людей. В конце концов он поселился на горе Мэйсё, от которой и получил свое имя. На этой горе он прожил сорок лет. В день смерти он дал монахам последние наставления.

Вечером этого дня Мэйсё сел, выгнув перед собой ноги, и спросил у монаха-прислужника:

— Когда-то Сяка Нёрай выгнул перед собой ноги, излучая сто добродетелей драгоценного света. Скажи мне, я сейчас излучаю добродетели?

— В древности — Роша Цапли; сегодня — ваше преосвященство! — ответил монах.

— Неужели меня снова пытается одурочить хитрая лиса? — сказал Мэйсё, насупив брови.

Затем он прочел гатху, сел надлежащим образом и отошел с миром.

После лекции Мэйсё указал на льва на Престоле Закона, который покачивал головой, и спросил:

— Интересно, что он желает мне сказать?

— Через сколько тысячелетий он вам ответит? — спросил монах.

— Ты живешь в другой вселенной! — воскликнул Мэйсё.

Анимизм распространяется не только на мебель и игрушки, но и на машины. У Вордсворта некоторые мгновения наделены душой. Д. Г. Лоуренс верил в душу места. Каждая вещь непрестанно проповедует нам истину. Изображение льва тоже что-то говорит нам. Оно желает сказать, что люди не могут сравниться с вещами в их способности учить. Я родился только затем, чтобы повторить эту истину.

Один из монахов храма Мэйсё поселился в уединении. Через год он вернулся обратно в храм и сказал:

— Древнее изречение гласит: “Если вы не видели человека три дня, смотрите на него другими глазами”.

Мэйсё обнажил грудь и спросил:

— Сколько волосков ты видишь у меня на груди?
 Монах молчал. Тогда Мэйсё спросил у него:
 — Когда ты ушел из хижины?
 — Сегодня рано утром.
 — Ты пришел сюда продавать треножник с отбитой ножкой?
 У монаха не нашлось ответа. Мэйсё выкрикнул: “Катц!”

Всякое просветление, которое нуждается в удостоверении, подтверждении, признании, поздравлении, — это (все еще) ложное или по крайней мере неполное просветление. Мы — социальные животные, но иногда мы должны скрывать наши переживания. Даже Кьеркегор писал как сумасшедший с целью найти хотя бы одного читателя, который согласился бы с ним.

Во время монашеского паломничества (*ангья*) Мэйсё зашел к Дзодэну*. Когда Мэйсё собрался уже уходить, Дзодэн не хотел его отпускать.

— Я задам вам вопрос. Если вы ответите на него, я останусь; если нет, вы не станете меня задерживать, — сказал Мэйсё и, получив согласие, поднял волосок, подул на него и сказал: — Каково было учение древних?

Дзодэн молчал. Мэйсё простился с ним и ушел.

Это не очень впечатляющий эпизод, но он показывает, как дзэнские мастера использовали всё, что угодно, для достижения собственных (духовных) целей.

В одном из храмов был главный монах, который никогда не мылся. Однажды другой монах сказал о нем:

— Он не различает чистое и грязное! Он забывает, зачем люди используют воду!

Мэйсё спустился со своего помоста, взял в руки сосуд для воды и спросил:

— Что ты скажешь об этом? Оно чистое или грязное?

Монах молчал. Мэйсё с силой бросил сосуд на пол, и сосуд разбился вдребезги.

* Об этом монахе до наших дней не дошли никакие сведения.

Этот поступок Мэйсё не имеет ничего общего с тем, как Моисей разбил Скрижали Закона, и одновременно ничем не отличается от этого действия библейского пророка. Кроме того, Мэйсё напоминает доктора Джонсона, у которого “не было страсти к чистому белью”.

Однажды вместе с Кё Дзёдза и другими монахами Мэйсё гостил в доме одного человека. Хозяин и гости ели фрукты. Мэйсё поднял плод *капрана* и окликнул Кё. Кё ответил ему. Мэйсё с фруктом в руке обратился к нему:

— Ты можешь держать это?

Кё протянул руку через стол и выхватил у Мэйсё плод *капрана*. Мэйсё воскликнул: “Катц!” и добавил:

— Умерший один раз больше не воскреснет!

Жадность, собственничество, то, что в буддизме называют *упа-дана*, — это девятая из Двенадцати Нидан, или звеньев в цепи (непоэтического) существования. В ряду буддистских символов ее представляют мужчиной и женщиной в любовном соитии. Мэйсё говорит, что стоит перестать “выхватывать” вещи из рук жизни, и больше эта привычка никогда не вернется. Но если мы не перестали это делать, она не прекращает досаждать нам.

Мэйсё не был, подобно Уммону, дзэнским гением, но он обладал своим дзэн и делал шаги в сторону японского дзэн, потому что заменял дзэн к обычной жизни и бичевал людей с плохими манерами, льстецов и софистов. И все же у Мэйсё нет основной отличительной черты японского дзэн — универсального хорошего вкуса.

Дзуйган, время жизни которого точно не известно, стал священником в ранней молодости, достиг просветления у Ганто, а затем обучался у Кассана. Словно юродивый, он просиживал целые дни на плоском камне. Он часто звал себя и отвечал себе же: “Не позволяй смеяться над собой тем, кто придет после тебя!”

— Что есть вечный и фундаментальный принцип вещей? — спросил Дзуйган у Ганто.

— Движение.

— Что есть движение?

— Наблюдая за движением вещей, разве ты не видишь их вечный и фундаментальный принцип?

Дзуйган терялся в догадках.

— Если ты согласен с этим, ты все еще пребываешь среди праха этого мира; если ты не согласен, ты будешь вечно утопать в море рождений-и-смертей, — заключил Ганто.

В мыслях мы делаем выбор в пользу одного или другого. В дзэн мы решаем в пользу обоих одновременно. Когда мы видим движение вещей, они представляются нам как одно, другое, затем третье. В этом смысле поэзия Шелли о природе может быть хорошим введением в дзэн.

Глава 5 СЭППО

Сэппо (822-908), подобно Ганто, был духовным сыном Токусана. Предание гласит, что у Сэппо было более полутора тысяч учеников, из которых просветленных было сорок два. Самым знаменитым из его учеников стал Уммон. Сэппо выступает в XIII случае *Мумонкана*. Живя в монастыре, он выполнял трудную работу повара и везде носил с собой черпак. Число историй о Сэппо необычайно велико. Ниже приводятся некоторые из них.

Однажды Сэппо рубил деревья вместе с Тёсэем, и тот сказал ему:

— Когда рубишь, разрубай до основания и лишь потом останавливайся!

— Разрубил и остановился!

— Мастера прошлого передавали истину от сердца к сердцу. Будешь ли ты после этого говорить, что разрубил и остановился?

Тёсэй бросил на землю топор и воскликнул:

— Истина передана!

Сэппо ударил его палкой.

В общем случае, (словесный) вопрос должен иметь (физический) ответ. Бросить топор на землю достаточно при условии, что его бросили правильно. Если же в добавок воскликнуть: “Истина передана!”, это будет пятое колесо в телеге. Подобное восклицание будет не просто добавлением ненужного орнамента, а деформацией, денатурацией живого организма. Один, другой маленький перегиб — но какой огромный промах получается, когда мы переходим в сферу религии или искусства! Кроме того, мы можем сказать, что Тёсэй был слишком определенным в своем высказывании. Мы не должны быть определенными в (на первый взгляд) неопределенных вещах и неопределенными в (на первый взгляд) определенных. В действиях же, напротив, мы всегда должны быть определенными. Через свою конечность они обретают бесконечность.

Когда Сэппо жил в монастыре Тодзана, он был поваром, и каждое утро подавал монахам рисовую кашу в одно и то же время независимо от погоды. Тодзан спросил у него:

— Как ты узнаешь, когда подавать кашу?

— По звездам и луне, — ответил Сэппо.

— А когда небо затянуто тучами или над землей повисает туман, как ты определяешь время в этом случае?

Сэппо не ответил.

Мы можем объяснить этот эпизод двумя способами. У Сэппо, несомненно, были часы в животе. У меня тоже есть часы в животе, но Сэппо, который в физическом и духовном отношении вел гораздо более регулярную жизнь, знал точное время в любой момент дня. Таково психологическое толкование, но более дзэнским будет другое объяснение.

Когда мы живем дзэнской жизнью двадцать четыре часа в сутки в течение сорока с лишним лет, мы должны научиться отвечать на вопросы людей в соответствии с так называемым здравым смыслом. Когда нас спрашивают: “Какой сегодня день недели?”, мы не должны отвечать: “Во вселенной не бывает дней недели!”, или промолчать,

или выкрикнуть: “Катц!” Но ответить на один вопрос более чем достаточно. Мы не должны отвечать на *все* вопросы глупцов, уподобляясь им в глупости. Доктор Джонсон тоже сердился и восклицал: “Нечего досаждать мне вопросами!”

Монах спросил у Сэппо:

— Когда *сравака** смотрит в свою природу, это подобно ночной луне**. Когда *бодхисатва* смотрит в свою природу, это подобно солнцу в дневное время***. Позвольте спросить, как *вы* смотрите в свою природу?

Сэппо трижды ударил монаха палкой. Впоследствии монах задал Ганто тот же самый вопрос. Ганто трижды ударил его ладонью.

Спрашивать у человека о его *сатори* — всё равно что спрашивать у человека, сколько у него денег на счету или любит ли он свою жену. Хорошие манеры относятся ко всем сферам жизни без исключения. На самом деле дзэн — это хороший вкус. Лучше даже будет сказать, что хороший вкус — это дзэн. Удары и пощечины, возможно, являются единственным способом улучшить вкус человека, религиозный и художественный. В этом глубинный смысл экзистенциализма. Чем более глубоко и осознанно наше страдание, тем глубже и прекраснее наша жизнь. Будда сказал, что жизнь — это страдание, и учил нас избегать его. Это неправильно. Чем глубже страдание, тем глубже жизнь. Неужели мы хотим, чтобы наша жизнь была поверхностной и скучной?

— Что можно сказать, когда древняя вода долины бьет холодным ключом? — спросил монах у Сэппо.

— Сколько ни смотри, дна все равно не увидишь!

— Что происходит, когда мы пьем эту воду?

— Ее нельзя набрать в рот.

Монах пошел к Дзёсю и передал ему этот диалог.

— Если воду нельзя набрать в рот, ее также нельзя набрать в ноздри, — сказал Дзёсю.

* Ученик Будды.

** т. е. он пассивен, думает только о собственном спасении.

*** т. е. он активен, занят спасением мира.

— Что вы скажете, когда древняя вода долины бьет холодным ключом?

— Как это противно!

— А что происходит, когда мы пьем эту воду?

— Ты умрешь.

Когда Сэппо передал эти ответы, он сказал, что Дзёсю — один из древних Будд и поклонился в его сторону. После этого Сэппо не отвечал ни на какие вопросы.

Это один из самых трудных и один из самых глубоких дзэнских диалогов. Древний колодец наполится прохладной водой, чистой, прозрачной, невидимой для глаза. Как нам сделать мир нашим собственным, как нам принять мир в себя? Этого нельзя достичь обычным животным смирением. Монах остался недоволен отрицательными ответами и попросил Дзёсю поглубже заглянуть в суть дела.

Дзёсю согласился с Сэппо и сказал: “Если этого нельзя сделать с помощью мысли, этого нельзя сделать и без нее”. Но монах не унимался и продолжал задавать вопросы. “Что вы думаете об этой неумолимой вселенной, которая существует миллиарды лет?” Дзёсю ответил: “Мерзкое местечко!” Монах спросил: “А как насчет того, чтобы отождествиться с этой мерзостью и тем самым устранить ее?” Дзёсю ответил: “Вселенная вечно умирает, и отождествление с ней подобно распятию”.

Когда Сэппо передал эти суждения Дзёсю, он понял, какими поверхностными были его собственные ответы. С его стороны это напомунало ослепление избытком света. Нирвану часто описывают как состояние высшей радости или высшей грусти. Смысл здесь не в радости и не в грусти, а в том, что они “высшие”.

Однажды Сэппо сидел на своем помосте, а вокруг него собрались монахи. Сэппо покати по полу деревянный шар. Гэнся пошел вслед за катящимся шаром, поднял его и вернул на прежнее место.

Покатить шар означает увидеть и показать круглость шара, его деревянность, круглость земли, силу притяжения к ней, желание шара катиться, желание шара перестать катиться. Но кроме этих спонтанных волеизъявлений природы, есть еще мысленный контроль, упо-

рядочность, бесконечная конечность человека. Эти две крайности, подобно Сэппо и Гэнся, работают вместе неразделимо — и в то же время отдельно друг от друга. В них видны Вселенское Действие, природа Будды. Лик Божий.

А вот еще одна история о Сэппо и Гэнся.

Гэнся через одного из своих монахов передал Сэппо письмо. Сэппо поднялся на кафедру и распечатал конверт, в котором было только три листа чистой бумаги. Он показал эти листы собравшимся.

— Понимаете? — спросил Сэппо и, подождав некоторое время, добавил: — Разве вы не видите, *что* этот господин написал? Между нами пролегли тысячи миль, но нас овеивает один и тот же прохладный ветерок!

Монах вернулся и передал Гэнся слова Сэппо.

— Старику не мешало бы понять, что он зашел слишком далеко! — воскликнул Гэнся.

Очевидно, Сэппо собирался показать письмо своего бывшего ученика в назидание монахам и был приятно удивлен, когда в конверте не оказалось ничего, кроме трех листов чистой бумаги. Однако, монахи не разделили его восторга и растерянно глядели на него, подобно толпе докторов Ватсонов. “Да это же элементарно!” — воскликнул Шерлок Холмс, но от этого взгляды монахов потухли еще больше. (Конечно, бессознательно именно этого Сэппо и добивался.) “Мы — одного поля ягоды”, — заявил Сэппо.

Монах-посланник вернулся и рассказал об этом Гэнся, который, смутившись при виде такой сентиментальности со стороны своего старого учителя, шутя сказал то, о чем подумал всерьез.

Здесь следует отметить два момента: хотя бумага и была чистой, это было *ничто*; это не было ничто, принесенное никем. В дзэн верно высказывание *ex nihilo nihil* (из ничего не возникает ничего). Чтобы что-то возникло, должно быть высказывание в словах или (положительное) отсутствие слов. Чистая духовность, как и все остальное чистое, — это нуль-пустота.

Второй интересный момент — это душевное тепло, можно даже сказать, любовь, дзэнская любовь, проявляемая этими двумя китайцами. Их любовь, подобно всякой подлинной любви. — это не лю-

бовь между двумя личностями, а любовь этих личностей к чему-то третьему. Я люблю тебя, потому что ты любишь то, что я люблю, и лишь в этом смысле верно утверждение романтиков о том, что подлинная любовь не бывает безответной.

Сэппо посетил Энкана, затем три раза посетил Тосу, затем девять раз посетил Тодзана, но все безрезультатно. В конце концов он пришел к Токусану и спросил у него:

— Можно мне наряду с патриархами приобщиться к Великому Учению?

Токусан ударил его посохом, воскликнув:

— Что за чушь ты несешь!

На следующий день Сэппо попросил Токусана объяснить происшедшее.

— В моей религии нет слов и высказываний. От нее никому нет пользы, — сказал Токусан.

Услышав эти слова, Сэппо достиг просветления.

Энкан, годы жизни которого неизвестны, был учеником Басо. Большой популярностью пользуется следующая история с его участием.

Энкан велел монаху принести веер, сделанный из кости носорога.

— Этот веер сломался.

— Тогда носи сюда носорога!

Монах ничего не ответил.

Утверждая, что веер сломался, монах имел в виду, что веер лишен подлинного бытия. Энкан согласился с этим, а затем попросил монаха показать вещи, каковы они есть, но тот не смог этого сделать. Монах понял, что “вещи пусты по своей природе”, но не мог понять, что “всё абстрактное конкретно”. Во время диалога в комнате присутствовал Сифуку. Он нарисовал в воздухе окружность и написал в ней иероглиф “корова”, составляющий часть иероглифа “носорог”. Так он воплотил в действии то, что “всё конкретное абстрактно” и “всё трансцендентное материально”.

Тосу (ум. 914) был учеником Суйби, третьим мастером в линии передачи после Сэйгэна. В предыдущей истории Токусан говорит,

что дзэн бессловесный и что дзэн не является тем, из чего можно извлечь пользу. Дзэн может быть в словах. Все живые, поэтические слова содержат дзэн. Но дзэн — это не смысл этих слов. Это сами слова, смысл которых не постигается отдельно от слов.

Дзэн нельзя передать или принять. С любовью то же самое. Мы не можем дать любовь Богу. Бог не может даровать любовь нам. Бог *есть* любовь. Когда мы подлинно знаем в глубине своего тела-ума, что ничего не можем дать или получить, одолжить или взять взаймы, потерять или припрятать на черный день; когда мы понимаем, что не можем простить или быть прощенными, спасти или быть спасенными (вспомните роман Д. Г. Лоуренса *Человек, который умер*), тогда мы постигаем дзэн, но мы не знаем, *что* это такое, потому что дзэн — не что-то.

— Я побрил голову, облачился в черную мантию и принял монашество. Почему бы меня не считать Буддой? — спросил монах у Сэппо.

— Ничто не сравнится с отсутствием добродетели.

Различие между религией и моралью, между поэзией и эмоциями, между музыкой и сентиментальностью кроется здесь. Обычно считается, что “Не суди” означает: “Не проклинай других”, потому что другие за это будут проклинять тебя. Но на самом деле “Не суди” означает: “Не думай о своих или чужих действиях, что они хороши или плохи, не хвали и не критикуй их”. У нас не должно быть принципов, стандартов, ценностей. Верно, что при этом всё становится в высшей степени субъективным, но с этим ничего не поделаешь. Вы должны верить, что ваша природа не отличается от природы вещей, и должны как-то пытаться добраться до нее. Только так, говорит Сэппо, вы можете стать Буддой.

В храме делали ремонт, и Сэппо помогал таскать доски. Встретив монаха, он поставил свою ношу и стал перед ним, сложив руки на груди. Монах собирался взять на себя ношу Сэппо, но Сэппо ударом ноги свалил его на землю. Вернувшись в храм, Сэппо сказал Тёсю:

— Какое удовольствие я получил, когда его ударил!

— Вы должны стать этим монахом, отправиться в *нэхандо**, и тогда вы что-то получите.

Сэппо ушел, не сказав ни слова.

Дзэн выше морали, но мораль не ниже дзэн. Признание Сэппо свидетельствует о том, что ему было не по себе. Наказание, наставление, обучение — всё это часто вызывает у нас подобное чувство неловкости. Когда мы думаем о том, как Бокудзю сломал ногу Уммону, как Нансэн убил кошку, как (в XV веке) мать Кадзана бросила его в реку, у нас возникает такое же чувство неловкости. Одного дзэн недостаточно. Дзэн должен быть скромным, смелым, разумным, чувствующим, без осознания неполноценности, без истерик, без крайностей.

Сэппо обучался у Тодзана, будучи у него главным по кухне.

— Сколько риса ты сварил сегодня? — спросил Тодзан.

— Семь ведер.

— Этого хватит?

— Некоторые монахи постятся.

— А если все будет есть — что тогда?

Сэппо не ответил.

Этот случай, построенный на предположениях, отражает склонность некоторых людей сомневаться в добром начале вселенной, в благих намерениях Божества. А если случится ураган, и вы погибнете? А если бы Будда не родился для нас и Христос не умер за нас? А если бы вселенная в один прекрасный день бесследно исчезла? Что было бы тогда с (нашей) религией? Этот вопрос обсуждается в басне Стивенсона *Вера, недоверие и полное отсутствие веры*, последний пункт названия которой подразумевает подлинную религию, мораль, дзэн. Старый разбойник в этой басне отвечает на подобный каверзный вопрос тем, что отправляется воевать на стороне Одина, который потерпит поражение. В приведенной выше истории Сэппо, возможно, имеет в виду не “тех, кто постится”, а “Того, Кто постится”. Он похож на Иегову тем, что один взгляд на него равносителен смерти. Следующая история повествует о том же.

* Монастырский лазарет.

Сэппо пришел проститься с Тодзаном.

— Куда ты направляешься? — спросил Тодзан.

— Я возвращаюсь в Рэйгю.

— По какой дороге ты пришел сюда?

— По той, которая проходит через Хизэнрэй.

— А по какой дороге ты будешь возвращаться?

— По той же самой.

— Знаешь ли ты Того, Кто Всегда в Пути?

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что у Него нет личности.

— Ты говоришь, что не знаешь Его, но откуда же тебе известно, что у Него нет личности?

В этом диалоге Тодзан стремится научить Сэппо, что “не-знание” ошибочно, половинчато. “Исполнишь решимости умереть”, — говорит Герцог в драме Шекспира *Мера за меру* заключенному, который больше всего на свете боится смертного приговора. Дзэн тоже призывает нас исполниться решимости, но ничего при этом не говорит о Боге и об Окончательной Реальности. Дзэн не говорит, что Бога нет или что Окончательная Реальность безлична. Дзэн имеет не больше прав отрицать, чем утверждать. Но в жизни лучше утверждать, лучше со всем соглашаться, и чем более противоречивым кажется нам высказывание, тем с большей готовностью мы должны его принимать.

Сэппо спросил у монаха, откуда тот пришел.

— Из Кодзэя, — ответил монах.

— Ты не встретил по дороге Даруму?

— Я оставил его там, где встретил.

Эта история является приятным исключением среди историй, в которых мастер под конец заставлял монаха недоуменно замолчать. Монах в этой истории умеет играть в дзэнскую игру и ловко демонстрирует свою виртуозность. Хотя эта игра не столь уж важна, я бы поставил ее выше пинг-понга и других подобных развлечений. Сле-

дующая история еще лучше, потому что показывает, что даже само-го кроткого человека можно вывести из себя.

— Из какой части Китая ты пришел? — спросил Сэппо у Кёсэя.

— Не из Унсю, — ответил Кёсэй.

— Хотел бы я знать, когда ты и Ученик Одной Ночи будут жить в одной провинции!

— Скажите на милость, в какой части Китая живет Ученик Одной Ночи?

— Освобождаю тебя от тридцати ударов! — сказал Сэппо.

Кёсэй, годы жизни которого неизвестны, был родом из той же части страны, что и Ёка, Ученик Одной Ночи, которого Шестой патриарх удостоил чести провести с ним одну ночь. Кёсэй учился у Сэппо длительное время. Все люди пришли из одной и той же страны. Вордсворт говорит: “Мы вышли из Бога, в котором наш дом”. Но как много тех, кто считает, что он родом из Боливии, Эссекса или Тим-букту! Иногда можно встретить человека, который действительно знает, откуда он родом, но правила хорошего тона не позволяют нам задавать подобные вопросы.

Когда Сэппо стал знаменит, он открыл свой монастырь, в котором насчитывалось около полутора тысяч монахов. Он любил встречать посетителей с тремя деревянными шарами в руках, и когда ему задавали вопросы, он один за другим пускал шары катиться по полу. В этом Сэппо напоминает пьяницу-акробата-сатирика У. С. Филда. Филд каждый раз пользовался своей шляпой, а Сэппо шарами. И тот, и другой были учителями, учителями дзэн. Я многому научился у обоих.

Однажды Сэппо вытянул руку перед монахом, сжал кулак перед самым его посом и сказал:

— Весь мир, обычные люди и святые, мужчины и женщины, священники и миряне, горы и реки, великая земля — всё это содержится в одном сжатии моего кулака!

Всё это содержится в любом сжатии любого кулака. В чем, в таком случае, разница между сжатым кулаком обычного человека и

сжатым кулаком Сэппо? Разница в том, что Сэппо осознает, о чем говорит, без малейшей мнительности.

Сэппо сказал собравшимся монахам:

— Если вы можете держать вселенную между большим и указательным пальцами, она подобна зернышку нерушенного риса. Это зернышко сейчас падает вам под ноги, но вы по-прежнему исполнены неведения. Бейте в барабан! Пусть монахи возвращаются к своей работе!

Через шесть веков после Сэппо мы встречаем следующее заявление в мистическом трактате Джулианы Норвичской *Откровения Божественной Любви*:

Он показал мне малую вещь размером с лесной орех. Сия вещь лежала у меня на ладони и была круглой, как шар. Я смотрела на нее очами своего понимания и думала: “Что бы это могло быть?” И пришел мне ответ: “Перед собой видишь всё, что было сотворено”. Но мне не верилось, что сотворенное может существовать. Мне казалось, что по своей малости оно должно исчезнуть. И тогда в своем понимании я получила ответ: “Сия малая вещь есть и пребудет вечно, ибо Бог любит ее. Сотворенный мир также обладает бытием, ибо наделен любовью Божьей”.

Сравнивая эти отрывки, мы видим, что различия между ними гораздо существеннее, чем кажущееся подобие. Но важно понять, что нам нужны они оба, а не какой-то один из них. В этом, а не в каком-либо другом смысле две вещи составляют одно. Китайский дзэнец и английская христианка говорят одними устами. Великая вселенная, лесной орех и зернышко риса — одно и то же.

Монах передал Кокю, ученику Энго, эти слова Сэппо.

— В одной яме три змеи и девять мышей, — сказал Кокю.

Монах попросил мастера выразиться понятнее.

— Описать море с помощью слов нелегко, — продолжил Кокю.

Сэппо говорит о единстве противоположностей (большая вещь равна малой). Кокю (ум. 1136) говорит об обычности, повседневности вещей и признается, что лучше объяснить не может.

— Что такое Дхармакая? — спросил монах у Сэппо.

— Карма рождается во рту, но не жевать же палочку для подтирания?

Это весьма насильственный, но все же не слишком насильственный способ сказать людям, что их интерес к религиозным вопросам надуманный, теоретический, пассивный, развлекательный или извращенный, одним словом, нерелигиозный. Сэппо говорит, и вполне справедливо, что такие вопросы тошнотворны. “Дхармакая, или квинтэссенция бытия, включает в себя единство, множественность, ноуменальный абсолют и феноменальные проявления”, — узнав об этом, даже здоровый человек почувствует недомогание.

— Дзэн и буддизм — то же самое или нет? — спросил монах у Сэппо.

— В комнате не слышно грома.

Дзэн — религия Природы. Буддизм — религия Десяти Заповедей и Пяти Запретов, которые не прекращают делить истину на части. В ходе этой мышинной возни простота истины, ее материальность и достоверность оказываются потерянными для уха, глаза и носа.

Монах пришел к Сэппо и поклонился. Сэппо ударил его пять раз.

— В чем я неправ? — спросил монах.

Сэппо ударил его еще пять раз.

Почему некоторые рождаются слепыми? Монаха ударили пять раз за то, что он совершил грех — родился слепым. Затем его ударили еще пять раз за то, что он задавал глупые вопросы. Христос исцелил бы его, сказав при этом, что “не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем проявились дела Божии” (Ин. 9, 3). У Сэппо было (будем надеяться) такое же намерение. И Христос, и Сэппо совершают грех, вмешиваясь в течение природных событий. Но если мы осознаем это и всё же продолжаем действовать, греха в этом больше нет.

Глава 6 УЧЕНИКИ СЭППО

Однажды, когда Гэнся был молод, его отец-рыбак, в то время уже довольно преклонного возраста, ночью выпал из лодки в воду. Гэнся пытался спасти его, протягивая весло, но не смог. Когда Гэнся понял, что спасти отца не удалось, он обратил внимание на луну, отраженную на поверхности воды, и воскликнул: “Древние говорили, что всё в этом мире подобно отражению луны в воде! Если бы отец жил дольше, возможно, он только продлил бы свои страдания и после смерти попал бы в ад. Я откажусь от мирской карьеры и стану монахом, чтобы таким образом выполнить свой сыновний долг”.

Гэнся нашел учителя и принял монашеский обет. В тот же день его отец явился ему во сне и сказал: “Когда мой сын стал священником, я переродился в раю и теперь пришел, чтобы поблагодарить его”. Полноправным священником Гэнся стал в возрасте тридцати лет. Сначала он обучался у Рэйсю, затем у Догэна (Даосюаня). Гэнся и Сэппо были духовными братьями, но Гэнся почитал Сэппо своим учителем, традицию которого продолжил, пережив его на тридцать лет. У Гэнся было около восьмисот учеников, из которых просветления достигли тринадцать.

Однажды, когда Гэнся был рядовым монахом, Ко, его товарищ по монастырю, сказал ему:

— Если ты когда-нибудь постигнешь суть дзэн, я съем свою шляпу!

Буквально Ко сказал: “Если ты когда-нибудь постигнешь суть дзэн, я сделаю корабль из железа и буду плавать на нем по морю”.

Когда Гэнся стал мастером, он послал Ко письмо, в котором спрашивал: “Что скажешь о вкусе своей шляпы?” Ко не ответил.

Отношения между Гэнся и Ко были вполне нормальными. Просветление Гэнся казалось маловероятным, но оно случилось. Гэнся не считается с чувствами Ко и продолжает разговор, начатый много

лет назад. Ко не просит прощения, ведь Природа тоже не приносит извинений. Но Ко также и не поздравляет Гэнся с неизбежным. Он просто хранит молчание. Христианские святые никогда не признавали за собой чудес, которые им приписывали авторы жизнеописаний. Скорее всего, они сами не верили в них. Просветленные никогда не говорят: “Я просветлен”. Христос сказал: “Никто не благ, как только один Бог”. Косвенный вопрос Гэнся — еще один довод в пользу того, что хорошие манеры — окончательный тест на обладание дзэн и всем остальным.

— Когда старые мастера поднимали веер или посох, они выражали суть дзэн или нет? — спросил у Гэнся монах.

— Не выражали.

— В чем же смысл этих действий?

Гэнся поднял веер.

— Как можно выразить суть дзэн? — спросил монах.

— Когда достигнешь просветления, всё узнаешь, — последовал ответ.

Все ли наделены природой Будды? Что такое природа Будды? Природа Будды — это (потенциальное, бессознательное, практическое) знание о том, что у нас есть природа Будды, а также знание о том, что вопросы, которые мы задаем, глупы, а ответы на них еще глупее. Смысл этого “знания” не в том, что мы что-то знаем, а в том, что нам вот-вот что-то откроется. Мы вечно пребываем в состоянии, когда природа Будды вот-вот откроется нам. Можно сказать с уверенностью, что она нам не чужда, и всё же мы ею не обладаем.

Вернемся к первоначальному вопросу: “Есть ли у человека природа Будды?” Мы можем задать второй вопрос, который связан с первым глубже, чем многие предполагают: “Есть ли у человека поэтическое чутье, чувство юмора?” Ответив положительно, мы чувствуем себя глупыми; ответив отрицательно, мы чувствуем себя невоспитанными. Гэнся отвечает: “Если и когда”. Христианская религия (точнее, кальвинизм) утверждает, что некоторых не может спасти ни воля Божья, ни их собственные благие намерения.

Однажды Сэппо и Гэнся чинили забор, и Гэнся спросил:

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада?

Сэппо покачал забор.

— Зачем прилагать так много усилий? — спросил Гэнся.

— Как бы ответил ты?

— Передай сюда корзину.

Вопросы о сути дзэн, то есть о смысле жизни, во время работы еще раз подтверждают, как тесно связаны наши мысли и действия. Сэппо покачал забор, который он в это время ремонтировал, но в этом действии было что-то вынужденное, неестественное. “Передай корзину и давай продолжим работу”, — в этих словах обещанный Христом приход Святого Духа.

Однажды, погруженный в раздумья, Гэнся услышал чириканье воробья и сказал:

— Как хорошо воробей излагает истину буддизма! Как вдохновенно он говорит о подлинной природе вещей!

Впоследствии монах пожелал извлечь урок из этих слов и обратился к Гэнся со словами:

— Объясните, о чем вы тогда говорили.

— Пошел вон! Как только люди доверяют тебе! — воскликнул Гэнся.

Мне приходилось много раз отвечать на вопросы о поэзии, религии, жизни, но при этом ни разу — подчеркиваю, *ни разу!* — ни один из моих собеседников не был удовлетворен. Почему? Потому что любой вопрос — это уход от ответа, который, как утверждает дзэн, уже известен. Каждый человек просветлен, но предпочитает не знать об этом. Каждый человек должен возлюбить своих ближних и отдать бедным всё, что у него есть, но предпочитает не знать об этом и задает глупые вопросы. Гэнся любезничает с монахом. Он должен был воскликнуть: “Ты лжешь!”

Однажды, когда Гэнся встречался с генералом И, к столу были поданы рисовые пирожки.

— О чем мы не знаем, хотя используем его каждый день? — спросил генерал.

— Возьмите! — сказал Гэнся, протягивая ему пирожок.

Генерал И взял пирожок, съел его, а затем повторил вопрос.

— Мы используем его каждый день, но не знаем его, — сказал Гэнся.

Эта история очень похожа на предыдущую. На подлинный вопрос, который задает генерал, Гэнся отвечает животом, истоком своего разума. Иудейский ответ таков: “Под нами простерты вечные объятия”, но люди продолжают говорить об антропоморфизме божества или, что еще хуже, о сравнительной религии. Великое преимущество дзэнского ответа на теологические вопросы (“Возьмите!” — сказал Гэнся, протягивая ему пирожок) в том, что он едва ли послужит поводом для новой войны. Возможно, это и есть дзэнский способ борьбы с войной и генералами.

Однажды Гэнся сказал:

— Глубоко в горах среди неприступных вершин, где никогда не ступала нога человека, — можно ли найти там буддизм? Если вы скажете “да”, о каком буддизме идет речь? Если вы скажете “нет”, тогда буддизм не универсален.

Такова дилемма нашей жизни. “Нет” — ответ нашего здравого смысла. “Да” — ответ пантеизма и (ложного) дзэн. Единственный ответ, который в данном случае можно дать, — это неожиданный ответ, а неожиданный ответ — это противоположность ответа, который мы дали вчера. Но отвечать, подражая Будде, что такие вопросы не способствуют улучшению жизни, и поэтому их не следует задавать, неправильно. Их нужно задавать с рвением, и отвечать на них тоже нужно страстно. Вот почему Гэнся задал этот вопрос.

— Объясняют ли в последнее время Высшее Учение? — спросил монах у Гэнся.

— Такое редко бывает.

Этот строгий ответ сводит на нет все книги о дзэн, которые когда-либо были или будут написаны. Дзэн учит нас говорить и слушать, молчать и внимать “тишине, которая ласкает слух”. Иногда можно услышать дзэнские слова. Разговоров вокруг да около дзэн гораздо больше, чем нужно. Но вот услышать, как дзэн говорит о дзэн дзэнскими словами — едва ли не самое редкое событие в мире.

Ракан (867-928) поступил в монастырь в детстве, затем стал монахом и обучался у Энго, Сэппо и других мастеров. В конце концов он пошел к Гэнся, у которого достиг просветления, а затем продолжил его дело. Ракан не так популярен, как его ученик Хогэн. Несколько случаев, рассказанных о нем, свидетельствуют о том, что он был угрюмого нрава. (Известно несколько Раканов; здесь речь идет о Ракане Кэйтине.)

— Есть ли у вас традиционное учение? — спросил монах у Ракана.

— Посмотри на меня снаружи и изнутри!

Правда ли, что учение человека определяется его внешним видом? Каков был у Христа запах? Что бы делал Будда, если бы крокодил ухватил его за ногу?

Увидев, что монах подходит к нему, Ракан поднял *хоссы*. Монах поклонился.

— Кому ты кланяешься? — спросил Ракан.

— Вам, в знак благодарности.

Ракан ударил его.

— Ты поклонился, когда увидел, как я поднял *хоссы*. Почему же ты не благодаришь меня каждый день, когда я подметаю пол? — спросил Ракан.

Нам следует говорить “спасибо” всегда или никогда, но не иногда. Такова дзэнская жизнь, демократия, скромность природы.

Анкоку, ученик Сэппо, продолжал дело своего учителя. Время его жизни точно не известно. Истории, рассказываемые о нем, не очень интересны за исключением следующей, особенность которой в ее литературных аллюзиях.

— Что можно сказать о кончике волоска? — спросил монах у Анкоку.

Анкоку поднял *кэса**.

— Прошу вас объяснить, — умоляюще сказал монах.

— Не надо проливать слез, прижимая к груди яшму! Завтра угрюмом предстань перед императором Со!

* Стихарь.

Выражение “кончик волоска” встречается в изречении: “Судьба вселенной вершится на кончике волоска”, смысл которого в том, что вселенная целиком и полностью пребывает в самой малой вещи. В дзэн это следует понимать как отрицание идеи о большом и малом, внешнем и внутреннем, сейчас и потом. Анкоку поднимает *кэса*, оставляя позади не только вселенную, но и кончик волоска. Монах не мог и не желал понимать этого, и обратился к нему за не-дзэнским ответом, который Анкоку любезно ему предоставил. В словах Анкоку видны отголоски легенды, которая встречается в сочинениях Хань Фэй-цзы (Книга IV, 13).

Легенда называлась *Злоключения Бяньхэ*. Человек по имени Бяньхэ нашел необработанный кусок яшмы в горах провинции Чжу. Он принес его домой, а затем представил императору У. Император велел своему ювелиру оценить самородок. “Всего лишь обычный камень”, — сказал ювелир. Император решил, что Бяньхэ хотел его обмануть и велел отрубить ему левую ногу. Когда император У умер, а на трон взошел император Вэнь, Бяньхэ поднес ему самородок, и тот снова велел ювелиру оценить его. “Обычный камень”. — снова сказал ювелир, и император, сочтя Бяньхэ лжецом, велел отрубить ему правую ногу. Когда этот император тоже умер, императором стал Чжан. Бяньхэ, прижав самородок к груди, отправился к горе Со и провел там три дня и три ночи, горько рыдая, пока из глаз у него не пошла кровь. Узнав об этом, император послал придворных, чтобы выяснить причину горя Бяньхэ. “Я горюю не потому, что потерял ноги, а потому, что яшму называли обычным камнем, а честного человека — лжецом. Вот почему я горюю”. Император велел ювелиру отполировать камень и оказалось, что это действительно яшма. Камень называли “яшмой Бяньхэ”. Анкоку велел монаху не уподобляться Бяньхэ, не быть пассивным, а самому стать кончиком волоска, вселенной.

О Тайгэне известно, что он проповедовал *Нирвана-сутру* и дзэнские монахи насмеялись над ним, но истории о нем неинтересны. Возможно, именно поэтому нам неизвестны даже годы его жизни. Кудзан в этом смысле интереснее, хотя время его жизни также неиз-

вестно. Он стал священником в четырнадцать лет, посетил много дзэнских мастеров и достиг окончательного просветления у Сэппо.

Когда Кудзан впервые пришел к Сэппо, не успел он войти в ворота, как Сэппо вытолкнул его обратно со словами:

— Это еще что!

Кудзан был внезапно просветлен. Забыв себя от радости, он принялся танцевать и размахивать руками.

— Разве сейчас ты поступаешь разумно? — спросил Сэппо.

— При чем тут разумность? — спросил Кудзан.

Сэппо похлопал Кудзана по спине и подтвердил его постижение.

Однажды Хофуку, духовный брат Кудзана, разговаривал с монахом в Чайном Зале. Увидев это, Кудзан сказал:

— Не нужно усложнять и запутывать!

— Мы не запутываем. Мы делаем буддизм понятнее. Разве вы не видите? — ответил Хофуку.

Кудзан сделал вид, что собирается его ударить.

— В чем я неправ? — спросил Хофуку.

Кудзан ударил его.

О буддизме и дзэн не следует говорить, писать, читать. Каждое действие, каждая мысль, каждая эмоция должны проистекать из целостности, единства ума-и-тела. Вот и все. Если это так, мы можем говорить о дзэн.

— В чем великий принцип буддизма? — спросил монах у Кудзана.

— Когда на мгновение появляется золотой ворон, на десять тысяч миль вокруг не остается ни одного облачка.

Золотой ворон с тремя ногами — это солнце. Стоит лишь солнцу выглянуть, как весь мир преобразается. Однако солнце не символизирует буддизм или просветление. Видя солнечный свет, каким он есть, мы достигаем просветления. Понимая буддизм, мы начинаем по-другому видеть солнечный свет.

У Тёкэя, еще одного ученика Сэппо, было полторы тысячи учеников, из них двадцать шесть достигли просветления. Он умер в 932

году в возрасте семидесяти девяти лет. Тёкэй постиг суть дзэн, сворачивая ширму. После этого он написал стихотворение:

Вот это да! Какое громадное отличие!

Подними ширму и посмотри на мир!

Если кто-нибудь спросит, какова моя религия,

Я подниму *хоссы* и ударю его по губам.

Как уже говорилось, на подобные вопросы следует наложить анафему. “Во что вы верите?” Разве может быть что-то глупее этого вопроса? Подобно Уолту Уитмену, я верю каждой вещи и каждому человеку. Образованные люди в своем невежестве поклоняются теологии и философии.

Истории о Тёкэе либо интересные и короткие, либо неинтересные и длинные. Приведем пример.

— Как избавиться от сомнений? — спросили у Тёкэя.

Тёкэй выгнул перед собой руки.

Верить чему-то, потому что оно верно, убедительно, абсурдно, верить по какой-либо причине или без причины — всё неправильно. Мы должны просто верить, и только. Верить во всякую бессмыслицу? Нет, верить своим чувствам (даже если они иногда обманывают нас), верить всему, что посещает наши мысли. Что, если вы видите призрак? Подойдите в нему и пожмите ему руку — или дайте пинка. Что, если вы ошиблись, и это был живой человек? Что ж, в любом случае это будет смешно, хотя, возможно, смеяться будет вселенная, а не вы.

Когда наше тело движется, в этом проявляется наша вера. Сомнение в способности двигаться — физическое или духовное расстройство. Вера в возможность двигаться приходит до начала движения. Более того, если Тёкэй поднял руки, чтобы показать выход за пределы сомнений, это не дзэн. Тёкэй также желает показать это.

Тёкэй сказал своим монахам:

— Если бы мне вздумалось изложить самую суть нашей религии, вам бы пришлось выгнать всех из зала и плотно закрыть дверь, потому что там, где Закон явлен до конца, людей больше не остается.

— Я не боюсь смерти! Пропу вас явить Закон, что бы со мной ни случилось, — сказал монах.

— Можно ли тебе доверить суть?

Если бы все были просветлены, не было бы обычных людей, “людей с улицы”. Все были бы буддами или, на худой конец, бодхисаттвами. Строго говоря, это невозможно из-за неопытности дзэнских мастеров. Покупатель всегда прав.

Однажды Тёкэй вошел в зал, в котором собрались монахи. Он попросил одного монаха выйти вперед и велел собравшимся поклониться ему.

— Что в этом монахе особенного? Зачем я велел вам поклониться ему? — спросил Тёкэй.

Монахи молчали.

Говорят, что однажды императрица Комё собственноручно мыла больного проказой, чтобы показать своим подданным подлинный дух махаяны. Можно подумать, что такие поступки помогают решить все проблемы, от войн до семейных конфликтов, но это не так. Люди могут поклоняться друг другу, а затем убивать друг друга.

— Что такое Подлинный Глаз Закона? — спросили у Тёкэя.

— Хочу попросить у тебя об одном одолжении. Не разбрасывай мусор.

Люди задают вопросы “что”, “как” и “зачем”, пытаются оправдать свои недалекие поступки. Иллюзия, как говорит Ницше, позволяет жить. Мы можем врать до тех пор, пока наши слова не станут истинной, но такие истины не фундаментальны. Мы должны научиться видеть глазами. А для этого нам нужно лишь смотреть — смотреть на змею, пока она не перестанет казаться отвратительной, смотреть на обнаженную женщину, пока она не перестанет казаться привлекательной, смотреть, пока змеи и женщины не станут просто интересными.

Тёкэй вошел в зал, показал монахам поздравление, написанное на каллиграфическом свитке, и спросил:

— Если вы видите, вы не видите. Видите ли вы это?

У монахов не нашлось, что ответить.

Когда моя собачка лает, прыгая вокруг стола и продолжая выпрашивать лакомства, а я нахожусь в добром здравии и хорошем расположении духа, я как бы невзначай даю ей еще один кусок пирожного. Если же у меня плохое самочувствие, я слышу, как она раздраженно лает, и даю ей кусок пирожного сознательно и с недовольством. Тёкэй ставит монахов в трудное положение. Если они ответят: “Мы не видим”, он засмеется и уличит их в хитрости. Если они скажут: “Мы видим”, он спросит: “Это обычное видение или дзэнское видение?” И что бы они ни ответили, он спросит: “Какая между ними разница?”

Дзидзо, Тёкэй и Хофуку однажды увидели ширму, на которой были нарисованы пионы.

— Какие красивые пионы! — сказал Хофуку.

— Не увлекайся видимостью цветов! — сказал Тёкэй.

— Жаль, что на ширме нарисованы цветы! — сказал Дзидзо.

Хофуку посмотрел на цветы, а также на то, как искусно они были изображены, и ему понравилось и то, и другое. Тёкэй боялся, что Хофуку увлечется жизнью природы или восторгом искусства, и предостерег его против привязанности к “видимости цветов”, другими словами, против душевного волнения, сентиментального отношения к красоте, добру и истине. Выражение “видимость цветов” можно перевести с китайского также как “цветы иллюзии”, то есть блуждающие мысли, суждения и оценки. Дзидзо сказал, что Тёкэй испортил цветы своим предостережением, которое за версту воняет дзэн. Все три мастера правы и, фактически, правее самих цветов, ведь Христос, который трудился для людей и прятал слова, более славен, чем цветы, которые не трудятся и не прячут. Мы должны пройти через три стадии: невинного восхваления цветов, страха перед их красотой и, наконец, сожаления об этом страхе, которое возвращает нам чистоту восприятия, смелость, и ведет нас обратно к прекрасным цветам.

Кёсэй, годы жизни которого неизвестны, был учеником Сэппо вместе с Гэнся, Уммоном и другими, но, по-видимому, он был слишком утонченным учителем. О нем рассказывают много историй, но

вопросы в них сложные, ответы еще сложнее, и если удастся понять и то, и другое, история кажется неинтересной.

- Где ты был? — спросил Кёсэй у монаха.
- На Трех Вершинах.
- Где ты проводил свои летние каникулы?
- На Пяти Вершинах.
- Ты получишь тридцать ударов!
- Что я сделал не так?
- Ты просто ходишь от храма к храму, — сказал Кёсэй.

Три Вершины и Пять Вершин — несуществующие места (храмы). Монах не проявляет настойчивости. Он просто ходит по знаменитым храмам, встречается с мастерами, в нем нет глубинного стремления к просветлению. Видя перед собой монаха, Кёсэй сразу же понимает, желает ли он учиться.

- Я стучу изнутри скорлупы. Можете ли вы постучать извне? — спросил монах у Кёсэя.
- Ты находишься в состоянии активной готовности?
- Если бы я не был готов, люди презирали бы меня.
- Ты по-прежнему прячешься среди трав!

Перед тем, как цыпленку вылупиться из яйца, он стучит изнутри скорлупы, а мать-курица извне. Это может быть хорошей метафорой для описания отношения учителя и ученика, пока последний не достигнет просветления. Кёсэй, надо полагать, славился своим умением “стучать извне”. Монах вообразил себе, что его просветление вот-вот наступит. Кёсэй сказал ему, что ему еще далеко до вершины, а пока он находится в травянистых предгорьях.

Можно по-другому выразить эту метафору. Каждый человек, каким бы великим он ни был (лучше сказать — в меру своего величия), стоит на плечах своих предшественников. В этом смысле дзэн присуща восточная монотонность, ведь, как предполагается, *самори* всегда (более или менее) одинаково, тогда как на Западе, по мнению Шпенглера, чтобы, например, понять Шекспира, мы должны превзойти Шекспира. Когда Уммона, учителя Кёсэя, спросили: “Что

такое этот стук изнутри и извне?”, он ответил одним из своих знаменитых лаконизмов: “Эхо”.

- Кёсэй спросил у монаха, откуда тот пришел.
- Из Сяккё, — ответил монах.
- Как поживает твое высшее Я?
- Я уже ушел из Сяккё.
- Разве я не знаю, что ты ушел из Сяккё? Я спрашиваю тебя о высшем Я!
- Почему вы не принимаете моего ответа?
- Кёсэй ударил монаха.
- Я хотел сказать еще кое-что, — сказал монах.
- Я буду бить тебя, пока ты не забудешь о словах!

Слова — не серебро, молчание — не золото. И слова, и молчание могут быть золотом, серебром или свинцом. Если слова целостны, они лучше, чем любое действие, и возвышеннее, чем любое молчание.

- В чем смысл высказывания: “Бхагаваты десяти направлений идут одной дорогой Нирваны”? — спросили у Кёсэя.
- В доме не бывает двух хозяев.

Десять направлений — это восемь направлений компаса, а также зенит и надир; это вся вселенная. Бхагават, или Бхагаван, — это одно из имен Будды, которое буквально означает “выдающийся”. Буддистский смысл этого высказывания, которое встречается в пятой главе *Сурангама-сутры*, в том, что спасение возможно везде. Ответ Кёсэя дополняет эту истину. Кёсэй говорит, что реальность целостна. С одной стороны, в каждом звуке слышен голос Закона, а с другой, только музыка Баха — глас Божий. Оба эти утверждения истинны в равной мере и одновременно.

Хофуку (ум. 928), еще один ученик Сэппо, начал обучение в пятнадцать лет. Затем он посещал знаменитых мастеров Китая, но всякий раз возвращался к Сэппо. Впоследствии для Хофуку построили храм, и он не смог отказаться от должности мастера. У него никогда не было меньше семисот учеников. Судя по преданиям, он отличался живостью и оригинальностью характера.

Однажды Хофуку сказал монахам:

— Высшая истина подобна вспышке молнии или искре, высеченной из кремня. Независимо от того, успели вы ее увидеть или нет, рано или поздно вам придется умереть и превратиться в труп.

— Если человек глубоко осознает это, он тоже умрет и превратится в труп? — спросил один из монахов.

— Давай временно отложим этот вопрос. Скажи, ты осознал это или нет?

— Если бы я не осознал, люди бы смеялись надо мной!

— Умный парень!

— Что вы этим хотите сказать?

— Тебя облили мочой с ног до головы, а ты не чувствуешь запаха!

В дзэн, а также в юморе, любви (с первого взгляда) и поэзии очень важна быстрота. Если мы всегда будем быстрее, чем (какая-то глупая) мысль или эмоция, мы будем вечно жить в Раю. Чтобы избавиться от двусмысленности, Хофуку говорит, что, какими бы быстрыми или медленными вы ни были, это вас не спасет, потому что в конце концов вас ожидает смерть и Ад. Тогда монах спрашивает: “А что можно сказать о просветленном человеке?” Хофуку не желает ставить мысленные эксперименты: “А что можно сказать о тебе? Ты сам просветлен или нет?” Монах отвечает шуткой. В его ответе есть не только юмор, но и дзэн, и Хофуку хвалит его за это. Но когда монах спрашивает у него, похвала это или порицание, Хофуку отвечает ему: “Разумеется, порицание, самодовольный болван!”

— Откуда ты пришел? — спрашивает Хофуку у монаха.

— От Кёсэя.

— Чему ты у него научился?

— Ничему.

— Как тебе это удалось?

Монах не ответил.

Не желать ничего ни телом, ни умом, не получать ничего, не давать ничего — вот что такое, по словам Экхарта, духовная нищета. “Блаженны нищие духом”. Но какое большое различие между ничем и Ничем!

— Как тебя зовут? — спросил Хофуку у монаха.

— Сянь-цзэ (Везде-Болото).

— Если бы тебе пришлось встретиться с горой по имени Подсохшее-Местечко, что бы ты делал?

— Кто эта гора по имени Подсохшее-Местечко?

— Я!

— Мастер, не дурачьте людей!

— Разве не ты дурачишь меня?

Монах, подобно всем остальным, хотел разбогатеть. Хофуку использовал имя монаха, чтобы сказать, что он, Хофуку, в духовном смысле беден, как церковная мышь. Монах думал, что Хофуку его разыгрывает. Когда в разговоре с богатым человеком Бернард Шоу сказал, что богатые — воры, его собеседник решил, что он шутит.

Хофуку сказал монаху:

— Позади храма Будды ходит человек, знающий, кто Том, кто Дик, кто Гарри. Перед храмом Будды ходит человек, не видящий никого и ничего. Назови достоинства и недостатки буддизма!

— Человек не видит ничего, потому что плохо различает вещи, — сказал монах.

Хофуку выкрикнул: “Катц!”, а затем объяснил:

— Человек не видит ничего, потому что проходит перед храмом Будды!

— Если бы не храм Будды, он прекрасно бы видел всё.

— Именно благодаря храму Будды он что-то видит.

“Позади храма Будды” означает: в вульгарном, заурядном, непозитивном, нерелигиозном мире, где можно встретить разных людей. (“Мы снисходим, чтобы общаться”, — говорит Эмерсон.) “Перед храмом Будды” означает: в мире Блейка и Экхарта, Хансана и Торо, в мире Шекспира, в котором всё одинаково — одинаково интересно, бесконечно интересно, и поэтому у нас нет нужды считать одно хорошим, другое плохим.

“Ходить перед храмом Будды” — означает сделать достоинства буддизма своими. Монах мыслит очень конкретно, в терминах физических объектов, не понимая, что вещи — не только физические

объекты, но и духовные сущности. Монах предполагает, что в храме Будды есть что-то особенное, но в силу своих предрассудков утверждает, что видение лучше не-видения, а различие лучше универсальности. В конце Хофуку довольно безнадежно утверждает, что храм Будды — нечто вполне обычное. Все мыслимые различия потому и существуют, что вещи наделены природой Будды. Множественность должна опираться на однообразие, в противном случае она не смогла бы существовать.

Увидев монаха, Хофуку ударил по круглому столбу, затем подошел к монаху и ударил его. Монах вскрикнул от боли.

— Почему столб не кричит? — спросил Хофуку.

Монах не ответил.

Ответ должен быть таким: “Этот вопрос ничем не отличается от вопроса: “Вы уже перестали избивать свою жену?”” Другими словами, отвечая на вопрос о том, почему столб не кричит, нужно сказать: “Столб кричит”. “Почему я этого не слышу?” “Ты слышишь, но не знаешь об этом”. “Почему я не знаю об этом?” “Потому что ты непросветлен”. “Почему я непросветлен?” “Потому что ты чертовски ленив!” “Почему...”

— Как можно войти в воду и не утонуть; как можно войти в огонь и не обжечься? — спросил у Хофуку монах.

— Если бы это был *водогонь*, ты бы утонул или обжегся?

Смысл этого оригинального ответа в том, что мы горим или тонем, потому что отличаем огонь от воды. Мы умираем, потому что отличаем жизнь от смерти.

Перед смертью Хофуку сказал собравшимся:

— В течение последних десяти дней силы покидают меня. Но в этом нет ничего особенного. Просто мое время пришло.

— Когда вам нужно было жить, вы жили. Когда вам пришло время умирать, вы умираете. Это правда? — спросил монах.

— Это Путь, — ответил Хофуку.

— Как мне прекратить волноваться?

— Дождь не моросит, а льет как из ведра, — сказал Хофуку, затем сел в позу для медитации и скончался.

Высказывание, переведенное с китайского словами: “Это правда?”, включает в себя иероглифы “солнце” и “точность” и подразумевает размеренность солнечных циклов. Путь, о котором говорит Хофуку, — не судьба как течение всего множества человеческих жизней, а природа Будды, реальность, абсолютная истина. Китайская метафора, переведенная словами: “Дождь не моросит, а льет как из ведра”, буквально читается: “Терять деньги — преступление”. И действительно, в эпоху Тан всякий, кто потерял деньги, должен был уплатить штраф. Здесь уместно вспомнить и японскую поговорку: “Пчела жалит плачущее лицо”. Когда Хофуку говорит: “Одно несчастье следует за другим”, он желает сказать, что даже если мы всю жизнь будем бояться смерти, в конце концов мы умрем.

Однажды Тосу направился в дом *данпати, который пригласил Тосу на обед. Вначале хозяин подал к столу поднос с травой. Тосу положил оба кулака себе на голову. После этого *данпати* подал еду. Впоследствии монах спросил у Тосу, что это значило.**

— Каннон Босацу, — ответил тот.

Предложение травы в качестве пищи было намеком на то, что Тосу — бык, и он с этим согласился. Говорят, что непросветленный священник в следующей жизни перерождается в теле быка. Будду называют также Царем Быков, что, вероятно, связано с тем, что в имени Готама первый слог *го* (*gau*) означает “бык”. В *Десяти наступивших картинках* бык символизирует ум человека, который стремится к постижению реальности. В любом случае поведение Тосу свидетельствует о том, что он не отягощен чувством собственного достоинства и готов разделить участь быка во многих отношениях, хотя и не во всех. Бодхисаттва Каннон известен тем, что принимает множество обликов. Он может стать птицей, вазой, ивовым прутиком, жемчужиной и так далее.

* Хранителя буддистских реликвий.

Глава 7 ХОГЭН

Хогэн, основатель одноименной дзэнской секты, родился в 885 году. Он стал монахом в возрасте семи лет, изучал буддизм и конфуцианство и с успехом занимался писательством.

Однажды, направляясь к озеру, Хогэн попал под дождь и укрылся в храме Дзидзо. Мастер, сидевший у камина, спросил у него:

— Куда ты направляешься?

— Просто путешествую, совершаю *ангья**, — ответил Хогэн.

— Что значит совершать *ангья*? — спросил Дзидзо.

— Я не знаю.

— Не-знание — самое сокровенное знание.

Затем Дзидзо и Хогэн сели у очага и принялись читать *Дзёрон*, буддистский философский трактат IV века, и когда дошли до фразы: “Небеса и мое “я” имеют один корень”, Дзидзо спросил:

— Горы, реки, великая земля и мое “я” — единое целое или нет?

— Единое целое, — ответил Синдзан, который присутствовал при обсуждении.

Дзидзо поднял два пальца, внимательно посмотрел на них, сказал: “Два” и вышел. Через некоторое время дождь на улице прекратился, и Дзидзо вернулся проводить своего гостя до ворот храма. У самых ворот они увидели камень. Указав на него, Дзидзо спросил:

— Говорят, что в Трех Мирах всё пребывает в уме. Этот камень находится внутри ума или вне его?

— Внутри, — ответил Хогэн.

— Нискак не пойму, почему монахи, совершающие *ангья*, всегда думают, что этот камень находится у них в уме?

Хогэн смутился и не знал, что ответить. Сняв с плеч походную котомку, он попросил Дзидзо разрешения остаться. Как-то через месяц во время разговора он излагал свое понимание буддизма, но Дзидзо перебил его:

* Паломничество по святым местам.

— Буддизм — это не философия.

— Я отказываюсь от слов и рассуждений.

— Если после этого ты объяснишь смысл буддизма, цель будет достигнута.

Услышав эти слова, Хогэн пережил глубинное просветление.

Буддизм, то есть дзэн, — это не философия, но это и не отрицание философии. Зная, что молчание — золото, мы должны говорить, и тогда наша речь будет лучше золота. Просветление Хогэна подобно просветлению Шестого патриарха; оно умозрительно по своей сути. Причина, возможно, в том, что Хогэн и Шестой патриарх — добрые, кроткие люди, чуждые страстям и амбициям.

Позже Хогэн унаследовал монастырь Ринсэна. Предание гласит, что в этом монастыре собралось более десяти тысяч монахов. Школа Хогэна процветала. У него всегда было больше чем пятьсот личных учеников, среди них сорок три достигли просветления. В 958 году Хогэн заболел и вскоре умер в возрасте 54 лет. Кроме сборника изречений, Хогэн известен также своим трактатом *Дзюккирон*.

— Что такое Будда? — спросил у Хогэна монах по имени Этё.

— Ты — Этё! — сказал Хогэн.

Монах достиг просветления.

Предположим, Хогэн сказал бы: “Ты — Будда!” Чтобы понять это высказывание, нужно вначале уточнить, что такое “ты” и что такое “Будда”. Но Хогэн в своем ответе идет навстречу монаху, который вот-вот станет Буддой. Хогэн говорит: “Ты — Этё!” “Ты” здесь означает Будда. “Этё” также означает Будда, и Этё постиг это все в одно мгновение.

— Где обитает Будда? — спросил Хогэн у Хакуё.

— Не в каком-то конкретном месте, — ответил Хакуё.

— Если это абсолютный Будда, как он может не пребывать в конкретном, фиксированном месте? — возразил Хогэн.

— Если бы он пребывал в конкретном, фиксированном месте, это был бы не абсолютный Будда! — сказал Хакуё.

Хогэн согласился.

“Язычники в своем невежестве поклоняются деревянным идолам и камням”, но в христианстве, буддизме и даже в дзэн есть святые места, священные писания, поклоны, церемонии, правила и предписания. Легко понять, что все места одинаковы. Трудно понять, что при этом одни места более одинаковы, чем другие.

В сутре *Конгокё* говорится: “Тот, кто видит форму как не-форму, видит Татхагату”.

— Тот, кто видит форму как не-форму, не видит Татхагаты, — сказал Хогэн.

Татхагата — это таковость вещей. Татхагата — это вещи. каковы они есть. Хогэн прав, а сутра нет. Вещь есть не-вещь, но это также и вещь. Формы — это не-формы, но это также и формы. Всё одинаково — и в то же время различно. Это самое чудесное в нашей жизни, высшая проблема философии, и любовь к этому противоречию приводит мир в движение. Но сам Хогэн тоже иногда говорил об одинаковости, единстве вещей, например в стихотворении:

Если ты видишь горы, это не горы;
Если ты видишь воды, зачем их отделять?
Горы, воды и великая земля —
Всё это содержится в диске полной луны.

— Что такое вечность? — спросили у Хогэна.

— Это самое мгновение.

Этот ответ слишком прямой, слишком философский, чтобы быть дзэнским, истинным. Когда нам говорят подобные вещи, мы не должны соглашаться. Мы должны сказать, что время не имеет смысла без вечности, а вечность — без времени. Время — это вечность, лишь когда мы осознаем их тождественность.

Однажды Хогэн указал на стебли бамбука и сказал монаху:

— Видишь эти бамбуковые стебли?

— Вижу.

— Входит ли бамбук в глаза, или же глаза выходят к бамбуку?

— Понятия не имею.

Хогэн поднялся и ушел.

Суть не в том, красота в объекте или в глазе смотрящего. Суть в том, подлинно ли вы смотрите. Никакое количество философии не заставит человека подлинно увидеть бамбук, если он на это не способен. Есть существенное различие между поэтическим видением бамбука и дзэнским его видением. Дзэнское видение определяется безличностью и безбамбуковостью. Личность и бамбук — одно. Поэтическое видение определяется тем, видите ли вы “жизнь” бамбука или нет, другими словами, тем, какого рода “я” вы имеете.

Буддизм утверждает (и дзэн с ним соглашается), что все “я” одинаковы, но это верно только в теории, а не в жизни. Поэтому такой поэт, как Вордсворт или Клер, увидит бамбук таким, каким никакой дзэн не сможет его показать. Мог ли Хогэн видеть бамбук “подлинно”, мог ли он слушать Баха и рыдать несентиментальными слезами, — вот в чем вопрос. В любом случае Хогэн как учитель дзэн здесь ошибается.

— Что такое капля воды Согэна? — спросил у Хогэна монах.

— Это капля воды Согэна!

Позже национальный учитель Сё, когда ему рассказали об этом высказывании Хогэна, достиг внезапного просветления.

Согэн — это Сокай, местность, где учил Шестой патриарх. Капля воды — это истина, открытая ему и открываемая им. Хогэн был мастером давать идеальный ответ на вопрос, повторяя его. Для Хогэна ответ на каждый вопрос был в самом задавании этого вопроса. Сомнение и вера — одно глубинное переживание, а не два поверхностных. Опасность здесь в самой трансценденции, которая начинается с использования воды как символа. Верно, что вопрос является ответом, а ответ — вопросом, но гораздо важнее, что Христос — это врата, а врата (если вы правильно проходите через них) — это Христос. Следующая история лучше.

Хогэн спросил у Хоси Тёро:

— Древний муж говорил, что Свет озаряет собой горы, реки и все вещи от малой до великой. Что есть этот Свет, озаряющий всё?

— Это звук, который слышен, когда среди восточных рисовых полей изготавливают ткань, — ответил Хоси.

“Древний муж” — это монах Тёсэцу, который задавал Сэкисо вопросы по поводу этого изречения. Эта история перекликается с XXXIX случаем *Мумонкана*, в котором Уммон перебивает монаха, цитирующего это изречение и спрашивает у него: “Разве это не слова гениального Тёсэцу?” Таковость вещей пронизывает вселенную, подобно свету, солнечным лучам, которые озаряют праведных и неправедных. Приведите еще один пример, просит Хогэн. И Хоси отвечает ему в духе китайской поэзии. Звук сукновальной машины доносится издали осенним вечером, — этот звук исходит из неведомых глубин души каждого, кто его слышит.

Однажды Хогэн учил перед утренней трапезой. Затем он жестом указал на бумбуковые жалюзи. Двое монахов вышли и подняли их.

— Один выиграл, другой проиграл, — сказал Хогэн.

Сравнения отвратительны, но отвратительность — это одно из качеств, присущих вселенной, возможно, одно из основных ее качеств. Дзэн — это отказ от выбора, от похвалы и порицания, от любви и ненависти (по крайней мере, так принято считать). Однако, подлинный дзэн допускает выбор, похвалу, порицание, любовь, ненависть, — но с юмором. Один выигрывает и радуется, другой проигрывает и рыдает. Мы должны, говорит св. Павел, радоваться с теми, кто радуется, и рыдать с теми, кто рыдает, но мы не должны принимать тех и других слишком серьезно.

— Есть изречение: “Свет лампы может развеять вековечную тьму”. Позвольте спросить, что такое этот Свет? — спросил у Хогэна монах.

— Какого черта ты беспокоишься о вековечной тьме?

Каждый луч света уничтожает целый мир темноты, но нет нужды заботиться о времени и месте. В этом смысле дзэн ближе к хайку, чем к *вака*. Дзэн ближе к настоящему, чем к прошлому.

— Как ты сюда добрался? Ты приплыл на лодке или пришел пешком? — спросил Хогэн у главного монаха Гаку.

— Приплыл на лодке.

— Где твоя лодка?

— На реке, — ответил Гаку и ушел.

— Только что здесь был главный монах. Скажите мне, он слепой или зрячий? — обратился Хогэн к присутствовавшим ученикам.

Этот анекдот образует LI случай *Сёёроку*. Вопросы: “Откуда ты пришел?” или: “Как ты сюда добрался?” — типичный способ определить уровень постижения монахов. Есть три возможных ответа: первый, ответить прямо; второй, ответить трансцендентно; третий, ответить просто. Очевидно, Гаку избрал третий способ. (“Очевидно”, потому что он ушел без суеты, выдержав, если не тест Хогэна, то свой личный тест.) После этого Хогэн использует ситуацию, чтобы испытать своих учеников, ответа которых мы не знаем. Можно предположить, что они проиграли, не поняв, что Гаку дал дзэнский ответ.

Если бы Хогэн спросил у меня, что бы ответил ему я? Сказать “да” было бы слабо, сказать “нет” означало бы разыгрывать из себя глупца. Пытаться блеснуть остроумием было бы достойно презрения. Возможно, я ответил бы так: “Хогэн, слушай, ты и Гаку — вы оба ангелы!” Следующая история похожа на предыдущую.

Хогэн спросил монаха, откуда тот пришел.

— Я пришел сюда, почтив визитом великих мудрецов провинции Сисю, — ответил монах.

— Великие мудрецы уже вышли из своих ступ?

— Вышли!

— Скажи, этот монах был в Сисю или нет? — спросил Хогэн у другого монаха.

Несравненный ответ первого монаха на иронический вопрос Хогэна показывает, что он действительно был в Сисю, то есть познал величие дзэнских мастеров этой провинции.

Хогэн спросил у мастера Сюдзана:

— “Различие в один волосок, и они столь же далеки друг от друга, как Небо и Земля”. Что вы думаете об этом изречении?

— Различие в один волосок, и они столь же далеки друг от друга, как Небо и Земля, — ответил Сюдзан.

— Зачем так говорить?

— Больше я сказать не могу. А что скажешь ты?

— Различие в один волосок, и они столь же далеки друг от друга, как Небо и Земля.

Хогэн цитирует отрывок из дзэнского трактата-стихотворения *Синдзинмэй*. Смысл этих слов в том, что даже величайшая музыка, если ее исполнять на расстроенном инструменте или хотя бы немного выбиться из ритма, не отличается от какофонии, даже хуже ее. Это означает, что люди либо хороши, либо плохи, действия либо совершенны, либо несовершенны, третьего не дано. Человек имеет либо хороший вкус, либо плохой — и никакого промежуточного. Малейший проблеск эгоизма, сентиментальности, жестокости, заносчивости, вульгарности (это, в действительности, одно и то же), и всё потеряно. Дзэнское видение, конечно, не предъявляет к человеку высоких требований, и “просветленного” вполне может испортить неисправимая врожденная бесчувственность или глупость.

Сюдзан был духовным сыном Дзидзо. Вместе с Дзидзо они фигурируют в XII случае *Сёроку*. Хогэн был знаменит своими повторениями, и Сюдзан пытался применить этот прием к самому Хогэну, но безуспешно. Важно само повторение, а не то, что повторяют, — и в то же время повторение не существует без повторяемого. Как поклоняться можно одному лишь Богу, так и великое разнообразие ответов — единственное подлинное повторение. “Удел язычников — тщетные повторения”. Молитвы наподобие *Намуамидабуцу* в лучшем случае представляют собой самогипноз — и в то же время не повторять означает идти против природы и искусства.

Не-буддист подарил Хогэну ширму с нарисованной на ней картиной. Внимательно посмотрев на нее, Хогэн спросил:

— Вы рисовали рукой или умом?

— Умом, — ответил художник.

— Что можно сказать о вашем уме?

Художник не смог ответить.

В этом случае Хогэн проявил себя не лучшим образом. Художнику следовало бы попросить Хогэна нарисовать картину не-рукой, не-умом или рукой-умом.

— Что можно сказать о возвращении домой блудного сына? — спросил монах у Хогэна.

— Что ты предложишь ему?

— У меня нечего ему предложить.

— У тебя нет даже поесть?

Интересным моментом этого случая является чередование практического и идеалистического. Монах, задавший вопрос, надо полагать, был трансценденталистом. Все люди — блудные сыновья, скитающиеся в стране иллюзий и пошлостей. Хогэн спрашивает монаха: “Как ты отнесешься к человеку, который словно воскрес из мертвых?” “У меня нет желаний, имущества, философии, моральных принципов”, — набожно отвечает монах. “Не дзэнским словом единым жив человек”, — говорит Хогэн.

Однажды Хогэн велел монаху принести немного земли, чтобы добавить в горшок, в котором рос логос. Когда монах вернулся, Хогэн спросил у него:

— Ты взял землю у западного или у восточного моста?

— У восточного.

— Это истина или заблуждение?

Нам не сообщают, что ответил монах. Как бы мы сами ответили на подобный вопрос? Реален этот мир или нереален? Ответом должно быть “ДА”. Существуют ли восток и запад в пространстве? Ответить на этот вопрос можно только в том случае, если вы побывали в бесконечном пространстве (что вовсе не значит, что вы слетали в космос на ракете). Земля очень реальна, особенно если маленький ее кусочек попадает вам в глаз. Но Гамлет говорит о “внутреннем оке”. Разве ум не создает глаз и землю в этом глазу? “Ничто не хорошо и не плохо, а наше мышление делает его таковым”. “Воображение” Вордсворта решает этот вопрос, так как в нем заключена сила являть будущее из пустоты.

Однажды Хогэн сидел у огня и, подняв ложечку для благово-
ний, спросил у Гоку:

— Не называя *это* ложкой, как бы ты назвал *это*?

— Ложка.

Хогэн не принял ответа Гоку, и Гоку понадобилось двадцать дней,
чтобы понять, почему.

Задача типа: “Не называя *это*..., как ты назовешь *это*?” — для
меня одна из самых трудных. Монах однажды спросил у Гоку: “Что
такое корень всех Будд?” “Что ты называешь *всеми Буддами*?” —
спросил Гоку.

— Монахи продают одежду мертвецов. Скажите, кто продает
одежду патриархов? — спросил монах у Хогэна.

— Назови мне хотя бы одного мертвеца, чью одежду монахам
удалось продать?

Вопрос монаха выглядит демократичным. Секта дзэн всегда была
феодалной. Хогэн уходит от ответа, задавая провокационный
вопрос. Хогэн неожиданно делает все трансцендентным и говорит
(без каких-либо на то оснований), что идея о различии в степени
постижения у обычного монаха и у патриарха не помогает обрести
просветление.

Стиль дзэнской секты Хогэн сравнивают с искусством поединка
на мечах, и смысл этих слов точно соответствует смыслу пережива-
ний. Методы обучения не были такими жесткими и строгими, как в
секте Риндзай. В секте Хогэн обучали медленно, словно имели дело с
умственно отсталыми, а на последней стадии умело наносили завер-
шающий удар. Энго говорил об этой секте: “Слыша звук, они пости-
гают Путь. Видя форму, они освобождают ум. Остроумный намек
таится в их стихах. Эхо слышится в звучании их слов”.

Кроме основателя секты, Хогэна, большую известность приобре-
ли также два ее мастера — Тэндай и Эймё. Тэндай Токусё достиг
просветления у Хогэна. Позже он отправился на гору Тэндай, от ко-
торой и получил свое имя. Он стал учителем императора Чжуй и
умер в 972 году, когда ему исполнилось 82 года. Его главным последо-
вателем был Эймё, у которого, говорят, учеников было не меньше

двух тысяч. Эймё написал огромное количество книг и пользовался
расположением императора. Священники из Кореи приходили к нему
учиться. Он умер в 975 году в возрасте 72 лет.

Некоторое время секта Хогэн процветала, но потом пришла в
упадок. Интересно разобраться в причинах этого феномена. Секта
Хогэн была не чисто дзэнской, а с примесью буддизма Чистой Земли.
В этой секте также изучали сутры *Хоккэкё*, *Кэгонкё*, *Сюрёгонкё* и
Энгакукё. Мастера этой традиции, особенно Тэндай, стремились быть
эклектичными и не догматичными. Но именно узость и нетерпи-
мость обеспечивают длительную жизнь школам и учениям. Причи-
на этого в том, что человеческая природа может быть глубокой, но
если она широка, она неизбежно мельчает вследствие рассеяния энер-
гии. Рассеяние энергии приводит к упадку.

Дзэн Уммона, например, подобен электрической искре. Он не
подходит для трудолюбивых искателей истины, действующих по прин-
ципу “лучше меньше, да лучше”. Уммон знаменит своими одно-
сложными восклицаниями, “вратами одного иероглифа”. Судя по
историям, лишь немногие проходили эти врата. Однажды, например,
когда Уммона спросили, что такое меч, рассекающий падающий во-
лос, то есть, что такое дзэн, он ответил: “Цзу!”, что, как утверждается,
является междометием, с помощью которого передавали звук ножа,
вонзающегося в плоть. Это высказывание ничего не “означает”. Та-
ково состояние сознания Уммона, которое он желает передать мона-
ху, такова чувствительность к опасностям и страданиям, чувствитель-
ность, которую дзэн не должен притуплять.

Другой пример широты человеческой природы дает ответ Уmmo-
на на вопрос о том, что такое Подлинный Глаз Закона. Уммон отве-
тил: “Везде!”, и смысл этого восклицания не в том, что Глаз Будды
проникает все вещи, а в том, что Глаз Будды со всех сторон смотрит
сам на себя. Когда Уммона спросили: “Что такое Путь?”, он ответил:
“Иди!”, что означает: “Давай! Становись на Путь и иди! Не стой здесь,
задавая глупые вопросы!”

Тэндай (891-972) стал священником в возрасте пятнадцати лет.
Говорят, он посетил пятьдесят шесть дзэнских мастеров, пока не при-
шел к Хогэну, у которого достиг просветления. Император уважал

Тэндая и помог ему вернуть из Кореи книги, которые были уничтожены в Китае в годы преследований буддизма в конце эпохи Тан. Согласно преданию, у Тэндая было сорок пять просветленных учеников, и среди них самым знаменитым был Эймё Эндзю. Вот одно из стихотворений Тэндая:

Вершина Дунсюань
 Чужда человеческим заботам.
 Вне ума не существует ни одной вещи,
 Зеленые горы переполняют наши глаза.

Первые две строки слишком прямолинейны, а по поводу третьей можно возразить, что внутри ума тоже не существует ни одной вещи. Истории о Тэндае не очень интересны.

Эймё (904-975) был буддистом с детства, но стал монахом только в 28 лет. Он учился у Суйгана, но достиг просветления у Тэндая. Когда он стал мастером большого храма Эймё, у него всегда было больше двух тысяч учеников. Он много читал и писал, изучал принципы буддизма Чистой Земли.

— Я прислуживаю вам уже давно, но мне все еще недоступно ваше видение вещей, — сказал монах.

— Пойми свое непонимание! — ответил Эймё.

— Если я не понимаю, как я могу его понять?

— Из лона коровы появляется на свет слоненок; синее море курится желтой пылью.

Со всей очевидностью, Эймё стремится сделать так, чтобы непонимающий монах понимал еще меньше. Когда в своем непонимании мы близки к отчаянию, дзэн не за горами.

— Что такое Великое Круглое Зеркало? — спросили у Эймё.

— Разбитые часы.

Вопрос переключается с фразой: “В ясном зеркале нет ни малейших различий между вещами”, смысл которой в том, что в буддистской мудрости нет деления на одно и другое, на “мое” и “твое”. Таким образом, монах спрашивает: “В чем суть буддизма?”, или: “Что есть дзэн?” Ответ Эймё не так разрушителен и нигилистичен,

как может показаться. Оскар Уайльд говорил, что искусство бессмысленно, но при этом он считал, что выше искусства и кроме искусства в мире ничего нет.

О Ракане Сюнине, ученике Хогэна (не путать с Раканом, учеником Гэнся), ничего не известно, кроме одной истории.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Ракана Сюнна.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь о приходе Дарумы с Запада?

— Разве приход Дарумы с Запада не имеет смысла?

— Ты просто открываешь рот и произносишь слова.

Глава 8

ОТ ЯКУСАНА ДО СЭКИСО

Якусан стал священником в возрасте семнадцати лет и достиг просветления у Сэкито. Впоследствии у Якусана было много учеников, и его школа процветала. Якусан умер в 834 году в возрасте 84 лет. Одна из самых известных историй о Якусане (приписанная Басо в одном из источников) звучит так:

— Откуда ты пришел? — спросил Якусан у монаха.

— С Южного Озера.

— Вышло ли озеро из берегов?

— Еще нет.

— Столько дождей, а озеро не переполнилось?

Монах молчал.

Эта история переключается с ироническими театральными сценами, в которых персонажи разговаривают друг с другом, подразумевая при этом разные обстоятельства. Якусан интересуется не дождем и не озером, а только монахом. Монах же озабочен погодой и водой, он

не видит Якусана. В некотором смысле оба они неправы. Монах слишком наивен, а Якусан высказывается слишком глобально, чем ставит монаха в тупик.

— Существовала ли суть буддизма до прихода Дарумы? — спросили у Якусана.

— Существовала.

— Зачем же он пришел?

— Он пришел именно потому, что истина уже была здесь!

Этот диалог словно взят из *Алисы в Стране Чудес*. Он дает замечательный пример побега из научного мира причины и следствия. За пятьсот лет до прихода Дарумы в Китай Христос умер, чтобы спасти грешников, которые к тому времени уже были спасены вечной любовью Бога. Вот еще одна история, показывающая остроту ума и энергичность Якусана.

Якусан долго не читал проповедей. Однажды старейшина пришел к нему и сказал:

— Монахи не будут возражать, если вы прочтете проповедь.

— Ударьте в колокол! — велел Якусан.

Старейшина ударил в колокол, монахи собрались, но Якусан ушел в свои покои и не возвращался. Старейшина последовал за ним и спросил:

— Мастер собирался прочесть проповедь. Монахи пришли. Почему же вы ушли, не сказав ни слова?

— Для чтения сутр есть проповедники сутр. Для чтения шаштр есть проповедники шаштр. При чем тут я?

Каждый учит тому, чему может. Люди учат тому, чему они учат. Каждый учит каждого. Однако то, чему мы учим на самом деле, не всегда совпадает с тем, чему мы учим на первый взгляд. Гитлер учил мир тому, что человек может быть начисто лишен человечности, и всё же быть великим. Многие лекторы на тему поэзии учат тому, что поэзия лишена смысла. Крейслер учил, что игра на скрипке — смесь сентиментальности и акробатики. Якусан учил монахов не просить, чтобы их учили. Будда уже пытался учить людей этому, но без видимых успехов. Единственная возможность научить не учиться

состоит в том, чтобы не учить. Якусан научился такого рода вещам у Сэкито.

Однажды Якусан занимался *дзадзэн*.

— Что ты делаешь? — спросил Сэкито.

— Не что-то.

— Значит, ты тупо сидишь.

— Если бы я тупо сидел, я бы что-то делал.

— Скажи, что именно ты не делаешь?

— Тысячи мудрецов не ответят.

Ответ Якусана старому учителю был подлинным. Он сказал: “Медитируя, я позволяю вселенной делать то, что она пожелает”. “Разве это *позволяю* не является деланием чего-то?” — настаивал Сэкито. “Не является”. “Скажи мне, в таком случае, что такое это *позволяю*?” “О нем нельзя сказать. Его нельзя показать. Суть величия в том, чтобы не говорить о нем и не пытаться его проявлять”.

— Что такое *шила*, *дхьяна* и *праджня*? — спросил у Якусана губернатор Ри.

— У бедного монаха нет бесполезной мебели.

— Не наводите тень на плетень!

— Чтобы понять меня, вы должны сидеть на вершине высочайшей горы и опуститься на дно глубочайшего моря. Но вы носите свое бремя днем и ночью. Вы увлечены иллюзиями.

Шила — это заповеди, *дхьяна* — это медитация, *праджня* — это мудрость. Губернатору провинции следует отвечать грубо, особенно, если он спрашивает о дзэн. Величайшая ошибка губернатора в том, что ему не хватает подлинной веры, ему нужны наставления и поощрения со стороны, хотя от них, как видим из этой истории, тоже мало пользы.

Последние дни Якусана прошли в полном согласии со всей его жизнью. Перед смертью он воскликнул:

— Крыша падает! Стены рушатся!

Монахи разбежались, кто куда. Некоторые из них стали подпирать стены, которые, казалось, вот-вот упадут. Якусан, подняв руки, заявил:

— **Никто из вас не понял меня! — и умер.**

Что хотел сказать Якусан? Всё падает, всё вздымается. Подпирать то, что падает, глупо; лучше его подтолкнуть. Когда разрушаются выдающиеся произведения искусства, когда мотылек сгорает в пламени свечи, когда погибают пять миллионов свреев, давайте сделаем то же, что и Якусан, — поднимем руки и умрем.

Унган (ум. 841) был учеником Хякудзэ в течение двадцати лет, но просветления достиг у Якусана. Среди его учеников были Тодзан и Содзан, основатели дзэнской секты Сото. Об Унгане рассказывают лишь несколько историй, и это свидетельствует о том, что его дзэн был невыдающимся.

Однажды Унган заболел и Дого спросил у него:

— **Когда вы уйдете из этого мешка с костями, где мы встретимся?**

— Там, где пребывает не-рождение, не-умирание, — ответил Унган.

— Не говорите так! Скажите лучше, что мы встретимся там, где нет даже не-рождения и не-умирания, или что мы вообще никогда не встретимся.

Ответ Унгана слишком религиозный. Ответ Дого (768-835) слишком трансцендентный. Верно, что дзэн не теряет своей значимости как в случае здоровья, так и в случае болезни, хотя до нас и не дошли предания о тех, кто достиг просветления на смертном одре. И все же, в этой истории Дого слишком назойлив. Подвергать человека дзэнскому испытанию, когда он плохо себя чувствует, а затем сказать ему, что он его не выдержал, — такое отношение нельзя назвать дружеским или способствующим выздоровлению. Дзэн должен быть одновременно сверхчеловечным и просто человеческим.

Что же касается жизни после смерти, то для тех монахов, которые верят в перевоплощение, здесь не возникает проблем. Тот же, кто не верит в перевоплощение, занимает удобную позицию, в соответствии с которой рождение — это смерть, а встреча — это прощание. Им удается избавиться от проблемы, придавая ей трансцендентное звучание. Мне кажется, что подлинно дзэнским можно назвать отноше-

ние миссис Гэмп. Мы рождены в “долине” и должны принимать все (болезненные) следствия этого обстоятельства.

— **Что самое глубокое в мире? — спросил монах у Дого.**

Дого поднялся со своего места, поклонился монаху, как это делают женщины, и сказал:

— **Ты пришел издалека, но у меня нечего тебе ответить.**

Действия и слова Дого очень глубоки. Знать о том, что знать ничего нельзя, и сожалеть о том, что этого нельзя передать другим — вот что такое жизнь дзэн. Глубже этого нет ничего в мире.

Сэкисо (ум. 888) стал монахом в молодости и обучался у Исана, а затем у Дого, который подтвердил его постижение. Учение Сэкисо отличается некоторой оригинальностью, но, кроме этого, о нем едва ли можно сказать что-то определенное.

— **Если через сто лет кто-то спросит у меня, в чем абсолютный смысл вселенной, что ему ответить? — спросил Сэкисо у Дого.**

Дого позвал мальчика-прислужника, и когда тот пришел, велел ему наполнить сосуд с водой. Дого подождал некоторое время, а затем спросил у Сэкисо:

— **Что ты только что спрашивал?**

Сэкисо повторил свой вопрос. Не говоря ни слова, Дого ушел в свою комнату. Сэкисо достиг просветления.

В такого рода поступках ощущается присутствие гениальности Платона, Микеланджело, самого Баха. Создание мира, его развитие, его окончательное уничтожение, его вечность и бесконечность — всё это присутствует (если только мы его видим) в наполнении сосуда водой, в ожидании, в повторении вопроса, в уходе в свою комнату. Неудивительно, что Сэкисо достиг просветления. Дого действовал сознательно, но каждый Том, Дик и Гарри, а также все палки и камни, которые “в благонамеренности своей превосходят лучших из нас”, бессознательно делают всё, что могут, чтобы помочь нам, и даже Дого не сравнится с ними в постоянстве добрых намерений.

— **В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Сэкисо.**

Сэкисо шелкнул зубами. Монах не понял.

Уже после смерти Сэкисо этот монах спросил у Кюхо, что Сэкисо имел в виду, когда шелкнул зубами.

— Если бы мне задали этот вопрос, я бы отрезал себе язык и не позорил страну.

Монах спросил о том же у Унгай, который ответил:

— Разве я враг Сэкисо?

Понять этот случай нетрудно. Но сначала мы должны понять, что об истине можно поведать лишь тогда, когда мы говорим или закрываем рот *истинно*. Истина не является существительным, но это также не глагол и даже не прилагательное. “В начале было Слово”. Фауст говорит: “В начале было Действие”, то есть глагол. Я бы сказал: “В начале было Наречие”. “Бог есть любовь”. “Быть Богом означает любить”. “С Богом живут любовно”.

— Содержится ли смысл прихода Дарумы с Запада в буддистском учении? — спросил монах у Сэкисо.

— Содержится.

— В чем же этот смысл?

— Не ищи его в сутрах!

Этот эпизод хорош и понятен. Истина в Библии, в Священном Писании, но не ищите ее в Библии! Как сказал Торо: “На приеме у Бога не проси его показать своих слуг”.

Когда Сэкисо жил у Исана, он был ответственным за хранение риса. Однажды, когда Сэкисо просеивал рис, Исан сказал:

— Смотри, не рассыпай этот ценный продукт!

— Я не рассыпаю, — ответил Сэкисо.

Исан поднял с пола зернышко риса, показал его Сэкисо и сказал:

— Неужели не рассыпаешь? А это что?

Сэкисо молчал.

— Не нужно думать, что одно зернышко риса ничего не стоит. Десять тысяч других зерен вырастут из него, — сказал Исан.

— Разрешите спросить, откуда пришло это зернышко? — спросил Сэкисо.

Исан громко засмеялся и ушел к себе в комнату. В тот вечер он сказал собравшимся в зале:

— Монахи, в рисе, который вы едите, живет червячок!

Исану очень понравилось молчание Сэкисо, когда он его упрекал, и его невозмутимый вопрос, заданный, чтобы прекратить ворчание старого мастера. Откуда пришла эта жизнь? За тысячу с лишним лет мы даже не приблизились к ответу на этот вопрос. Но *пришла* ли жизнь откуда-то? Правда ли, что весна *приходит* к нам? Правда ли, что люди приходят и уходят? Да, жизнь приходит, но она также и не приходит. Необходимость просеивать рис вызвана голодом монахов, но она также не имеет причины. Просеивание риса — это просто просеивание риса. Как бы мы ни старались, одно зернышко риса будет потеряно, но Бог сосчитал все зерна, рассыпавшиеся и нерассыпавшиеся.

Монах пришел к Сэкисо от мастера Канкэя.

— Наш южный храм не лучше, чем его северный, — сказал Сэкисо монаху.

Монах не знал, что ответить. Вернувшись к Канкэю, он передал ему этот разговор с Сэкисо.

— Почему, черт возьми, ты не сказал Сэкисо, что я собрался в *нэхандо* (обитель Нирваны)?

Монахи обычно путешествовали по стране, посещая великих мастеров и проводя отвратительные сравнения между ними. Сэкисо сказал монаху, что как дзэнский мастер он не лучше, чем Канкэй. Сэкисо — это Сэкисо, а Канкэй — это Канкэй. Верба зеленая, цветы красные. Когда Канкэй узнал, что сказал Сэкисо, он сказал монаху, что готовится умереть.

Перед лицом смерти все соревнования и амбиции бессмысленны. Столкнуться лицом к лицу со смертью — всё равно что пережить просветление. *Нэхандо* (обитель Нирваны) — это монастырский лазарет. Его называли также *мудзэдо* (обитель мимолетности), в которую, как предполагалось, монахи попадают перед тем, как проститься с жизнью. Но люди не желают уходить в Нирвану так скоро, и

поэтому *нэхандо* впоследствии переименовали в *эндзюдо* (обитель продления жизни).

Глава 9 СЭНСУ, КАССАН, СЁДЗАН

Сэнсу, даты жизни которого неизвестны, был учеником Дого и Якусана, у которого он ходил в прислужниках в течение тридцати лет. Уйдя от Якусана, он служил паромщиком, преподававшим дзэн, перевозя людей через реку на маленькой лодке. Так Сэнсу получил прозвище Лодочник. Он обычно поднимал весло и спрашивал: “Вы понимаете?” Его дзэнским последователем стал Кассан. В конце жизни Сэнсу нарочно перевернулся в лодке и утонул. Историй о Сэнсу не так уж много, и все они относятся ко второму периоду его жизни.

Кассан стал монахом в юности и достиг просветления у Сэнсу. Он прославился суровостью своих методов обучения.

— Что можно сказать о том, когда мы вытираем пыль и видим Будду? — спросил у Кассана монах.

— Вы должны владеть мечом! Если вы не владеете им, вы подобны рыбаку, живущему на дереве, — ответил Кассан.

Затем монах пришел к Сэкисо и задал ему тот же вопрос.

— Он не из этой страны. Разве его можно видеть? — ответил Сэкисо.

Тогда монах вернулся к Кассану и рассказал ему о своей встрече с Сэкисо. Кассан поднялся на кафедру и объявил:

— В изобретении средств для просветления непросветленных никто не сравнится со мной, но в ясности описания абсолютного Сэкисо превзошел меня.

Кассан говорит о том, что когда вы устранили путаницу мыслей и эмоций и видите Будду, вы должны избавиться от самого Будды, чтобы просто видеть. Вы не должны видеть что-то или кого-то. Сэкисо ответил, имея в виду то же самое, только прямо, конкретно, без объяснений и наставлений, и Кассан похвалил его за это.

— Что можно сказать о характере Кассана? — спросил у Кассана монах.

— Обезьяна, прижимая к себе детеныша, скрывается из виду за голубыми горами; птица, держа в клюве цветок, опускается на землю перед зеленой скалой.

Ответ — сплошная любовь и красота. Никаких упоминаний о дзэн, слава Богу.

Монах Кассана отправился к Котэю и поклонился ему. Котэй ударил монаха по спине. Монах снова поклонился. Котэй снова ударил его по спине и выгнал прочь. Монах рассказал об этом Кассану.

— Ты понимаешь? — спросил Кассан.

— Нет, — ответил монах.

— Это хорошо. Ведь если бы ты понял, я бы лишился дара речи.

У Ниогэна Сэндзаки есть прекрасный комментарий на эту историю. “Американский дзэн сбился с пути. Пишутся книги, читаются лекции, прослеживаются связи с теологией, психологией и всем остальным. Кто-то должен найти в себе силы разбить всё это вдребезги...”

Когда Тодзан пришел к Кассану, тот занимался *дзадзэн*.

— Как оно? — спросил Тодзан.

— Ничего, — ответил Кассан.

Подобные диалоги позволяют нам облегченно вздохнуть после избытка дзэнских парадоксов и псевдодзэнских мистификаций. Такие истории ближе к дзэн в его подлинном звучании.

У Кассана был монах, который отправился в паломничество, обошел многие дзэнские храмы, но так и не смог найти учителя. Во время путешествия монах неоднократно слышал, что о Кассане от-

зываются как о великом дзэнском мастере. Вернувшись, он снова встретился с Кассаном.

— Вы обладаете глубоким пониманием дзэн, — сказал монах. — Почему вы не открыли его мне?

— Когда ты варил рис, разве я не зажег для тебя огонь? Когда ты раздавал пищу (*аняку*, *гэки*), разве я не подавал тебе свою тарелку? Когда я не оправдал твоих ожиданий?

Монах достиг просветления.

Если мы обладаем дзэн, наш дзэн проявляется в том, как мы пишем, как мы зажигаем огонь или держим чашку, которую следует наполнить рисом. Верно также, что интеллектуальные препятствия не позволяют (физическому) глазу, уху или носу постигать истину непосредственно. В таком случае понимание смысла слов может вызвать *сатори*, в результате которого интеллектуальные препятствия будут устранены. В этой истории монах понял, что совершал ошибку, когда, обходя дзэнских мастеров, ожидал что-то получить от них или от самого Кассана.

— Что такое Путь? — спросил монах у Кассана.

— Солнце освещает живописную местность; на расстоянии в десять тысяч миль не видно ни одного облачка.

— Что такое подлинная форма Вселенной?

— Даже рыбки, играющие в прозрачной воде, иногда совершают ошибку.

“Путь нетруден”, — говорит Содзан. Трудно стать на Путь, но когда вы уже стали, нет ничего проще. Жизнь на Пути подобна пребыванию под открытым небом ранним летом. Ответ Кассана на второй вопрос о первичной, фундаментальной форме вселенной труднее для понимания. Форма подобна чистой воде, но наше воображение мутит даже чистую воду. Мы принимаем тень за еще одну рыбу, и наоборот. Бога мы считаем Большой Рыбой.

— Кто Первый Учитель? — спросил у Кассана монах.

— Он пьет воду, но не моет волосы в ручье.

Говорят, что поэт — это тот, кто обладает “природой солнца, которое иногда прячется за облаками, но потом снова возникает в небе

таким же чистым, как прежде”, но таких поэтов не существует. Метафора неудачна.

Кассан сказал собравшимся монахам:

— Найдите меня на кончике травинки! Узнайте принца на рыночной площади!

Заросли травы символизируют видимые феномены. Когда мы видим осыпающиеся листья, восходящее солнце, плывущую рыбу, мы понимаем слова мастера. Принц, значимость, глубинный смысл — всё это пребывает в сумятице и беспорядке этого мира, а не в буддистском спокойствии или каком-то другом земном или не-земном рае.

Когда Кассан был при смерти, он позвал к себе главного монаха и промолвил:

— Я преподавал Путь в течение многих лет. Каждый должен самостоятельно постичь подлинный смысл буддизма. Моя иллюзорная жизнь кончилась. Я ухожу. Монахи должны жить так, как раньше. Они не должны причинять страдания обычным людям.

Сказав эти слова, Кассан вошел в вечность.

Сёдзан, время жизни которого точно не известно, был учеником Кассана. О нем ничего не известно, кроме нескольких историй, в которых он учит монахов.

— Знаете ли вы утверждение, которое не правильно и не ошибочно, не реально и не иллюзорно? — спросил монах у Сёдзана.

— Знаю.

— Какое это утверждение?

— Маленькое облачко, плывущее в небе, не имеет изъюнов.

Сказать что-то такое, что было бы логически не утвердительным и не отрицательным, едва ли возможно, кроме междометий типа: “Катц!” и ударов. Недвойственность высказывания Сёдзана определяется не его фактическим звучанием, а состоянием сознания, в котором Сёдзан находился до, во время и после того, как его произнес. Поэтому высказывание Сёдзана — это сам Сёдзан. Мы не можем повторить его в качестве абсолютного утверждения, потому что, ког-

да мы повторяем, оно становится искусственным, надуманным. Чтобы произнести его так, как Сёдзан, мы должны стать беспричинно злонамеренными, как Яго в драме Шекспира *Отелло*, а затем отказаться от злонамеренности.

— Что такое царство Сёдзана? — спросил монах.

— С древности обезьяны и птицы подают голос; легкая голубая дымка покрывает всё на земле, — ответил Сёдзан.

— Кто обитает в этом царстве?

— Пошел вон!

Монаху дали трудный ответ. Просить о другом аналогичном ответе было жадностью с его стороны, за что он и получил по заслугам. Восклицание: “Пошел вон!”, наверняка, научило его большему, чем первый таинственный, утонченно поэтический ответ Сёдзана.

— В чем особенность учения Сёдзана? — спросил монах.

— На вершине горы растет трава без корней; листья шелестят, хотя ветра сегодня нет, — ответил Сёдзан.

Этот эпизод дополняет предыдущую историю. Вещи таковы, каковы они есть, — и в то же время вещи другие. Деревья растут от корня вверх — и в то же время у них нет корней. Они растут просто так, без причины и следствия. В безветренную погоду листья движутся, не потому что случилось землетрясение, а просто потому что они желают двигаться. Напоминают о себе слова британского поэта: “Река меж берегов струится, воле следуя своей”.

Монах пришел к Сёдзану, поклонился ему, сложил руки и остался стоять в таком положении.

— Хорошую древесину хранят в плохом помещении, — сказал Сёдзан.

Монах прошелся взад-вперед.

— У опытного плотника древесина не залеживается, — продолжил мастер.

Эта история очень интересна, но понять ее нелегко. Хорошая древесина, которую хранят в плохом помещении, наверное, подразумевает просветленного монаха, внешность и манеры которого оставля-

ют желать лучшего. Или же речь идет о дзэн или о природе Будды, которую мы обычно находим в самых неожиданных местах. Второе замечание, о том, что опытный плотник быстро использует свои строительные материалы, может означать также, что хороший монах — это лишь средство, а не цель. О дзэн и природе Будды можно сказать то же самое. Будду нужно убить, дзэн нужно оставить позади.

Дзюнфуно сказал Сёдзану:

— Не желаете ли посмотреть в чистое зеркало?

— Ни одним глазом.

— Почему?

— Разбитое зеркало не может отражать вещи; опадающие цветы не вернутся на ветку.

Эта история, очевидно, перекликается с поэтическим состязанием Эно и Дзинсю. Эно объявил, что зеркала не существует, а Сёдзан сказал, что он не желает видеть даже иллюзии зеркала, которая для него умерла, как увядшие цветы. Дзюнфуно был старшим монахом в монастыре Якусана.

Глава 10 ТОДЗАН

Еще в детстве Тодзан стал монахом в храме секты Виная, основанной Досэном во времена ганской династии.

Однажды учитель Тодзана читал сутру *Макаханьясингё*. Когда он дошел до отрывка, в котором говорилось: “Нет глаза, нет уха, нет носа, нет языка, нет тела, нет ума”, Тодзан почувствовал, что здесь что-то не то.

— У учителя есть глаза, уши и все остальное, и у меня тоже. Почему же Будда утверждает, что их нет? — спросил Тодзан.

Священник секты Виная был удивлен.

— Я не могу учить тебя дальше. Когда-нибудь ты станешь великим проповедником буддизма махаяны, — сказал он и отправил молодого монаха к мастеру Гэю*, ученику Басо.

Позже, когда Тодзан учился у Унгана, случилось следующее:

— Мастер, если через сто лет кто-нибудь спросит, каково было ваше глубочайшее понимание, что ему ответить? — спросил Тодзан.

— Скажи: “Просто это”, — ответил Унган.

Тодзан молчал, и Унган продолжил:

— Тодзан, если ты постиг, слова сами придут к тебе.

Тодзан молчал. Унган ударил его.

Уже после смерти Унгана Тодзан проводил памятную службу в честь глубочайшего понимания старого мастера, и один монах спросил:

— Можно ли слова старого учителя: “Просто это” назвать духом утверждения?

— Можно, — ответил Тодзан.

— Что они означают?

— Тогда я блуждал впотьмах, но все же понял.

— Постиг ли Истину покойный учитель?

— Если бы он не постиг, как бы он мог говорить такие слова; если он постиг, как он мог не поведать об этом?

“Через сто лет” означает “когда вы умрете”, но если понять эти слова буквально, станет ясно, что даже спрашивающий к тому времени уйдет к Желтым Ручьям. “Просто это” — в этой фразе самая суть дзэн, особенно, в слове “просто”. Всё, каково оно есть, обладает экзистенциальной значимостью и бесконечным смыслом. Достичь просветления означает раз и навсегда постичь эту реальность, ее религиозную сущность. И если просветление подлинно, оно должно отражаться, как говорят Унган и Блейк, во всех мелочах нашей повседневной жизни. Ответы Тодзана на вопросы монаха дают пример если не логичности, то по крайней мере скромности, и последняя более убедительна, чем первая.

* Умер в 818 г.

Однажды Тодзан заявил перед собравшимися:

— Вы должны знать, что есть нечто выше Будды!

— Что может быть выше Будды? — спросил монах.

— Не Будда!

Слово “Будда” здесь подразумевает просветление, дзэн или высшую истину. Что может быть выше этого? Ответ очевиден. Выше этого может быть только заблуждение, непонимание дзэн, отсутствие высшей истины. Бог, праведность, смелость, безличность — всё это понять легко. Но Дьявол, зло, трусость, эгоизм — как это понять? Христос говорит: “Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное” (Мф. 5, 20). Мы должны отказаться от праведности, изведать уникальный вкус уродства, полюбить ложь и лицемерие людей — что мы и делаем всякий раз, когда смеемся. Жить подлинной дзэнской жизнью означает никогда не прекращать смеяться.

Тодзан сказал собравшимся монахам:

— Слова ничего не выражают, словами делу не поможешь, верящий в слова неминуемо погибнет, повторяющий чужие слова подвергнется заблуждению.

Внимательно присмотревшись к этим четырем утверждениям, мы увидим, что не все они верны. “Слова ничего не выражают”. Как насчет этого самого высказывания — выражает оно что-нибудь или нет? Лучше было бы сказать, что слово — это неотъемлемая часть вещи. Слово — это вещь. Вещь, не названная словом, для мира людей вообще не существует. Но достаточно чего-то одного — слова или вещи. Одно из них не важнее другого.

“Словами делу не поможешь”. Это тоже неверно. Дзэнские слова (не путать со словами о дзэн!) подойдут в любой ситуации.

“Верящий в слова неминуемо погибнет”. Это почти верно, потому что слова, сказанные кем-то другим, не соответствуют нашей ситуации, потому что каждая ситуация говорит своими словами.

И, наконец, последнее изречение: “Повторяющий чужие слова подвергнется заблуждению” в равной мере относится к политикам, ученым и литераторам. Китс, Мильтон, Шекспир, Спенсер и другие анг-

лийские писатели обманывали себя, произнося красивые слова. Вордсворт догадывался об этом, но слишком туманно, он пытался что-то сделать, но слишком несмело.

Тодзан и Хаку, который был священником одной из мистических традиций, зашли в лавку кулинару. Хаку нарисовал на полу круг:

— Убери это! — сказал Хаку.

— Сначала подними его и подай сюда! — ответил Тодзан.

У Хаку не нашлось, что сказать.

Этот эпизод напоминает о том, что китайские секты всегда соревновались между собой, но при этом их сторонники не преследовали друг друга, как это случалось на Западе. Еще следует отметить, что только проникательные люди могут понять дзэн, быть добрыми, писать стихи или сочинять музыку. Остается выяснить, в чем же смысл этой “проникательности”? Что бы вам сказать? Если вы проникательны, едва ли вам нужно объяснять такие вещи...

Сомицу и Тодзан переходили вброд реку.

— Когда пересекаешь реку, смотри, не оступись! — сказал Тодзан.

— Если я буду думать о том, чтобы не оступиться, как я пересеку реку? — ответил Сомицу.

— Кто никогда не делает ошибок?

— Тот, кто переходит реку в обществе просветленного.

В этом оправдание католической церкви, которая запретила некоторые книги. Но верно также и то, что великие люди помогают уменьшить число наших ошибок.

— Вы советуете ученикам следовать по Пути Птиц. Что это такое? — спросил монах.

— На этом пути никого не встретишь, — ответил Тодзан.

— Как стать на этот путь?

— Забудь о себе и шаг за шагом внимательно иди вперед.

— Правда ли, что Путь Птиц — наша подлинная природа?

— Монах, зачем ты ставишь всё с ног на голову? — сказал Тодзан.

Так, утверждать, что кошка — это животное, означало бы ставить вещи с ног на голову.

— Где вы видели, чтобы монахи ставили что-то с ног на голову? — сказал монах.

Допускать ошибки свойственно для человека. для природы Будды.

— Если бы монахи ничего не ставили с ног на голову, как бы слуга мог стать господином? — сказал Тодзан.

— Что такое наша подлинная природа?

— Не следовать Пути Птиц (а ставить вещи с ног на голову!)

В конце концов Тодзану пришлось уподобиться Лао-цзы и сказать, что путь, который может быть назван Путем Птиц, не есть Вечный Путь. Если мы никого не встречаем, это хороший признак того, что мы находимся на правильном пути. Путь Птиц — первый из Трех путей Тодзана. Второй из них — Тайный Путь, который мало чем отличается от первого в том смысле, что это путь за пределы бытия-и-небытия, просветления-и-неведения. Третий путь Тодзана — Протянутая Рука, спасение людей.

У Тодзана было также Три Великих Принципа. Первый из них — “Прислушайся и помогай”, другими словами, сострадание к людям. Ученик желает учиться. Учитель его учит. Ученик и учитель работают вместе для просветления ученика. Второй принцип — “Золотая цепь”. Наша связь с Буддой “золотая”, но она также может быть обузой. И третий принцип — “Не различай глупых и мудрых”. Для чувствительного, образованного человека это, наверное, самое трудное.

— Куда ушел покойный монах? — спросили у Тодзана.

— После пожара — росток травы.

Я понимаю это так: “Монах умер, и теперь в нем не больше жизни, чем у железном гвозде. Монаха больше нет. В то же время жизнь в том или ином виде продолжается, по крайней мере, пока”. Вопрос о жизни после смерти, который сразу же приводит нас к представлению о перевоплощениях, возникает в дзэнских историях редко. Одной из самых интересных историй на эту тему является следующая:

— Монах по имени Синсо спросил у меня, куда ушел покойник, и я ответил, что смерть человека подобна превращению льда в воду, — сказал Сэппо.

— Это верно, но я бы ответил по-другому, — сказал Гэнся.

— Как бы ты ответил?

— Смерть человека подобна добавлению воды в воду.

— Когда змея проглатывает лягушку, должны ли мы спасти ее или нет? — спросил монах.

— Пытающийся спасти не видит обоими глазами; не пытающийся спасти не отбрасывает тени, — ответил Тодзан.

Если мы спасем лягушку от змеи, мы смотрим на вещи только с одной стороны, не учитывая интересы змеи. Если же мы позволяем лягушке погибнуть, мы не даем проявиться нашему стремлению защищать слабых. Историй о змеях очень много, и все они интересны.

Кёсэй, ученик Сэппо, однажды спросил у монаха, что за шум раздается за дверью. Монах ответил, что там змея заглатывает лягушку.

— Я думал, что жизнь — это страдание, а оказывается, что страдание — это жизнь, — ответил Кёсэй.

Когда Тодзан мыл посуду, он увидел, что неподалеку две вороны дерутся из-за лягушки.

— Зачем только эти твари появляются на земле? — спросил монах.

— Для тебя! — ответил Тодзан.

В соответствии с христианством, мир был сотворен для человека, а не для себя. Многие не задумываются, зачем был сотворен мир. Современная точка зрения состоит в том, что вещи существуют для себя. Возможно, лучше сказать, что они просто существуют безо всякого “для”. Тодзан говорит: “Для тебя!”, и это верно, хотя, как всегда, только наполовину. Вещи существуют на сто процентов для самих себя и на сто процентов для нас.

Тодзан отправился к Нансэну. В это время в монастыре Нансэна отмечали годовщину смерти Басо. Нансэн сказал собравшимся:

— Завтра мы будем поминать Басо. Как вы думаете, будет он присутствовать с нами или нет?

Никто из монахов не ответил. Тогда Тодзан сказал:

— Старый мастер дождется спутника и придет вместе с ним.

— Хотя этот человек еще молод, его можно чему-то научить, — сказал Нансэн.

— Ваша милость любит и ценит добрых людей.

“Будет присутствовать или нет?” Предрассудки говорят, что будет; здравый смысл — что нет. Дзэн воздерживается от суждения. Дзэн может только повторить: “Будет присутствовать или нет?” Тодзан говорит, что покойный мастер подождет спутника. Кто может быть достойным спутником просветленного человека? Ответом, очевидно, будет: Бог. Но что есть Бог? Бог есть любовь. Если вы любите Басо, он придет и поселится в вашей душе навсегда.

— Что такое тайна тайн? — спросил монах у Тодзана.

— Язык мертвеца.

Вопрос пришел из Лао-цзы, которого монах, наверное, читал в то время. Тодзан говорит, что тайна тайн похожа на язык покойника, который не менее, а более красноречив, чем язык живого человека. Верно, что чем глубже мы входим в суть вещей, тем более выразительными они становятся, тем меньше они недоговаривают. Вот почему в палках и камнях столько поэзии.

Тодзан поднялся на кафедру и сказал:

— Оказавшись среди десяти тысяч людей, он не убегает ни от кого и не устремляется ни за кем. Скажите, кто это такой?

— Я здесь, в зале! — ответил Унго, выходя вперед.

Вот подлинно дзэнский ответ! Не: “Я — тот человек, о котором вы говорите”, а: “Я здесь!” Не любящий и не презирающий не является ни личностью, ни не-личностью. Бог не есть любовь. Бог — не абстракция и не подобие человека. Бог — не “он” и не “оно”.

Стоя на краю рисового поля, Тодзан увидел, что главный монах Ро ведет быка.

— Следи за быком, он может выпотать посевы! — сказал Тодзан.

— Если бык хорош, он не позарится на рис, — ответил Ро.

Хорошо обьеженный бык не позарится на рис. (Обратите внимание, что китайцы не говорят тоном библейского пророка: “Ты не

должен одевать намордник быку...”) В этом видна разница между материальным и духовным. Разделенная, любовь не уменьшается, но рисовые посевы — совсем другое дело. По этой причине символов нужно избегать — или просто играть с ними.

Когда Тодзан прощался с Нангэном, тот сказал ему:

— Изучай буддизм досконально и приноси пользу себе и другим.

— Досконально изучать буддизм — это я понимаю, но что означает приносить себе пользу? — ответил Тодзан.

— Ничего не отвергай! Вот что это значит, — сказал Нангэн.

Тодзан справедливо возразил против идеи о пользе. Христос учил, что если мы ищем прежде всего Царства Небесного, “все эти вещи будут даны нам”. Мы должны стремиться к страданию во имя страдания (не по-мазохистски, а для духовного совершенствования), и тогда глубина и сила обязательно придут к нам.

В лазарете находился больной монах, который попросил Тодзана прийти к нему. Когда Тодзан пришел, монах спросил у него:

— Почему вы не спасаете обычных людей?

— Из какой ты семьи?

— Из великой буддистской семьи.

Тодзан некоторое время молчал.

— Что нам делать, когда Четыре Горы надвигаются на нас? — спросил монах.

— Я вырос под одной крышей со своей семьей.

В этом месте Тодзан увлекся своими мыслями и забыл об умирающем монахе.

— Относительность реальна? — спросил монах.

— Нет.

— Куда вы отправите меня?

— На рисовое поле.

Монах глубоко вздохнул, простился и умер в сидячем положении. Тодзан три раза дотронулся палкой до его головы и сказал:

— Вот ты какой! Знал, как умереть, но не знал, как жить.

В этой истории есть что-то необычное. В ней мы чувствуем человеческое тепло, которое выходит за пределы дзэн. Умиравший монах, очевидно, думал о своем доме, о его обитателях, у которых нет природы Будды и, стало быть, надежд на спасение. Тодзан тоже подумал о своих родных. Четыре Горы, нависающие над нами. — это рождение, болезнь, старость и смерть.

Относительность (яп. *эго*) означает связь двух вещей. “Никто не живет для самого себя”. Есть также не-относительность (*фу-эго*). Это значит, что каждая вещь существует сама по себе, обладает независимым абсолютным существованием. “Каждой вещи нету равных”. На вопрос монаха об относительности Тодзан отвечает: “*Фу-эго!*”, но лучше было бы ему сказать, что дзэн выходит за пределы как относительности, так и не-относительности. Высказывание: “На рисовое поле” очень странно. Оно напоминает о стихотворении Уильяма Морриса, написанном на смерть женщины. Вот его последние строки:

Отзовись мне одним словом в поле,

Где колосится на ветру пшеница.

“Возвращайся к абсолютному, к природе, уходи в неделимое, невыразимое состояние, в котором ты должен был провести всю жизнь!” — говорит Тодзан умирающему монаху. “Ты умер хорошо, — говорит Тодзан бездыханному телу, — но в жизни ты сомневался и недоумевал, мысленно отделяя себя от семьи вместо того, чтобы осознать, что в жизни так же, как и в смерти, всё едино”. (Здесь интересно вспомнить стихотворение Вордсворта *Нас семеро*.)

Главный монах отвечал на вопрос Тодзана девяносто шесть раз, пока за девяносто седьмым тот не принял его ответ, сказав:

— Почему ты не ответил так с самого начала?

Был также другой монах, который знал все девяносто шесть ответов, но не расслышал последнего. Он просил главного монаха поведать ему этот ответ, но тот не соглашался. Просьбы не прекращались в течение трех лет, пока эти двое монахов работали на кухне, но все это время главный монах не сдавался. Однажды главный монах заболел, и тогда другой монах пришел к нему и сказал:

— Три года я просил тебя поведать мне, что ты тогда сказал. Больше я не буду делать этого. Если ты не согласился сказать мне по-доброму, я узнаю, чего бы это мне не стоило! — Тут он занес над главным монахом нож и воскликнул: — Или ты скажешь мне, или я тебя зарежу!

— Погоди! Погоди! Я всё скажу тебе! — испуганно сказал главный монах и после паузы добавил: — Но даже если я скажу тебе, ты не получишь того, что тебе больше всего нужно!

Второй монах с благодарностью поклонился.

Это очень правдоподобная история независимо от того, так ли всё было на самом деле. Ее интересный момент в том, что как только монаху пообещали то, к чему он так стремился, он больше в нем не нуждался и достиг просветления. Просветление — это понимание ненужности просветления, потому что вы уже просветлены. Таким образом, *тэнго* (ключевое слово), которое другой монах хотел узнать, — это не слово, *описывающее* ключ, а сам *ключ*. Слово — это ключ, ключ — это слово.

Когда Тодзан умирал, монах спросил у него:

— Учитель, гармония ваших четырех элементов* нарушена.

Видите ли вы того, кто никогда не болеет?

— Вижу.

— Он смотрит на вас?

— Нет, я смотрю на него.

— Что можно сказать о мгновении, когда вы смотрите на него?

— В это мгновение я не вижу болезни.

Абсолютное начало нас самих, наше подлинное “я”, не болеет и не выздоравливает. Оно всегда смотрит на нас, и наша задача — тоже смотреть на него. И когда мы видим его, мы восклицаем вместе со св. Джулианой, взирающей на “гнев Божий”: “Я не вижу, чтобы Бог был во гневе, только человек!”

* — Земли, воды, огня и ветра.

Глава 11 СОДЗАН И УНГО

Содзан вначале изучал конфуцианство, затем в возрасте девятнадцати лет стал священником. Он учился у Тодзана, чей дзэн он принял и понес дальше. Содзан умер в 901 году в возрасте шестидесяти двух лет. У него было четырнадцать просветленных учеников. Он не был таким удачливым учителем и великим человеком, как его духовный брат, Унго, но как один из основателей секты Сото, Содзан, надо полагать, обладал некоторыми способностями и соответствовал определенным требованиям. Он стал знаменитым благодаря Пяти Ступеням, о которых мы говорили в первой главе.

Когда Содзан впервые пришел к Тодзану, тот спросил, как его зовут.

— Хондзяку, — ответил Содзан.

— Почему ты не отвечаешь абсолютно?

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что меня зовут не Хондзяку.

Тодзан понял, что Содзан подает большие надежды.

Когда Содзана попросили представиться, но ответил в терминах относительного мира. В абсолютном мире даже моя кошка безымянна, не говоря уже о Боге. Лишь только те, кто знает, что вещи безымянны, могут подлинно давать им имена.

Содзан пришел к Тодзану проститься.

— Куда ты идешь? — спросил Тодзан.

— Туда, где нет изменений.

— Как ты можешь идти туда?

— Уже само *идти* неизменно.

Ответ Содзана взят из фразы “природа без изменений”, которая является одним из двенадцати аспектов Абсолюта. Абсолют соответствует Непреложной Бхутатхате, противопоставляемой относитель-

ному или обусловленному миру. Эта история напоминает встречу Шестого патриарха Эно и Ёка, Ученика Одной Ночи.

- Откуда ты пришел? — спросил Соззан у монаха.
- Я убирал в храме.
- Ты вытирал переднюю сторону Будды или заднюю?
- Обе стороны одновременно.
- Пожалуйста, подай мне мантию!

Соззан, видимо, почувствовал, что его обыграли, но чтобы за ним было последнее слово (а в дзэн это очень важно, хотя этим словом может быть любое действие) он попросил, чтобы монах передал ему мантию, и тем самым подтвердил, что монах выдержал экзамен, по крайней мере, теоретическую его часть.

- Бедное одинокое создание по имени Сэйдзэй просит вашей помощи, — сказал Соззану монах.
- Господин Сэй! — позвал Соззан.
- Да? — отозвался монах.
- Крестьянин Хаку выпил три чаши вина, но говорит, что даже не замочил уста! — последовал ответ.

Этот эпизод составляет X случай *Мумонкана*. Ответ Соззана обычно понимают как упрек монаху за то, что он хвастает духовной и материальной нищетой. Будь монах подлинно нищим, для него были бы верны слова Христа о том, что нищие духом блаженны, и поэтому ему не о чем было бы просить Соззана. Ответ Соззана можно также рассматривать как иллюстрацию дзэнского деяния-недеяния.

- Искатели Истины безнадежно больны. Вы будете лечить их? — спросил монах у Соззана.
- Нет!
- Почему?
- Ищущий жизнь не находит ее; ищущий смерть не находит ее.

Болезнь, будь она духовной или физической (скорее всего болезнь бывает одна, духовно-физическая), проявляется в том, что вы считаете себя больными и думаете, что нуждаетесь в лечении. Животные, чувствуя недомогание, засыпают, а потом выздоравливают или умирают.

рают. Когда мы ищем, мы не находим ни жизнь, ни смерти. Искать первую или пытаться не найти вторую — это болезнь.

- Что, если мы не носим траурные одежды? — спросил монах у Соззана.
- Никогда я не был более благочестивым, чем сегодня.
- Что будет потом?
- Я люблю пить и танцевать.

Монах, кажется, задает конфуцианский вопрос об обязанностях сына перед отцом. Считалось, что когда умирает отец, сын обязан три года носить траурные одежды. Христос говорил, что человек должен возненавидеть отца и мать своих и последовать за Ним. Дзэнский ответ на конфуцианский вопрос о сыновнем долге более парадоксален, чем ответ Христа. Этот ответ состоит в том, что отсутствие сыновнего долга — вот подлинный сыновний долг.

Второй вопрос монаха более интересен. Что мы будем делать, когда окажемся на небесах? Что мы будем делать, когда заглянем в нашу собственную природу? Соззан отвечает, что в этом случае мы просто радуемся с теми, кто радуется, и плачем с теми, кто плачет, как пьяница, который не различает друзей и врагов, мужчин и женщин, богов и демонов. В суфийском мистицизме имеем то же самое. После многих лет сурового аскетизма адепт возвращается к роскоши, питается лакомствами — не только физически, но и духовно. Мне кажется, что это неправильно. Идеал бодхисаттвы подразумевает, что просветленный должен покинуть свой Рай и жить среди нас, смертных, деля наши радости и печали.

- Услышав удары колокола, Соззан начал кричать:
- Ой-ой-ой!
- Что случилось? Что с вами? — спросил монах.
- Колокольный звон раздается у меня в груди!

Торо пишет в своем *Дневнике* (1841):

Тихим осенним вечером я слышу, как вдалеке играет на рожке пастух, и в его песне звучит печаль самой природы в это время

года. Так, в мелодии пастуха звучит нечто неизмеримо большее, чем может понять любой человек.

— Прижимая к груди яшму, я прихожу к вам и прошу вас отполировать ее, — сказал Создану монах.

— Не буду!

— Почему?

— Не мешало бы знать, что Создан — искусный мастер.

Эта история перекликается с легендой о Бяньхэ (см. шестую главу). Монах просит Создана спасти его. Создан отвечает: “Я не настолько глуп, чтобы думать, что я или кто-либо другой может спасти людей. Я достаточно умен, чтобы знать, что я не могу ничему научить тебя. Разве ты не знаешь, что Христос умер за тебя, Амида живет для тебя, и что ты, как есть, уже спасен?”

Монах спросил у Создана, что самое святое в мире.

— Дохлая кошка, — ответил Создан.

— Почему?

— Потому что для людей она бесценна.

Дохлая кошка бесценна, неоценима, не имеет себе равных. Искусство, поэзия, религия бесполезны. Возможно, чем глупее ответ, чем лучше он отвечает на вопрос. Более того, если то, что люди почитают содержательным, обычно бесполезно, верно и обратное: самый умный ответ ничего не стоит.

— Что бессмертно? — спросил монах.

— Высохшее дерево, — ответил Создан.

— Что такое дзэнский учитель?

— Тот, кто не нуждается в помощи.

Монах пересказал этот разговор Кюхо, который сказал:

— Три подчиненных, шесть форм.

“Три подчиненных” означает, что женщина должна повиноваться своему отцу, своему мужу и своему сыну. “Шесть форм” — это шесть типов китайской поэзии. Кюхо говорит, что ответы Создана были такими же красивыми и уступчивыми, как китайская дочь, не-

веста и мать, и такими же интересными, как все возможные разновидности китайской поэзии. Я лично не больше восхищен ответами Создана, чем правилами китайской просодии и женщинами, которые во всем слушаются мужчин.

— Кто в этой стране может выхватить меч? — спросил монах у Создана.

— Создан, — ответил мастер.

— Против кого вы обратите меч?

— Против первого встречного.

— А если вы встретите отца и мать, давших вам жизнь?

— Зачем такие частности?

— А если вы встретите самого себя?

— Что я могу сделать с собой?

— Убить самого себя.

— Моей руке негде развернуться.

Человек должен быть хозяином положения. Мы должны сказать, как Будда при рождении: “Между землей и небом один лишь я достоин почитания!” Странно, что человек может и должен разделаться со всеми, даже с самыми близкими и дорогими людьми, но не может избавиться от самого себя, ведь только он сам никогда не рождался и поэтому не может умереть.

— Что такое Путь? — спросил монах у Кёгэна из ветви Нангаку.

— Рев дракона в высохшем дереве.

— Я не понимаю.

— Зрачки в глазницах древнего черепа.

После этого другой монах спросил у Сэкисо:

— Что такое “рев дракона в высохшем дереве”?

— Большая радость.

— Что такое “зрачки в глазницах древнего черепа”?

— Одевание мудрости.

Позже другой монах спросил у Создана, что означает рев дракона в высохшем дереве.

— Пульс не прекращается.

На вопрос о том, что такое зрачки в глазницах древнего черепа, Создан ответил:

— Он еще не совсем высох.

— Может ли кто-нибудь слышать рев дракона? — продолжал монах.

— Во всем этом мире нет того, кто его бы *не* слышал!

— Чьи это слова?

— Всякий, кто их слышит, сразу же умирает.

После этого Создан сочинил стихотворение:

Рев дракона в высохшем дереве указывает Путь;
Зрачки в глазницах древнего черепа ясно видят мир.
Знание достигает предела, и дальше нечего сказать;
Кто может отличить чистое от запятнанного?

Иисус сказал, что Он есть Путь. Он также пропел песню высохшего дерева. Но это была не песня радости, а песня отчаяния. Рев дракона — это ветер, который воеет в ветвях сухого дерева и тем самым наделяет дерево жизнью. Так мы постигаем контраст между спокойствием высохшего дерева и завыванием дракона в его ветвях. Эти два состояния взаимосвязаны.

Зрачки в глазницах черепа обладают похожим (несимволическим) смыслом. В средние века, а также в древнем Египте, чтобы напоминать людям о смерти, было принято держать на столе череп, особенно во время пиршеств. Глазницы черепа были устремлены на присутствовавших. Однако дзэнская мудрость не в том, чтобы просто помнить о смерти, а в том, чтобы составлять одно целое с процессом жизни и умирания.

Ответ Создана: “Пульс не прекращается” означает, что подлинное “я” не умирает, потому что оно никогда не рождалось. Слова: “Он еще не совсем высох” имеют то же самое значение. Вода не совсем влажная (в ней есть воздух). Камень не совсем тверд (в нем есть вода). Ничто до конца не мертво, “ибо у Бога всё живо”. Ничто до конца не живо, потому что совершенство бытия — статическое состояние.

Создан говорит, что каждый из нас может слышать рев дракона в засохшем дереве. Хотя человек, возможно, не понимает этого, рев дракона лежит в основе всего, что он слышит. Жизнь возможна толь-

ко там, где возможна смерть. “Потерять жизнь” означает “потерять смерть”. Когда мы слышим *Страсти по Матфею*, мы умираем (и воскресаем) вместе с Христом. Стихотворение Создана, как большинство дзэнских стихотворений, поверхностно, подражательно, непозитивно, не содержит духа дзэн.

Унго был главным учеником Тодзана. Он принял обет монашества в двадцать пять лет, а затем долго обучался у Тодзана. Впоследствии у Унго никогда не было меньше полутора тысяч учеников, из них просветления достигли двадцать восемь. Унго умер в 902 году.

Когда Унго впервые встретился со своим учителем, Тодзан спросил у него:

— Как тебя зовут?

— Доё (Унго).

— Отвечай трансцендентно!

— Если говорить трансцендентно, меня зовут Доё.

— Встретившись с Унганом, я ответил точно так же, — сказал

Тодзан.

— Как может монах, который убивает отца и мать, проливает кровь Будды, вносит смуту в монастырскую общину, выполнять свои сыновние обязанности? — спросил Тодзан.

— Так он и выполняет свои сыновние обязанности, — ответил Унго.

После этого Тодзан назначил Унго старшим монахом.

Плохой человек не совершает добрых дел. Он свободен от добра. То же можно сказать и о (подлинно) добром человеке. Обычные люди, объясняя дзэн, говорят, что мы должны убивать будд и патриархов со словами: “Мы не должны делать такие ужасные вещи, но...” Это неверно. Убить будду или патриарха духовно намного ужаснее, чем убить их физически. Фактически, духовное убийство может повлечь за собой физическое, ведь отказ ученика учиться чреват для учителя голодной смертью. Идеологические гонения, сопровождающиеся пытками и казнями, отлучение от церкви, инквизиция — разве это не попытка будд и патриархов защитить свой (физический) хлеб с маслом от посягательств?

— У Почитаемого Миром было тайное послание. Махакашьяпа не уберег секрета и поведал его последователям. Что есть тайное слово Будды? — спросил чиновник у Унго.

— Ваша светлость!

— Да?

— Вы понимаете?

— Нет.

— Ваше непонимание — это тайное послание Будды; ваше понимание — это разглашение секрета Махакашьяпой.

Смысл этой истории не в остроумном последнем ответе Унго, а в обращении к чиновнику и его ответе. Когда вселенная задает нам вопрос, мы должны отвечать. В этом суть дзэн. Именно поэтому дзэн — это все происходящее. Однако, кроме инстинктивного, естественного, неизбежного дзэн, есть дзэн, который Унго пытается поведать чиновнику; это сознательный, сверхъестественный, возможный дзэн. Этот дзэн делает выбор так же, как Унго отвечает на вопросы, непредсказуемо и свободно.

— Кто учитель всех будд? — спросил у Унго монах.

— Катц! — воскликнул Унго и добавил: — Мужик-деревенщина!

Монах поклонился.

— Что ты понял? — спросил Унго.

— Катц! — воскликнул монах и добавил: — Старый наставник!

— Не понял! — возмутился Унго.

Монах сделал несколько танцевальных движений и удалился.

— Нищий, собирающий крохи у стола! — крикнул вдогонку Унго.

Учителем всех будд является их собственная природа Будды, но мы не знаем этого, пока наша природа Будды не научит нас этому. Она, конечно же, учит нас каждый день. Вещи вокруг нас не делают ничего другого. Но если за обращением следует ответ, мы имеем совершенно ясный и в то же время глобальный пример того, что вещи разделены и в то же время совпадают. Монах задал вопрос. Унго ответил: “Ты дурак!” Монах сказал: “Сам такой!” (все такие, всё такое). “Что означает “дурак”?” — поинтересовался Унго. Монах пустился в танец (всё танцует, вселенная танцует). Затем монах уда-

лился, и Унго вдогонку похвалил его: “В конце концов люди всегда стремятся что-то получить, но только в дзэн можно получить не-получение”.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил Унго.

— Завтра тебе захочется посыпать соломой свою голову! Если бы кто-нибудь задал тебе этот вопрос, что бы ты ему ответил? — ответил Тодзан.

— Я был неправ, — сказал Унго.

В дзэн, если вы сделали что-то не так, вы сразу же решительно каетесь в своей неправоте. В дзэн вы сразу же решительно радуетесь, когда вас похвалили. Как Гамлет не сказал, но вполне мог бы сказать: “Решительность — это всё”.

Унго готовил соевый соус.

— Что ты делаешь? — спросил Тодзан.

— Готовлю соевый соус.

— Ты добавляешь соль по вкусу?

— Добавляю.

— Какой получается вкус?

— Хороший.

Чтобы понять этот диалог, мы должны вспомнить, как Пятый патриарх Конин спросил у Шестого патриарха Эно: “Рис уже созрел?”, на что Эно ответил: “Созрел давно и ждет решета”. Рис здесь обозначает понимание дзэн Шестым патриархом, которое ждало, чтобы его просеяли через решето подтверждения Пятого патриарха.

В случае же Унго и Тодзана соевый соус, приготовляемый из ячменя, бобов и соли, — это совокупность всего, что должно со- впасть, чтобы получилось самое простое в мире не-вещество, дзэн. Можно задать еще один вопрос: “Почему дзэн, который называет себя *прямым указанием на подлинную природу человека* прибегает к иносказательности?” Ответ должен быть таким же, как и в случае поэзии. Настоящая поэзия, подобно дзэн, никогда не использует символов (ведь ничто не означает ничего), но любит подчеркивать, что одинаковость и различие одинаковы и различны и что сделать хоро-

ший соевый соус — то же и не то же самое, что сделать подлинного человека.

— **Постигнутое мной не выразить словами!** — сказал корейский монах.

— **Что это такое?** — спросил Унго.

— **Может, вы выразите его?**

— **Шилла! Шилла!**

Учитель дзэнской секты Орю сказал об этом случае: “Унго хотел увидеть корейского монаха, но тот был за тридевять земель от него”.

Накануне корейский монах достиг просветления и хотел, чтобы все разделили его радость. Это свидетельствует о том, что его просветление еще не окончательное. Поступая как типичный кореец, он просит Унго сделать то, что должен был сделать сам. Когда Унго восклицает: “Корея! Корея!”, он выражает (неосознанное) стремление монаха вернуться домой и похвастать перед соотечественниками тем, что ему удалось приобрести в Китае. Учитель секты Орю, кажется, выступает против этого человеческого понимания и желает сказать, что монах уже дома, в первый раз за всю свою жизнь, и Унго следовало бы кричать: “Ура! Ты уже дома!” — или еще громче: “К черту Корею! И этот проклятый Китай туда же!”

Однажды Унго передал панталоны монаху, живущему в уединении, но тот вернул их со словами:

— **Женщина, родившая меня, уже дала мне панталоны.**

Когда Унго узнал об этом, он передал монаху в уединение записку, в которой говорилось: “А что ты носил перед тем, как мать тебя родила?” Монах не ответил.

Через некоторое время монах умер. Когда его тело сожгли, оказалось, что в пепле есть *сарира**. Когда об этом сказали Унго, он воскликнул:

— **Даже если бы вы нашли в его пепле телегу *сарир*, всё это ничего не значило бы, потому что он не ответил на мой вопрос!**

* Святые останки.

Дзэн требует некоторого упрямства и, конечно, гибкости. Унго и монах оба настойчиво следовали каждый по своему пути. Верно, что за Унго было последнее слово, но ведь и монах-то был не лыком шит, хотя “святые останки”, найденные в его прахе, вполне можно считать всего лишь данью суевериям. Унго проявил заботу о монахе, но тот отказался принять его подарок. Он получил свое одеяние от матери, которая родила его во плоти, и этого было для него достаточно. Он не нуждался в братской любви Унго. Унго отомстил ему, задав вопрос, на который не существует ответа, и когда монах умер, поиздевался над ним, забывая, что тишина — тоже ответ, а смерть — универсальный ответ на все вопросы.

— **Горы и реки, великая земля — откуда это всё приходит? — спросил монах у Унго.**

— **Из обманчивого воображения.**

— **Не откажите в любезности вообразить сейчас для меня золотой слиток.**

Унго признал себя побежденным и похвалил монаха.

Китайский здравый смысл видит дальше индийских предрассудков. Мы склонны воображать. Мы немало воображаем по своей глупости, но некоторые вещи, такие как горы, реки, слитки золота, просто существуют — или же их просто нет.

Глава 12 УММОН

Если судить о достоинстве дзэнского мастера по числу дошедших до нас историй о нем, то Уммон и здесь возглавит список. Только в *Дзэнмон коан тайсэй* насчитывается около двухсот преданий об этом мастере.

В детстве Уммон был очень сообразительным ребенком. Позже, познакомившись с учением дзэнской секты Обаку, он отправился к мастеру Бокудзю, ученику Риндзая.

Уммон постучал в ворота.

— Кто там? — спросил Бокудзю.

— Бунэн (Уммон).

— Чего тебе нужно?

— Я хочу познать себя. Пожалуйста, дайте мне наставление.

Бокудзю приоткрыл ворота и, бросив быстрый взгляд на Уммона, закрыл их. Так продолжалось в течение трех дней, но на третий день Уммон не вытерпел и, когда ворота приоткрылись, уперся в них, намереваясь протиснуться внутрь. Схватив его, Бокудзю воскликнул:

— Скажи! Скажи что-нибудь!

Уммон не знал, что делать, и тогда Бокудзю вытолкнул его обратно со словами:

— Ах ты, глупый проныра!

Уммон на мгновение замешкался в проходе, и Бокудзю, с силой захлопывая ворота, сломал ему ногу. Уммон закричал от сильной боли и неожиданно достиг просветления.

Впоследствии, надо полагать, Уммон убедился, что просветление стоит того, чтобы ради него сломать ногу, но что можно сказать о таком неуклюжем мастере дзэн, как Бокудзю?

После этого случая Уммон поселился в храме Котай на горе Уммон, от которой и получил свое имя. Он умер в 949 году, но в каком возрасте, точно не известно. Говорят, что количество его просветленных учеников исчислялось шестьюдесятью одним. Уммон был очень проникательным, и это еще одно доказательство в пользу того, что дзэн, демонстративно презирающий и отвергающий мыслящий разум, опирается на него в своих высших проявлениях. В частности, Уммон прославился своим “однословным дзэн” — ответами на вопросы любой длины с помощью одного (китайского) слова.

— Что есть Будда? — спросил монах у Уммона.

— Засохшая-палочка-подгирка.

Эта история составляет XXI случай *Мумонкана*. В Китае в качестве туалетной бумаги использовались куски дерева. Когда оставленные в отхожем месте новые палочки заканчивались, люди подбирали использованные, засохшие, и пользовались ими, подвергаясь при этом риску подхватить инфекцию. Так в результате естественного отбора китайцы стали народом, который меньше других подвержен инфекционным заболеваниям. Было бы более научно, хотя и менее поэтично, если бы Уммон сказал, что Будда, просветленный человек, — это то, чем испачкана палочка для подтирания. Но намерения Уммона идут немного дальше. Он желает развеять ауру благоговения, которой окружают святость, но не желает говорить ничего пантеистического и пангуманистического. Он стремится сделать так, чтобы спрашивающий довольствовался своим вопросом. Таково искусство жизни в этом мире.

Если бы солнце и луна усомнились.

Что бы мы о них подумали?

— Что выходит за пределы будд и патриархов? — спросил монах у Уммона.

— Булочки.

Будды и патриархи существуют лишь в нашем уме, равно как и полицейские, генералы и премьер-министры, но булочки реальны, булочки подлинны, они наделены простотой и совершенством бытия, которого не дано достичь никому. Иисус учил нас молиться за наши насущные булочки. Булочки также представляют собой духовное Тело Христа, преломляемое для нас. Кроме того, булочки обладают качеством, которого нет ни у будд, ни у божеств, ни у мудрецов (кроме очень редких случаев) — булочки смешны!

— Где Будды проявляют себя? — спросил монах у Уммона.

— Восточная гора плывет над водой.

Дзэнские мастера стремятся сделать своих учеников анти-интеллектуалами и материалистами, но в то же время трансценденталистами. О том, что булочки лучше будд, говорилось в предыдущей истории. Здесь же говорится о том, что горы движутся. Их, по словам

Христа, движет вера. Булочки при этом бесследно растворяются в воздухе, ни разу так и не укушенные.

— **Вы хотите познакомиться с патриархами?** — спросил Уммон, а затем поднял посох и продолжил: — Патриархи находятся здесь, с вами. Они танцуют у вас над головой. Но если вы хотите взглянуть в глаза патриархам, посмотрите себе под ноги, — затем Уммон помолчал и добавил: — **Вы даёте голодным духам рис и чай, но они не удовлетворены.**

Библия говорит: “Бог есть любовь”. Это верно, но Библия должна была сказать также вместе с Толстым: “Любовь есть Бог”. Любовь земли, любовь неба — этого достаточно. Выбирая что-то одно и находя в нем любовь, мы выполняем свою вечную миссию. О чем бы ни шла речь, примите его, как есть, ибо таким дает его Бог, Бог дает в нем себя, Бог есть само это давание.

— **В чем смысл прихода Дарумы с Запада?** — спросил монах у Уммона.

— **Мы видим залитые солнечным светом горы.**

Приход Дарумы с Запада есть постижение дзэн. Смысл этого постижения в том, чтобы (уметь правильно) видеть горы в ореоле солнечных лучей.

— **Что было до того, как Годзу увидел Четвертого патриарха?** — спросил монах у Уммона.

— **Кандзэн в каждом доме.**

— **А после того, как Годзу увидел Патриарха?**

— **Тигр съедает многоножку среди пламени.**

Пока мы не начали понимать дзэн, мы думаем о спокойствии ума, о буддистском сострадании, об “умиротворенном глазе” Вордсворта, о “милостивом Иисусе, кротком и любящем”. После того, как мы поняли дзэн, нам ближе слова Уммона из этой истории: “Я пришел не с миром, а с мечом”. “Господь Бог есть Воин”.

— **Что вы можете сказать о периодах распространения учения Будды?** — спросил монах у Уммона.

— **Не существует одного объяснения.**

Тиги (538-597), основатель школы Тэндай в Китае, считал, что учение Будды в своем становлении прошло через пять периодов, которые соответствуют пяти сутрам: *Кэгонкё*, *Агонкё*, *Хотокё*, *Ханьякё* и *Хоккэжё*. Слова: “Не существует одного объяснения” могут быть также прочтены как: “Одно объяснение неверно”. Монах наверняка принадлежал к школе Тэндай и задал вопрос об эволюции буддистского учения, о постепенном откровении истины. Но дзэн утверждал всегда (хотя исторически это не доказано), что истина не прибывает и не убывает, что она бессмертна, как красота Клеопатры. Слова Уммона следует понимать не так, как их толкует словарь. Они указывают на абсолют вне времени и пространства. Эта история составляет случай XIV из *Хэкиганроку*. Изложенная выше интерпретация принадлежит Энго.

— **Какую сутру ты проповедуешь?** — спросил Уммон главного монаха.

— *Нирвана-сутру.*

— **В этой сутре описаны четыре добродетели Нирваны, не так ли?**

— **Верно.**

— **Сколько добродетелей у этого?** — спросил Уммон, беря в руки чашку.

— **Нисколько,** — ответил главный монах.

— **Но разве древние не говорили, что у чашки могут быть добродетели?** — настаивал Уммон.

— **А как вы считаете?**

Уммон постукал по чашке и спросил:

— **Понимаешь?**

— **Нет.**

— **Тогда продолжай проповедовать сутру,** — сказал Уммон.

Четыре добродетели Нирваны включают: неизменность, радость, индивидуальное существование, чистоту. Эти четыре добродетели относятся только к трансцендентной сфере, в которой нет вещей наподобие чашек. Здесь мы сталкиваемся с проблемой ценности или, лучше, ценностей, которых, согласно учению одной европейской

философской школы, насчитывается четыре: религиозные, моральные, эстетические и интеллектуальные.

Уммон верит только в одну ценность, экзистенциальную, и практикует ее. Экзистенциальная ценность каждой вещи бесконечна и равна экзистенциальной ценности любой другой вещи. Так, чашка или сутра — это “индифферентные модальности Божественного Бытия”. Даже в христианстве есть представление о Святом Граале. Но, как сказал Вордсворт (и показал на примерах), экзистенциальная ценность более доступна в обычных вещах повседневной жизни. Поэтому Уммон использует для своей проповеди чашку. Ему вторит хвалебный гимн чашки, который она поет, когда по ней стучат.

— **Что будет, если одним словом выразить всё на свете?** — спросил монах у Уммона.

— **Разрыв! Поломка!**

Загадочные восклицания Уммона — это не просто призыв к достижению состояния не-мышления. Это точный ответ на точный вопрос. Все вопросы сводятся к вопросу о том, что такое дзэнское состояние, что такое дзэнская деятельность. Ответ состоит в том, что мораль, красота, истина, Христос, Будда, *Страсти по Матфею*, *Божественная комедия*, правосудие, душа и ее бессмертие, а также нигилизм — всё исчезает.

Если бы Уммон жил в наши дни, и его спросили: “Что есть дзэн?”, он мог бы ответить: “Сто тысяч миллионов атомных бомб!” Но при этом он не имел бы в виду, что столь сокрушительная духовная сила приведет к какому-то улучшению. Смысл его слов был бы в том, что дзэн позволяет нам видеть вещи, какими они есть, какими они возникают и исчезают, без рассуждений о том, переживают они упадок или расцвет. Другими словами, видение сути вещей, пребывание у истоков вещей, каковы они есть, и есть Бог, и есть дзэн. Все ценности подорваны, все стандарты сломаны.

— **Что такое Дхармакая?** — спросил монах у Уммона.

— **Шестеро не могут ухватить ее.**

Дхармакая является первой ипостасью Трикая, тройственного тела Будды. Два других аспекта тела Будды называются Самбхогакая и Нирманакая. Дхармакая — это сущностная природа Будды. За ней идет “тело блаженства”, в котором Будда получает удовольствие, и наконец, “тело преображения”, в котором он являет себя. Дхармакая — высшее из этих тел и одновременно самое духовное из них. Монах желает знать, что это такое и на что оно похоже. Уммон отвечает, что ни один из шести не может понять этого. В буддистской теологии есть много “шестерок”, например, шесть корней (глаз, ухо, нос, язык, тело, ум), шесть ощущений, шесть входов, шесть полей, шесть заблуждений. Кроме того, известно шесть мостов (любовь, соблюдение заповедей, терпение, дерзание, медитация, постижение), шесть мудростей и шесть магических сил. Ничто из этого не поможет достичь Буддовости. Относительное никогда не станет абсолютным. “Ни глазом его не увидеть, ни ухом не услышать...” Все в мире чудесно, и наше спасение, будь оно врожденным или приобретенным, в этом смысле не исключение.

— **Что такое Чистая Истина?** — спросил монах у Уммона.

— **Цветочная клумба.**

— **А если она отлична от этого?** — продолжал монах.

— **Златогривый лев.**

“Чистая” в данном случае означает находящаяся за пределами чистоты и нечистоты, истинности и ошибочности. Цветы, в изобилии растущие под забором, распутившиеся, чтобы увянуть незамеченными, отдав свой аромат случайному ветру — это не символ природы, а сама природа, чистая природа. Но это немного пассивная форма Природы. Но Природа может предстать перед нами и в более активном, властном проявлении: как царь зверей с золотистой гривой, величаво взирающий на свои владения.

— **Кто на земле понимает буддизм?** — спросил монах у Уммона.

— **Столб во дворе храма!** — ответил Уммон, а затем выкрикнул: “**Катц!**” и добавил: — **Ты дохлая жаба!**

Именно это британский поэт Герберт имел в виду, когда сказал:

Перышко или ракушка
Лучших из нас превзойдут.

Сравнение с лягушкой не в пользу монаха. Лягушка имеет полное право обижаться на Уммона. Следующая история является аналогией или продолжением предыдущей.

— **Вы, монахи, проводите всю жизнь, скитаясь по стране,** — сказал Уммон, — **но так и не постигаете смысл прихода Дарумы с Запада. Столб во дворе, и тот прекрасно знает, о чем я сейчас говорю. Почему бы вам как-нибудь не выведать у столба это сокровенное знание. Впрочем, я сам вам поведаю его: девять раз по девять будет восемьдесят один.**

Когда студенты утверждают, что все вещи относительны, а затем спрашивают, что такое абсолют, я обычно пишу на доске “ $2 \times 2 = 4$ ”. Это, конечно, может быть и неверно, то есть не абсолютно в каком-то другом мире, но ведь нам нужно нечто абсолютное в этом мире. Дзэн — это таковость вещей, не только математическая, но и материальная, не только материальная, но и ментальная.

— **Как понимать Сокэя?** — спросил монах у Уммона.

— **Этот старик любит злость, любит радость,** — ответил Уммон.

— **Как это?**

— **Когда видишь перед собой воина, обнажи меч; не предлагай стихов никому, кроме поэта.**

“Сокэй” здесь подразумевает Шестого патриарха, который жил на горе с таким названием. Первый ответ Уммона почти никак не связан с Энэ. Постигать дзэн означает любить то, что вы (действительно) любите, то, что любит ваша (подлинная) природа. Уммон говорит о злости, мышцах души, и радости, ее крыльях. В этом он напоминает нам Ницше, Блейка и Д.Г. Лоуренса. Затем Уммон, как он часто делает, говорит противоположность, точнее, лицевую сторону того, что сказал до этого. Наши отношения с другими обусловлены их природой. Мы есть эхо, поэт-хамелеон, всё для всех: убийство для убийцы, непоэтичность для не-поэта. Таково амбивалентное, уравновешенное отношение Лоуренса к любви. С одной сторо-

ны есть единство (поэзия для поэта), а с другой — индивидуализм, сохранение целостности нашего эго, его расширение и рост. Точно так же мы поступаем с цветами. Мы позволяем им расти, но сохраняем за собой право их сорвать, когда того пожелаем (от злости или по случаю радости). Средства — это цель; цель — это средства. Таково учение Шестого патриарха.

— **Как нам избежать жизни-и-смерти?** — спросил монах у Уммона.

— **Где ты сейчас?**

Чтобы что-то получить, мы должны быть в каком-то определенном месте. Когда мы убегаем, мы должны убежать откуда-то. Д.Г. Лоуренс говорит в романе *Кенгуру*, что наш дом — в вечности и пустоте. Если это так, тогда ни жизнь, ни смерть не могут нас достать. (Я не уверен, что Уммон до конца прав, но именно это он пытается здесь сказать.)

— **Если человек убьет отца и мать, он может покаяться перед Буддой. Но если он убьет Будду и патриархов, перед кем он будет каяться?** — спросил монах у Уммона.

— **Однако!**

Это еще один пример так называемого однословного ответа, которыми Уммон знаменит. *Ро (ду)* в переводе с китайского означает “выражено”, “ясно”, “не скрыто” и хорошо соответствует английскому слэнговому восклицанию: “Quite!” (Однако!) Уммон желает сказать, что вопрос хороший, но риторический. Такому человеку не перед кем каяться, ему негде каяться, он не может каяться. То, что мы не можем делать, мы не должны делать. Торо говорит: “Природа не просит прощения никогда”. Провинившись и получив по заслугам, собака ласкается и виляет хвостом, подобно человеку, но кошка просто “умывается”, тихо сидя в уголке.

Однажды Уммон, открыв ворота, увидел приближающегося монаха и спросил у него:

— **Что ты будешь делать, если не сможешь жить свободно и легко?**

Монах молчал.

— Спроси у меня! — велел Уммон.

Когда монах задал ему тот же самый вопрос, Уммон стал корячиться, размахивая руками и напевая:

— Иди сюда, иди сюда, мой старый Шакьямуни!

Подлинный учитель должен меньше всего заботиться о том, чтобы не уронить свое достоинство. Он должен проявлять больше рвения, чем ученики, атакуя их, а не защищаясь. Самое глубокое поклонение, самое близкое знакомство со всем — вот что такое подлинная жизнь. Именно этому Уммон учит монаха.

— Когда ни одна мысль не возникает, может ли закрасться ошибка? — спросил монах у Уммона.

— Гора Шумеру!

Гора Шумеру представляет собой центр каждого мира. На вершине этой горы расположены небеса Индры. Под ней находятся четыре *девалюки* (царства божеств), а вокруг нее восемь горных хребтов, перемежающихся восемью морями. Уммон не отвечает на вопрос монаха; Уммон *становится* этим вопросом. “Ни одна мысль не возникает в моем уме. Я пребываю на Небесах, которые не отличаются от нашей вселенной. Я живу на вершине этого мира!”

— Когда любая мысленная деятельность прекращается, что тогда? — спросил монах у Уммона.

— Принеси сюда зал для медитации, и я взвешу его целиком!

— Не кажется ли вам, что вы уходите от ответа?

— Тоцу! — воскликнул Уммон и добавил: — Ты расхититель пустоты!

“Вера может двигать горы”, — говорит Уммон, но монах мыслит абстракциями, а не конкретикой. “Расхититель пустоты” — это человек без воображения, который не может видеть большие вещи малыми, не может удержать бесконечность на ладони. Но нам следует напомнить Уммону, что, напрягая воображение, мы не можем уstrarять из жизни или возвращать из небытия. Стена была стеной и останется стеной. Мы не можем ничего не есть и продолжать жить.

Уммон сказал собравшимся монахам:

— Услышав звук, постигайте Путь; увидев цвет, просветляйте ум. Бодхисаттва Кандзэон приносит с собой деньги и покупает рисовые пирожки. Когда он отдает их людям, они становятся для них хлебом насущным.

Слова: “Услышав звук, постигайте Путь” относятся к дзэнскому монаху Кёгэну, который постиг суть вещей, услышав удар камешка о стебель бамбука во время подметания хижины. Слова: “Увидев цвет, просветляйте ум” подразумевают дзэнского монаха Рэйуна, который достиг просветления, глядя на цветущую сливу. Далее Уммон говорит о том, что бодхисаттва Каннон продельывает фокусы с рисовыми пирожками. Суть здесь в том, что, один раз по-настоящему услышав звук камешка, ударившего по бамбуку, или же увидев цветущее дерево, мы обретаем способность совершать повседневные действия чудесным образом. Невзрачные вещи становятся очаровательными, отвратительные — безразличными, прах превращается в золото, а золото в прах — всё это происходит по нашему желанию, достаточно произнести несколько слов или заплатить несколько копеек.

— Каков ваш традиционный способ преподавания дзэн? — спросил монах у Уммона.

— За воротами ждут ученики, пусть они войдут!

Здесь Уммон говорит о том, что он учитель, ни больше, ни меньше. Вот тот же самый вопрос, но совершенно другой ответ:

— Какова ваша традиция преподавания дзэн? — спросил монах.

— Дождь никогда не моросит; он всегда льет, как из ведра, — ответил Уммон.

— Что вы имели в виду когда-то, сказав: “После затяжного дождя небо не проясняется”?

— Дождь высушивает волны.

“Ничто не меняется, — говорит Уммон в первом случае. — Всё продолжается так, как было во времена наших предков”. Затем он говорит, что всё вокруг — чудо, вывернутость наизнанку, тарабар-

щина, “история, рассказанная идиотом, полная шума и суеты, не значащая ничего” (Шекспир). Затяжной дождь высушивает морские волны.

— **Что можно сказать о том случае, когда ветер дует в тайных чертогах?** — спросил монах у Уммона.

— **Капельки росы дрожат на цветах, ветер гудит на крыше.**

— **Что можно сказать об обитателях этих чертогов?**

— **Какой смысл дважды задавать один и тот же вопрос?**

“Ветер дует в тайных чертогах” означает, что учитель и ученик находятся в полном согласии друг с другом. Это согласие так же естественно, как роса на лепестках цветов или завывание ветра. Но если мы продолжаем спрашивать без конца, когда на наш вопрос уже давным-давно ответили...

Однажды Уммон спросил сам себя:

— **Как нам сделать нашу религию правильной?** — и тут же ответил: — **Му!**

Этот эпизод, возможно, имеет два объяснения: во-первых, мы не можем сделать религию правильной; во-вторых, мы можем это сделать, но только чисто животными методами. Корова набирает в легкие воздух и громким мычанием заявляет о том, что она корова. Благодаря мычанию она становится коровой. Нет мычания — нет коровы. Нет коровы — нет мычания. Поэтому, дети иногда называют ее “му-коровой”. О дзэн можно сказать почти то же самое.

— **Чем занимается *шрамана*?** — спросил монах у Уммона.

— **Не имею ни малейшего представления.**

— **Почему вы не имсете об этом представления?**

— **Мне просто нравится моя не-идея.**

Шрамана — это буддистский монах. Санскритский корень *шрам* означает “делать усилия”, “предаваться аскетизму”. Заданный вопрос — это не столько: “Что мне делать, чтобы спастись?”, сколько: “Что человек делает, когда он спасен?” Ответ можно интерпретировать множеством способов. “Я знаю, но не хочу говорить”. “Я в самом деле не знаю”. “Я хочу научить тебя не-знать”. “Мое состоя-

ние сознания выходит за рамки знания и незнания”. “Совершенное знание не осознает себя”. “Не задавай (глупых) вопросов!” Все эти интерпретации в том или ином виде отражают нежелание Уммона подвергать монаха пагубному влиянию знания о чем-то. Что мы будем делать после просветления? Мы рискуем оказаться в том же положении, что и святые, которым остается лишь до тошноты играть на золотых арфах.

— **Что можно сказать о человеке, который прошел через все аскетические испытания?** — спросил монах у Уммона.

— **Кружка в руке!**

Эти слова призваны остановить мышление монаха, прекратить его разговоры о Христе и Будде, вернуть его к реальной жизни.

— **Что можно сказать о том, кому родители не позволяют стать монахом?** — спросил монах у Уммона.

— **Мелко!**

— **Я не могу назвать себя неучем, но вас не понимаю.**

— **Глубоко!**

Когда мы учим, мы учим самих себя. Если ученик понимает что-то, это прекрасно, но такое случается очень редко. “Мелко!” означает, что вопрос монаха поверхностный. То же самое можно сказать и о человеке, который привязан к родителям, ибо: “Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня” (Мф. 10. 37). “Глубоко!” означает, что неспособность ответить на правильно заданный вопрос может быть глубокой, но подлинное не-знание потенциально еще глубже.

— **Что такое хорошие взаимоотношения?** — спросил монах у Уммона.

— **Не называй место, где спишь, местом для сна!**

— **А что можно сказать о плохих отношениях?**

— **Место для сна!**

Чтобы “сродниться со вселенной”, как говорил Байрон, а также со всеми людьми, что было Байрону не под силу, нужно смотреть на обратную сторону вещей и людей, и тогда лед станет горячим, а

враг — любимым. Если мы желаем иметь плохие отношения со всеми и с каждым, нам следует решить, что скрипящая дверь раздражает, а лицемерие отвратительно. Но, строго говоря, люди и вещи являются одновременно своей видимостью и ее противоположностью, а хорошие и плохие отношения в равной мере интересны. Лучше скажем так: каждое из них более интересно, чем все остальные.

— **Что такое самадхи праха?** — спросил монах у Уммона.

— **Рис в чашке; вода в бочонке.**

Самадхи праха — это высшее состояние, в котором всё переплетено и даже прах является неотъемлемой частью нас самих. Но можно сказать об этом и по-другому. Самадхи праха — это вездесущая любовь, приводящая в движение мир. Уммон говорит: “Рис в чашке; вода в бочонке. Бог на Небесах — с миром всё в порядке!”

— **Ты садовник?** — спросил Уммон у монаха.

— Да.

— **Почему у тюльпанов нет корней?**

Монах не мог ответить.

— **Потому что много дождей.**

Это псевдонаучное объяснение Уммона, который, как видим, за словом в карман не полезет, очень похоже на объяснения ученых, которые могут объяснить, почему у жирафа шея длинная, но не могут объяснить, почему у всех остальных животных шея короткая.

— **Учитель, прошу вас, быстро освободите меня от неведения и иллюзий!** — попросил Уммона монах.

— **Почем будет рис в провинции Дзёсю?**

Монах желал, чтобы его освободили от тела из плоти и переселили в духовный мир. Уммон желает окунуть монаха еще *глубже* в заботы о заработках и покупке риса. *Глубина* — это всё.

— **Откуда ты пришел?** — спросил Уммон у монаха.

— **Из Нангаку.**

— **Я не связываю словами и недурачу цитатами. Подойди ближе!**

Монах подошел.

— **Пошел вон!** — крикнул Уммон.

Нас всегда задевает кажущаяся доброта и, в равной мере, кажущаяся грубость. Но подозревать всех и каждого — это не решение проблемы. Быть одновременно голубем и змеей — вот что от нас требуется. Но как же это трудно!

— **Пожалуйста, ответь мне!** — обратился Уммон к Кэмпо.

— **Ты уже виделся со Старым Монахом?** — спросил Кэмпо.

— **Немного опоздал.**

— **Неужели?**

— **Я всегда считал себя вором,** — сказал Уммон, — **а ты, оказывается, отпетый бандит!**

Кэмпо был учеником Тодзана и близким другом Уммона. В этой истории мы видим беседу двух Христосов, двух Будд, двух Сократов. Ни один из них не выигрывает, ни один не проигрывает. Просить ответ, не задав вопроса, — так вселенная поступает с нами. Кто такой Старый Монах? Возможно, речь идет о Будде, которого уже нет в живых. Мы всегда и во всем опаздываем. Опаздывать человечно. Мы действуем медленно, но надежно; надежно, но медленно. “Неужели?” — это самая правильная реакция на любые реплики. Она выражает вежливое удивление. Чтобы жить, нужно уметь быть вором. Получить что-то ни за что — это цель жизни, и Уммон говорит Кэмпо: “Ты — такой же вор, как и я. Давай будем дружить!” В этом идея дружбы, как ее понимает Торо.

Уммон сказал собравшимся монахам:

— **Говорят, если мы не видели человека в течение трех дней, мы смотрим на него другими глазами. Что вы скажете?**

Отвечая самому себе, Уммон сказал:

— **Тысяча!**

Очевидно, Уммон не видел монахов несколько дней и поэтому смотрел на них другими глазами, но они смотрели на него со своим обычным отсутствующим, амбициозным или подавленным видом, и ему захотелось предостеречь их против равнодушия, самодоволь-

ства и безразличия. Число тысяча используется в буддизме по-разному. Каждая прошлая, настоящая и будущая кальпа имеет тысячу будд. У лотоса тысяча лепестков. Учение секты Тэндай насчитывает тысячу таковостей. У Каннона тысяча рук и тысяча глаз. Своим восклицанием Уммон желает сказать, что мы должны смотреть на каждого тысячеликого человека тысячей своих ликов. Это напоминает нам другой диалог: “Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?” Иисус говорит ему: “Не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз”. (Мф. 18, 21-22)

— **Что такое Великий Путь?** — спросил монах у Уммона.

— **Девять раз по девять — восемьдесят один.**

— **Время не ждет. Я еще не обрел Путь. Вы можете мне его указать?**

— **Если ты дошел до первого впечатления, это Путь!**

Уммон отвечает, как всегда — загадочно и лаконично. В буддизме число девять используется сплошь и рядом — чаще всего когда речь идет о чем-то отрицательном: девять иллюзорных миров; девять магических символов, используемых против сил зла; девять медитаций на трупе; девять проявлений гордыни; девять уз, привязывающих человека к миру; девять типов призраков и т.д. Число девять используется и в хорошем смысле, но часто восемьдесят один традиционно считается числом различных иллюзий, по девять иллюзий в каждой из девяти сфер желания. Возможно, Уммон желает сказать, что просветление обретают среди иллюзий, а не в побеге от них, но более вероятно, что, приводя это уравнение, Уммон подчеркивает неизбежность.

Но монах не обращает внимания на слова Уммона и умоляет его о помощи. Тогда Уммон меняет тактику и ласково говорит ему: “Попытайся осознать свое состояние до того, как ты совершил некоторое действие. Попытайся почувствовать боль до того, как ты пожалуешься на то, что послужило ее причиной. Попытайся открыто, сознательно, без ожиданий пережить подавленность, бездумность, аморальность искусства, музыки, поэзии, религии, любви, дзэн”.

— **Что в народе говорят о пути к Сокэю?** — спросил Уммон, и **сам ответил: — Двое одновременно!**

Сокэй — то место, где обучался Шестой патриарх. “Двое” — это люди и Будда, тождественность и различие, “ты” и “я”, ум и Ум, наш мир и Nirvana. Удивленно глядя друг на друга, мы говорим, что эти противоположности — одно и то же. Глупо рассуждать на такие темы, но если во время прогулки нечего делать, почему бы не поговорить об этом?

— **Разрешите спросить, сколько вам лет?** — спросил монах у Уммона.

— **Семью девять — шестьдесят восемь.**

— **Что значит: “Семью девять — шестьдесят восемь”?**

— **Я добавил пять лет для тебя.**

Однажды английского мальчика поймали на том, что он ел яблоко во время урока. Не спуская с него глаз, учитель велел ему выйти к доске. “Что ты ешь?” “Ничего!” “Открой рот!” Засунув пальцы в рот мальчику, учитель извлек оттуда большой кусок яблока. “Что это?” “Яблоко, сэр”. “Как оно попало к тебе в рот?” “Не знаю, сэр! Кто бы мог подумать, что оно во рту!” И Уммон, и мальчик, говоря очевидную ложь, проявляют неуважение к собеседнику.

— **Кто ты?** — спросил Уммон у монаха.

— **Начальник лазарета.**

— **Какая удача! Я как раз собирался спросить, есть ли в монастыре хотя бы один здоровый человек?**

— **Не понимаю.**

— **Что ты не понимаешь?**

Монах молчал.

— **Задай мне тот же вопрос!** — велел Уммон.

— **Есть ли хотя бы один здоровый человек?**

Уммон указал на соседнего монаха.

Уммон, подобно Христу и некоторым другим людям, устал иметь дело с тупицами. От монаха, всегда имеющего дело с болезнью и смертью, он ожидал хотя бы какого-то понимания, но, нет же, этот монах оказался не лучше других. Указывая на

другого монаха, Уммон говорит: “Никто не болен, никто не умирает, никто не умер, никто не воскресает, никто не возносится на небеса!”

Уммон сказал монахам:

— **Вселенная — это лекарство от болезни. Скажите, кто здесь больной?**

Вселенная со своим здоровьем и оздоровляющим характером — это лекарство от всех болезней ума и тела. Это очевидно. Но если вселенная — лекарство, где быть больному, как не за пределами вселенной? Это совершенно невозможно! Уммон показывает, что обычное, здоровое объяснение ничем не лучше трансцендентного объяснения, при котором вселенная и лекарство — это доктор, пациент, могильщик и могила. Дзэн по возможности должен избегать обоих объяснений — и быть больным без болезни или здоровым без здоровья.

— **Что такое глаз древних, о котором говорят, что монах должен его приобрести?** — спросил Уммон, и сам ответил: — **Лягушка танцует до небес.**

Древними здесь названы те, кто понимает дзэн. Лягушка не может танцевать, человек не может быть вечно, но он может сделать невозможное — дотанцеваться до (вневременной) жизни. Этому мы учимся у древних.

— **Где ты недавно был?** — спросил Уммон у монаха.

— **С Сайдзэном.**

— **Что говорит Сайдзэн?**

Монах развел руками. Уммон ударил его.

— **У меня есть что вам сказать!** — запротестовал монах.

Уммон развел руками. Монах молчал. Уммон ударил его.

Сайдзэн — современник Сэппо, Гэнся и Уммона. Это всё, что о нем известно. Позерство монаха не понравилось Уммону, и он ударил его. Монах сказал, что он еще не закончил говорить, но когда Уммон развел руками, бедному монаху не было чего сказать. Тогда Уммон вынес приговор, которым стал еще один удар. Справед-

ливости ради скажем, что Уммон не слыл боксером, но, возможно, когда имеешь дело с притворством и лицемерием, лучше всего дать (физического или словесного) тумака — при условии, конечно, что собеседник сам обратился за наставлением и согласен его принять.

— **Где ты был недавно?** — спросил Уммон у монаха.

— **В Сато.**

— **Чтобы сходить туда, ты, наверняка, стоптал не одну пару соломённых сандалий!**

Монах молчал.

— **Мне жаль этих сандалий, их стоптали напрасно!**

Последняя реплика сказана с большим сарказмом, но Уммона, наверное, можно простить. Почему монах не ответил что-нибудь? Я сам скорее всего тоже промолчал бы, но это не мешает мне удивляться ошибкам других. Зная ответ на вопрос, мы с презрением отзываемся о людях, которые жили тысячу лет назад и росли на проповедях и лекциях по буддизму.

— **Хотел бы я знать, почему чай кажется таким вкусным?** — сказал Уммон за чаем.

Монах, присутствовавший на чаепитии, попросил Уммона высказать свое мнение.

— **Чаще всего у чашки есть дно; безносое лицо кажется смешным,** — ответил Уммон.

Монах молчал.

— **Ты ходишь с толпой и ешь рис вместе со всеми. Продолжай в том же духе!** — воскликнул Уммон.

Уммон часто задавал вопросы и сам же отвечал на них, но, подобно доктору Джонсону, он знал, что нет ничего глупее вопросов, задаваемых глупыми людьми. Кроме того, Уммон наверняка знал то, что знает каждый подлинно религиозный и поэтический человек и чего доктор Джонсон не знал — что ни на один вопрос нельзя дать ответа, что ни одна причина не имеет следствия, что все правильно в своем первоизданном виде.

— Что было, когда в зале для медитации не было Будды? — спросил монах у Уммона.

— Откуда до нас доходит божественный голос Будды? — парировал Уммон.

Один из способов ответить на глупый вопрос состоит в том, что-бы задать еще один глупый вопрос, — глупый, потому что нельзя спрашивать, почему длинная вещь длинна. Почему весной цветут цветы? Но “весна” — это и есть “цветение цветов”. Почему появляется Будда? Но Будда — это и есть то, что появляется. Почему божественный голос Будды чист, силен и мелодичен? Такова природа Будды. Без своего божественного голоса Будда не был бы Буддой.

— Где ты был? — спросил Уммон монаха.

— Отдавал дань уважения могилам.

— Ты шутишь!

— Я действительно отдавал дань уважения могилам!

— Ты не соблюдаешь пять заповедей!

Пять заповедей предостерегают нас против убийства, воровства, обмана, прелюбодеяния и пьянства. Возможно, Уммон имеет в виду несоблюдение третьей заповеди. Дзэн не против похорон, свадеб и всевозможных церемоний. Лучше сказать, что дзэн безразличен к морали, красоте и даже так называемой истине. В другой истории о посещении могил Уммон спрашивает: “Говорили ли тебе что-нибудь (покойные) патриархи?” Это ирония по поводу религиозных, социальных и политических предрассудков, которые представляют собой не дзэн, а здравый смысл, который, однако, не должен убывать с углублением нашего понимания дзэн.

— Подлинная Пустота не уничтожает вещи; подлинная Пустота не отличается от материальности, — сказал Уммон.

— Что такое подлинная Пустота? — спросил монах.

— Ты слышишь звон колокола?

— Слышу.

— Ты собираешься спать, пока не доживешь до года осла?

Пустота трансцендентна — и в то же время пребывает во всем. Вещи существуют благодаря Пустоте; в противном случае они бы

погрузились в пустоту, стали ничем. Конкретное существует благодаря абстрактному, ведь объект нуждается в абстракциях, которые позволяют ему быть целостным, отличаться от других объектов. Что бы делал белый мел, если бы его лишили белизны? Об этом в буддизме говорится: *Сики соку дзэ ку; ку соку дзэ сики*. Пустота есть форма; форма есть Пустота. Уммон выбрал звук колокола, во-первых, потому что он поэтичен, а во-вторых, потому что это едва ли не самая “пустотная” вещь из всех, которые мы можем осознавать.

Уммон сказал:

— Вселенная, безбрежный космос, великая земля и я, старый монах, живущий в этом мире. Один удар моим посохом — и всё это разлетелось на маленькие кусочки!

Так мы должны встречать смерть, и, что не менее важно, иметь дело с непослушными людьми, истерическими женщинами и нашей собственной тщедушностью.

Уммон поднялся на кафедру и сказал:

— Однажды Васубандху превратился в посох из каштанового дерева, ударился о землю, и при этом бесчисленные Будды, сколько их ни было, освободились от словесных оков!

Произнеся эти слова, Уммон ушел.

Васубандху был двадцать первым (индийским) патриархом, который жил, как предполагают, в V веке нашей эры. Он является автором буддистского писания *Юйсикирон*. Взятые ли слова Уммона откуда-то, или он придумал их сам, я не знаю, но суть здесь в том, что дух почитания и “идея о святости” не отражают сути подлинной религии и что мы не уподобимся в своей свободе Богу, каким он был до сотворения мира, пока вместе со вселенной не уничтожим все Библии и Священные Писания.

Уммон поднял посох и сказал:

— В писаниях говорится, что обычный человек считает посох реальной сущностью, что последователи хинаяны считают его пустотой, что верящие в пратьятека-будд считают его иллюзорным, что, с точки зрения бодхисаттв, природа посоха пуста. Но я говорю вам, считайте посох просто посохом, движение — движением, сиде-

ние — сидением, и никогда ни при каких обстоятельствах не поддавайтесь сомнениям!

Уммон поднял посох, показал его собравшимся и сказал:

— Мой посох превратился во вселенную и проглотил мир. Где сейчас эти горы, реки и вся великая земля?

Взятые вместе, эти две истории показывают, что такое посох и что такое дзэн, но вторая нуждается в комментариях. Трудно объяснить, как посох может превратиться в дракона и проглотить вселенную, не впадая при этом в мистицизм, что было бы отвратительно, в пантеизм, что было бы умозрительно, или в литературу, что было бы искусственно. Для этого нужна энергия ума и воображение, которое “обозревает все от неба до земли, от земли до неба” (Шекспир). Уммон уходит к истокам индийского (и древнедаосского) воззрения на мир как на то, что взаимосвязано и содержит все вещи, — причем то, что мы называем “все вещи”, сосредоточено в каждой конкретной вещи. Каждая вещь обладает всеми качествами, каждое качество ничем не отличается от всех остальных качеств, даже от противоположных.

Таким образом, вопрос сводится к тому, как поднять вселенную, когда мы поднимаем ложку, как растворить вселенную вместе с сахаром в стакане чая. Если мы это умеем, мы никогда не соскучимся, и чем ближе мы приближаемся к этому умению, тем более интересными нам кажутся вещи. “Безумец, влюбленный и поэт составлены из одного воображения” (Шекспир). У них есть то, что Кьеркегор называет чистотой сердца, потому что все их мысли об одном. Что есть это Одно? Никто не может ответить на этот вопрос в полной мере, ведь если это можно было сделать, мы стали бы Одним, и тем самым закончились бы все наши поиски, а вместе с ними и жизнь.

— Монах Сэй говорил, что, ударяя посохом пустое пространство, мы слышим звук, а ударяя кусок дерева, мы звука не слышим, — сказал Уммон.

С этими словами Уммон ударил воздух палкой и воскликнул:

— Ух! — а затем ударил по полу и спросил: — Вы что-нибудь слышите?

— Я слышу звук! — ответил один монах.

— Болван! — воскликнул Уммон и, ударив по полу еще раз, спросил: — Разве это звук?

Уммон был не из робкого десятка. Он проверял на практике каждое утверждение и каждый практический опыт выражал некоторым утверждением. Даже обычные люди — или, лучше сказать вместе с Вордсвортом, особенно обычные люди — иногда чувствуют, что камню больно и сочувствуют ему. Мать не может равнодушно слышать плач своего ребенка. Некоторые испытывают ужас при виде змеи. Вопрос в том, что при этом испытывает Бог? Мы должны чувствовать то, что чувствует Бог, что чувствует поэт, художник, музыкант. Дзэн должен чувствовать больше всего, потому что обратная сторона рисунка, беззвучные мелодии, скучное и отвратительное, дешевое и пошлое — всё обладает бесконечным достоинством. Торо сказал:

Если бы я прожил всю жизнь в одном углу на чердаке, как наук, в мыслях мир представлялся бы мне таким же большим, как сейчас.

Посох был излюбленным орудием дзэнских мастеров. Если бы они почитали Фрейда, они бы перестали использовать его направо и налево. Блаженны неведающие психоанализа. Фуннё, девятый в линии передачи Нангаку, сказал, подняв посох: “Монахи, если вы постигли этот посох, ваши странствия окончены!” Это напоминает притчу Стивенсона *Пробный камень истины*, но идея здесь другая. Посох обладает смыслом ржавой лошадиной подковы в притче *Бедняжка*.

— Что такое меч, рассекающий падающий волос? — спросил монах.

— Патриарх, — ответил Уммон.

Этот острый меч можно использовать, чтобы обозначить природу Будды или мудрость Будды, однако такие символы не просто опасны; они смертельно опасны. Ответ Уммона лучше, потому что он более материален и практичен. Буддизм — это человек по имени Будда. Христианство — это Христос. Любовь — это Бог. Мы всегда должны делать акцент на личности. В последнем случае в сборнике

Хэкиганроку Харё, преемнику Уммона, задают тот же вопрос. Он отвечает словами Дзэнгэцу: “Коралловые ветви купаются в лунном свете”. Сёдзан ответил: “Черный лакированный столб”. Риндзай воскликнул: “Неудача! Неудача!”, и когда монах, задавший вопрос, поклонился ему, Риндзай его ударил. Эти ответы отражают разные аспекты или возможные использования меча. Ответ Уммона наименее интересен, но, возможно, наиболее правилен.

— Имеет ли буддизм достоинства и недостатки? — спросил монах у Уммона.

— Бамбуковая занавеска длиной полтора метра.

В китайском языке “достоинства и недостатки” можно записать как “длиннее и короче”. Занавеска длиной полтора метра, и не длиннее. Занавеска длиной полтора метра, и не короче. “Длиннее” означает “короче”. “Короче” означает “длиннее”. Что это значит? Какой длины этот короткий вопрос? Насколько коротким является этот длинный ответ?

Однажды Уммон один раз ударил палочкой. Монах пошел в его сторону, и Уммон спросил:

— Ты видишь, что палочка танцует до тридцать третьих небес?

Монах молчал.

— Объяснить всё, как для дурака? — спросил Уммон, и добавил: — А ты не боишься, что от такого объяснения твоя голова разлетится на кусочки?

После трапезы в этот день Уммон указал на белый кувшин и сказал:

— Известно ли вам, что это выходит за пределы всех будд и патриархов? — Затем он ответил самому себе: — Пять раз по девять будет сорок пять! — А затем добавил: — Позвольте мне съесть это самому!

На следующий день Уммон сказал:

— Древний мудрец говорил: “Видимое глазами не есть Путь”.

Затем Уммон поднял горшок с соевыми бобами и спросил:

— А это — Путь?

Монахи не нашли слов, чтобы ответить.

— Боже мой! — воскликнул Уммон и добавил: — Смешное у вас отношение к таким вопросам!

Эта история свидетельствует о том, что Уммон обладал складом ума, за который, будь он обычным человеком, его сочли бы сумасшедшим. Это пример человека, который больше всего на свете желает учиться, но никто из его окружения не желает учиться. Христос и Сократ, кажется, обладали похожим характером. Им так же не везло с учениками. Современный мир не прислушивается ни к одному из этих трех учителей.

Уммон сказал главному монаху:

— Ты отличаешься от вселенной или тождественен ей?

— Тождественен, — ответил монах.

— Все живые существа, мотыльки, бабочки, муравьи — они отличаются или тождественны?

— Тождественны.

— Почему же, в таком случае, ты отмахиваешься от них?

Кажется, Уммон не любил насекомых, собак и животных вообще. Это серьезный недостаток дзэн, но суть вопроса в том, что если вселенная — это мы сами, как нам уничтожить самих себя? Уммон не может ответить на этот вопрос, потому что ответить на него не может никто.

Уммон сказал монахам:

— Я не спрашиваю о том, что было до пятнадцатого числа, но скажите, что было после пятнадцатого?

Отвечая самому себе, Уммон сказал:

— Каждый день — хороший день.

Эту историю едва ли можно назвать дзэнской, хотя она и составляет VI случай *Хэкиганроку*. Хотя эту историю можно назвать уловкой, это дзэнская уловка. Подобно тому, как мы не должны позволять словам “до пятнадцатого числа” и “после пятнадцатого числа” обмануть себя, нам не следует обманывать себя представлением о днях, которые могут быть священными, зловещими, неудачными, отвратительными и постыдными, как в стихотворении Эмерсона *Дни*.

Однажды Уммон засунул руку в пасть деревянного льва и закричал:

— Помогите! Помогите! Он кусает меня!

Этот дзэнский розыгрыш великолепен. “Играючи, попасть на небеса” несравненно лучше, чем быть серьезным, создать Инквизицию и запятнать авторитет религии. Дзэн — это высмеивание мира, точнее, смех вместе с миром.

— Почему Самантабхадра едет верхом на слоне? Почему Манджушри едет верхом на льве? — спросил монах у Уммона.

— У меня нет ни слона, ни льва, поэтому я еду верхом на храме и уже выехал за ворота!

Манджушри, воплощение мудрости, едет на льве или на фазане; иногда он держит книгу. Самантабхадра — господин Закона. Уммон говорит, что мы едем верхом на том, на чем нам хочется. Сам он скакал по миру на буддизме, чтобы спасти людей. Фукудзю, когда его спросили, почему Шакьямуни не едет верхом, взмахнул руками и сказал: “Подумать только, какой негодяй!”

— Что делать, если лев рычит? — спросил монах.

— Не обращая внимания, попробуй зареветь.

Монах заревел, подражая льву.

— Похоже на писк старой крысы! — сказал Уммон.

В каждом вопросе едва ли не важнее всего тон голоса, манера говорить, интонация, произношение. Именно этим определяется наличие или отсутствие в вопросе дзэн, то есть его подлинность. Если это подлинный вопрос, он отвечает сам на себя. Фактический же ответ — лишь барашек на гребне волны.

— Слышал ли ты, как длинноклювые птицы проповедуют дзэн в Кодзэе в провинции Конан? — спросил у Уммона монах.

— Не слышал, — ответил монах.

Уммон поднял посох и сказал:

— Дзэн!

“Длинноклювые” в данном случае означает “разговорчивые”. Сам Уммон любил говорить и скорее всего не любил слушать. Однако

Уммон никогда не забывает, что дзэн говорит не о вещах; дзэн говорит вещами.

— Почему слепая черепаха ищет дырку в плавающем бревне? — спросил монах у Уммона.

— Старый монах уходит, молитвенно сложив руки!

Слепая черепаха символизирует неведение, малую вероятность того, что, родившись в этом мире, вы услышите о дзэн. Уммон просто говорит: “Господи, Ты позволяешь своему слуге отойти с миром...” Когда тот же вопрос задали Дзёсю, ответ звучал немного суеверно: “Это неслучайно”.

Уммон сказал:

— В этом безбрежном космосе, в этой великой вселенной есть сокровище. Оно скрывается внутри вашего тела. Мы берем в руки светильник и несем его в зал для медитации. Мы открываем великие врата и ставим светильник перед ними.

Слово “в”, как его использует Уммон, вводит в заблуждение. Можно ли сказать, что душа находится “в” теле? Если это так, она должна иметь размеры тела и заполнять его без остатка. Что такое сокровище? Это природа Будды, Бог, вселенская душа или дзэн? Я сказал бы скорее, что это поэтическая природа, которая позволяет нам действовать обычно и необычно — если это не одно и то же. Уммон говорит об этом на примере перечисленных действий просветленного человека.

— Столбы во дворе храма не прекращают диалога с древними Буддами. Можно ли это назвать субъективным? — спросил Уммон.

Монахи молчали.

— Когда над Южными горами собираются тучи, над Северными горами идет дождь, — ответил Уммон сам себе.

Безжизненный внешний столб и (на первый взгляд) безжизненный древний Будда — что разделяет их? “Соединенное Богом да не разъединит ни один (непоэтический, неартистический, немusical, нерелигиозный) человек”. Вордсворт говорит:

Любовь, рождающая все,
Идет от сердца к сердцу,
От земли к человеку и обратно к земле —
Вот куда ведут нас чувства.

Общение, о котором Уммон говорит на примере столбов и древних Будд, происходит повсюду. Это не просто общение человека с человеком или мужчины с женщиной; это общение сердца одной вещи с сердцем другой. Человек любит землю, земля любит человека. Но Вордсворт не только обобщает, но и конкретизирует. Именно весной, “в первый марта день погожий”, наступает час этого чувства или интуиции. Уммон, подобно Вордсворту, не ограничивается анимизмом, который “приходит к нам в часы прозренья”, а говорит, что облака, горы, дождь — все эти проявления Природы по-своему чудесны.

— Одним предложением выразите суть глав, — сказал Уммон.
Монахи ничего не ответили.
— Вместе, — сказал Уммон.

Будучи индивидуалистом, Уммон, подобно доктору Джонсону, знал, что человек — это социальное животное и живет вместе с другими или не живет вообще. Эта двойственная природа человека выражается в другой истории, в которой Уммона спросили, что он думает о созерцании стены (в одиночестве). Он ответил: “Люди вместе повторяют имя Будды!”

— Что можно сказать о Годзу, который еще не встретил Четвертого патриарха? — спросил монах у Уммона.
— Каннон в каждом доме.
— А после того, как встретил?
— Многоножка среди пламени проглотила тигра.

Пока Годзу не встретил Четвертого патриарха, он был обычным набожным буддистом, но после этой встречи Годзу начал жить трансцендентно, каждое его действие стало чудесным, каждая мысль — сверхъестественной.

— Откуда ты родом? — спросил Уммон у монаха.
— Из Кореи.

— Что ты принес с собой через море?
— Маленький разбойник совершает большую ошибку.
— Почему ты оказался в моих руках?
— Я в ваших руках.
— Я позволяю тебе выпрыгнуть.

Монах отвергает вопрос Уммона: “Что ты принес с собой через море?” как избитый дзэнский вопрос. “Маленький разбойник совершает большую ошибку” означает: “Не испытывай на мне свои уловки!” Уммон отдает должное независимости монаха, но спрашивает у него: “Если ты такой, каким себя мнишь, почему ты здесь передо мной и просишь у меня о помощи?” Монах по-прежнему держится за независимость и говорит, что он здесь, потому что так случилось, по воле судьбы, а не потому что он нуждается в обучении. “Оставайся независимым, если тебе это нужно”, — отвечает Уммон.

— Как провести двенадцать часов, не потеряв их? — спросил монах у Уммона.
— На что ты намекаешь?
— Пожалуйста, объясните.
Уммон сочинил стихотворение:

Плохо не смотреть на то, что тебе показывают.
Если будешь только размышлять и сравнивать,
В кои-то веки ты достигнешь просветления?

Уммон встретил недалекого монаха и дал ему стих для обдумывания. Труднее всего просто смотреть на самих себя, не будучи ни за, ни против, без равнодушия и надежды.

— Какова одна мелодия Уммона? — спросил монах.
— Двадцать пятое декабря, — ответил Уммон.
— Что можно сказать о певце?
— Ему не о чем заботиться!

Одна мелодия Уммона — это его уникальное видение мира. Своим ответом Уммон дает понять, что он, подобно Эдварду Лиру и Льюису Кэрроллу, специализируется на чистой бессмыслице. Певец, по крайней мере пока он поет, ничем не озабочен.

— Буддизм классный, но язык короткий, — сказал Уммон и через некоторое время добавил:

— Язык длинный.

В другой раз Уммон сказал:

— Закончив рубить великим топором, мы потираем руки.

Китайское высказывание (по-японски читается *ханахада*), которое переведено словом “классный”, использовалось в сунский период в жаргонном значении “убийственный”, “ужасный”, “умопомрачительный”. Объяснить буддизм трудно, потому что у нас нет для этого слов. Кроме того, объяснить буддизм трудно, потому что мы говорим слишком много. Когда наша лекция или глава закончены, мы реагируем на перенапряжение отвлечением.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Рэйдзю, но Рэйдзю молчал.

После смерти Рэйдзю монахи решили поместить на его надгробии описание одной из историй с его участием и остановили свой выбор на этом эпизоде. Главным монахом тогда был Уммон, и у него спросили, как лучше передать словами молчание мастера.

— Напишите: “Учитель”, — сказал Уммон.

Мы учим молча и только молча, хотя может случиться, что мы при этом разговариваем. Ответом Рэйдзю было не отсутствие объяснения, а его молчание — молчание, которое никогда не прекращалось даже после его смерти и погружения в вечное безмолвие.

Уммон сочинил стихотворение:

Предложение, смысл которого невозможно
достигнуть,

Сказано до того, как его начали произносить.

Но люди бросаются вперед, продолжая говорить,

И дают понять, что не знают, что делать дальше.

Первые две строки кажутся противоречивыми, но это не так. В реальной жизни, точнее, когда речь идет не о днях, а о месяцах и годах, не говоря уже о жизнях, важно глубинное намерение, а не слова, в которые его поспешно облекли.

Уммон сказал собравшимся:

— Старый Варвар*, когда родился, указал одним пальцем на небо, другим на землю, посмотрел в четырех направлениях, сделал четыре шага и сказал: “Под небесами и над небесами один лишь я достоин почитания!” Если бы я увидел его тогда, я бы до смерти избил его палкой, а потом скормил собакам, чтобы он не возмущал мир своими восклицаниями!

Уммон не просто хвалит Будду, осуждая. Зло возникает вместе с добром, заблуждение — вместе с просветлением. Хотя одни животные поедают других, в мире животных царит спокойствие. Даже просветленному человеку не всегда удается перед лицом непонимания сохранить спокойствие.

Уммон был, возможно, величайшим из когда-либо рожденных китайцев. Он объединил в себе Селдена, Свифта, Сидни Смита и Оскара Уайльда. Уммону были не чужды предрассудки буддистские и даосские, например, учение о перевоплощениях. Нам легко взирать на него с высоты многих столетий и видеть, где он не мог отказаться от условностей своего времени и места. Но по прямоте, немногословности, глубине, всеобщности, трансцендентности только Экхарт и Торо приближаются к нему. Именно поэтому об Уммоне не знают за пределами Китая и Японии. Даже в Японии почти никому не известно его имя, а его *гороку* (собрание изречений) достать практически невозможно.

Главным учеником Уммона и единственным, кто был действительно достоин его, был Тодзан, которого следует отличать от Тодзана Рёкая, основателя секты Сото. Тодзана, ученика Уммона, звали Сюсо. Годы и обстоятельства его жизни неизвестны, но он знаменит как автор одного из лучших коанов. На вопрос: “Что такое Будда?”, Тодзан ответил: “Три фунта льна”. Ответ спонтанный, таинственный, существенный. Больше ничего не нужно спрашивать, ничего не нужно объяснять. Этот ответ чем-то напоминает ответ на тот же вопрос Хидзю, ученика Уммона: “Кот, взбирающийся по большому круглому столбу”. Когда монах сказал, что не понимает, Тодзю посоветовал ему спросить у столба.

* Будда.

Когда Тодзан пришел учиться у Уммона, Уммон спросил у него:

— Откуда ты пришел?

— Из Саго.

— Где ты провел это лето?

— В храме Ходзи в Конане.

— Когда ты покинул этот храм?

— Двадцать пятого августа.

— Я освобождаю тебя от тридцати ударов палкой.

На следующий день Тодзан спросил у Уммона:

— Почему вчера я заслуживал тридцати ударов? В чем была моя ошибка?

— Толстый рисовый мешок! Ты ходишь без толку от Западной реки к Южному острову!

Услышав эти слова, Тодзан достиг глубокого просветления и воскликнул:

— Теперь я поселись вдали от дыма людских поселений и не съем ни одного лишнего зернышка риса. Я буду принимать всех, кто придет ко мне с десяти направлений, устранять их привязанности и освобождать их от оков иллюзии!

— Телом ты не больше кокосового ореха, но какой большой у тебя рот! — сказал Уммон.

В чем состояло просветление Тодзана? Что он постиг? Внезапно он увидел себя, странника, не-странником, а религиозный дух — рисовым мешком. Тодзан постиг, что бессмертен, потому что никогда не рождался. Слова Уммона были самыми простыми из всех, которые он мог произнести. Они были наименее осмысленными, и поэтому, услышав их, Тодзан постиг божественную простоту и утонченную бессмысленность мира. Как говорит Гёте, тайна жизни в отречении, а отречься означает умереть, стать рисовым мешком.

— Что такое Чистое Тело Дхармы? — спросил монах у Тодзана.

— Черная черепаха не идет в воду, а продолжает валяться в грязи.

Чистое Тело Дхармы подразумевает реальность за пределами чистоты и нечистоты, другими словами, подлинную природу чело-

века. Проявления этой подлинной природы сверхъестественны, но в то же время именно они делают естественными естественные вещи.

— Ты новичок? — спросил Тодзан у монаха.

— Да.

— Как ты себя чувствуешь утром, проведя ночь в храме?

— Ветер дует сильно и поднимает пыль на склонах голубых гор.

— Не пройдет. Попробуй еще раз!

— Прощайте! — сказал монах.

Тодзан ударил его.

Монах вел себя довольно нагло, цитируя чужое стихотворение, подражая своему учителю. В последующие столетия подобные тенденции усиливались, в результате чего в наши дни роль ученика-монаха в дзэнских диалогах сводится к тому, чтобы искать в сборнике подходящие цитаты.

— Монахи общаются между собой. Кто живет в одиночестве на вершине горы? — спросил монах у Тодзана.

— Человек без ног разгуливает по городу; человек без рук ловко орудует палкой.

Человек без амбиций достигает просветления.

— Что, если повозка останавливается, а бык продолжает идти? — спросил монах у Тодзана.

— Почему бы не спросить у погонщика?

Монах говорит: “Дух бодр, плоть же немощна” (Мф. 26, 41). Тодзан говорит: “Мы у вечности в ладонях”. Для индийского буддизма бык — символическое животное. В сутре *Хоккэжэ* (санскр. *Саддхармапундарика-сутре*) буддизм сравнивают с колесницей, которую тянет белый бык, а в *Юймакэ* (санскр. *Вималакирти-сутре*) религиозные практики иллюстрируются коровой на пастбище. В дзэн известно много мондо, связанных с коровами и быками. Кроме того, в дзэн популярны пастушечьи картинки, идея которых в том, что ученик ищет быка, а затем приручает его. Кто погонщик? Погонщик — это Будда, природа Будды, природа Природы, Нечто за пределами этого мира — и в то же время то, что ближе, чем дыхание.

- Откуда ты пришел? — спросил Тодзан у монаха.
 — Из провинции Дзёсю.
 — Это далеко отсюда?
 — Три тысячи верст.
 — Сколько соломенных сандалий ты стогал?
 — Три пары.
 — Как ты зарабатывал себе на жизнь?
 — Изготавливая зонтики.
 — Возвращайся в зал к монахам! — сказал Тодзан.
 Монах поклонился и ушел.

Мне кажется, что было бы лучше, если бы монах грабил банки или выигрывал деньги в карты. Такой честный и добросовестный парень подает не больше надежд, чем самый амбициозный негодяй.

- Что такое башня без формы? — спросил монах у Тодзана.
 — Каменный лев на перекрестке.

Важно никогда не верить абсолютному, бесформенному, духовному и никогда не окунается в относительное, о-формленное, материальное. Выражение “башня без формы” можно перевести также как “башня без швов”. Тодзан пытается вывести монаха в пространство, в котором нет подобных различий.

Часть II ШКОЛА НАНГАКУ

Глава 13 НАНГАКУ И БАСО

Теперь мы переходим к ветви дзэн, в основании которой находится Нангаку (см. схему 4). Эта ветвь дала две дзэнские секты — Игё и Риндзай, а также две подсекты последней — Орю и Ёги. Древние дзэнские мастера так сильно отличались друг от друга, что нам трудно с первого взгляда сказать, к какой ветви дзэн относился тот или иной мастер — к ветви Нангаку (секта Риндзай) или к ветви Сэйгэна (секта Сото). Но время шло, и постепенно наметилось расхождение между этими традициями. Секта Сото тяготела к *моку-дзэн* (молчаливое созерцание), а секта Риндзай — к *канна-дзэн* (решение коанов). В секте Сото коаны никогда активно не использовались, как это делается в секте Риндзай, где монахи подолгу медитируют на них.

В самом Нангаку практически нет силы и энергичности, которую проявили его знаменитые последователи в линии Басо. Историй о Нангаку очень мало. Даже знаменитая сцена, в которой он на глазах у Басо пытается шлифовать кирпич, чтобы показать ученику, что

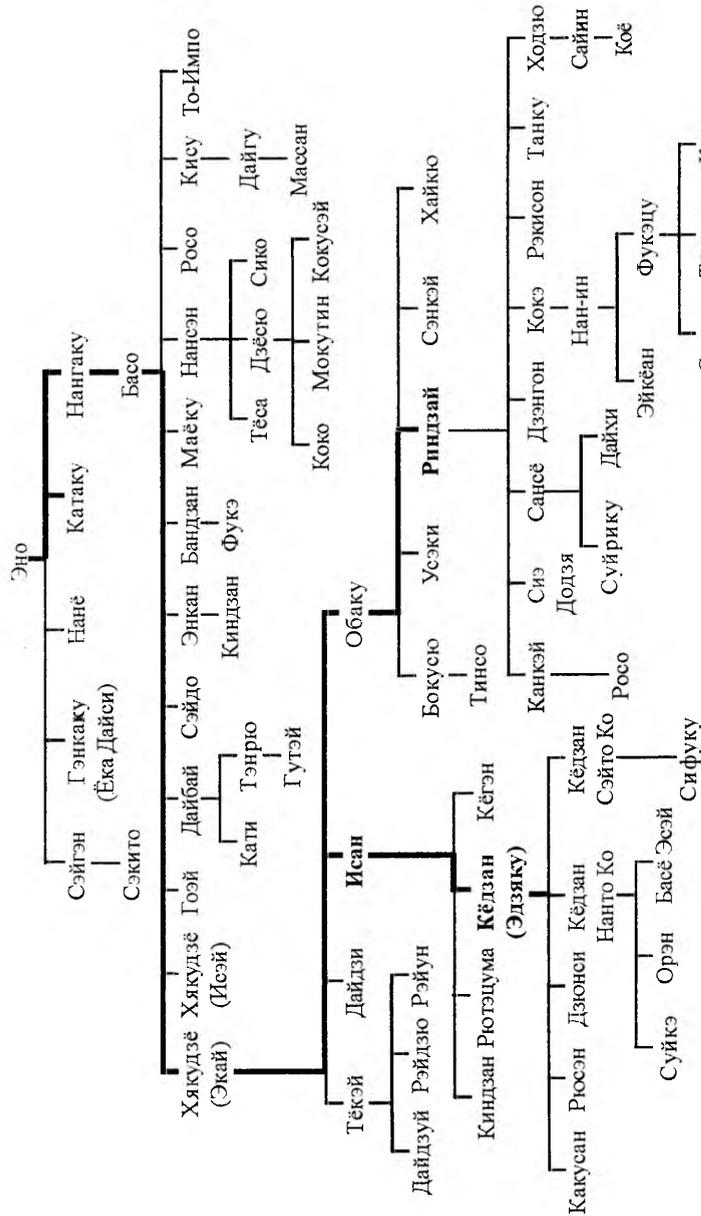

Схема 4. «Генеалогическое дерево» мастеров школы Нангаку

дзадзэн не приближает нас к Будде, то есть к просветлению, довольно наивна и, как большинство аналогий и метафор, обманчива. Басо считал себя — может правильно, а может нет, — драгоценным камнем, нуждающимся в шлифовке. Нангаку сказал ему, что он — безнадёжная глина. Одно сравнение не лучше другого. Дзэн должен быть выше сравнений. О Нангаку рассказывают также следующий случай.

— Путь не имеет формы, как нам увидеть его воочию? — спросил Басо у Нангаку.

— Глаз Закона, находящийся у истоков сознания, ясно видит Путь и пребывает в самадхи бесформенности.

— Может ли глаз Закона проясняться или тускнеть?

— Если мы видим его ясным или тусклым, большим или маленьким, мы не видим его.

Это подлинный дзэнский ответ. потому что он цикличен. Выражая его в более категоричной форме, получим: “Если ты видишь его, это не Путь; если не видишь его, это Путь”.

Басо, год рождения которого неизвестен, выглядел очень странно. “Он ходил, как корова, и оглядывался по сторонам, словно тигр. Он мог дотянуться до носа кончиком языка и носил кольца на ступнях ног”. В молодости Басо был пострижен в монахи священником То, а затем стал полноправным буддистским священником, занимаясь у Эна, наставника секты Виная.

Басо достиг просветления у Нангаку, а затем преподавал в храме на горе Басо, от которой и получил свое имя. У Басо было множество учеников, и вскоре все поняли, что именно он и Сэкито (а не Нангаку и Сэйгэн) разделили между собой дзэнский мир. Сто тридцать девять монахов получили право встречаться с Басо лично. В январе 788 года Басо поднялся на гору Сэкимон и сказал своему прислужнику, что скоро умрет. Он умер в следующем месяце. Его главным учениками были Хякудзэ и Нансэн, вслед за которыми следует упомянуть Гоэя, Дайбая, Энкана, Сэйдо и Бандзана.

— Что такое Будда? — спросил монах у Басо.

— Ум — это Будда.

— Что такое Путь?

— Не-ум — это Путь.

— Разве Будда и Путь отличаются? — спросил удивленный монах.

— Будда подобен протягиванию руки; Путь подобен сжиманию кулака.

Будда — это Ум вселенной и, стало быть, наш собственный ум. Путь нельзя назвать *нашим* умом. Путь свободен и беспределен. Будда и Ум активны, действуют, а Путь отражает уровень нашего постижения. Путь неподвижен, потенциален.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Басо.

— В это самое мгновение что такое “смысл”?

Монах повторил свой вопрос. Басо ударил его, а затем сказал:

— Если бы я не ударил тебя, люди бы смеялись надо мной.

В чем смысл слова “смысл”? Чтобы спрашивать: “Что такое одеяло?”, вы можете не знать, что такое одеяло, но вы должны по крайней мере знать, что такое “что”. Что мы имеем в виду, когда говорим “что”? Другой вопрос: “Является ли Бог личностью?” Чтобы ответить на него, нужно знать, что такое личность. Таким образом, глобальный вопрос звучит так: “Как глубоки вы и ваши слова?” Если ваши слова мельче, чем мои, вы не понимаете моих ответов. Если они глубже моих, зачем вы меня спрашиваете?

Ударить монаха — все равно что шлепнуть ребенка. Это бесполезно и глупо, но мы должны это сделать, ведь если мы не будем делать этого, люди скажут, что мы безразличные родители.

Э из Рокутана задал Басо вопрос о приходе Дарумы с Запада.

— Не говори так громко. Подойди ближе!

Э подошел ближе. Басо ударил его и сказал:

— Шесть ушей не настроены на один лад. Приходи завтра!

На следующий день Э вошел в зал для медитации и сказал:

— Прошу дать мне объяснение!

— Сейчас уходи и приходи, когда у тебя будет время. Тогда я публично проверю твое понимание!

Э достиг просветления.

— Благодарю вас за публичную проверку! — воскликнул он, обошел зал по кругу и вышел.

Это просветление интересно, потому что кажется результатом внушения. Толчком к нему послужил намек Басо на то, что быть непросветленным означает просто откладывать просветление. В соответствии с буддизмом достижение просветления неизбежно.

— Пожалуйста, выйдите за пределы четырех изречений, воздержитесь от ста отрицаний и скажите, в чем смысл прихода Дарумы с Запада, — попросил монах.

— Сегодня я устал и поэтому не могу тебе ответить. Задай этот вопрос Тидзо, — ответил Басо.

Когда монах задал вопрос Тидзо, тот спросил у него:

— Почему ты не обратился к Мастеру?

— Он сказал, что устал, и велел мне задать вопрос вам.

— Что-то у меня сегодня разболелась голова, — сказал Тидзо. —

Я не могу тебе ответить. Задай этот вопрос брату Каю.

Монах пошел к Каю, который ответил ему так:

— Признаюсь, что я сам не знаю ответа на этот вопрос.

Монах вернулся к Басо и рассказал ему о случившемся.

— У Тидзо голова черная; у Кая голова белая.

Другой вариант истории говорит, что у Тидзо голова белая, а у Кая черная. Это предание составляет LXXIII случай *Хэкиганроку* и VI случай *Сёроку*. Басо уклоняется от ответа по двум причинам (любая ситуация имеет как минимум две причины). Во-первых, упомянув о четырех изречениях и ста отрицаниях, монах ведет себя чересчур самоуверенно, и поэтому Басо своей небрежной репликой ставит его на место. Во-вторых, слова Басо: “Сегодня я устал и поэтому не могу тебе ответить” выходят за пределы относительности. “У Тидзо голова черная” означает, что Тидзо еще слишком молод и подражает учителю. Ответ второго монаха, который говорит, что не знает ответа, является более зрелым. По мере углубления нашего понимания мы понимаем дзэн всё меньше.

Муго из Фунсю спросил у Басо:

— В чем тайный смысл прихода Дарумы с Запада?
 — Ваша честь слишком спешит. Сейчас ступайте, но приходите
 позже.

Муго собирался уйти, но тут Басо окликнул его:

— Ваша честь!

Муго обернулся.

— Что это? — спросил Басо.

Муго достиг просветления и поклонился Басо.

— Какого черта этот болван кланяется? — спросил Басо.

Есть что-то удивительное в просветлениях такого рода, когда такая незначительная причина вызывает такие огромные последствия. Немного солнца, воздуха и воды, и весенние цветы уже цветут. Причина здесь, как и в случае с Муго, преимущественно внутренняя, но какое удовольствие, должно быть, испытал Басо, когда ему неожиданно-негаданно пришлось сыграть роль повивальной бабки при столь легких родах!

Что постиг Муго? Отпустив его, Басо отпустил и себя. Когда Муго позвали, и он оглянулся, Басо и Муго посмотрели друг на друга так, как посмотрели бы друг на друга Гамлет и Горацио, если бы Гамлет был Горацио, а Горацио был Гамлетом. Вопрос Гамлета и безусловное принятие Горацио — если только двое могут быть одним (особенно если один из них женщина) — как много можно при этом достичь! Увидеть истину очень просто — и в то же время это самое трудное в мире. В конце Басо пожурил Муго за то, что тот ему поклонился, а не за сам поклон. Мы должны делать поклоны, это естественно и человечно. Но перед кем и для чего?

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил Суйрё у Басо.

Басо ударил Суйрё ногой в грудь. Тот упал на землю и достиг просветления. После этого Суйрё встал, захлопал в ладоши и громко воскликнул:

— Чудо! Чудо! Сто различных самадхи и бесчисленные тайные истины явлены мне на кончике волоска!

Суйрё поклонился и ушел.

О Суйрё известно лишь то, что он был учеником Басо. В своем восклицании после просветления он был слишком многословным, но смысл его слов понятен. Интересным моментом является удар ногой в грудь, очевидно, весьма своевременный удар. Десятки других людей можно было ударить, но это привело бы только к физическим и моральным ушибам. Говорится в поговорке: “Тот, кто находится внизу, не упадет”, и дзэнский мастер стремится сделать так, чтобы ученик оказался далеко внизу, ведь самое низкое и самое высокое расположены рядом. “Когда полубоги уходят, боги приходят” (Эмерсон).

Басо сказал собравшимся:

— Верьте, что каждый из вас наделен умом, который есть Будда! Дарума пришел из Индии в Среднее Царство, чтобы вы постигли истину Единого Ума махаяны.

— Почему вы учите, что ум есть Будда? — спросил монах.

— Чтобы ребенок перестал плакать.

— Что будет, когда он перестанет плакать?

— Ум не есть Будда.

— Что еще говорится в вашем учении?

— Скажу лишь, что это не “что”.

Интересно отметить, что не только в буддизме и христианстве, но и в дзэн есть место для постепенного откровения истины — молочко для малышей и жареное мясо для взрослых. Можно спросить, правильно ли поступают учителя, но в случае для учеников это неизбежно. В учении важно создать впечатление, что нечто всё еще не постигнуто, но заслуживает того, чтобы к нему стремились всеми силами. Постижению нет конца.

Однажды ученый Рё из Сэйдзана встретил Басо, который спросил у него:

— О какой сутре вы читаете лекции?

— О *Сутре ума*.

— Как вы читаете лекции?

— С помощью ума.

— Ум подобен актеру, смысл подобен шуту, шесть органов чувств подобны знакомому. Как можно читать лекции?

— Если ум не может читать лекции, возможно, их читает не-ум, — возразил Рё.

— Возможно, — согласился Басо.

Рё встряхнул рукавами и собирался уйти, но Басо окликнул его:

— Профессор!

Рё повернул голову.

— Что вы собираетесь делать?

Услышав эти слова, Рё пережил глубокое просветление и поклонился.

— Какого черта ты кланяешься?

По телу Рё струился пот. Вернувшись в храм, он сказал монахам:

— Я думал, что всю жизнь буду читать лекции и мучиться сомнениями, но сегодня Басо растопил все мои сомнения!

Рё прекратил читать лекции, отправился в Западные горы и больше о нем никто не слышал.

История, приводимая в восьмом томе *Кэйтоку Дэнтороку* имеет другую концовку. Когда Рё повернулся, Басо сказал: “От рождения до смерти происходит именно это!” Рё в этой дзэнской истории играет роль воробья, залетевшего в церковь; он появляется ниоткуда и исчезает в никуда. Должно быть, Рё мучили сомнения, когда он читал лекции, и эти сомнения становились тем сильнее, чем лучше он их читал. Его разряженный риторический вопрос интересен: “Если ум не может понять, может ли понять не-ум?” Басо отвечает сурово, в духе Вордсворта. Анимизм всегда побеждает механизм. Но Рё в глубоком отчаянии отворачивается, намереваясь уйти. “Где наш дом?” — спрашивает Д. Г. Лоуренс. Быть дома означает чувствовать себя дома везде, говорит Шекспир. Но дома нас не обязательно ждут приятные впечатления. Дома мы страдаем и будем страдать. Неприятие Басо поклонов и простирааний Рё напоминает о словах Христа: “Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог”. (Мф. 19, 17)

Следующая история напоминает предыдущую и показывает, что дзэнский мастер терпит поражение не менее достойно, чем побеждает.

— Каково учение секты Дзэн? — спросил у Басо монах-философ.

— Каково твоё учение?

— Я проповедую двенадцать разных сутр и шастр.

— Ты маленький львенок!

— Вы очень добры.

Басо громко выдохнул воздух.

— Вот подлинный ответ! — воскликнул монах.

— Почему?

— Лев выходит из своего логова.

Басо молчал.

— Вот подлинный ответ! — снова воскликнул монах.

— Почему?

— Лев возвращается в свое логово.

— Что, если лев не выходит и не возвращается?

Монах молчал. Затем он собирался уйти и уже был на пороге, когда Басо позвал его:

— Монах!

Монах повернулся.

— Что теперь? — спросил Басо.

Монах ничего не ответил.

— Еще один недалекий человек! — воскликнул Басо.

Здесь мы имеем интересный контраст между ложной похвалой Басо и искренней похвалой монаха при том, что Басо был прав, а монах — нет. Но похвала или порицание, правильное или неправильное, вход или выход — всё это нужно трансцендировать. В противном случае мы не можем правильно хвалить или порицать, быть правильным или неправильным, входить и выходить полностью. Упрек монаху в конце истории отражает не только сожаление Басо в связи с тем, что ему не удалось обратить монаха в свою веру, но и понимание, что в этом нет ничего плохого. Человек, не испытывающий удовлетворения в случае удачи и подавленности в случае неудачи, не лучше мошенника. Такой человек обманывает не себя, а Бога, который гневается на тех, кто творит зло, — и тем самым на Самого Себя за то, что допустил такой бардак в этом мире и, возможно, во всех остальных мирах.

Однажды Басо учил монаха. Басо нарисовал на земле круг и сказал:

— Если ты войдешь в круг, я ударю тебя! Если ты не войдешь в круг, я ударю тебя!

Монах вошел в круг, и Басо ударил его.

— Мастер мог и не бить меня, — сказал монах.

Басо ушел прочь, опираясь на посох.

Мы должны что-то делать, а чего-то не делать. От бесконечного числа альтернатив нет спасения. Что бы мы ни делали, нас наказывают согласно закону о воздаянии, о котором писал Эмерсон. Но, как это ни странно, если не в реальной жизни, то в своем сознании мы можем действовать двумя взаимоисключающими способами одновременно или не действовать вообще никак. В этом наша свобода, наша единственная свобода. Она абсолютна, равно как причина и следствие тоже абсолютны.

Монах вошел в круг. Такова его судьба, и его выбор был одновременно свободным и детерминированным. Басо ударил его, выполнив свое обещание. Такова судьба Басо, равно как судьба монаха в том, чтобы его ударили. Но монах говорит, что удар был свободен, другими словами, это был одновременно удар и не-удар. Монах также был свободен: быть ударенным и не быть ударенным. Так, Басо и монах играли каждый в свою игру, но осознавали, что эта игра есть часть большой Игры, и оба они были удовлетворены: побитый, непобитый, не могущий быть побитым монах и Басо со своим посохом, который бьет так, что каждый может остаться непобитым.

— Как вода держит на себе корабль весом тысячу тонн, если у нее нет костей? — спросил Хо у Басо.

— Здесь нет ни воды, ни корабля. Как мне объяснять?

Басо говорит: “Не пересекай мост, пока не станешь на него”. Если бы Хо и Басо находились на корабле, этот вопрос был бы уместен, потому что ответ можно получить только тогда, когда вопрос реально переживают не только умом, но и телом. Если же вопрос задан только умом в отрыве от тела, лучше оставить его без ответа.

Басо спросил у Хякудзё, какой истине он обучает людей. Хякудзё поднял *хоссы*. Басо спросил:

— Больше ничего?

Хякудзё опустил *хоссы*.

Увидеть сотворение мира в поднимании палки с конским волосом на конце и уничтожение мира в опускании этой палки — это напоминает нам о древних мистериях. *Хоссы* имеет также сексуальный смысл, но символизм не имеет места в мире дзэн, где всё является целью, а не средством, следствием, а не причиной. С равным успехом мы можем сказать, что в мире дзэн всё является средством, а не целью, причиной, а не следствием. Если, поднимая *хоссы*, Хякудзё имел в виду жизнь, рождение, действие, *ян*, а опуская — имел в виду смерть, пассивность, *инь*, тогда Хякудзё совершил серьезную ошибку, а Басо выступил в роли соучастника в этом (религиозном) преступлении. Поднимание и опускание — мы должны выйти за пределы их естественного символизма. В противном случае мы, говорит Блейк, будем поработены системой другого человека, в данном случае Бога.

Однажды Басо был болен, и главный монах спросил у него, как он себя чувствует.

— Солнечноликий Будда, луноликий Будда, — последовал ответ.

Эта история составляет III случай *Хэкиганроку* и XXXVI случай *Сёёроку*. Подобно тому, как длинная вещь является длинным телом Будды, а короткая вещь — коротким телом Будды, говорит Басо, короткая жизнь является короткой жизнью Солнечного Будды, а длинная жизнь — длинной жизнью Лунного Будды.

Басо был первым из мастеров, которые использовали собственно дзэнский способ обучения. Басо не философствовал и не говорил парадоксов, как Экхарт, не был мистиком, экстрасенсом, пророком: он постигал абсолютное в относительном. Причем относительное для него лишено религиозности, романтичности, символизма, красоты, интеллектуальности, нарочитой глубокомысленности: относительное для него проникнуто глубоким чувством экзистенциальной

значимости вещей, анимизмом, поэзией. О том, насколько уважали Басо, можно судить по следующей истории.

Гакурин Кэн путешествовал, чтобы любоваться горными пейзажами. В одном из храмов он увидел портрет Басо, поклонился перед ним, внезапно достиг просветления и сочинил стихотворение.

В этом году мне исполнилось пятьдесят пять;
Путешествуя в горах, я зашел почтить память Басо.
Три раза сердечно склоняю голову;
Моим глазам не на что смотреть.

Глава 14

УЧЕНИКИ БАСО

Сэйдо (735-814) поступил в монастырь в возрасте восьми лет, а затем обучался у Басо вместе с Хякудзё. Басо подтвердил просветление Сэйдо, сказав: “Ты понимаешь больше, чем написано в сутрах”. Впоследствии Сэйдо распространял дзэн своего учителя.

- Почему ты не читаешь сутр? — однажды спросил Басо.
- Разве между сутрами и дзэн есть разница? — ответил Сэйдо.
- Всё равно ты должен читать сутры во имя других.
- Каждый лечит свою болезнь сам. Как я могу помочь другим?
- Скоро ты перевернешь мир.

Сэйдо повторяет то, что Будда сказал в сутре *Хоккэкё*, а именно, что каждый должен спасать самого себя. Это, конечно же, верно, но не тогда, когда мы говорим об этом.

С чтением сутр связан другой случай. Он не имеет никакого отношения к Басо и Сэйдо.

Библиотекарь увидел монаха, который медитировал в хранилище сутр, и спросил у него:

- Почему ты не читаешь сутры?
- Я не умею читать.
- Почему же ты не попросишь кого-нибудь?
- Монах молитвенно сложил руки и спросил:
- Можете ли вы объяснить смысл хотя бы одного иероглифа?
- Библиотекарь молчал.

Библиотекарь мог читать мертвые символы и не мог прочесть ни одного живого. Но он был, по крайней мере, достаточно искренним, чтобы прямо признать свою духовную безграмотность и не лепетать, как *Откровение Иоанна Богослова*, об Альфе и Омеге.

Во время беседы с Сэйдо монах по имени Тёсюсай спросил:

- Горы, реки и великая земля — существует ли всё это на самом деле? Существуют ли Будды Трёх Миров?
- Существуют, — ответил Сэйдо.

Тогда Тёсюсай сказал Сэйдо, что Хякудзё всегда отвечал на подобные вопросы словами: “Не существуют”.

— Давай станем такими же, как наш старый Хякудзё, и тогда ответом на все вопросы будет *Му!* — сказал Сэйдо.

Мир существует, мир не существует, мир одновременно существует и не существует. О существовании или несуществовании мира может говорить наука и здравый смысл. Только искусство может выразить третью альтернативу. Последняя реплика Сэйдо достойна восхищения. В ней присутствуют одновременно уважение, независимость и юмор.

Однажды Сэйдо сжег монаха. Вскоре монах явился ему во сне и потребовал вернуть ему жизнь.

- Ты мертв или нет? — спросил Сэйдо.
- Мертв, — ответил монах.
- Если ты мертв, кто просит вернуть тебе жизнь?
- Монах исчез и больше не появлялся.

Это хорошая басня, и хотя дзэн в ней очень мало, она должна была научить суеверных китайцев не верить в души умерших.

Префект Ри гостил у Сэйдо, когда из Кодзэя пришло два монаха.

— Как Ба Дайси наставляет своих учеников? — спросил Ри у монахов.

— Дайси говорит, что наш ум есть Будда, — ответили один монах.

— Здесь кроется ошибка, — сказал Ри и повторил свой вопрос для другого монаха.

— Дайси говорит, что это не ум и не Будда, — ответил тот.

— Это уже слишком! — сказал Ри и спросил, что думает по этому поводу Сэйдо.

Сэйдо окликнул Ри. Тот отозвался.

— Быют боевые барабаны; звучат боевые трубы, — сказал Сэйдо.

Этот обращение и ответ имеют точную параллель в стихотворных строках британского “метафизического поэта” Герберта:

С каждым словом становился я
 Всё яростней и злее,
 Но на далекий зов: “Дитя!”
 Ответил я: “Господь!”

Последняя реплика Сэйдо скорее всего означает, что вопросы и ответы, зов и реакция — всё это великая битва за Подлинную Жизнь.

Маёку, годы рождения и смерти которого неизвестны, был знаменитым учеником Басо, но о нем ничего не известно, кроме нескольких историй. Маёку жил на одноименной горе и проповедовал учение Басо:

— Я знаю смысл Двенадцатиричного Канона, но в чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Маёку.

Маёку поднялся, взял в руки посох, повернулся и поднял ногу.

— Понимаешь? — спросил он.

Монах не ответил. Маёку ударил его.

Двенадцатиричный Канон — это деление буддистских писаний на сутры, проповеди, стихи, пророчества, песнопения, предания, *джатаки* (истории о прошлых жизнях Будды), толкования сутр, описания чудес, хроники, притчи и комментарии. Монах в этой истории думает, что всё имеет смысл. Он не знает, в чем смысл Всего, то есть всех вещей. Приход Дарумы с Запада, вселенная, жизнь, посох в ру-

ках Маёку, его поднятая нога — всё это обладает бессмысленным смыслом. Таков же смысл удара Маёку, но молчание монаха обладает осмысленным смыслом, и в этом суть проблемы.

— Является Двенадцатиричный Канон священным или нет? — спросил Маёку у Тангэна.

— Является.

Маёку один раз ударил Тангэна.

— Я знал, что ты не достиг этого состояния сознания! — ответил Тангэн.

Поначалу мы думаем, что некоторые вещи, места и личности священны. Затем мы понимаем, что это предрассудок и думаем, что в них нет ничего священного. В конце концов мы понимаем, что все вещи священны, а некоторые из них особенно. Маёку показалось, что Тангэн находится в первом состоянии, но Тангэн говорит, что он находится в третьем, тогда как Маёку — только во втором.

Когда главный монах Рёсуй отправился повидать Маёку, Маёку с палкой в руках занимался прополкой. Рёсуй пришел туда, где Маёку работал. Маёку сделал вид, что не заметил его, ушел в свою комнату и закрыл за собой дверь. На следующий день случилось то же самое, но на этот раз Рёсуй постучал в дверь. Маёку спросил:

— Кто там?

Не успел Рёсуй ответить, как достиг просветления и сказал:

— Не смейтесь надо мной. Если бы я не посетил вас, Двенадцатиричный Канон навсегда остался бы для меня препятствием!

Маёку открыл дверь и подтвердил его постижение. Рёсуй вернулся туда, где обучался, простился со всеми и ушел, сказав на прощание:

— То, что вы знаете, я тоже знаю; то, что я знаю, вы не знаете.

Будем надеяться, что последние слова сказаны с наилучшими намерениями. Но каким мастером своего дела был Маёку! Такого рода реакция с его стороны могла привести к просветлению только этот конкретный тип характера и никакой другой.

— Тот, Кто Исполнен Великого Сострадания, имеет тысячу рук и в каждой из них по глазу. Какой глаз является подлинным? — спросил Маёку у Риндзая.

— Тот, Кто Исполнен Великого Сострадания, имеет тысячу рук и в каждой из них по глазу. Какой из этих глаз является подлинным? Отвечай сейчас же! — воскликнул Риндзай.

Маёку поднял Риндзая и сам сел на его место.

— Что это значит? — спросил Риндзай.

Маёку посмотрел на него так, словно хотел заговорить, но не мог. Тогда Риндзай выкрикнул: “Кацц!”, стянул Маёку со своего помоста и уселся на него сам.

Победа Риндзая над Маёку напоминает победу, которую одержал Мартовский Заяц над Алисой.

— ...а еще они рисовали... всякую всячину... все, что начинается на “М”.

— Почему на “М”? — спросила Алиса.

— Почему бы и нет? — ответил Мартовский Заяц.

Алиса промолчала.

(Алиса в Стране Чудес, пер. Н. Демуровой)

Следующая история, надо полагать, относится к “зеленой” молодости Маёку.

Маёку, Нансэн и еще один монах путешествовали на природе, намереваясь посетить Киндзана. По дороге они встретили старуху.

— Где вы живете? — спросили монахи.

— Здесь, — ответила старуха.

Все вместе они зашли в чайную лавку старухи. Она заварила чай, принесла три чашки, поставила их на стол и сказала:

— Пусть тот, кто наделен божественными силами, выпьет этот чай!

Трое монахов переглянулись, и никто не прикоснулся к чаю. Тогда женщина сказала:

— Глупая старуха покажет, на что она способна. Смотрите! — Она взяла чашку чая, быстро выпила ее и удалилась.

“Путешествовать на природе” буквально переводится с китайского “любоваться облаками”, что означает плыть вместе с облаками, течь вместе с водой, наслаждаться горными пейзажами, дружить с ручьями и озерами. Бернард Шоу сказал, что женщина не интересна, пока ей не исполнилось сорок. Когда некоторые (китайские) женщины старились, они, кажется, приобретали оккультные силы, становились ведьмами или, как в этом случае, непроизвольными знатоками дзэн.

Бандзан, годы жизни которого неизвестны, был еще одним учеником Басо. Жизнь и характер Бандзана не описаны в дзэнских писаниях. В них приводятся только некоторые случаи о нем.

Когда Бандзан учился у Басо, он был уличным монахом*. Однажды он вышел из монастыря и увидел похоронную процессию. Впереди шли мужчины. Они звонили в колокольчики и пели:

— Красное солнце село на западе. О судьбе покойной души ничего не известно. Родственники плачут и причитают: “Какое горе!”

Услышав эти слова, Бандзан почувствовал дрожь в теле и достиг просветления. Вернувшись, он поведал Басо о случившемся, и тот подтвердил его постижение.

Постичь истину на похоронах — довольно редкое событие. Избыток света ослепляет, избыток тьмы просветляет.

Однажды Бандзан отправился на рынок и увидел человека, продающего мясо дикого вепря. Покупатель обратился к продавцу:

— Отрежь мне кусок хорошего мяса!

Мясник бросил нож, сложил руки и сказал:

— Разве ваша честь не знает, что здесь любое мясо хорошее?

Услышав эти слова, Бандзан достиг просветления.

Лучшим комментарием к этой истории являются незабвенные слова Вордсворта: “Всё, что видим мы, исполнено блаженства”.

Бандзан сказал собравшимся:

— В трех мирах не существует ни одной вещи. Где искать ум?

* т. е. монахом, который ходил в город, чтобы покупать вещи и т. д.

Если нет объекта, нет и субъекта. Если спросить, что же есть, нам придется ответить пародией на Эмерсона. Когда два полубога уходят, один целостный Бог приходит. Вот еще одна проповедь Бандзана.

Бандзан сказал монахам:

— Он подобен мечу, который подбросили высоко в небо. Мы теряемся в догадках, долетел он до небес или нет. На небе не осталось ни следа, и сам меч не уменьшился в размере.

Кто “он”? Это дзэн, поэзия, любовь, Бог. Кто не “он”?

Фукэ, время жизни которого неизвестно, был главным учеником Бандзана. Фукэ был едва ли не самым эксцентричным из дзэнских монахов, включая Кандзана, Дзиттоку и Букана. Достигнув просветления у Бандзана, Фукэ встретился в Риндзаем (этот случай приводится ниже). Когда пришло его время умирать, он протянул руку и жалобно попросил: “Подайте на пропитание!”

Фукэ вместе с Риндзаем отправился на празднование в дом небожного буддиста.

— Один волосок выпивает Великий Океан. Гора Шумеру помещается в маковом зернышке. Это проявление божественной силы и созидания, или же это вечная и неизменная природа вещей? — спросил Риндзай.

Фукэ перевернул стол.

— Грубиян! — воскликнул Риндзай.

— Скажи мне, где здесь грубость, где здесь утонченность? — спросил Фукэ.

Риндзай отказался продолжать разговор и ушел.

На следующий день был еще один прием, на котором снова присутствовали Риндзай и Фукэ.

— В чем разница между вчерашним празднованием и сегодняшним? — спросил Риндзай.

Фукэ перевернул стол.

— Грубиян! — воскликнул Риндзай.

— Слепой щенок! Разве в буддизме бывает грубость и утонченность? — воскликнул Фукэ.

Риндзай показал язык.

В жизнеописаниях христианских святых трудно найти параллель этому эпизоду. Он напоминает нам о Тимоне Афинском или Петруччо из *Укрощения строптивой*. Фукэ и Риндзай оба были неукротимы, но без малейшей неприязни к людям.

После просветления, которое было для Фукэ выходом за пределы схожести и несхожести, одинаковости и различия, он часами играл на флейте, и когда люди приходили, чтобы послушать его, он учил их дзэн. До наших дней дошло предание о том, как учение Фукэ достигло берегов Японии. Говорят, что в 1248 году Хото Кокуси отправился в Китай, где изучал учения разных буддистских сект, в том числе игру на флейте у Тёю, шестнадцатого мастера в линии Фукэ. Хото Кокуси вернулся в Японию в 1254 году. После этого он путешествовал по стране, играя на флейте и проповедуя буддизм.

Когда Бандзан собирался умереть, он попросил монахов принести портреты, нарисованные с него при жизни. Ни один из портретов не удовлетворил Бандзана. Все знали, что у Фукэ тоже есть портрет Бандзана.

— Почему ты не несешь мне портрет? — спросил Бандзан у Фукэ.

Фукэ кувыркнулся и вышел.

— Этот лунатик извратит подлинный путь! — сказал Бандзан.

В дзэн со времен Фукэ не хватает (дзэнских) юродивых. Мы знаем юродивых другого типа, таких как Гитлер, Наполеон, римские папы, Ньютон и Вагнер, но дзэн погряз в конвенциональности и однообразии. Даже в Европе в средние века в каждом богатом доме был шут, карлик или манекен, напоминавший людям о демонической и безумной природе вселенной.

Хякудзё Исэй был соучеником Хякудзё Экая у Басо, но о нем ничего не известно, кроме того, что его прозвали Хякудзё Нэхан, потому что он зачитывался *Нэхангё* (Нирвана-сутрой). Скорее всего он был “монахом” в случае XXVII из *Мумонкана*, потому что в случае XXVIII из *Хэкиганроку* речь идет о Хякудзё Нэхане. В противном случае мы должны считать Хякудзё Нэхана еще одним человеком, учеником Хякудзё Экая.

Однажды Хякудзё Исэй сказал монахам:

— Когда вы закончите возделывать новое поле, я поведаю вам Смысл Сушего.

Монахи закончили работу в поле и обратились к мастеру:

— Мы просим вас поведать Смысл Сушего.

Хякудзё Исэй широко развел руками.

Монахи “открыли” землю; мастер “открыл” объятия. В этих действиях начинаются и заканчиваются все дела этого мира.

Дайбай достиг просветления, услышав слова Басо: “Твой ум — вот что такое Будда!” Впоследствии Дайбай жил в храме на одноименной горе, и однажды Басо послал к нему монаха, чтобы предупредить, что учение Басо с тех пор изменилось, и он теперь учит: “Нет ума, нет Будды”.

— Другие могут повторять слова: “Нет ума, нет Будды”, но я по-прежнему остаюсь верным словам: “Твой ум — вот что такое Будда!” — уверенно сказал Дайбай.

Вернувшись, монах рассказал об этом Басо.

— Дайбай повзрослел, — похвалил Басо.

Ученики постепенно начали собираться вокруг Дайбая. Среди них был кореец Кати. Дайбай умер в возрасте восьмидесяти восьми лет.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Дайбая.

— Приход Дарумы не имеет смысла.

Монах рассказал об этом случае Энкану, который сказал:

— Два мертвеца в одном гробу.

Гэнся, услышав эти слова, сказал:

— Энкан — умный парень!

Приход Дарумы не имеет смысла, и в этом он напоминает природу вселенной, которая осмыслена, но не имеет никакого конкретного смысла. Два мертвеца — это Дарума и Дайбай, потому что они оба говорили слишком много и своей болтовней погубили себя и других. Гэнся хвалит Энкана, но, возможно, с грустной улыбкой.

— В чем великий смысл буддизма? — спросил монах у Дайбая.

— Цветущие камыши, тополиный пух, ростки бамбука, стебли конопли.

Всё это используется в жизни простых людей и монахов. Использование сообщает им смысл. Бесполезные вещи остаются бессмысленными. Когда вещь приходит в действие, вместе с ней приходит в действие смысл буддизма.

Кассан и Дзёдзан прогуливались.

— Если бы внутри жизни-и-смерти не было Будды, не было бы жизни-и-смерти, — сказал Дзёдзан.

— Если бы Будда был внутри жизни-и-смерти, не было бы заблуждений в отношении жизни и смерти, — сказал Кассан.

После долгого спора они по-прежнему не могли прийти к согласию. Тогда они поднялись на гору к Дайбаю и спросили его мнения.

— Из этих двух мнений какое вам ближе? — спросил Кассан.

— Одно мнение близко, другое мнение далеко, — ответил Дайбай.

— Чье мнение близко? — настаивал Кассан.

— Сейчас уходите, а завтра зададите этот вопрос еще раз, — велел Дайбай.

На следующий день Кассан пришел и задал Дайбаю тот же вопрос.

— Близкое мнение не спрашивает, спрашивает далекое мнение, — ответил Дайбай.

Впоследствии Кассан говорил:

— Встретившись с Дайбаем во второй раз, я потерял Глаз Будды.

Здесь мы невольно вспоминаем об Иакове и Иоанне, которые желали сидеть по правую и левую руку Христа, когда он придет во славе. Что же касается Кассана и Дзёдзана, то оба они правы. Будда пребывает внутри и вне феноменов подобно тому, как Бог одновременно имманентный и трансцендентный. “Внутри” близко, “вне” далеко, но каждая вещь одновременно близкая и далекая.

Когда Дайбай был при смерти, он сказал монахам:

— Приходящего не нужно избегать; за уходящим не нужно устремляться.

Через некоторое время он услышал писк белки-летяги.

— Вот *это* и больше ничего. Всегда будьте верны *этому*. Мне пришло время уходить, — сказал Дайбай и умер.

Мое понимание дзэн созвучно пониманию Дайбая — слышать крик животного, знать его глубинный смысл и говорить “Вот *это* и больше ничего”. Такова истина, подлинная истина и ничего, кроме истины.

Кроме корейца, упомянутого выше, у Дайбая был другой знаменитый ученик, Тэнрю, учеником которого (и стало быть, духовным внуком Дайбая) был отсекающий пальцы Гутэй. Именно Тэнрю показал палец Гутэю, после чего тот достиг просветления. Вот истории об этом.

Когда Гутэй жил в своем убежище, к нему пришла монахиня. Не снимая *каса**, с посохом в руке, она обошла Гутэя три раза и сказала:

— Я ухожу, но если ты скажешь (дзэнское) слово, я останусь!

Гутэй не смог ответить. Когда монахиня ушла, он сказал себе: “Я думал, что я мужчина, но в моих поступках нет мужества. Я должен отправиться в другие места, чтобы изучать дзэн”. В следующую ночь божество-хранитель убежища явилось Гутэю и сказало:

— Обитатель часовни не должен уходить отсюда, потому что знание само придет к нему, и после этого он будет проповедовать Закон.

На следующий день к Гутэю пришел Тэнрю. Гутэй рассказал ему о случившемся и спросил у него, что это значит, и тогда Тэнрю поднял палец, и Гутэй был внезапно просветлен.

После этого Гутэй никуда больше не уходил. Если посетитель приходил к нему и задавал вопрос о дзэн, он просто показывал ему палец. Перед смертью Гутэй собрал вокруг себя людей и сказал им:

— Я получил “дзэн одного пальца” от Тэнрю и использовал его всю жизнь, но так и не исчерпал его.

Сказав эти слова, Гутэй показал собравшимся палец и отошел с миром.

* Бамбуковая шляпа.

Фрейдовская интерпретация этого эпизода очевидна. Фактически, она настолько очевидна, что мы можем даже не вспоминать о Фрейде.

Весь мир подобен устрице,
Которую я мечом открою.

Гозэй (ум. 818) был учеником Басо, но достиг просветления у Сэ-кито. О Гозэ известно мало, и истории о нем немногочисленны.

Гозэй пришел к Сэкито и сказал:

— Если ты можешь сказать (дзэнское) слово, я останусь, в противном случае я уйду.

Сэкито сидел неподвижно. Гозэй направился к выходу.

— Дзари! — позвал Сэкито.

Гозэй повернул голову.

— От рождения до смерти происходит именно так. Поворачивая голову, не забудь повернуть сознание!

Гозэй пережил глубокое просветление и в порыве чувств сломал свой посох.

Слово “дзари” означает “монах”. Слово “обращение” этимологически связано с поворотом тела и сознания. Труднее всего повернуть их одновременно. Когда ум и тело неразделимы, мы получаем состояние, описанное Джоном Донном:

*Бог заключил первый брак, человек совершил первый развод.
Бог соединил тело и душу в творении, человек разъединил тело и душу в грехопадении.* (Проповедь LXXX)

Готовясь умереть, Гозэй совершил омовения, зажег благовония, затем сел, как подобает дзэнском монаху, и сказал:

— Тело Закона в Нирване не рождается и не умирает. Тысяча Святых — это один человек. Десять тысяч духов все сходятся к одному. Я ухожу из жизни. Почему я должен горевать по этому поводу? Не вносите смуту в свою душу. Оставайтесь верными подлинному уму. Тот, кто следует этим наставлениям, привержен моему учению. Тот, кто не следует им, не является моим учеником.

— Куда отправляется Учитель? — спросил один монах.

— **В Никуда.**

— Почему мы больше не сможем вас видеть?

— **Никуда** нельзя увидеть человеческими глазами, — сказал Гоэй и испустил последний вздох.

Никуда не следует считать исчезновением или какими-то своеобразными небесами. Гоэй ушел не в *никуда*, а в *Никуда*, во внепространственное место. С таким же успехом он мог бы сказать: “Я никуда не ухожу, но я и не остаюсь здесь”.

Кису, живший во второй половине IX века, был замечательным учеником Басо, но о его жизни и деяниях известно очень мало.

— **Что такое Будда?** — спросил монах у Кису.

— Если я скажу тебе, ты мне поверишь?

— Слова мастера истинны, как я могу не поверить?

— В таком случае знай, что Будда — это ты!

— Как можно жить в этом состоянии?

— Если в глазах туман, везде процветают иллюзии.

Услышав эти слова, монах достиг просветления.

В этой истории много объяснений, но было бы ошибкой полагать, что дзэн чужд объяснениям. Реакция монаха на вопрос Кису: “А ты мне поверишь?” свидетельствует о том, что ум монаха готов верить не чему-то конкретному, а всему. Бог верит всем произнесенным словам, даже лживым (иначе их нельзя было бы произнести) — что уж и говорить тогда о правдивых словах! Кису говорит монаху: “Ты — Будда!” Это неверно (хотя не верно и то, что это неверно). Но это не имеет значения. Очень важно верить полностью, без остатка. Мы не должны говорить: “Я люблю тебя, но...” Мы должны говорить: “..., но я люблю тебя”.

Монах пришел и собрался уходить. Кису спросил у него:

— Куда ты направляешься?

— Я хожу повсюду, изучая “**пять вкусов дзэн**”.

— В других местах дзэн имеет пять вкусов, но здесь есть только один вкус.

— Каков ваш один вкус дзэн?

Кису ударил его.

— **Понимаю!** — воскликнул монах.

— **Что ты понимаешь?**

Когда монах собирался заговорить, Кису еще раз ударил его.

Пять вкусов дзэн — это вкус парного молока секты Кэгон, вкус сгущенного молока секты Агон, вкус скисшего молока секты Хото, вкус масла секты Ханья и вкус очищенного масла секты Нэхан. Эти пять вкусов соответствуют пяти периодам развития буддистского учения. Кису не нравится самоуверенность монаха и его философские вопросы. У вселенной только один вкус. Кьеркегор и Кису считают, что это вкус страдания.

Однажды Кису выкапывал сорную траву, когда к нему подошел главный монах. В это время рядом проползала змея, и Кису рассек ее лопатой пополам.

— Я слышал о Кису, но не знал, что это всего лишь грубый монах, — сказал главный монах.

— Кто грубый, ты или я? — спросил Кису.

— Что такое грубость?

Кису поднял лопату.

— Что такое утонченность?

Кису сделал вид, что рассекает змею. Главный монах спросил у Кису, зачем он убил змею.

— **Никогда не спрашивай “зачем”.** Где ты видел, чтобы я убивал змею?

Главный монах рассек мир надвое, на грубый и утонченный. Такое разделение, по мнению Кису, слишком грубо. Монах спрашивает, что такое грубость, и Кису показывает ему противоположность, поднимая лопату. Монах спрашивает, что такое утонченность, и снова Кису показывает ему противоположность, делая вид, что разрубает змею. Монах чувствует себя неловко и просит объяснить. До сих пор Кису трансцендировал грубость и утонченность. Теперь он трансцендирует присутствие и отсутствие, утверждая, что существует мир грубости и утонченности, убивания и не-убивания, но есть также мир за пределами этих противоположностей, в котором тем не менее змеи убивают или нет, действия оказываются грубыми или утончен-

ными. Другими словами, мы должны судить, словно мы не судим, и убивать, словно мы не убиваем — как бы трудно и опасно это ни было!

Росо, который в последние годы жил на одноименной горе, известен лишь несколькими анекдотами, а также тем, что был учеником Басо.

- Кто учитель всех Будд? — спросил монах у Росо.
- Не тот, у кого на голове корона из драгоценных камней.
- Кто же это?
- На голове у него нет драгоценной короны.

В него на голове нет тернового венца, нет светящегося нимба, нет ничего вообще. У природы нет короны. Может быть, подойдет только корона из вшей.

- Что такое неизреченное слово? — спросил монах у Росо.
- Где твой рот?
- У меня нет рта!
- Как же ты ешь?
- У монаха не нашлось, что ответить.

Смысл этой истории в вопросе Росо: “Где твой рот?” Если рот монаха находится на его (относительном) лице, он либо произносит, либо не произносит слова. Если же рот находится на его (абсолютном) теле, он не говорит и не молчит. Больше всего нам нужен рот, который произносит неизреченные слова (или речистое молчание).

Всякий раз, когда Росо видел, что в нему подходит монах, он садился лицом к стене. Услышав об этом, Нансэн сказал:

— Человек появляется в этом мире, и никто не понимает зачем. Какой смысл сидеть лицом к стене, даже если человек занимается этим до года осла?

Год осла отсутствует в календаре. Этот эпизод образует XXIII случай *Сёроку*. Росо и Нансэн используют различные методы обучения. Ни один из них не одобряет метод другого. Что бы было с религией, если бы не было ересей? До чего дошли бы ереси, если бы не

было ортодоксального учения? Возможно, метод Росо эффективнее, хотя он и менее интересен.

- Что вы думаете о дереве Сала? — спросил у Росо монах.
- Внутри тела с формой пребывает тело без формы.
- Что такое тело без формы?
- Железная фигурка, которая поддерживает подставку для возжигания благовоний.

Дерево Сала — это тиковое дерево, под которым умер Будда. Деревья тика бывают высотой до тридцати метров. Перед смертью Будды на дереве еще были живые ветви, но после смерти оно полностью усохло и побелело. Дерево с формой заключает в себе еще одно дерево, дерево без формы, которое проявляется, когда первое дерево сохнет. Железное дерево, поддерживающее подставку для благовоний, не делает ничего, но подставка не может существовать без него. То же можно сказать и о теле без формы.

То-Импо, который жил около 810 года, изучал дзэн у Басо и Сэкито и достиг просветления у Басо. Однажды он шел на гору Готай, но путь ему преградило сражение императорской армии с войсками повстанцев. “Мне дела нет до сражений, я следую по своему пути”, — сказал Импо, подбросил в воздух посох и полетел вслед за ним над полем битвы. Генералы и солдаты, увидев монаха, летящего по воздуху, решили, что спят, и утратили боевой дух. Импо прибыл на гору Готай и умер, стоя вниз головой. Люди не могли подступить к его телу. Тогда сестра Импо, тоже монахиня, упрекнула его за излишнюю эксцентричность. Тело упало и впредь больше не сопротивлялось погребению.

Однажды Импо толкал перед собой тачку, а Басо сидел на краю дороги, вытянув перед собой ноги.

- Мастер, пожалуйста, уберите ноги! — попросил Импо.
 - То, что вытянулось, нельзя втянуть, — сказал Басо.
 - То, что идет вперед, нельзя остановить, — сказал Импо и покати тачку вперед. Колеса тачки оставили ссадины на ногах Басо.
- Позже в этот день Басо вошел в зал с топором.

— Иди сюда, монах, который проехал тачкой по моим ногам! — воскликнул он.

Импо вышел вперед, стал перед Басо и нагнул голову, ожидая получить удар. Басо опустил топор.

В этой истории Импо ведет себя немного грубо, но Басо подвергает его проверке и убеждается, что у него не было злых намерений.

Энкан, годы жизни которого неизвестны, прославился историей о веере из рога носорога. Вначале он обучался у Унсо, но просветление получил у Басо. Энкан умер, не будучи больным, сидя в позе для медитации.

— Что за сугры у тебя в руках? — спросил Энкан у ответственного монаха.

— *Кэгонкё*.

— Сколько различных миров существует в соответствии с *Кэгонкё*? — спросил Энкан.

— В первом приближении существует четыре мира. Но вообще можно сказать, что миров бесчисленное множество.

Энкан поднял *хоссы* и спросил:

— В каком мире пребывает *хоссы*?

Монах молчал.

— Накапливать рациональные знания — потворствовать дьяволам. При свете солнца лампа светит тускло. Уходи!

Школа Кэгон утверждает, что есть четыре Дхармадхату (Абсолюта, царства Закона): мир феноменальный (дифференцированный), мир ноуменальный (единый), мир ноуменально-феноменальный, мир взаимосвязанных феноменов. Свет солнца — это свет вещей. Свет лампы — это свет сутр, царств Закона, абстрактных миров, их делений и подразделений. Но мы должны добавить то, что Энкан забыл сказать: мы никогда не узнали бы, что такое свет солнца, если бы мы не увидели свет лампы. Ошибаться человечно, быть человеческим — смысл жизни.

— Что такое подлинная природа Будды Вайроканы? — спросил монах у Энкана.

— Подай, пожалуйста, вон ту бутылку.

Монах подал ему бутылку.

— Сядь так, как ты сидел до этого, — сказал Энкан.

Монах сел и через некоторое время снова спросил:

— Что такое подлинная природа Будды Вайроканы?

— Старый Будда умер давным-давно, — последовал ответ.

“Что есть Лик Божий?” — спрашивает монах. “Лик Божий — по-давать бутылку всей душой”, — отвечает Энкан. Монах неправ, потому что не слушал Энкана всей душой. Чтобы передать бутылку, должна работать не только вселенная, но и наша душа.

Глава 15 НАНСЭН И ДЗЁСЮ

Рикую Тайфу сказал Нансэну:

— В моем доме есть небольшой камень. Иногда он движется и действует, иногда он лежит на месте. Можно ли сделать из него статую Будды?

— Можно! Можно!

— Так ли это?

— Нельзя! Нельзя!

С психологической точки зрения нам под силу то, что, как нам кажется, нам под силу — с некоторыми ограничениями, разумеется. Мы не можем делать то, что, как нам кажется, мы не можем делать — возможно, с некоторыми исключениями. Но с религиозной, то есть дзэнской точки зрения, проблема в другом. Быть Буддой или не быть Буддой — это не вопрос воли. Когда Христос говорит: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный” (Мф. 5, 48), он желает сказать, что совершенное принятие — природа Бога. Утвердительно-отрицательный ответ Нансэна отражает тот факт, что каждый человек — это он сам и все другие люди, а Будда, которым он может (не

может) стать, — это один и тот же (другой) Будда. Таков религиозный, поэтический мир, в котором мы должны научиться жить.

— Какую сутру ты проповедуешь? — спросил Нансэн у главного монаха.

— *Нэханкё*, — ответил главный монах.

— Объясни мне суть этой сутры.

— Если вы хотите, чтобы я объяснил вам суть этой сутры, объясните мне сначала суть дзэн.

— Золотой шар не поменяешь на серебряный.

— Не понимаю.

— Скажи, облако можно прибить к небу гвоздями или привязать веревкой?

Последнее высказывание хорошо выражает неспособность зафиксировать истину в сутре или утверждении.

Следующая история, надо полагать, относится к тому времени, когда еще непросветленный Нансэн совершал *ангья*, паломничество дзэнского монаха не по святым местам, а по знаменитым мастерам. Нансэн путешествовал с Кису, другим учеником Басо, и собирался расстаться с ним на следующий день. Перед расставанием они решили вместе выпить чая.

— Всё это время мы с тобой, брат, обсуждали многое, и я знаю, что ты думаешь. Но скажи, если в будущем кто-нибудь спросит у меня, каково было твое мнение о том, что важнее всего в мире, что ему ответить? — спросил Нансэн.

— На этой земле можно построить хорошую хижину, — ответил Кису.

— Забудь о хижине и скажи, что ты думаешь о самом важном в мире?

Кису залпом допил чай и встал.

— Подожди, брат! Ты уже выпил чай, а я свой еще не начинал! — взмолился Нансэн.

— Если ты будешь так много болтать, ты не выпьешь ни одной капли!

Нансэн молча ушел.

“Самое важное в мире” — это то, что человек делает в настоящий момент. Торо говорит:

Что же интересует меня в настоящее мгновение? Затяжной, морозящий дождь, капли которого стекают с крыши по соломинкам, когда я лежу, размышляя, на подстилке из прошлогоднего овса в шалаше на склоне безлесного холма. Эти вещи относятся к настоящему мгновению. Я наблюдаю кристально чистые, прозрачные шарики, посланные мне с небес. Когда облака и угрюмая погода запирает меня внутри, я и они сближаемся, чтобы лучше узнать друг друга. Сгущение облаков, последний порыв умирающего ветра, постоянная капель с листьев и веточек каждого дерева, ощущение внутреннего уюта и спокойствия, промозглые стебли соломы на крыше, роняющие капли одна за другой, их смутные очертания, видимые на фоне серого неба — вот моя полноправная территория. (Дневник, 30 марта 1840 года.)

Когда Нансэн жил в уединении, однажды к нему пришел монах.

— Я должен поработать в горах. Пожалуйста, приготовь поесть, съешь сам и принеси мне мою долю, — сказал Нансэн и ушел.

Монах приготовил еду, съел ее, перевернул все в хижине, а затем улегся посредине и уснул. Через некоторое время, поняв, что монах не придет, Нансэн вернулся в хижину. Увидев, что монах лежит и спит, он лег рядом с ним. Через некоторое время монах поднялся и ушел. Впоследствии Нансэн вспоминал об этом так:

— Когда я жил в хижине, однажды у меня гостил очень умный монах. Я больше не видел его с тех пор.

Странствующий монах, очевидно, понял, что Нансэн наслаждается аскетической, одинокой жизнью в горах в стиле Робинзона Крузо, и решил не особо церемониться с ним. Нансэн был привязан к своей непривязанности. Подлинная нищета, говорит Экхарт, предполагает полную непривязанность. Только такая нищета блаженна. В этом смысл крещения смертью Христа.

Однажды Нансэн работал в горах. Пришел монах и спросил у него:

— Куда ведет Путь Нансэна?

Нансэн поднял под головой серп и сказал:

— Я купил этот серп за тридцать копеек!

— Меня не интересует ваш серп за тридцать копеек. Я спрашиваю о том, куда ведет Путь Нансэна!

— Я с удовольствием использую этот серп.

Последнее замечание Нансэна следует рассматривать с двух точек зрения. Он с удовольствием использовал серп и Путь, точнее, серпо-Путь. Еще следует отметить дешевизну Пути. Торо говорит: “Хорошее очень дешево, плохое очень дорого”.

Когда Нансэн умер, на похороны пришел Рикую Тайфу, и главный монах спросил:

— Почему ваша светлость не плачет и не причитает?

— Скажи мне (дзэнское) слово, и я буду плакать и причитать!

Монах не мог ничего сказать.

Это нелогично. Нет никакой связи между плачем одного человека по его покойному учителю и просветлением другого человека — или отсутствием просветления другого человека. Высокопоставленные чиновники, короли, премьер-министры и миллионеры, а также те, кто с ними пререкается, — что сказать о них?

Нансэн обратился к собравшимся со словами:

— Старый мастер О собрался продать себя. Найдутся ли желающие купить его?

— Я куплю его! — сказал один монах.

— Не плати за меня слишком много. Не плати за меня слишком мало. Сколько ты дашь за меня?

Монах молчал.

Каждый из нас продается. Каждый из нас вынужден покупать других. Однако, дзэн отличается от Царства Небесного, о котором сказано: “Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее” (Мф. 13, 45-46). Дзэн не дешев и не дорог. Вы не можете взять его бесплатно, но вы не можете также купить его за какую-то сумму. Вы не можете приобрести его, если вы этого

желаете. Вы приобретаете его только тогда, когда вы приобретаете его, только и всего.

Однажды монах пришел и стал перед Нансэном, сложив руки на груди.

— Великий мирянин! — сказал Нансэн.

Монах хлопнул в ладоши.

— Великий монах! — сказал Нансэн.

Обычным приветствием в Китае было положить на грудь левый кулак с большим пальцем внутри, а затем накрыть его пальцами правой руки. Приветствовав таким образом Нансэна, монах продемонстрировал свою независимость. Нансэн с иронией заметил, что из него получился бы хороший мирянин. Тогда монах приветствовал мастера по-другому, за что получил еще один упрек. Что мы должны делать, когда встречаемся с кем-то? Должны ли мы говорить: “Доброе утро!”, хотя это глупо, или же мы не должны говорить ничего, хотя это грубо? Должен признаться, что я лично не знаю ответа и не знаю никого, кто бы мог его знать (Христос, Будда, Нансэн).

Нансэн был человеком скверного нрава, о чем свидетельствует следующий случай.

Нансэн вышел в сад и увидел там монаха. Подняв кусок черепицы, Нансэн бросил им в монаха и попал. Когда монах обернулся к нему, Нансэн поднял ногу. Монах не ответил. Нансэн вернулся в храм, но монах последовал за ним и попросил наставления. Нансэн отказался.

— Мастер только что бросил в меня куском черепицы. Разве он сделал это не для того, чтобы во мне проснулось стремление к познанию? — спросил монах.

— А что ты скажешь о поднимании ноги? — спросил Нансэн.

Монах молчал.

Попадание куском черепицы и поднимание ноги составляли одно действие, выражающее таковость вещей, гравитацию и ее преодоление, центробежную и центростремительную силы мира.

Однажды Нансэн стирал свою мантию.

— Неужели мастер занимается такими делами? — спросил монах.

Нансэн поднял мокрую мантию и спросил:

— Разве с ней нужно что-то делать?

Когда Эмерсон говорил: “Вещи в седле и погоняют человечеством”, он вложил в эти слова больше дзэн, чем намеревался.

Однажды, будучи у Нансэна главным монахом, Обаку взял свою чашку и сел на место Нансэна. Нансэн вошел в зал и, увидев, что Обаку сидит на его месте, спросил:

— Скажи, сколько лет ты являешься монахом?

— Со времени Царя с Громовым Голосом.

— Значит, ты внук старого мастера О. Слезай!

Обаку пересел на второе место. Нансэн ничего не сказал.

Царь с Громовым Голосом — так звали первого из бесчисленных Будд. Мастер О (по-китайски, “царь”) — мирское имя Нансэна, которое послужило поводом для игры слов. Обаку подчеркивает равенство вещей, Нансэн — их неравенство. Оба правы, оба ошибаются. Все вещи одинаковы, но мы “притворяемся”, что они различны. Все вещи различны, но мы “знаем”, что они одинаковы.

— Как завладеть небесным самоцветом? — спросил монах у Нансэна.

— Сруби бамбук, сделай лестницу, поднимись по ней до неба и возьми свой самоцвет!

— Как приставить лестницу к небу?

— Разве можно сомневаться в том, что ты завладеешь самоцветом?

Нансэн говорит, что мы не должны сомневаться ни в физическом, ни в духовном — ни в их единстве.

— Вчера вечером дул приятный ветерок? — спросил Нансэн у монаха.

— Вчера вечером дул прохладный ветерок, — сказал монах.

— У сосны, которая растет у ворот, отломалась ветка, — сказал Нансэн.

— У сосны, которая растет у ворот, отломалась ветка, — повторил монах.

— Вчера вечером дул приятный ветерок? — спросил Нансэн у другого монаха.

— Какой ветерок? — огозвался монах.

— У сосны, которая растет у ворот, отломалась ветка, — сказал Нансэн.

— У какой сосны?

— Первый нашел, второй потерял, — заключил Нансэн.

Рассуждая обычным образом, мы можем сказать, что первый монах был прав, потому что принимал всё без вопросов, каково оно есть. Второй монах был слишком дотошным, пунктуальным, исполненным любопытства, а не удивления. Но мы можем считать, что в этом анекдоте оба монаха что-то нашли и что-то потеряли, потому что первый был слишком пассивным, а второй — слишком активным и настойчивым.

— Где будет мастер через сто лет? — спросил монах у Нансэна.

— Я стану водяным быком.

— Можно последовать за вами?

— Если ты последуешь, захвати с собой немного сена.

В этой истории, кажется, немного дзэн, но, возможно, именно поэтому она столь интересна. Считалось, что ленивые монахи перевоплощаются в коров. Японцы говорят то же самое о людях, которые любят спать после еды. Монах выражает свое (человеческое) желание иметь спутника в следующем воплощении. Нансэн выражает свое (человеческое) желание получить что-то от другого человека. В конце концов дзэн — это человечность, ни больше, ни меньше.

Повар Нансэна позвал монаха-садовника, чтобы победать вместе с ним, вернулся к себе домой и принялся его ждать. Через некоторое время садовник пришел. Когда повар наполнил тарелки ри-

сом, пропела птица. Садовник постучал по столу. Птица пропела снова. Он постучал по столу еще раз. Птица молчала.

— Понимаешь? — спросил садовник у повара.

— Нет, — ответил повар.

Садовник постучал по столу.

Странная и немного жуткая история. Она словно взята из волшебных сказок Андерсена. Очевидно, она нужна для того, чтобы показать гармонию с Природой монаха-садовника и ущербность этой гармонии у монаха-повара. В конце эпизода садовник пытается сыграть собственную музыку, но повар не слышит ее.

Сико был учеником Нансэна. После просветления он построил себе хижину и жил в ней, а позже ему пожаловали храм. Вот одно из стихотворений этого мастера.

Тридцать лет я прожил на горе Сико;
Дважды в день я питался простой кашей.
Я ухожу в горы и вскоре возвращаюсь;
Мои посетители — знают ли они меня?

Нам следует жить для себя или для других, в одиночестве или в обществе? Мне кажется, что мы должны жить самой полной жизнью, куда бы эта жизнь нас не увлекала.

Сико велел ученикам поставить у входа в его жилище каменный столб и написать на нем: “На горе Сико живет собака. Одни люди берут ее голову, другие — тело, третьи — ноги. Усомнись в этом хотя бы на миг — и ты потеряешь жизнь!”

Однажды, встречая нового посетителя, Сико сказал:

— Берегись собаки!

Монах стал оглядываться, чтобы заметить собаку, а Сико тем временем ушел в свою комнату.

Если бы монах спросил: “Где же собака?”, Сико в ответ залаял бы.

Однажды, возделывая поле, Сико разрезал на две части земляного червя.

— Только что я разрубил червя на две части, — сказал он монахам. — Обе части продолжают шевелиться. В какой из них содержится жизнь червя?

Потом Сико поднял мотыгу, ударил ею каждую часть червя, затем пространство между ними, поднял мотыгу и ушел.

Мы разделяем жизнь на две части, на хорошую и плохую, правильную и неправильную, прекрасную и уродливую, желательную и нежелательную. Могут ли “вся королевская конница, вся королевская рать” вернуть Шалтаю-Болтаю целостность тела? Сико делает это после того, как он признал разделение червя на две части. Мотыга, рассекая червя, снова возвращает ему целостность. Мотыга — это творческое воображение, ясный Глаз Будды.

— В чем смысл слов: “Повседневное сознание — это Путь”? — спросил монах у Тёса.

— Когда хочешь спать, спи; когда хочешь сидеть, сиди.

— Ваш ученик не понимает.

— Когда тебе жарко, ты ищешь прохладное место; когда тебе холодно, ты хочешь согреться.

Подобные высказывания труднее понять интеллектуально и начать практиковать, чем парадоксы типа А есть не-А.

Тёса сказал:

— Если бы я один раз выразил смысл дзэн, буйные травы высотой два метра заполнили бы весь двор перед храмом.

Дзэн, чтобы существовать в мире, должен рекламировать себя, вести себя эксцентрично, одеваться в шутовский наряд, бить в барабаны, сжигать сутры — другими словами, дзэн должен стать не-дзэнским. То же можно сказать о христианстве, обо всем, что ни есть в Граде Божьем.

— Пожалуйста, покажите мне Высочайший Путь! — попросил монах у Тёса.

— Одна иголка, полметра нитки.

— Как достичь просветления?

— Хлопок в Эксию, шелк в Ёсю.

Дзэнские монахи шили свою собственную одежду, и поэтому их часто изображают в иголках и нитках в руках. Прокалывать иголкой ткань, протягивать иголку, вытягивать за иголкой нитку — вот

Высочайший Путь. Просветление так же обыденно, как хлопок и шелк в тех провинциях, где их производят.

Когда монах умер, Тёса постучал по его телу и сказал собравшимся:

— Этот монах дает пример постижения истины.

Затем Тёса сочинил стихотворение:

У вас перед глазами ничего нет!

В этом месте тоже никого нет!

Безбрежные просторы этого мира —

Не иллюзия и не реальность.

Дзэнское отношение к смерти совершенно не сентиментально. То, что Тёса говорит, верно. Видеть нечего и некому. Проблема в том, как объединить это отношение с человеческим отношением, как объединить дзэнское видение смерти с обычным горем, которое мы испытываем при утрате близкого человека.

Та же самая проблема возникает и в христианстве, где Бог проливает слезы над Лазарем. Библейская ситуация осложняется еще и тем, что Он решил воскресить его из мертвых на какое-то время, чтобы потом снова умертвить.

Монах спросил у Тёса:

— Горы, реки и великая земля — как можно их преобразить и вернуть в наше сознание, из которого они вышли?

— Горы, реки и великая земля — как можно их преобразить и вернуть в наше сознание, из которого они вышли! — ответил Тёса.

Слова монаха имеют вопросительный знак в конце, а слова Тёса — восклицательный, но в оригинале оба предложения идентичны. Стоит лишь задать вопрос, и ответить на него невозможно. В дзэнской грамматике нет вопросительного наклонения, нет сослагательного и условного наклонений, очень мало указательного, а в основном — восклицательное и повелительное.

Однажды Тёса отправился на прогулку в горы, и когда вернулся обратно к воротам, главный монах спросил, куда он ходил.

— Я гулял в горах, — сказал Тёса.

Главный монах спросил, как далеко он ходил.

— Вначале я скитался среди ароматных трав, затем следовал за опадающими цветами.

— Можно подумать, на дворе весна.

— Это лучше, чем осенняя роса, падающая на листья лотоса.

Этот диалог содержит дзэн высшей пробы, о чем свидетельствует совершенно непарадоксальный ответ Тёса, его отказ от осенней сентиментальности и выбор весенней радости и, наконец, сравнение, которое он делает в последнем предложении. Этот эпизод составляет случай XXXVI *Хэкиганроку*.

Дзёсю стал священником еще в детстве. Позже он встречался с Нансэном, Обаку, Ходзю, Энкано, Кассано, но получил подтверждение у Нансэна. Дзёсю преподавал в Восточном Храме в провинции Дзёсю, от которой получил свое имя. Умер он в 897 году в возрасте 120 лет. Дзёсю почитали больше, чем других учителей.

Когда Дзёсю впервые пришел к Нансэну, Нансэн лежал в своей комнате. Увидев, что в комнату вошел Дзёсю, Нансэн спросил:

— Откуда ты пришел?

— Из Дзуйдзо-ин, — ответил Дзёсю.

— Ты видел Дзуйдзо?

— Я не видел Дзуйдзо, но я вижу перед собой Нёрая!

Дзёсю имеет в виду Нансэна.

Нансэн сел и спросил:

— У тебя есть учитель?

— Есть, — ответил Дзёсю.

— Кто твой учитель?

— Ранней весной еще довольно холодно, но я стираюсь перед блаженным учителем, которого вижу перед собой!

Нансэн позвал Ино, своего прислужника, и сказал ему:

— Найди где-нибудь место для этого монаха.

Поведение Дзёсю в этом эпизоде выше всякой похвалы.

— Что такое Будда? — спросил монах у Дзёсю.

— Тот, что стоит в зале.

— В зале стоит статуя, кусок глины!

— Верно.

— Что такое Будда?

— Тот, что стоит в зале.

Понять эту историю будет легче, если сообщить ей парадоксальность. Даже глиняная статуя человека, который жил тысячу лет назад — это Будда. Можно ли указать то, что не было бы Буддой? Даже Будда является Буддой!

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Дзёсю.

— На зубах растут волосы.

Буддизм, христианство и дзэн — всё это не нужно. Фактически, религии — это препятствие для свободной и естественной жизни. Д. Г. Лоуренс сожалел о смерти одного конкретного горного льва, а не о смерти миллионов людей.

Другой монах задал Дзёсю тот же вопрос, и Дзёсю ответил:

— Пройдет немало времени, прежде чем на восточной стене вырастет тыква.

Природа никогда не торопится. Ее круговорот свершается в одинаковом ритме. Почки распускаются незаметно, без спешки и смятения, словно короткий весенний день — это вечность. Все природные процессы, кажется, происходят независимо, но достигают цели совместно и неотвратно. (Торо.)

Еще один монах задал Дзёсю тот же вопрос.

— Дуб во дворе, — ответил Дзёсю.

— Мастер, не ссылайтесь на объективные сущности!

— Я не делаю этого.

— В чем же тогда смысл прихода Дарумы с Запада?

— Дуб во дворе.

Эта знаменитая история входит в *Мумонкан* (случай XXXVII) и в *Сёёроку* (случай XLIX). Она удачно иллюстрирует различие между Востоком и Западом. На Западе Дзёсю сочли бы мистиком, а на Во-

стоке его принимают за материалиста. Но Дзёсю не утверждает ничего, кроме бытия, и дуб во дворе — это чистое бытие. Но понять “чистое бытие” — едва ли не самая трудная задача, которая может выпасть на долю человека.

Дзёсю сказал монахам:

— Глиняный Будда не переправится через реку. Железный Будда не переправится через плавильный тигель. Деревянный Будда не переправится через огонь.

Это не значит, что Будда представляет собой нечто духовное. Это не означает: “Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут”. (Мф. 6, 19-20) Это не значит, что вы должны поместить свой ум в никуда. Это означает, что вы должны стать водой, тиглем, огнем, через которые вещи проходят и изменяются. Это означает, что вы должны стать глиняным, железным, деревянным Буддой и изменяться вместе с ним.

Однажды я прогуливался с мистером Вернером, который спас Киото от бомбардировки. Он сообщил мне, что собирается стать римским католиком. Я сказал ему: “Мистер Вернер, не верьте в то, что вам нужно отстаивать”.

Однажды монах нарисовал портрет Дзёсю и вручил портрет ему.

— Скажи, это похоже на меня или нет? — спросил Дзёсю у монаха. — Если портрет похож на меня, я побью тебя до смерти. Если он не похож на меня, я сожгу тебя живьем!

У монаха не нашлось, что ответить.

Дзёсю показал монаху, что равнодушен к портретам, и попытался научить его относиться к портретам так же.

— Какую сутру ты проповедуешь? — спросил Дзёсю у главного монаха.

— *Нирвана-сутру*.

— Позволь задать тебе вопрос.

— Пожалуйста. Что вы желаете у меня спросить?

Дзёсю ударил ногой пустое место, с шумом втянул воздух и спросил:

— Что это значит?

— В сутрах не пишут о таких вещах!

— Дикий, бездарный человек! Это означает, что пятьсот могущественных духов таскают на себе камни.

Дзёсю был одним из тех счастливицев, которые могут сказать всё, что приходит им в голову, и это всегда будет осмыслено если не в обычном смысле, то хотя бы в парадоксальном. Если мы задумаемся над этим, мы увидим, что именно ум (Дзёсю) таскает на себе вещи. Если это не так, вещи перемещаются напрасно, бессмысленно. Если это так, вещи перемещаются живо, поэтично.

К Дзёсю пришел главный монах.

— Чем ты занимаешься? — спросил Дзёсю.

— Я не позволяю другим проповедовать сутры, дисциплину, комментарии, — ответил монах.

Дзёсю поднял руку и сказал:

— Можешь ли ты проповедовать об этом?

Монах недоуменно уставился на него, не зная, что ответить.

— Даже если ты не позволяешь другим проповедовать, ты сам ничем не лучше проповедника сутр, и буддизм в тебе еще не родился.

— Разве ваши слова не являются буддизмом?

— Даже если ты задаешь вопросы и получаешь ответы, это относится к сутрам и комментариям. Буддизм в тебе еще не родился.

Монах молчал.

Перечитывая эту историю, мы невольно вспоминаем о богатом юноше (Мф. 19, 20-22). Монах не мог отказаться от желания использовать только свою голову. Он уходит, исполненный печали, потому что у него очень много (ментального) имущества.

Дзёсю состязался в словах с Сяи Бун-оном. Цель соревнования была в не том, чтобы выиграть, а в том, чтобы проиграть. Выигравший (то есть проигравший) должен был принести фруктов.

— Я осел, — сказал Дзёсю.

— Я задница осла, — сказал Бун-он.

— Я ослиный помет, — сказал Дзёсю.

— Я черви в ослином помете, — сказал Бун-он.

— Что ты там делаешь?

— Я провожу там лето.

— Иди за фруктами! — сказал Дзёсю.

Эта история великолепна. Ее дзэнский смысл в том, что мастера соревнуются, играючи. Мы должны быть серьезны, когда играем, и играть, когда речь идет о жизни и смерти.

— О чем говорили древние? — спросил у Дзёсю монах.

— Слушай внимательно!

Когда вы подлинно слушаете, не важно, что вы слышите. Торо говорит: “Визг насоса звучит так же необходимо, как музыка сфер”.

— Я слышал, что когда вселенная будет уничтожена, природа Будды останется. Что такое эта природа? — спросил монах у Дзёсю.

— Четыре элемента, пять составных частей, — сказал Дзёсю.

— Именно это будет уничтожено. Что такое неуничтожимая природа?

— Четыре элемента и пять составных частей.

Это прекрасно. Душа бессмертна. Тело бессмертно. Душа — это тело. Мы можем разрешить это противоречие только тогда, когда выразим его в трансцендентных терминах. Душа не рождается, не умирает, не существует вечно, а пребывает вне времени. О теле можно сказать то же самое. Уничтожение — это лишь преобразование составных частей. Вселенную уничтожают в каждое мгновение. Мы, вневременные, можем постигнуть вневременность в каждое мгновение. Это вневременное постижение вневременности нельзя уничтожить, потому что уничтожение возможно только во времени. Уничтожение вечно, а не вневременно. Эти рассуждения столь же бессмысленны, как и утверждение Дзёсю.

— Чему учит ваша школа? — спросил монах у Дзёсю.

— Хотя складная ширма сломана, ее рамка всё еще на месте.

Я не нахожу в себе никаких искупительных качеств, кроме искренней любви, которую питаю к некоторым вещам, и когда меня упрекают, я возвращаюсь к этому чувству. Это мой аргумент на все случаи. (Торо.)

Рамка, о которой говорит Дзёсю, — это его любовь к истине, к тому, что было, есть и будет.

Другой монах задал тот же вопрос.

— Спроси меня громче, я плохо слышу, — сказал Дзёсю.

Монах громко повторил свой вопрос.

— Ты спрашиваешь о моем учении. Я знаю твоё учение.

Ответ дает очень мало, потому что он ограничен вопросом, но вопрос являет всё, как есть, потому что он свободен от ответа. Звучание голоса показывает много, потому что человек проявляется в своем стиле.

— Если человек, ушедший из этого мира, внезапно предстанет перед вами и спросит вас, что такое Истина, что вы ему ответите? — спросил монах у Дзёсю.

— Соль благородна; рис едят повсюду.

Дзёсю знает, что большинство людей, задающих подобные вопросы, питают слабость к монизму, единству и единообразию. Поэтому он подчеркивает существенное различие между обычными вещами, которые мы не должны путать.

Дзёсю пришел к Унго.

— Ты уже немолодой. Почему бы тебе не поселиться где-нибудь? — спросил Унго.

— Где мое место пребывания? — спросил Дзёсю.

— На горе, возле руин старого храма.

— Почему бы тебе не поселиться там самому?

После этого Дзёсю пошел к Сюню.

— Ты уже немолодой. Почему бы тебе не поселиться где-нибудь? — спросил Сюню.

— Где мое место пребывания? — спросил Дзёсю.

— Ты уже немолодой. Неужели ты не знаешь своего места пребывания?

— Тридцать лет я скакал на лошади, а сегодня упал с осла! — сказал Дзёсю.

Между шестьюдесятью и восьмьюдесятью годами Дзёсю скитался по стране в поисках более зрелого просветления. Многие его встречи этого времени напоминают процитированную историю. Подлинная доброта состоит в том, чтобы помочь человеку достичь блаженства, а не в том, чтобы пытаться сделать его счастливым. Поселиться на одном месте — не цель жизни, а то, что естественно случается, когда человека кладут в гроб.

Дзёсю попросили зайти в корейский храм. Подойдя к воротам, он спросил:

— Какой это храм?

— Корейский.

— Нас с тобой разделяют океаны.

Дзёсю, кажется, не любил корейцев, и это вынуждает нас не любить его, но Дзёсю прав в том, что подчеркивает различия и не проносит громогласных лозунгов о братстве всех людей.

Однажды, находясь в храме, Дзёсю увидел, как Бун-он делает поклон перед Буддой. Дзёсю ударил Бун-она палкой.

— Разве я поступаю нехорошо, когда отдаю дань уважения Будде? — спросил Бун-он.

— Лучше не делать хорошего, — последовал ответ.

Очевидно, Бун-он, поклоняясь Будде, делал это слишком набожно. Он источал священный “запах”, который не понравился духовному носу Дзёсю.

Император Тё вошел в храм, чтобы встретиться с Дзёсю, который занимался медитацией в своей комнате. Монах-ассистент известил его о прибытии императора.

— Пусть император войдет и поклонится, — сказал Дзёсю.

Император вошел и поклонился. С разных сторон люди стали подходить к Дзёсю, спрашивая:

— Почему вы не встанете, когда император пожаловал к вам со своими придворными?

— Вы не понимаете меня, — сказал Дзёсю. — Если ко мне приходит посетитель из простого народа, я выхожу за ворота, чтобы встретить его. Если приходит человек среднего сословия, я просто встаю с места. Если же приходит кто-то из знати, я приветствую его сидя. К великому императору нельзя относиться, как к простолобину или человеку средней руки. Я никогда не позволил бы себе оскорбить его подобным образом.

Император был очень польщен этим объяснением и поклонился Дзёсю несколько раз.

Однажды я давал урок наследному принцу, и мой карандаш упал на пол.

— Кто должен поднять карандаш? — спросил я у принца.

Со свойственной ему научной пронизательностью, принц сказал:

— Тот, кто сидит ближе к карандашу.

— Принести линейку? — иронично спросил я и добавил: — Предположим, что карандаш находится на равном расстоянии от нас. Кто должен поднять его в этом случае?

Принц засомневался, и я почувствовал, что он вот-вот скажет, что карандаш должен поднять он, потому что я учитель, а он — ученик. Тогда я сказал:

— Да, вы правы, карандаш должны поднять вы, *потому что вы — наследный принц!*

Положение обязывает.

— Объясните мне истину без слов, — попросил монах.

— Недавно я оглох, — ответил Дзёсю.

Монах обошел Дзёсю один раз и сказал:

— Прошу вас объяснить мне!

Дзёсю встал, обошел вокруг своего сидения один раз и сказал:

— Сто тысяч будд вышли из этих ворот.

— Что такое ворота ста тысяч будд? — спросил монах.

Дзёсю ударил его.

Просить человека говорить, не используя при этом слова, бессмысленно, и поэтому Дзёсю был прав, когда прикинулся глухим.

Когда монах занялся хождением по кругу, Дзёсю последовал за ним и сказал, что в этом простом действии содержится учения всех пророков и Закон. Монах был глупцом, точнее, обычным человеком. Он продолжил задавать бессмысленные вопросы, и Дзёсю ударил его.

— Встречая человека дзэн, мы не должны молчать, мы не должны говорить. Как мы должны приветствовать его? — спросил монах у Дзёсю.

— Человек из провинции Тинсю ничего не слышал о человеке из провинции Кёсю.

Дзёсю говорит, что вы не можете приветствовать человека дзэн, если вы сами не являетесь человеком дзэн.

Когда Тосу был в провинции Тодзё, Дзёсю спросил у него:

— Правда, что вы — мастер святилища Тосу?

— Давай чай, соль, деньги! — воскликнул Тосу.

Позже Дзёсю снова пришел к Тосу и увидел, что тот возвращает-ся откуда-то и несет с собой бутылку с постным маслом.

— Я много слышал о Тосу, но здесь я вижу только старика, торгующего постным маслом, — сказал Дзёсю.

— Ты видишь торговца маслом и не видишь Тосу, — ответил Тосу.

— Что можно сказать о Тосу? — спросил Дзёсю.

Тосу поднял над головой бутылку с маслом и закричал:

— Масло! Масло!

В этой встрече двух мастеров никто не побеждает, никто не терпит поражение. Приятно читать подобные истории после многих эпизодов, в которых монахи оказываются глупыми и попадают в переделку. Тосу притворяется, что подлинный Тосу и продавец масла — разные люди, но когда Дзёсю подвергает его испытанию, он становится Торговцем Маслом.

Монах пришел проститься с Дзёсю, и тот спросил у него:

— Куда ты идешь?

— Я путешествую, изучая буддизм.

Дзёсю поднял *хоссы* и сказал:

— Не задерживайся там, где есть Будда! Быстро проходи там, где нет Будды! Не совершай ошибки, никогда не говори с людьми о буддизме, где бы ты ни был!

— В таком случае я останусь здесь!

— До свидания!

Привычка искать буддизм, дзэн, истину, реальность и Бога за пределами того, что нас окружает здесь и сейчас, укоренилась глубоко. Иногда нам начинается казаться, что Бог пребывает на небесах, реальность — это большой кусок чего-то твердого, а истину нужно искать в туфлях, которые подкованы железом. Но, как сказал Стивенсон о Пробном Камне Истины: “А что, если он всё время был у нас в кармане?”

— Что такое Путь? — спросил монах у Дзёсю.

— То, что начинается за забором.

— Я не спрашиваю вас об обычной дороге!

— О каком же пути ты спрашиваешь?

— О Великом Пути.

— Великий Путь ведет в провинцию Тёан, — сказал Дзёсю.

Любое учение опасно, и хуже всего здесь то, что монаху кажется, что Дзёсю шутит — и поэтому второй раз он высказывается еще серьезнее. Обычная дорога за забором, которая ведет в провинцию Тёан, пути птиц в воздухе и пути рыб в воде, пути мыслей в нашем мозгу — все это Великий Путь.

Однажды Нансэн сказал собравшимся монахам:

— Путь не проходит вне вещей. Вне вещей нет Пути.

— Какой Путь проходит вне вещей? — спросил Дзёсю.

Нансэн ударил его. Дзёсю поймал его палку и сказал:

— В будущем не бейте всех направо и налево!

— Легко говорить о драконе, трудно победить его, — сказал Нансэн и, бросив палку на землю, ушел в свою комнату.

Нансэн был прав, но Дзёсю был еще правее. Вне вещей нет Пути — и все же есть Путь вне вещей. Путь, который можно назвать Путем (и который не проходит вне вещей), — не есть подлинный Путь. Вот чему Дзёсю учил своего учителя.

— Что такое безошибочный Путь? — спросил монах у Дзёсю.

— Постигать свой ум, прозревать свою природу — это и есть безошибочный Путь.

Смысл этого высказывания в том, что если мы хотя бы раз прозрели природу собственного ума, который является Умом вселенной, наша воля больше никогда не совершит ошибки, хотя в мыслях, чувствах и действиях мы можем ошибаться постоянно.

Однажды Дзёсю вместе с главным монахом осматривал каменный мост.

— Кто построил этот мост? — спросил Дзёсю.

— Рисию, — ответил главный монах.

— Где были начаты строительные работы?

Главный монах не ответил.

— Все говорят об этом каменном мосте, но никто, кажется, не знает, в каком месте началось строительство, — сказал Дзёсю.

То же самое можно сказать и о создании вселенной. Была ли она сотворена из ничего или из чего-то? “Да будет свет!” Но как мог быть свет, если тогда еще не было на что светить? Что появилось первым, курица или яйцо? “Это тайна”, — скажут набожные. “Верно, но то же самое можно сказать и обо всем остальном”, — ответят ученые.

— Что такое тело без болезни? — спросил монах у Дзёсю.

— Четыре элемента, пять составных частей.

Тело никогда не болеет. Микробы не болят. Тигр, съедающий человека, не болеет. Человек, разбивающийся насмерть, не болеет. Вселенная, считает Торо, не болеет. “Болезнь”, “случайность”, “нестественность” и так далее — это лишь ничего не значащие слова в словаре.

— Как избежать пяти препятствий, которые ограничивают меня? — спросила у Дзёсю старая женщина.

— Все молятся, чтобы переродиться на небесах, а вы молитесь, чтобы переродиться в океане страданий!

Пять препятствий — это неспособность женщины стать царем Брахма, Индрой, царем Мара, царем Чакраварти и Буддой. Старая

женщина может быть бодхисаттвой, который отказывается от рая, чтобы окунуться в океан страданий и спасти других.

— Что такое глаз того, кто никогда не спит? — спросил монах у Дзёсю.

— Это физический глаз обычного человека, — ответил Дзёсю, а потом добавил: — Об обычном человеке можно сказать, что он еще не открыл свой духовный глаз, но его физический глаз ничем не отличается от духовного.

— Что такое глаз того, кто спит?

— Глаз Будды, глаз Закона — вот глаз того, кто спит.

Дзёсю вынуждает монаха отказаться от дуалистического видения вещей. Глаз Будды — это обычный глаз, просветление — это иллюзия, одинаковость — это различие. Эту парадоксальную истину очень трудно постичь.

— Что такое тайна тайн? — спросила у Дзёсю монахиня.

Дзёсю похлопал ее по локтю.

— Вы всё еще привязаны.

— Это ты всё еще привязана, — ответил Дзёсю.

Тайна тайн — это похлопывание по локтю. Монахиня не могла и не хотела этого понимать. Тайна жизни — это движение и покой каждой вещи в каждое мгновение, в прошлом или будущем.

Однажды монах пришел к Дзёсю, но тот сидел, накрыв голову мантией. Монах собрался уходить. Дзёсю позвал его и сказал:

— Дзари, не говори потом, что я не ответил на твой вопрос!

О чем спрашивал монах? Он не задал вопроса. Он не попросил дать наставления. Он должен был снять мантию с головы Дзёсю (который накрылся ею, чтобы согреться или чтобы испытать монаха), произнести вопрос и тут же ответить на него или же сесть рядом и тоже накрыться мантией. Подобные действия совершают оба персонажа в следующей истории.

Дзёсю пришел к Ходзю, но тот, узнав о его приходе, повернулся к нему спиной. Дзёсю расстелил подушечку. Ходзю встал. Дзёсю вышел.

Таким может быть общение только очень близких друзей. Торо занимался этим в одиночку и приобрел репутацию эксцентрика. Но, как это ни странно, никто не считал Торо недружелюбным.

Дзёсю спросил у новоприбывшего монаха:

— Ты недавно пришел?

— Да, — ответил монах.

— Выпей чашечку чая.

Тогда Дзёсю обратился к другому монаху:

— Ты тоже недавно пришел?

— Нет, — ответил монах.

— Выпей чашечку чая.

— Почему вы одинаково предлагаете чай тому, кто недавно пришел в монастырь, и тому, кто живет здесь давно? — спросил у Дзёсю главный монах Индзю.

— Индзю!

— Да? — откликнулся главный монах.

— Выпей чашечку чая!

В этой истории дзэн, юмор и доброта переплетены нераздельно. Она напоминает библейскую притчу о рабочих в винограднике. (Мф. 20, 1-16)

Однажды Дзёсю пришел к Обаку, который, издали завидев его, закрыл дверь в комнату. Дзёсю вошел в зал и заорал:

— Пожар! Пожар! Помогите!

Обаку открыл дверь, схватил его и сказал:

— Говори! Говори!

— Вы натягиваете лук, когда вор уже убежал, — сказал Дзёсю.

Игра в дзэн — прекрасная подготовка к подлинной жизни. Мы должны отрицать очевидное, насмехаться над священным, поклоняться головам креветок, жить жизнью Алисы в Стране Чудес — и при этом готовиться к чему? Просто готовиться. Следующая история немного похожа на эту.

Однажды Нансэн рассыпал пепел перед дверью своей комнаты и прежде, чем захлопнуть ее, сказал:

— Я открою эту дверь только тогда, когда кто-то сможет сказать (дзэнское) слово, но даже в этом случае добра не ждите!

Один только Дзёсю сказал:

— Небо голубое! Небо голубое!

Нансэн открыл дверь.

Выражение: “Небо голубое!” пришло из *Книги песен*, но в народе его используют, когда взывают в милости Небес. Дзёсю, кажется, говорит: “Как жаль, что никто не может ответить!” Нансэн увидел его невозмутимость.

Глава 16

ХЯКУДЗЁ И ЕГО УЧЕНИКИ

Хякудзё (724-814) стал монахом в двадцать лет и достиг просветления у Басо, который был также учителем Сэйдо (ум. 814) и Фугана (Нансэна). Басо говорил: “Экай (Хякудзё) взял мой дзэн”. Слова Хякудзё были просты, хотя он знал буддизм досконально. Он был умен и добр. В нем не было нарочитости, но ему предложили занять место мастера в храме, расположенном на горе Хякудзё, от которой он и получил свое имя. У него было много учеников, и самые знаменитые среди них — Исан и Обаку. Хякудзё умер в 814 году в возрасте 66 лет. Историй о нем немного; историй о Дзёсю, если сравнить, гораздо больше.

— Что такое Будда? — спросил монах у Хякудзё.

— Кто ты?

— Я это я.

— Ты знаешь это “я”?

— Вполне.

Хякудзё поднял *хоссы* и спросил:

— Ты видишь это?

— Вижу.

— Мне больше нечего сказать.

Ученик, который не знает, что он не знает, безнадежен.

Однажды, когда Хякудзё был мальчиком, мать взяла его с собой в храм. Когда они вошли, мать поклонилась статуе Будды.

— Что это такое? — спросил мальчик, указывая на статую Будды.

— Это Будда, — ответила мать.

— Будда мне нравится, я тоже хочу стать Буддой, — сказал мальчик.

В этой истории содержится что-то лучшее, чем дзэн. Здесь мы видим дерзание человеческой души тысячу лет назад в Китае.

— В будущем как нам являть *Это* людям? — спросил Сэйдо.

Хякудзё сжал и разжал кулаки.

— Что будет потом? — снова спросил Сэйдо.

Хякудзё три раза толкнул свою голову рукой.

Сэйдо спрашивает, как передать другим то, что мы знаем, наше просветление. Как нам сообщить другим эту невыразимую истину? Мы должны пропитать ею все свои действия и являть ее повсеместно: когда мы берем и когда даем, когда бьем или когда бьют нас. Что еще можно сказать? Повторим еще раз слова Вордсворта: “Всё, что видим мы, исполнено блаженства”, и преклоним голову перед Отцом, как Он преклоняет ее, как Сын преклоняет ее, как Святой Дух преклоняет ее.

Когда нужно было выполнить трудную работу, Хякудзё первым брался за нее. Монахам это не нравилось, и однажды они спрятали его садовые инструменты и предложили ему отдохнуть.

— Разве я могу свалить работу на других, а сам сидеть сложа руки?

Хякудзё попытался найти свои инструменты, но не смог. Тогда он прекратил есть. Так родилась поговорка: “День без работы — день без еды”.

Монахам было неприятно смотреть, как работает старик. Возможно, они стыдились того, что были менее прилежны в работе. Им хотелось, чтобы Хякудзэ сидел в своей комнате, а они тем временем могли работать вполсилы или вообще не делать ничего.

Следует дополнить упомянутый принцип другим: “День без еды — день без работы”. Эти два подхода не следует рассматривать отдельно. Идеал состоит в том, чтобы работать все время, каждый день, каждый час — работать головой, сердцем, телом, всем своим существом. Весь остаток жизни мы проведем во сне, а затем уснем навеки. Приведенный случай широко известен, но в нем нету дзэн. Дзэн не имеет ничего общего с нравоучительными принципами.

Однажды Басо послал Хякудзэ письмо и три кувшина соевых бобов. Хякудзэ велел поставить кувшины в зале, а затем вошел в зал сам. Когда монахи собрались, он палкой указал на кувшины и спросил:

— Если вы скажете слово дзэн, я не разобью эти кувшины; если нет, я разобью их!

Все промолчали, и тогда Хякудзэ разбил кувшины и вернулся в комнату.

Этот случай можно назвать облегченной версией истории, в которой Нансэн, учитель Хякудзэ, убил кошку. Кажется странным, что никто из монахов не вышел, чтобы кувыркнуть или разбить кувшины сам или дать Хякудзэ тумака. Скорее всего монахи боялись, что старый учитель разгадает их уловку.

Однажды Хякудзэ, будучи прислужником у Басо, провел день в горах, а затем вернулся и заплакал.

— Ты что, вспомнил о покойных родителях? — спросил один из его товарищей по монастырю.

— Нет, — ответил Хякудзэ.

— Тебя обидели?

— Нет.

— Почему же ты плачешь?

— Пойди и спроси учителя.

Монах пошел к Басо и спросил у него.

— Пойди и спроси Хякудзэ, — ответил Басо.

Монах вернулся к Хякудзэ и застал его смеющимся.

— Совсем недавно ты плакал, а теперь смеешься? — спросил монах.

— Совсем недавно я плакал, а теперь смеюсь! — ответил Хякудзэ.

Вордсворт говорит: “Мои надежды больше не должны менять своего имени”. Мы плачем и смеемся над одним и тем же. По чьему выбору? По выбору своей свободной воли. Когда мы смеемся или плачем, мы живы. Именно к этому состоянию живости и сознательности стремится Вордсворт. “Я жажду обрести свое вечное пристанище”, — продолжает он. Эти помпезные слова не содержат дзэн, хотя и трогают нас своим величием.

Хякудзэ сказал собравшимся:

— Один ест мало, но не голоден; другой не прекращает есть, но не насыщается.

Монахи молчали.

Мы должны уподобиться им обоим, всегда полниться энергией, но не быть амбициозными. Ни к чему не стремись, мы всего достигаем. Испытывая удовлетворение в каждый миг, мы к нему не привязаны. Не будем уточнять, что конкретно имел в виду Хякудзэ. Когда дзэнский мастер говорит, в своем ответе ему мы должны продемонстрировать весь дзэн, на который способны.

Однажды на улице шел снег. Ответственный монах попросил Хякудзэ прочесть проповедь.

— Снег падает хлопьями. Цвет и форма каждой снежинки совершенны. Зачем читать проповедь? — сказал Хякудзэ.

Снова Вордсворт:

Ты думаешь, среди вещей,
Что могут столько нам сказать,
Ничто к нам не придет само,
А мы должны искать?

Хякудзё не отличался сообразительностью и не был хорошим учителем, но воспитал много прекрасных учеников. Дзёсю был на редкость проникательным человеком и хорошим учителем, но имел лишь несколько учеников, и среди них не было знаменитостей. Можно предположить, что это — результат случайности, которая имела место тысячу лет назад.

Тёкэй Дайан, годы жизни которого неизвестны, достиг просветления у Хякудзё и позже стал Исаном Вторым. Сведения о его жизни немногочисленны, историй о нем мало.

— Что такое Будда, которого все желают постичь? — спросил Тёкэй у Хякудзё.

— Едущий верхом на быке не видит быка.

— Что происходит, когда человек постигает Будду?

— Едущий верхом на быке возвращается домой.

— Как можно сохранить это постижение навсегда?

— Пастух с палкой в руках следит за тем, чтобы бык не опустошал рисовые посеvy крестьян.

Это не дзэнская история, а молочко для младенцев, обычный приземленный буддизм.

У Тёкэя было несколько известных учеников и среди них Дайдзуй, годы жизни которого неизвестны. О нем сохранилось много интересных, хотя и довольно туманных историй. Принц Сёку очень любил Дайдзую и часто посылал гонцов, чтобы забрать его в столицу, но тот всякий раз отказывался. Дайдзуй построил себе жилище возле огромного дерева.

Однажды к Дайдзую пришел монах с горы Готайсан.

— Какая гора выше, гора Дайдзуй или гора Готай? — спросил мастер.

— Как поживает гора Дайдзуй?

— Говори громче, я плохо слышу.

Монах повторил свой вопрос громким голосом.

— Как тысяча гор, как десять тысяч гор! — последовал ответ.

Дайдзуй захотел, чтобы монах сравнил его учение с учением мастеров с горы Готай, но монах отказался это делать и попросил Дайдзую рассказать что-нибудь о себе. Дайдзуй велел монаху повторить вопрос громким голосом, чтобы “расслышать” уровень постижения монаха. В конце концов Дайдзуй провозгласил себя “учителем знающих”.

— Древний* стоял в снегу с отрезанной рукой. К какому просветлению он стремился? — спросил монах у Дайдзую.

— Древний не отрезал себе руки.

— Как вы можете отрицать это?

— Ему нравилось стоять в снегу.

Подобное сознательное отрицание известных фактов хорошо действует на дзэнских монахов-недоучек.

— В чем суть Закона всех Будд?

Дайдзуй поднял *хоссы* и спросил:

— Понимаешь?

— Нет.

— Отгонялка для комаров из хвоста лося.

Хоссы — это тонкая палочка с длинными пучками волос по трем сторонам. Вначале ее использовали, чтобы вытирать пыль или отгонять мух и комаров (не убивая их). Затем она стала регалией мастера во время чтения проповедей или обучения монахов. Подобно тому, как олень-вожак использует хвост, чтобы предупреждать стадо о надвигающейся опасности, дзэнский мастер с помощью *хоссы* спасает монахов от сентиментальности и рационализма. В этой истории *хоссы* используется для демонстрации таковости вещей, которая в дзэн соответствует Истине, цели хайку и сэню.

Монах поклонился статуе Фугэна. Дайдзуй поднял *хоссы* и сказал:

— Мондзю (Манджушри) и Фугэн (Самантахрадра) оба содержатся здесь.

* Второй патриарх Эка.

Монах нарисовал в воздухе круг, бросил его, а затем широко развел руками. Дайдзуй велел прислужнику угостить монаха чаем.

Мондзю и Фугэна обычно изображают по обе стороны Будды. Дайдзуй, кажется, одобрил игру монаха. Рисование в воздухе круга означает совершенство, бесконечность, Лик Божий. Отбрасывание его означает полное освобождение от трансцендентализма, абсолютности, Лица Божьего. Широко разведенные руки означают возврат к относительному. “Означать” — в данном случае неправильное слово. Человек, если он просветлен и просветляет других, составляет одно целое с абсолютным, отказом от абсолютного, относительным.

На территории монастыря жила черепаха. Однажды монах указал на нее и сказал:

— У всех существ кости покрыты кожей. Почему же у черепахи кожа покрыта костями?

Дайдзуй снял соломенные сандалии и положил их на спину черепахе.

Монах наделен научным умом. Дайдзуй желает сделать ум монаха менее научным, подобным уму ребенка. Если видны кости черепахи, давайте спрячем их, чтобы она была похожа на других животных. В детской книжке читаем:

— *Смотри!* — сказал Пип. — *Смотри, что я нашел.* — И он показал им старый мокрый разорванный ботинок. Три девочки не мигая уставились на него.

— *Что ты собираешься с ним делать?* — спросила Кезия.

— *Сохраню, конечно же!* — гордо сказал Пип. — *Ведь это же моя находка! Разве ты не видишь?*

Да, Кезия видела. Но в то же время... (У залива, IV)

Таков дух дзэн.

Однажды Дайдзуй сжигал в горах траву. Неподалеку от костра он обнаружил змею и, подняв ее на палке, бросил в огонь.

— *Смертное тело не может избавиться от себя. Если вы умрете в огне, вы увидите яркий свет во тьме,* — сказал Дайдзуй монахам.

Позже монах спросил:

— *Вы тогда совершили грех или нет?*

— *Деревянный человек танцует, железный бык удивленно смотрит на него,* — ответил Дайдзуй.

Здесь мы видим типичную дзэнскую игру с жизнью и смертью, в данном случае с жизнью и смертью животных, которая озадачивала Дарвина, которая нас тоже заставляет страдать. Мы можем объяснить слова Дайдзуя по-буддистски и по-дзэнски. С одной стороны. змея совершит новое перевоплощение. С другой — жизнь и смерть змеи, сожжение и не-сожжение ее Дайдзуем таково, каково оно есть; это не зло и не благо, а Благо. Однако подлинный дзэн должен включать дзэн Дарвина и дзэн человеческих страданий.

— *Я прошу вас объяснить, что происходит, когда разбит самоцвет на шее Черного Дракона,* — попросил монах у Дайдзуя.

— *Не пытайся понять Живое Сокровище. Лучше скажи, как разбить самоцвет.*

Монах молчал.

Самоцвет на шее у дракона — это метафора для просветления, достичь которого нелегко. Старинная поговорка о преодолении трудностей в ходе изучения дзэн гласит: “Разбив самоцвет на шее у Дракона, доберись до пятицветного Феникса”. Дайдзуй говорит, что монах еще не добрался до самоцвета. Какой смысл разбивать его и извлекать из него сущность жизни? Мы должны докопаться до истины, а потом забыть о ней и начать жить подлинной жизнью. Но мы не должны пытаться летать, не научившись ходить.

Ученый не-буддист дал Дайдзую чашу.

— *Чем вы пользовались, пока не получили в дар эту чашу?* — спросил монах.

— *У меня была чаша, которой я буду пользоваться в последние дни своей жизни,* — ответил Дайдзуй.

Это подлинный дзэн. Между тем, самое замечательное высказывание Дайдзуя можно встретить в XXIX случае *Хэкиганроку* и в XXX случае *Сёёроку*.

— *Когда вещи исчезнут, Это исчезнет или нет?* — спросили у Дайдзуя.

— *Исчезнет,* — ответил Дайдзуй.

Это в данном случае означает природу Будды, душу, высшее Я, Первооснову Бытия, “весь этот мир и всё, что он содержит”. Иногда Дайдзуй говорит невнятно, а иногда бьет не в бровь, а в глаз.

Еще одним учеником Тёкэя был Рэйдзю, о жизни которого нам ничего не сообщают.

Однажды монахиня подарила Рэйдзю чашу. Рэйдзю поднял ее и спросил:

— Откуда эта чаша?

— Из провинции Дзёсю, — ответила монахиня.

Рэйдзю разбил чашу вдребезги. Монахиня ничего не сказала.

Причиной беспардонного поведения мастера был ответ монахини в терминах относительного, тогда как она должна была ответить в терминах относительного-абсолютного. Как нужно было ответить? Монахиня должна была сказать: “Сия чаша пришла к вам от Дающего Дары”, или: “Откуда? От верблюда!”, или просто поклониться.

— В чем особенность вашего учения? — спросил монах у Рэйдзю.

— Тысяча лет полю, восемь сотен владельцев.

— Что это значит?

— Дом и сарай обветшали, но починить их некому.

Своей первой репликой Рэйдзю, кажется, желает сказать, что владелец поля жил в среднем немногим больше года, и буддизм, переданный ему на попечение, просуществовал тысячу лет. Второй ответ скорее всего означает, что буддизм переживает упадок, и нет больше великих монахов, которые могли бы вернуть ему процветание.

Еще одним учеником Тёкэя был Рэйун, годы жизни которого тоже неизвестны. Он достиг просветления, когда увидел цветущие персики — или, используя библейскую метафору, глядя на полевые лилии. Вот его стихотворение:

Тридцать лет я посещал мастера меча;
Листья осыпались, распускались почки.
С тех пор, как я увидел персики в цвету —
Никаких сомнений не осталось!

В первой строке, кажется, говорится о том, что он обучался у мастера дзэн тридцать лет.

— Что было, когда Будда еще не появился в мире? — спросил монах.

Рэйун поднял *хоссы*.

— А когда Будда ушел?

Рэйун поднял *хоссы*.

Монах не согласился с этими ответами. Позже он посетил Сэппо, который спросил у монаха, откуда тот пришел.

— От Рэйуна.

— Чему нынче Рэйун учит монахов?

Прибывший рассказал о случившемся.

— Спроси меня, и я отвечу тебе! — сказал Сэппо.

Монах задал первый вопрос. Сэппо поднял *хоссы*. Монах задал второй вопрос. Сэппо опустил *хоссы*. Монах поклонился. Сэппо удалил его.

Впоследствии монах пришел к Гэнся и рассказал ему об этом.

— Позволь рассказать тебе басню, — сказал Гэнся. — Один господин продавал сад, в котором северный, южный, восточный и западный заборы принадлежали ему, а дерево в центре — нет.

Хоссы — это сад. Дерево — это дзэн, принадлежащий всем. Однако дзэн одного человека отличается от дзэн другого. Почему же, скажете вы, мы называем и то, и другое дзэн? Наконец-то вы меня поймали!

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Рэйуна.

— Яблоню посадили на дне колодца.

— Не понимаю.

— Персики дорогие в этом году, тысяча долларов за штуку.

Кажется, пессимизм Рэйуна в отношении человеческой природы, то есть природы Будды, был вполне оправдан. “Персики дорогие в этом году” означает, что просветление редко встречается в наше время, даже среди желающих приобрести его, которых не так уж много ввиду такой высокой цены.

Вторым знаменитым учеником Хякудзё был Дайдзи (780-862). В двадцать девять лет, после смерти матери он стал монахом, изучал сутры и обряды. Некоторое время он учился у Хякудзё, получил у него подтверждение просветления, а затем поселился на вершине холма, откуда впоследствии переехал на гору Дайдзи, где энергично проповедовал дзэн. Дайдзи говорил: “Шесть метров разговора — всё равно что один метр дела. Один метр разговора — всё равно что десять сантиметров дела”. Затем он вернулся к мирской жизни, но незадолго перед смертью снова побрил голову и стал монахом.

— Я не собираюсь ничего объяснять. Вы ведь знаете, что это болезнь! — сказал Дайдзи монахам.

Один монах вышел вперед. Дайдзи ушел в свою комнату.

Сказать, что вы ничего не собираетесь говорить, — это тоже слова. Чем больше мы говорим, чем больше мы пишем, тем больше нам хочется, чтобы мы не начинали говорить или писать. Я лично не знаю ни одного человека, который действительно понял хотя бы строчку из написанного мной.

Однажды, когда Дайдзи подметал двор, Дзёсю подошел к нему и спросил:

— Как проявить Великую Мудрость?

— Как проявить Великую Мудрость? — повторил Дайдзи.

Дзёсю громко засмеялся.

На следующий день Дзёсю подметал двор, и Дайдзи спросил у него:

— Как проявить Великую Мудрость?

Дзёсю бросил метлу и громко засмеялся, хлопая в ладоши. Дайдзи ушел в свою комнату.

Чтобы воплотить Великую Мудрость, подойдет всё, что угодно: подметание, смех, написание книг, даже мышление. Но было бы грубой ошибкой считать, что Мудрость и ее проявление различны, что существует проявление Мудрости, отличное от самой Мудрости. В действительности, Мудрость — это проявление, а проявление — это Мудрость. Дайдзи повторяет вопрос Дзёсю, потому что подлинный вопрос и подлинный ответ тождественны, как Мудрость и ее проявление. Когда же на другой день Дзёсю задают тот же вопрос, он не

спешит повторить его, потому что вчерашний вопрос не имеет ничего общего с сегодняшним вопросом, а ответ не отличается от вопроса. Смех Дзёсю на другой день тоже был другим.

Глава 17 ИСАН И КЁДЗАН

Исан родился в 771 году, в середине танской эпохи, стал монахом в возрасте пятнадцати лет, а в обучение к Хякудзё поступил, когда ему было двадцать три. Первого (частичного) просветления Исан достиг, когда Хякудзё предложил ему найти в камине тлеющие угольки; Исан не мог этого сделать, и тогда Хякудзё копнул глубже и показал ему один тлеющий уголек.

После событий, описанных в случае XL *Мумонкана*, Исан стал главным монахом на горе И. Согласно преданию, эта гора была столь дикой, что Исан жил на ней (не среди монахов, а) среди обезьян и питался орехами. Постепенно количество его учеников достигло тысячи. Он учил больше сорока лет, и число его просветленных учеников за это время достигло сорока одного. Исан умер в 853 году в возрасте 83 лет. Кроме собрания изречений Исана, известно его произведение *Исан Кэйсаку*.

В большинстве историй об Исане фигурирует его главный ученик Кёдзан, но мы начнем с тех, в которых речь идет о других монахах.

Монах пришел к Исану и попросил дать ему наставление. Исан сделал вид, что собирается встать.

— Пожалуйста, не вставайте! — сказал монах.

— Я еще не сел, — отозвался Исан.

— Я вам не поклонился.

— Невоспитанный человек!

Можно предположить, что монах уже поклонился один раз, входя в комнату. Когда монах сказал: “Я еще не поклонился”, он пытался подыгрывать на абсолютном уровне Исану, который сказал: “Я еще не сел”, но мастер внезапно заговорил на относительном уровне и упрекнул монаха. Как уже говорилось, мы должны высказываться относительно-абсолютно, и тогда нам не нужно будет бояться нападения на одном из уровней, относительном или абсолютном.

Однажды Исан поднялся на кафедру и сказал:

— Монахи, вы обладаете формой, но не постигли функцию.

Кюхо вышел вперед и направился к выходу. Исан позвал Кюхо, но тот не повернул головы.

— Этот сосуд может вместить Закон! — сказал Исан.

Ответить, когда вас зовут, — в этом суть дзэн. Отказ отвечать со стороны Кюхо был демонстрацией сверх-дзэн.

Ниже следуют истории об Исане и Кёдзане, поэтому вначале дадим краткое жизнеописание последнего.

Когда Кёдзану было пятнадцать лет, он пожелал стать священником, но родители не позволили ему. Через два года он отрезал себе два пальца левой руки и снова попросил у родителей разрешения стать священником; на этот раз родители согласились. Кёдзан обучался у нескольких мастеров, а затем пятнадцать лет прожил у Исана. Впоследствии Кёдзан жил на горе Кё, от которой и получил имя. У него было больше десяти просветленных учеников. Он умер в 890 году в возрасте 77 лет.

— Где пребывает подлинный Будда? — спросил Кёдзан у Исана.

— С помощью утонченного невербального мышления созерцай бездонный духовный Свет. Созерцай его, пока не придешь к Первооснове Бьггия и вечно пребывающему Принципу Недвойственности. Там ты встретишь подлинного Будду, — сказал Исан.

Кёдзан был просветлен.

Достичь просветления после такой философской тирады кажется необычным, но ведь просветление всегда необычно.

— Я слышал, что во время твоего пребывания у Хякудзё, когда тебя спрашивали об одном, ты отвечал, словно речь идет о десяти. Это правда? — спросил Исан.

— Не думаю, что правда, — ответил Кёдзан.

— Попытайся выразить глубочайшую истину буддизма!

Кёдзан открыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг Исан выкрикнул: “Катц!” После этого Кёдзан порывался говорить три раза, и три раза Исан заставлял его замолчать таким же образом. Кёдзан поклонился. Слезы выступили у него на глазах, и он сказал:

— Прежний учитель сказал мне, что, встретив следующего учителя, я достигну просветления. Сегодня я, наконец, встретил его. Прошло три года с тех пор, как я начал открывать в себе природу Будды. До сих пор я искал корову. Сегодня я нашел ее.

Однажды, гуляя в горах, Исан встретил Кёдзана, который медитировал. Исан ударил его палкой по спине, но Кёдзан не повернулся.

— Ты можешь мне ответить? — спросил Исан.

— Даже если нет, я не стану занимать чужих слов, — ответил Кёдзан.

— Кое-чему ты научился, — похвалил Исан.

Эта история едва ли нуждается в комментариях.

— Бесчисленные Будды, погружаясь в самадхи, входят в каждую песчинку и вращают там великое колесо Закона, — сказал Исан.

— Что можно сказать о вас? — спросил Кёдзан.

— Давай рассмотрим конкретный случай, и тогда все станет ясно.

Кёдзан указал на бутылку с водой и сказал:

— Пожалуйста, войдите в это!

— Все Будды благодаря своим оккультным силам присутствуют в это мгновение в горлышке бутылки и вращают там великое колесо Закона, — ответил Исан.

— Я спрашиваю вас не о Буддах, а о том, как вы вращаете колесо Закона! — настаивал Кёдзан.

— Это невозможно, если мы не отождествились с вещью, — сказал Исан.

Кёдзан с благодарностью поклонился.

Эта история вполне понятна. Обратите внимание, как настойчиво ученик задает учителю вопросы и каким невозмутимым остается при этом учитель.

В хижине у подножья горы **И** поселился монах. Кёдзан пошел к нему и передал ему слова Исана: “Большинство людей обладают великим потенциалом, но не имеют великой функции”. Монах попросил Кёдзана задать вопрос. Не успел Кёдзан открыть рот, как монах ударил его ногой в грудь. Кёдзан упал на землю.

После этого Кёдзан вернулся к Исану и рассказал ему о случившемся. Исан громко засмеялся.

“Великий потенциал” — это пассивный аспект просветления, природы Будды, тогда как функция — ее активная сторона. Когда Кёдзан собирался спросить о функции монаха, который, очевидно, был дзэнским мастером, тот без промедления показал ему действие этой функции. Своим несколько садистским смехом Исан также продемонстрировал пострадавшему Кёдзану действие этой функции.

Однажды Исан сказал Кёдзану:

— Ты учишься, учишься, а толку нет. Скажи мне, что такое твое подлинное “я”?

Кёдзан не мог ответить. После трех дней напряженных размышлений он по-прежнему не мог ответить.

— Почему бы тебе не уйти из монастыря? — сказал Исан.

Кёдзан ушел и по пути встретил главного монаха.

— Куда ты идешь? — спросил главный монах.

— Исан спросил у меня, что такое мое подлинное “я”. Я не смог ответить, и мне пришлось уйти из монастыря.

— Разве ты не мог остаться?

— Как мне оставаться в монастыре, если я не могу ответить на вопрос о своем подлинном “я”?

— В таком случае уходи из монастыря, но знай, что на горе Кёгэн есть руины храма. Остановись там, а я буду время от времени посылать к тебе монахов с едой, — сказал главный монах.

Эта незаконченная история показывает, какими честными, настойчивыми и непримиримыми были Исан и Кёдзан.

Однажды Исан спросил у Кёдзана:

— Большинство людей на этой великой земле обладают знаниями о причинах и следствиях, но им недостает осознания изначальной природы, на которую можно было бы положиться. Можешь ли ты определить, имеет ли человек это осознание?

В это время неподалеку проходил монах.

— Дзари! — позвал Кёдзан. Монах повернул голову.

— Вот пример человека, который обладает знаниями о причинах и следствиях, но лишен фундаментального осознания, на которое можно было бы положиться, — сказал Кёдзан.

— От капли львиного молока прокиснет бочка молока ослицы! — воскликнул Исан.

Исан подтверждает испытание Кёдзаном монаха. Монах поворотом головы показал, что обладает лишь ослиным пониманием дзэн. Когда вас зовут по-дзэнски, вы должны по-дзэнски ответить.

— Целый день мы с тобой спорили о дзэн. Что можно извлечь из нашего спора? — спросил Исан.

Кёдзан начертил в воздухе линию.

— Если бы ты показал это кому-то другому, он бы ничего не понял, — сказал Исан.

Никогда нельзя сказать, в чем польза от того или иного действия. Время покажет. С абсолютной точки зрения польза от всего одинакова, бесконечна, как линия, начерченная Кёдзаном в воздухе. Исан был вполне прав в том, что не закончил разговор на этой серьезной ноте, а пошутил со своим блестящим учеником.

Кто-то подарил Исану молоко, и Кёдзан спросил у него:

— Как вы отблагодарите человека, который сделал вам этот подарок?

Исан постучал по сидению.

— Почему вы используете общественное имущество монастыря для того, чтобы покрывать свои личные долги? — спросил Кёдзан.

Кёдзан задает колкие вопросы, и если Исан не желает отвечать на них, за это дело возьмемся мы. Постукивание по сидению означает, что дар — это дар; он не нуждается в воздаянии. Благодарность — это благодарность; для нее не нужен дар. Постукивание — это постукивание; оно не нуждается в объяснениях и в оправданиях. Оно ничем не отличается от цветка, о котором Эмерсон говорит: “Если глаза были сделаны, чтобы видеть, тогда красота оправдывает его существование”. “Почему вы используете общественное имущество монастыря для того, чтобы покрывать свои личные долги?”, — но кто решает, где личное, а где общественное? Не Кёдзан. То, что у нас есть, мы взяли напрокат. То, что мы (думаем, что) берем в долг, (на самом деле) принадлежит нам.

— **В Нирвана-сутре содержится сорок глав учения Будды. Сколько в этой сутре глав учения дьявола?** — спросил Исан.

— **Все!** — ответил Кёдзан.

— **Теперь никто не заставит тебя плясать под свою дудку,** — сказал Исан.

— **Как мне следует жить после этого?**

— **Мне нравится твой верный глаз. Меня не интересует практическая сторона жизни.**

Этот случай показывает, что дзэнские мастера не любят суеверий и догм. Чем подлиннее и полезнее сутра, тем она опаснее, тем чаще ею пользуется дьявол. То же касается обществ и общественных групп. Чем возвышеннее их идеалы, тем дальше от них следует держаться. Последнее замечание Исана неправильно. Мелочи всегда важнее общих принципов. Верный глаз важен, но то же самое можно сказать об умелой руке и о хороших инструментах. Слова: “Люби Бога — и делай, что хочешь” верны только при условии, что мы любим Бога на 100%. Если же мы любим его на 60% или 70%, мы не можем делать только то, что хотим.

Итто попросил Исана сочинить для него гатху.

— **Глупо сочинять гатху в присутствии заказчика и еще глупее записывать ее на бумагу!** — сказал Исан.

Тогда Итто попросил написать гатху Кёдзана. Кёдзан нарисовал на бумаге круг и рядом с ним написал: “Подумать, а затем знать — это второй сорт. Не думать и всё же знать — это третий сорт”.

Что, тогда, первый сорт? Одновременно думать и знать с полной ясностью — например, когда мы рисуем окружность.

В конце летнего периода обучения Кёдзан пришел повидаться и Исаном.

— **Я не видел тебя целое лето. Что ты делал всё это время?** — спросил Исан.

— **Я не потерял это лето. Всё время, не разгибаясь, я работал на клочке земли и вырастил большой мешок проса. А что Мастер делал этим летом?** — спросил Кёдзан.

— **Каждый день я ел один раз; каждую ночь я спал один раз,** — ответил Исан.

— **Вы тоже не потеряли это лето,** — сказал Кёдзан и показал язык.

— **Дзяку (Кёдзан Эдзяку), зачем ты портишь себе жизнь?**

Показывание языка свидетельствует о том, что Кёдзан понял свою ошибку, когда хвастался мешком проса, но Исан все равно упрекнул его.

— **Откуда ты пришел?** — спросил Исан у Кёдзана.

— **С поля.**

— **В поле много монахов?**

Кёдзан взял мотыгу под мышку и стал, сложив руки на груди.

— **В Южных горах сегодня можно встретить людей,** — сказал Исан.

Кёдзан положил мотыгу на плечо и ушел.

Эта история составляет XV случай *Сёёроку*, где приводится другая ее версия. Исан спрашивает, много ли людей возделывают поле. Кёдзан своим ответом показывает, что он важнее тех, кто работает с ним в одном поле и даже на одной грядке. Исан возвращает своего ученика к факту, что в мире, кроме Кёдзана, живут другие люди. Ученик соглашается с мастером и выражает свое согласие тем, что отправляется работать с мотыгой на плече.

Однажды Кёдзан пришел к Исану для разговора. Исан сказал:

— Теперь ты сам хороший, пронизательный учитель. Как ты отличаешь тех, кто приходит отовсюду и знает *Это*, от тех, кто не знает? Как ты отличаешь мастеров от шарлатанов, подлинно образованных монахов от знающих понаслышке? Расскажи мне об этом.

— Эдзяку имеет опыт. Откуда бы монах ни пришел, он поднимает *хоссы* и спрашивает у него, известно ли в его краю, что это такое. Кроме того, отложив *хоссы* в сторону, он спрашивает: “Каково учение старых мастеров в ваших местах?”

— Эти вопросы всегда были зубами и клыками нашей секты! — с восхищением сказал Исан.

“Зубы и клыки нашей секты” — это оружие дзэн, другими словами, прямое указывание на ум. Ведь, когда поднимают *хоссы* (предмет, столь подходящий странным сочетанием дерева и конского волоса), нет субъекта и объекта — или, лучше сказать, есть только субъект или только объект. Интересная особенность этой истории в том, что в ней кратко изложена методика обучения дзэн. Здесь мы видим, как преподают дзэн и обучают дзэнских учителей. Фактически, цель обучения — населить Рай Земной одними только учителями, которые, будем надеяться, могут учиться.

Когда Кёдзан жил у Исана, он присматривал за коровами. Однажды главный монах сказал:

— На кончике десяти миллионов волосков появляются десять миллионов львов.

Кёдзан не ответил.

Позже Кёдзан стал прислужником у Исана. Однажды главный монах пришел к Исану за советом.

— Это ты, главный монах, говорил, что на кончике десяти миллионов волосков появляются десять миллионов львов? — спросил Кёдзан.

— Это был я, — ответил главный монах.

— Что возникает первым, волосок или лев? — спросил Кёдзан.

— Когда они возникают, среди них нет первого, — ответил главный монах.

Кёдзан вышел.

— Спина льва сломалась, — сказал Исан.

Еще один пример дзэнской игры, в которой Кёдзан потерпел поражение, сломав себе спину. Но с дзэнской точки зрения, лев со сломанной спиной лучше нетронутого волоска, каковым является непобежденный обычный человек. Подобные дзэнские игры напоминают спарринг, духовные упражнения, шуточные вариации на тему жизненно важных принципов.

Однажды Исан наблюдал за пожаром в степи и спросил у Дого, который был поблизости:

— Ты видишь огонь?

— Вижу, — ответил Дого.

— Откуда он возникает?

— Хотел бы попросить вас не задавать мне вопросов о природе вещей, медитации и природе Будды.

Исан промолчал и вышел.

Дого попросил Исана задавать ему не дзэнские, а вполне обычные вопросы. Эту просьбу можно назвать разумной, здоровой, даже дзэнской.

— Вы можете объяснить, что такое Тело Закона? — спросил монах у Кёдзана.

— Я не могу объяснить это, но есть один человек, который может.

— Кто этот человек?

Кёдзан положил перед собой подушку.

Услышав об этом, Исан сказал:

— Дзяку пустил в ход острие меча!

“Вещи говорят так громко, что я не слышу твоих слов”. Вот почему Христос говорил притчами — а вовсе не потому, что притчи легче понять. Вещи говорят недвусмысленно. Они не могут обманывать или обманываться. Но мы не должны спрашивать: “Что значит подушка?” Это “вечные объятия”.

Живя в храме бодхисаттвы Каннон, Кёдзан повесил объявление: “Во время чтения сутр задавать вопросы запрещено!” Монах прибыл к мастеру как раз тогда, когда тот читал сутру, поэтому, стоя рядом, он дождался, пока Кёдзан закончил читать и свернул сутру.

— Понимаешь? — спросил Кёдзан.

— Я не читал сутру. Как я могу понимать?

— Ты поймешь позже.

Позже монах рассказал об этом Гонто, который сказал:

— О мудрость старого Учителя! Мне кажется, что древние свитки никогда не покидают нас.

Сама сутра, процесс ее чтения и свертывания — именно это монах (бессознательно) искал. Поэзия и музыка, как бы внимательно мы ни прислушивались, в действительности появляется в нашем восприятии, а не звучит в воздухе, или записана на “старых кусках бумаги”. Намеком на абсолютное значение обычной бумаги и чернил может быть благоговейное почитание, которым их окружают суеверные люди.

Глава 18

ОБАКУ

Еще одним учеником Хякудзё был Обаку.

Обаку (Хуан-бо) стал монахом храма, расположенного на горе Обаку еще в детстве. Позже, когда Хякудзё подтвердил его просветление, Обаку пригласили в большой новый храм, названный в честь горы, на которой он провел свои молодые годы. Начиная с этого времени слава о нем распространялась по стране, и вскоре вокруг него собралось больше тысячи монахов. Обаку умер в 850 году. Ему принадлежит трактат *Обаку Син-ё*, или *Трактат Обаку о природе ума*. Двенадцать его учеников были просветлены и среди них Риндзай, Усэки, Тин-Сонсюку, Сэнкэй и Сёкоку.

Однажды Хякудзё спросил у Обаку, откуда тот пришел.

— Я собирал грибы у подножья горы Дайю (старое название горы Хякудзё, Горы в Тысячу Футов).

— Ты видел там тигра?

Обаку зарычал, как тигр. Хякудзё замахнулся на него топором. Обаку ударил Хякудзё ладонью. Хякудзё принялся петь, смеяться, а затем вернулся на свое место и сказал монахам:

— У подножья горы Дайю появился тигр, которого вы должны увидеть. Ваш старый друг Хякудзё только что обменялся с ним парой слов.

Этот развязный, неистовый дзэн очень хорош. В нем нет ничего заискивающего, парадоксального или высокомерного, но в то же время он не легкомысленный и не демонстративный.

Однажды Обаку блуждал в свое удовольствие на горе Тэндай и встретил другого монаха. Они долго разговаривали и смеялись, как старые друзья. Когда они смотрели друг другу в глаза, их взгляды проникали в самую суть. Вместе они спустились в долину и вскоре подошли к полноводному ручью, который преградил им путь. Обаку, сняв соломенную шляпу, в нерешительности стоял на берегу. Монах потянул Обаку к воде, но тот отстранился и сказал:

— Если ты собираешься идти вброд, иди сам, без меня!

Монах приподнял подол своей мантии и пошел по поверхности воды, словно по сухой земле. Затем он обернулся к Обаку и позвал:

— Ну, чего ты стал? Пошли со мной!

— Пропащий человек! Если бы я знал раньше, что ты способен на это, я бы отрезал тебе ноги!

Монах вздохнул и исчез, сказав на прощанье:

— Ты подлинный последователь буддизма махаяны. Мне не сравниться с тобой!

В этой истории больше всего поражает то, как монах согласился, признал, что естественное победило сверхъестественное. Неважно, творил ли Христос в действительности чудеса или нет. Важно следующее: неужели вы настолько глупы, чтобы интересоваться ими? Христу не следовало бы творить чудеса, даже если бы он мог это

делать. “Почему?”. — спросите вы. Всё, что мы встречаем в жизни, удивительно; нам не нужно никаких дополнительных чудес. Уитмен говорит: “Обычная мышь — чудо, которое может ошеломить миллионы язычников”. Но это не значит, что мы должны во всех вещах следовать природе. Напротив. Скорее это значит, что более глубокая природа, противопоставляемая обычной природе, должна быть природной. Если мы четко не видим причин и следствий, как нам вырваться из их замкнутого круга? Не замочив ног, как нам сохранить душу в тепле и уюте?

Однажды пришло шестеро новых монахов, из которых пятеро поклонились, а один, держа в руках *дзигу**, нарисовал круг. Обаку сказал:

— Вижу, что среди вас есть гончая собака. Нехорошо!

— Она следует на крик антилопы, — сказал монах с подстилкой в руках.

— Если антилопа не кричит, ты можешь гнаться за ней?

— Я могу идти по следам.

— А если нет и следов?

— Значит, это мертвая антилопа!

Обаку больше ничего не сказал, но на следующий день, поднявшись на кафедру, он произнес:

— Пусть монах, охотящийся на антилопу, выйдет вперед!

Монах вышел.

— Вчера, — сказал Обаку, — наш разговор не закончился. Я хотел бы знать, что ты скажешь сегодня?

Монах молчал.

— Поначалу я думал, что ты настоящий монах, а теперь вижу, что ты просто болтун, — сказал Обаку и выгнал монаха палкой.

Обаку желает иметь дело с равными (в дзэн), а монах оказался всего лишь выскочкой. Монах не знал, что дзэнская антилопа не подает голоса и не оставляет следов, не имеет ни запаха, ни имени. В связи с этой историей интересно вспомнить о книге *Небесный пес*, в которой Небесным Псом называют не человека, а Бога. Я бы сказал, что правильны оба подхода.

* Подстилка, на которой сидят; одна из шести личных вещей монаха.

Император Дайтэю одно время был буддистским паломником. Однажды, находясь среди молящихся в храме Энкаи, император увидел Обаку, который простирался перед Буддой.

— Мы не просим ничего у Будды, у Закона и у монахов. Почему вы простираетесь перед Буддой? — спросил император.

Обаку ударил его.

— Какой вы грубый! — возмутился император.

— О чем вы говорите? Вы различаете грубость и вежливость? — и Обаку хотел было еще раз ударить императора, но тот убежал.

Смысл этой истории не в том, что религия сильнее, чем атеизм, политика, деление на Запад и Восток. Смысл этой истории в рукоприкладстве Обаку. Император говорит, что выходки Обаку нелепы (это предрассудок, если они подлинны: это слабость ума и приспособленчество, если нет) и несовместимы с его верой. Обаку отвечает ему ударом. Когда император называет Обаку грубияном, тот сразу же становится на абсолютную точку зрения, для которой нет грубого и вежливого, и пытается нанести еще один удар в абсолютном мире ударов и не-ударов.

Глава 19

ТРАКТАТ ОБАКУ О ПРИРОДЕ УМА

Этот сборник изречений Обаку составлен его великим почитателем Хайкю, который известен также под именем Хайсёкоку. В предисловии, датированном 858 годом, Хайкю говорит, что в 843 году и особенно в 849 году он задавал Обаку вопросы и записывал его ответы. Здесь приводятся отрывки из этого сборника и комментарии к ним.

Материальные вещи перед тобой — в них самая суть. Но если рациональный ум движется, мы упускаем эту суть, отрицаем ее.

Когда вселенная видит змею или заячью губу вашими глазами — это и есть истина. Ваш привередливый ум всё портит. Мы видим не истину, а некое подобие истины, которое тоже может быть истинным, но мы называем его иллюзией.

Ум есть Будда; Будда есть люди. Когда ум становится людьми, от него не убывает; когда ум становится Буддой, к нему не добавляется.

Слово “ум” иногда пишут с большой буквы — “Ум”. Это неправильно. Мы должны писать: “Будда есть ум”. Обаку постиг с необычайной ясностью и силой. что иллюзия — это просветление, а просветление — иллюзия.

Будда сказал о песках Ганга: “Когда Будды и Бодхисаттвы, Индра и другие божества ступают по ним, они не радуются. Когда быки и овцы, насекомые и муравьи ходят по ним, они не возмущаются. Они не желают самоцветов и благовоний. Они не боятся грязи и помета”.

Обаку говорит, что мы должны стать подобными пескам Ганга, но это не только невозможно, но и нежелательно. Верно, что мы должны быть, словно пески, потому что мы являемся песками, но мы должны быть также людьми, потому что мы не являемся песками. Мы должны ненавидеть самоцветы и благовония. любить овец и насекомых.

Вонстину, достигать нечего, и это не иллюзия. Как бы ты ни достиг просветления, в один миг или в результате прохождения “десяти стадий” (став вначале бодхисаттвой), в обоих случаях достижение одно и то же. Первое из них не будет мельче; второе не будет глубже. Единственное различие между ними в том, что второе требует многих веков неутомимого труда и страданий.

Это напоминает нам притчу о талантах (Мф. 25, 14-30). Но я не вижу здесь особых проблем, особенно если вы, подобно Обаку или мне, принадлежите к числу немногих избранных.

Питание может быть глупым и мудрым. Когда мы едим, чтобы поддержать четыре элемента нашего тела, это мудрое питание. Ког-

да мы просто наслаждаемся вкусными блюдами и ищем возможности получить удовольствие, это глупое питание.

Подобно тому, как бессловесный дзэн порождает интересные книги, кухня секты дзэн необычайно хороша. Наслаждаться радостями Природы с помощью глаза и без языка абсурдно. (Процитированный отрывок можно, конечно, истолковать символически, как это было сделано со словами: “Хлеб наш насущный дай нам на сей день”.)

Изначально, истинно не существует ни одной вещи. Отделиться от иллюзорных вещей — это Закон. Будда — тот, кто существует независимо от вещей. Но не иметь ничего общего с мышлением и эмоциями означает не нуждаться в Законе.

Когда Обаку говорит о питании, его слова бессмысленны, но когда он говорит о дзэн, его слова имеют смысл, точнее. Смысл. Верить, но не верить во что-то конкретное — вот что такое дзэн. Быть привязанным, но не быть привязанным к чему-то конкретному — тоже дзэн. (До сих пор мы *должны были* верить во что-то и *должны были* привязываться к чему-то.)

Люди не осмеливаются забыть свой ум. Они боятся упасть в Пустоту, в которой не за что держаться.

Все принципы и догмы, даже эти комментарии, отражают эту слабость. Создание вселенной Богом тоже было его минутной слабостью.

Ум — это не-Ум; достижение просветления — это не-достижение просветления.

Обаку часто повторяет такого рода утверждения. Он делает это не для того, чтобы показать бессмысленность слов. В конце концов, само это утверждение состоит из слов. Высказывание: “Ум — это не-Ум” означает, что Ум — это одновременно Ум и не-Ум. Слова не соответствуют реальности, потому что реальность не соответствует сама себе. Любая вещь является собой — и в то же время выходит за пределы себя. Слово соответствует вещи — и в то же время, как и вещь, выходит за свои пределы. Также и просветление является про-

светлением, а не иллюзией — и в то же самое время это не просто просветление, но также и не иллюзия.

Чтобы научить других Закону, мы должны не-учить.

Буквально: “Закон не следует преподавать, и это называется преподаванием Закона”. Суть здесь не в том, что слова вводят в заблуждение или ограничены. Слова таковы лишь в том случае, когда воспринимающий ум заблуждается или ограничен. Суть здесь в том, что Закон не есть что-то фиксированное, к чему мы приближаемся со временем. Закон растет и изменяется в той мере, в которой мы сами изменяемся и растем. Когда нам не удается поймать бабочку, при этом мы проявляем ее природу. Однажды Дзидзо сказал Хогэну: “Не-знание — самое сокровенное знание”.

— Разве я не должен объяснять учение другим? — спросил Хайкю.

— Можешь объяснять, если хочешь, но объяснения связаны с эмоциями, которые преграждают путь мудрости, — ответил Обаку.

— Значит, мы должны воздерживаться от эмоций?

— Если нет эмоций, как можно говорить о том, что мы должны?

Хотя сам Обаку делает много догматичных утверждений, он не позволяет Хайкю задавать вопросы. Это требует немалых усилий, но вполне оправданно. Нельзя позволять людям задавать рациональные (не-дзэнские) вопросы. Если вопросы далеки от дзэн, как ответы могут быть дзэнскими? Но отказаться от эмоций, интерпретаций и слова “должен” означает отказаться от человечности.

Поэтому говорится: “Поймав рыбу, мы забываем о сети”.

Это изречение пришло из Чжуан-цзы, который иногда высказывается словно шарлатан. Рыба — просветление, сеть — средство его достижения. Но с (подлинной) дзэнской точки зрения, рыба — это (также и) сеть, а сеть — это (также и) рыба. Одно не существует без другого. Поэтому забыть о сети означает (также) забыть о рыбе, а помнить о рыбе означает (также) помнить о сети. Не существует средств и целей; каждая вещь является (также) целью и средством к

ее достижению. Средства — это цели, а цели — это средства. Подлинный учитель никогда не использует иносказаний. Подлинно религиозный человек ни в грош не ставит символы, ризы, распятия и изображения Будды. Выражаясь более мягко и поэтому более истинно, когда просветленный человек видит перед собой распятие или зуб Будды, он смотрит на того, кто их держит. Он видит не Христа или Будду, а природу Христа, природу Будды.

— Иллюзии не позволяют проявиться Уму. Как избавиться от иллюзий? — спросил Хайкю.

— Создание иллюзий, избавление от иллюзий — всё это Иллюзия. Она не имеет источника. Она возникает из-за различения. Если ты не мыслишь в терминах противоположностей, таких как высшее и низшее, иллюзия уходит сама по себе. Зачем от нее избавляться? Когда в своей внутренней жизни ты не привязан ни к чему даже на волосок, это называется “отдавать двумя руками и достигать Буддовости”*, — ответил Обаку.

— Если мы не привязаны ни к чему даже на волосок, как можно вообще что-то передать?

— Ум передается Умом.

— Если Ум передается, почему вы говорите, что Ума не существует?

— Не-постижение Закона называется передачей Ума. Если ты постигнешь Ум, окажется, что это Не-Ум и Не-Закон.

— Если нет Ума и нет Закона, как можно говорить о передаче Ума?

— Когда я говорю о передаче Ума, ты думаешь, что при этом что-то передается. Но двадцать третий индийский патриарх Хакленаяса говорит:

Когда природа Ума постигнута,
Она становится великой тайной,
Просветление недостижимо, но когда оно
достигнуто,
Ты не можешь описать его словами.

* Цитата из сутры *Локкэжэ*.

Хайкю пытается определить, где находится Обаку. Обаку не уклоняется от ответа. Просто его не оказывается там, где его видит Хайкю, и поэтому Хайкю толчет воду в воображаемой ступе. Обаку не говорит словами Тертуллиана: “Верую, потому что абсурд”, а скорее говорит: “Абсурд, потому что верую”. То, во что мы действительно верим, всегда (отчасти) нелогично, и поэтому абсурдность — скорее результат, нежели причина веры. Обаку желает, чтобы Хайкю перестал размышлять. Круговое движение мыслей должно быть заменено внепространственным движением мыслей во всех направлениях одновременно, хотя в то же время (о великая мысль!) мы движемся только в одном направлении.

Сутра говорит: “Воистину, постижение закона есть Высшая Мудрость”. Если ты понимаешь это, ты постиг Высшую Мудрость. Если ты понимаешь это, ты знаешь, что Путь Будды и Путь Дьявола (возможно, имеется в виду гедонизм) в равной мере ошибочны. Эта великолепная вселенная, изначально лишённая качеств, не пряма и не крива, не велика и не мала, не длинна и не коротка. Она не умозрительна. Она чужда страсти. В ней имеет место недеяние. В ней нет иллюзии и просветления. Когда ты ясно видишь ее, в ней нет ничего — ни обычных людей, ни будд. Великие эпохи и миры — лишь пузырьки, лопающиеся на ее поверхности. Мудрость и святость эфемерны, как вспышки молнии.

Как западная философия — всего лишь примечания к Платону, так и эти изречения Обаку — всего лишь парафразы строки из *Конгокё (Лотосовой сутры)*, которые послужили толчком к просветлению Шестого патриарха Эно: “Пробуди ум, который нигде не пребывает!” (Arouse a mind resting upon nothing!) Если вы ощущаете силу этих слов, вы любите дзэн; в противном случае дзэн не для вас.

— Будда спасает живые существа или нет? — спросил Хайкю.

— Воистину, не существует живых существ, которых Будда мог бы спасти. Если “я” не существует, откуда возьмется не-“я”? Нет ни Будды, ни живых существ, — ответил Обаку.

Христос как Спаситель исчезает. Хайкю никогда не получит ответы на свои вопросы, потому что Обаку отрицает всё: их формулировку, предположения, на которых они основываются, даже существование спрашивающего и отвечающего.

— Как Будда претворяет в жизнь великую любовь и сострадание к живым существам? — спросил Хайкю.

— Великая любовь и сострадание Будды беспричинны, и поэтому их называют *великой любовью* и *великим состраданием*. Любовь Будды проявляется в том, что он не становится Буддой. Сострадание Будды проявляется в том, что людей никто не спасает.

Если бы исторический Будда узнал интерпретацию, которую Обаку дает великой любви и состраданию, она осталась бы для него столь же непонятной, как атанасийская ересь была бы непонятной для Христа. Но это не значит, что в этой интерпретации что-то неправильно. Фактически, объяснение Обаку человечнее и ближе нашему повседневному существованию, чем ортодоксальное буддистское. Принципы становятся великими благодаря своей поэтичности, не-причинно-следственности.

Лоуренс говорит: “Познать (интеллектуально, психологически) женщину (или мужчину) означает перестать ненавидеть ее (или его)”. Любовь и сострадание, которыми мы окружаем всё (включая нас самих), проявляются прежде всего как желание видеть вещи такими, каковы они есть, и позволить им стать такими, какими они могут стать. То, что на относительном уровне является неспособностью изменить мир в соответствии с нашими ожиданиями, на абсолютном уровне есть воля, которая по своей природе сострадательна.

В этом смысл ответа Дзёсю женщине, спросившей, как ей избежать Пяти Препятствий, которые воздвигнуты перед женщиной на пути к просветлению. Дзёсю ответил: “Молись о том, чтобы все живые существа переродились в раю, а ты навсегда погрузилась в океан страданий!” Интуитивно Дзёсю постиг, что этот мир — лучший из возможных миров, что Пять Препятствий — то же самое, что Пять Благоприятностей, что появление леди Макбет, Медеи, миссис Гэмп,

Клеопатры и других женщин неизбежно и даже желательно. Он постиг, что скрип насоса столь же необходим, как музыка сфер.

Обаку говорит более умозрительно. Если просветление — иллюзия, тогда иллюзия — просветление. Жалость беспощадна. Но Обаку выступает за безжалостную жалость или жалостливую безжалостность. Обаку пребывает в сферах за пределами парадокса, вне борьбы прогивоположностей. Он говорит о той сфере, где нет просветленного Будды и живых существ, ожидающих спасения. Вот что Обаку называет словами “великая любовь” и “великое сострадание”. Важным словом здесь является слово “великое”. Вот как Хакуин объясняет *Дай-ханья-сингё* (Великую Мудрость) с своим *Ханья Сингё Докуго*, или *Комментарии на Праджня-парамита-сутру*.

Это слово переводится с китайского как “великое”, но что оно в действительности означает? “Великое” в данном случае нельзя сравнивать с четырьмя уголками вселенной, с глубиной космоса. Многие ошибались, полагая, что слово “великое” подразумевает широту, или простой размер. Даже мудрец нуждается в удовлетворении жизненных потребностей, но он знает, как нужно их удовлетворять. Я скажу вам, что такое Великая Мудрость, но вначале покажите мне “малую” Мудрость!

Когда моя собака лает за дверью, я выпускаю ее. Это *дзихи* (сострадание). Но когда я выпускаю ее, зная, что это всего лишь собака, которая умрет и навеки утонет в Океане Страданий, это *дай-дзихи* (великое сострадание).

Если всё это кажется слишком гнетущим для амбициозных людей (под амбициозными здесь я понимаю тех, кто верит в прогрессивное развитие человечества), мы можем подумать о времени, обратившись к прошлому. Можно ли задним числом избавиться от безумия, садизма и вульгарности, которые имели место в прошлом? Можно ли устранить пытки и душевные мучения ни в чем не повинных людей в прошлом?

Мы, люди, не мертвы, а живы, и для нас всё живо. К настоящему и будущему, которых мы не знаем, не говоря уже о прошлом, которое мы знаем лишь немногим лучше, мы должны относиться не

просто с любовью и состраданием, а с великими любовью и состраданием.

— Что такое Путь? Как нам следовать религиозной практике? — спросил Хайкю.

— Что ты называешь Путем? Действительно ли ты хочешь следовать религиозной практике? — спросил Обаку.

Люди всегда поступают так, как Хайкю. Они спрашивают: “Верите ли вы в Бога?”, не думая о том, что такое “верить”, что такое Бог и что такое вы. Сам по себе Путь не существует без тех, кто идет по нему. Разве религиозные практики не дают пример изощренного мазохизма? Не лучше ли потворствовать другим нашим слабостям?

Обаку сказал собравшимся:

— Дух незабоченности лучше, чем сто различных видов знания. Лучше него нет ничего в мире. Подлинный стражник не обладает ничем. Ни один человек не отличается от остальных. Объяснить истину невозможно. Это всё. Пребудьте в покое!

Эта проповедь хороша, прежде всего своей длиной. Слова: “Познай себя!” превращаются в слова: “Верь, что познавать нечего!” Путь — это простое удовольствие ставить на землю одну ногу вслед за другой. Не существует просветленного и помраченного ума. Свет и тьма составляют один День. Ничто не подлежит объяснению. Когда мы начинаем говорить о чем-то, оно уже не похоже на то, каким оно является в нашем сознании, и кроме того, объяснение тоже следует объяснять. Когда это случается, — а это случается постоянно по всему миру в церкви, в аду и на философских диспутах, — “голодные овцы блеют, и никто их не накормит”.

Врага Обаку — это Ум, который не существует, а также люди, которые боятся войти в них, полагая, что погрузятся в небытие и останутся без памяти, без дела, без веры, без ничего. Этот страх имеет основания, потому что Обаку делает столь сильный акцент на абсолютном, что мы забываем, что относительное также содержится в абсолютном. Обаку занимает абсолютную позицию, которая годится для абсолютного мира, но не годится для абсолютно-относительного.

Слова “дзэн-буддизм” по смыслу сходны со словами “поэзия-на-ука”. Наша свобода в поэтическом мире отличается от свободы в мире науки. В первом мире мы творим, во втором — констатируем и соглашаемся. Добровольное согласие — тоже в некотором роде мастерство; овладеть им труднее, хотя оно распространено шире. Обаку полностью свободен от предрассудков. Он отрицает реальность *сарирь*, священных реликвий. В этом он противопоставляет дзэн буддизму и не желает иметь ничего общего с чудесами.

Глава 20 УЧЕНИКИ ОБАКУ

Бокусю — это растяпа, который (случайно) сломал ногу Уммону, после чего тот достиг просветления. До этого сам Бокусю достиг просветления у Обаку менее насильственными средствами. Бокусю жил в храме Рюкодзи, изготавливал соломенные сандалии и тайно выставлял их на дорогу. Позже об этом узнали и прозвали его Цзинь Обитель Тростниковые Сандалии. Он прославился также глубиной своих ответов, и поэтому позже его прозвали также Цзинь Обитель Понимания.

О Бокусю известно много историй. В них он часто без причины оскорбляет монахов. Создается впечатление, что он получал большее удовольствие от девятиноста девяти овец, которые были потеряны, чем от одной, которую удалось спасти.

Однажды Бокусю увидел монаха, раздававшего кунжутные булочки.

— **Что ты раздаешь?** — спросил Бокусю.

— **Кунжутные булочки.**

— **Банальный человек!**

Когда нам задают (дзэнский) вопрос о булочках, наш ответ должен иметь дзэнско-булочный привкус.

Однажды в храм пришел монах, который не знал Бокусю в лицо. Встретившись с мастером, монах спросил, где живет Цзинь Обитель Понимания. Бокусю снял сандалию и ударил монаха по голове. Монах нустился наутек. Бокусю позвал его:

— **Ваша светлость!**

Монах повернул голову.

— **Вот где он живет!** — сказал Бокусю, указывая на себя пальцем.

Здесь мы снова имеем дзэн и буддизм, причем дзэн идет первым. Когда нас не узнают, это неприятно, и поэтому Бокусю наказал монаха за недостаточную внимательность. Затем он раскаялся и простил монаху его оплошность. Сидни Смит дает пример подлинного дзэн, в котором дзэн и буддизм соединены.

Дорогая Георгиана,

Вы поступаете со мной нехорошо, когда не высылаете мне рецепт настойки из лимонных корочек. Я убежден, что выздоровел бы два дня назад, если бы Вы прислали его вовремя. Мой преждевременный уход из жизни будет всецело на Вашей совести.

— **Мы всегда одеваем одежду, снимаем одежду и принимаем пищу. Можно ли избежать этого?** — спросил монах.

— **Одевай одежду, снимай одежду, принимай пищу,** — ответил Бокусю.

— **Не понимаю,** — сказал монах.

— **Не понимать означает носить одежду и принимать пищу,** — последовал ответ.

Правду говорят, что, действуя механически, мы устаем — когда мы думаем об этом. Дыхание и сердцебиение не утомляют нас до смерти. Мы наслаждаемся всем, что делаем, сознательно или бессознательно. Поэтому не понимать означает (счастливо) носить одежду и (счастливо) принимать пищу. Если нам не чуждо (дзэнское) понимание, ношение одежды и прием пищи являются не-ношением и не-приемом, или, как говорит Бокусю, (дзэнским) избеганием ношения и приема, то есть ношением и приемом.

Однажды к Бокусю пришел талантливый человек.

— Какую судьбу навлекли на себя ваши предки? — спросил у него Бокусю.

— Я понимаю писания двадцати четырех мастеров.

Бокусю ударил посохом воздух и спросил:

— Вы понимаете, что я имею в виду?

Талантливый человек молчал.

— Вы говорите, что понимаете писания двадцати четырех мастеров, но не понимаете восьмеричный смысл иероглифа “вечность”, — сказал Бокусю.

Считается, что иероглиф “вечность” иллюстрирует восемь принципов написания иероглифов. Религия не может объяснить, почему бабочка сгорает в огне, зачем нужна смерть Христа (и что она дала тем, кто жил до него), почему килограмм яблок весит столько же, сколько два раза по полкилограмма. Если мы не можем объяснить поведение Бокусю, как мы можем понять природу человека или смысл жизни? Если мы понимаем, что такое маленький цветочек, мы знаем Бога и человека.

— Я стал монахом совсем недавно. Прошу вас, дайте мне наставления! — обратился к Бокусю монах.

— Ты новый монах?

— Да.

— Если ты не будешь противопоставлять себя другим, тебе нечего стыдиться.

— Не понимаю.

— Подойди ближе, и я объясню тебе.

Монах подошел.

— Пошел вон отсюда! — крикнул Бокусю.

Было бы ошибкой видеть в этом случае садистский эпизод сродни игры кошки с пойманной мышкой. “Не противопоставлять себя другим” означает уходить без озлобленности и сожаления, когда вам говорят уйти. Монах не должен подвергать Бокусю психоанализу, хотя этого ему никто не запрещал. Когда монах имеет дело с мастером, он должен относиться к нему, как к Богу, — так же, как Исаак относился к экзистенциальным проекциям своих религиозных ипитуций.

— Ваша светлость! — позвал Бокусю монаха, проходившего мимо.

Монах повернул голову.

— Мужик несет на плече бревно! — сказал Бокусю.

Человек с бревном на плече видит немного. В этом случае монах не увидел, что Бокусю — настоящий мастер, который приветствует его в дзэнском духе, и ответил ему как один попугай отвечает другому. Что он должен был делать? Нет ничего плохого в том, чтобы просто повернуть голову. Даже пройти, не обернувшись, — тоже в порядке вещей. Ни одно действие по сути не правильно и не неправильно. То же самое можно сказать и об этом самом утверждении. “Черника черная”, “черника не черная” — эти утверждения могут быть правильными и неправильными в соответствии с тем, как мы их понимаем. Кто решает? Бог. Я. Бокусю.

Монах постучался в дверь Бокусю со словами:

— Просветите меня! Наставьте меня!

— Заходи, у меня есть для тебя палка, — ответил Бокусю.

Не успел монах открыть дверь и задать вопрос, как Бокусю ударил его.

Когда мы делаем что-то, с нами что-то делают, — вот чему монах мог научиться в этом эпизоде и чему Бокусю желал его научить. Состояние, в котором мы что-то делаем, и состояние, в котором с нами что-то делают, — это жизнь. Когда мы относимся к жизни сознательно — это дзэн. Поэтому мы должны изменить слова Христа: “Стучите, и вам откроют” на: “Стучите, и по вас постучат”.

Бокусю сказал собравшимся монахам:

— Если вы еще не поняли до конца Великую Суть, вы словно присутствуете на похоронах своих родителей. Если вы уже поняли ее до конца, вы словно присутствуете на похоронах своих родителей.

Очень хорошие слова. В соответствии с буддизмом Будда вечно пребывает в обители блаженства. Боги покоят и гуляют на райских полях. Бог сотворил мир и нашел его благим. Но Христос был и остается человеком, которому не чужды печали. Бодхисаттва Каннон,

чтобы помочь нам, приходит в мир в обличье торговца рыбой. Прометей прикован к скале, и ястреб вечно терзает его печень.

— Понимание дзэнских патриархов отличается от учения сутр или нет? — спросил у Бокусю монах.

— Голубые горы сами по себе голубые горы; белые облака сами по себе белые облака.

Монах задал тот же вопрос Харё, ученику Уммона.

— Когда курице холодно, она взлетает на дерево; когда утке холодно, она ныряет в воду.

Сравнивая эти два ответа, видим, что Бокусю говорит о том, что мнения патриархов и учение сутр не совпадают и не различаются: их вообще не стоит сравнивать. Патриархи — одно, сутры — другое. Харё говорит, что и куры, и утки не любят холода (совпадение), но выбирают разные пути избежать его (различие).

— В чем тайное учение буддизма? — спросил монах у Бокусю.

— Не могу ответить.

— Почему?

— Потому что ты думаешь, а потом приходишь и задаешь вопрос.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — продолжал монах.

— Если мы учитель и ученик, почему бы тебе не подойти ближе?

Монах подошел.

— Когда я зову живущего к востоку от Сэцу вместе с ним приходит и живущий к западу от Сэцу. Что это значит? — спросил Бокусю.

— В чем сокровенное учение Сокзэя (Шестого патриарха)?

— Когда встретишь на улице мастера меча, дай ему меч; если это не поэт, не читай ему стихов.

Последняя реплика означает, что мы не должны говорить о дзэн, мы не должны рассуждать о сокровенном смысле буддизма или о смысле прихода Дарумы с Запада, если слушатель не знает этого смысла. Это абсурдно. Мы должны объяснять только тогда, когда это уже не нужно, и не должны объяснять тогда, когда это нужно. Хотя эти слова звучат парадоксально, именно это происходит каждый день в ходе наших разговоров.

— Прошу вас изложить великое учение буддизма, — попросил монах у Бокусю.

— Принеси мне это учение, и я изложу его для тебя.

— Пожалуйста!

— Когда мы сломали восточный забор, мы должны починить западный.

Бокусю желает сказать, что суть буддизма, то есть дзэн, состоит в видении другой части. Физический глаз видит одно, духовный глаз видит другое, истину постигают обоими глазами. Если забор на одной стороне сломан, значит, забор сломан со всех сторон. Если забор с другой стороны не сломан, значит, забор целый со всех сторон. Таков мир в зернышке песка и небеса в чашечке цветка.

— Можно ли выразить все одной фразой? — спросил монах у Бокусю.

— Я сижу в твоей котомке.

Эта история одновременно сложна и проста. “Я сижу в твоей котомке” — в этой фразе уже содержится всё. Кроме того, “я сижу в твоей котомке” означает, что я пребываю в вас, а вы во мне, как Сын пребывает в Отце, а верующие — во Христе. Всё говорится единой фразой. Бога видно в лице человека, который его любит.

У Бокусю, которого звали также Домё, был знаменитый ученик Тинсо, официальное имя которого — Сёсё. Видя, что к нему идет монах, Тинсо приглашал его к обеду, давал ему деньги, а затем делал вывод о его понимании. В молодости Тинсо встречался с Сифуку, который, увидев его, нарисовал круг.

— Я пришел к вам, а вы, не успев я подойти, рисуете круг.

Сифуку ушел в свою комнату.

Тинсо собирался нанести светский визит, а Сифуку хотел обсудить с ним самое важное в жизни. Что это? Ответ: круг. Что такое круг? Разумеется, это не символ чего-то. Круг каждый раз иной, но всё же это — круг. В этом я, вы и всё остальное похожи на круг. Обсуждать самое важное в жизни означает познавать его совместно. Познавать совместно — цель жизни, потому что, будучи кругом,

каждая вещь является частью большего круга, и поэтому обсуждать ее следует в самом широком контексте.

Однажды Тинсо угощал монаха, собственноручно подавая ему рис. Когда монах протянул руки, чтобы взять чашку из рук Синсо, тот отступил на шаг назад. Монах промолчал. Тинсо сказал:

— И я о том же!

Когда нам дают что-то, мы говорим: “Спасибо!” Когда нам отказывают в чем-то, мы говорим: “Спасибо!” Когда нас зовут, мы отвечаем. Когда нас не зовут, мы отвечаем. Когда мы поднимаем камень, он тяжелый. Когда мы не поднимаем его, он тяжелый. Бог — это Бог тяжести, а не легкости, ибо у него все вещи тяжелы.

В другой раз Тинсо тоже принимал у себя монаха и сам прислуживал ему. Придя к главному монаху, Тинсо сказал ему:

— Прошу тебя дать мне еду.

— Три добродетели, шесть вкусов, — ответил главный монах.

— Ошибка! — сказал Тинсо.

“Три добродетели” можно трактовать по-разному: мудрость, благожелательность и смелость; честность, решительная уступчивость и уступчивая решительность; добродетель, преданность родителям и небесная добродетель; гостеприимство, земная добродетель и восхваление добродетели. Возможно также, что речь идет о трех (буддистских) добродетелях: роли Будды-спасителя, отказе от мирских страстей и рациональных построений, непостижимой мудрости. “Шесть вкусов” указывают на шесть различных интерпретаций буддизма в соответствии с различными сутрами.

Главного монаха просят дать физическую пищу, а он предлагает духовную. Тинсо справедливо отказывается от нее. Материальная пища должна быть духовной, а духовная пища, материальной. Слова: “Не хлебом единым живет человек” ошибочны. Слова: “Человек живет (также) каждым словом, которое изрекают уста Господни” тоже не отражают истины. Мы не живем отчасти чем-то одним, а отчасти чем-то другим. Мы живем материально-духовным хлебом. В романе Д. Г. Лоуренса *Любовник леди Чаттерлей* изложено именно это учение, хотя сам автор не понял его до конца.

Тинсо наверняка был бы удивлен, если бы узнал, что его дзэн объясняют с помощью отношений мужчины и женщины, но факт остается фактом: любовь, как и дзэн, по сути психо-физическая, не отчасти телесная, а отчасти духовная, а совокупная, объединяющая тело и ум влюбленных. Возьмите чашку чая. Вы должны одновременно пить и ПИТЬ ее, ведь это одновременно чай и ЧАЙ, вы и ВЫ.

Однажды Тинсо поднялся вместе с чиновниками на верхний ярус башни. Один из чиновников увидел вдали приближающихся монахов и сказал:

— Монахи возвращаются с паломничества.

— Нет, — ответил Тинсо.

— Почему вы утверждаете, что это не так? — запротестовал другой чиновник.

— Пусть подойдут, и я спрошу у них.

Монахи приблизились к башне.

— Уважаемые господа! — обратился к ним Тинсо. Монахи подняли головы и посмотрели в его направлении.

— Что я вам говорил? — спросил Тинсо.

Этот эпизод можно использовать для того, чтобы показать, насколько различными могут быть прочтения дзэнских историй. Все эти прочтения будут дзэнскими, и различия между ними будут связаны с возможными интерпретациями одних и тех же емких китайских выражений. Ниогэн Сэндзакки объясняет эту историю следующим образом:

Тинсо, а также первый чиновник давно уже изучали дзэн, тогда как второй чиновник был новичком. Тинсо решил дать им дзэнское наставление и с этой целью разыграл всю эту сцену. Эпизод имел место в монастыре, а не в присутственном месте, и поэтому он имеет исключительно дзэнский смысл. Первый чиновник задал вопрос, находясь на уровне мыслящего разума, и тем самым заслужил порицания. Своим “нет” в начале диалога Тинсо преградил путь бесчисленному множеству рациональных выводов, которые присутствующие готовы были сделать об иллюзорной личности путников. Если бы я был на месте Тинсо, на второй вопрос я также ответил бы “нет”, но Тинсо проявил доброту и предложил:

“Позвольте мне испытать их”. Когда монахи оглянулись на его оклик, второй чиновник подумал: “Ну вот, разве это не паломники?” Чтобы поставить его в тупик и не дать ему больше мыслить подобным образом, Тинсо сказал: “Что я вам говорил?” (Железная флейта, LXLX)

Основная идея прочтения истории Ниогэном Сэндзаки содержится в словах: “И поэтому эпизод имеет исключительно дзэнский смысл”. Ниогэн видит дзэн в том, что Тинсо отрицает очевидный факт. В таком поведении Тинсо, конечно же, нет ничего предосудительного, но с чиновниками следовало бы обращаться полегче. Можно было пробудить в них “дух удивления” каким-то другим способом.

Я понимаю эту историю следующим образом. Тинсо посмотрел в том направлении, в каком указывал первый чиновник, и увидел группу монахов. По тому, как они шли, Тинсо даже на расстоянии понял, что они далеки от просветления. Он проверил свою догадку, вежливо окликнув их. Подлинные монахи не отозвались бы на такой оклик, но путники, все как один, подняли вверх лица, на которых было написано невежество. Даже чиновник увидел, что в них нет внутренней силы и уверенности в себе. Просветление наделяет человека даром распознавания, кто просветлен, а кто нет, подобно тому как любовь к животным (которая во многом сродни просветлению) позволяет нам видеть, кто действительно понимает и любит животных, а кто только притворяется.

Усэки, ещё один ученик Обаку, получил свое имя от горы Усэки, что означает Вороний Камень. Это был человек странного нрава, который вел уединенную жизнь и редко принимал посетителей. У него был единственный ученик-мирянин, приносивший еду один раз в день. Однако и Сэппо, и Содзан навещали Усэки.

- Что такое Будда? — спросил монах у Усэки.
- Усэки показал язык. Монах поклонился.
- Почему ты поклонился? — спросил Усэки.
- Вы показали мне язык, и я поблагодарил вас за это.
- Недавно у меня на языке образовался нарыв.

Учить кого-то — ужасное занятие. Мы всегда проповедуем для язычников, пытаюсь выразить невыразимое, как это было в случае Усэки, или проповедуем перед уже обращенными, что заставляет нас чувствовать себя глупцами. Что такое этот нарыв на языке? Бывает два типа нарывов, которые соответствуют двум разновидностям проповеди. Когда мы пытаемся научить тому, что невозможно преподать, мы сами теряем веру. Когда мы начинаем учить обращенных, мы чувствуем себя — глупее не бывает. Следующая история является вариацией на ту же тему.

— Кто учитель Будды Вайроканы (Лика Божьего)? Кто хозяин Дхармакан (Абсолюта)? — спросил монах у Усэки.

— Не скажу!

— Почему?

— Если скажу, язык усохнет; если не скажу, потеряю дар речи.

Монах отправился к Тодзану и пересказал ему этот диалог. Тодзан рассмеялся *дзагу*, поклонился на ней и молвил:

— Воистину древний Будда!

Обратите внимание на то, что первые слова: “Не скажу!” — не абсолютный ответ и не относительный, а абсолютно-относительный или относительно-абсолютный. Такой ответ выше слов и безмолвия.

Однажды монах пришел к Усэки, когда тот готовил лапшу. Усэки показал ему лапшу. Монах ушел. В этот вечер Усэки спросил главного монаха, где этот новичок. Главный монах сказал, что он сразу же ушел из храма.

— Что касается получения, то он получил, но беда в том, что получил он всего лишь кусок дерева, — сказал Усэки.

Если бы монах был подлинно просветленным, он бы что-нибудь ответил. Простой уход был слишком отрицательным ответом, даже если монах (решил, что) понял смысл поведения Усэки.

Однажды Усэки спросил Ана из Сэйина:

— Что можно сделать из этого куска глины?

— Бесформенного Будду!

— Ты испортил бы такой прекрасный кусок глины!

Ан мыслит, как мистик, но Усэки думает об обычной глине и не желает, чтобы ее подлинную природу скрывали художественные или религиозные мотивы. Как правильно ответить на вопрос Усэки? Наверное, следовало бы поклониться глине за то, что глина — это глина и ничто иное.

Глава 21 РИНЦЗАЙ

Риндзай родился в начале IX века. Он был очень осторожным ребенком и хорошим сыном, но всегда желал убежать от родителей. Он стал монахом в юности, изучал сутры, а позже жил в монастыре мастера Обаку.

Однажды Цзинь Обитель Понимания, то есть Бокусю, спросил у Риндзая, как долго тот пробыл у Обаку, и Риндзай ответил ему, что пробыл у Обаку три года. Бокусю спросил у него, обращался ли он с вопросами к мастеру, и тот ответил, что не обращался. Тогда Бокусю сказал ему:

— Пойди к Обаку и спроси у него: “В чем великий смысл буддизма?”

Три раза Риндзай приходил к Обаку и три раза получал удар палкой, не успевая даже выговорить до конца вопрос. Риндзай решил, что не сможет достичь просветления в этой жизни и что ему будет лучше уйти из монастыря, но Обаку, когда узнал об этом, посоветовал ему повидать Дайгу (ученика Кису, который был учеником Басо). Дайгу спросил у Риндзая, откуда тот пришел.

— От Обаку, — ответил Риндзай.

— Что Обаку сказал тебе? — спросил Дайгу.

Риндзай рассказал ему о том, как три раза приходил к Обаку с вопросом о великом смысле буддизма и все три раза был бит.

— Не знаю, была ли в том моя ошибка, — добавил Риндзай.

— Обаку был очень добр с тобой, забывая о своем высоком положении, а ты еще сомневался в том, что это была твоя ошибка! — сказал Дайгу.

Услышав эти слова, Риндзай пережил просветление и воскликнул:

— В буддизме Обаку нет ничего особенного!

Дайгу схватил его за грудки и спросил:

— Маленький дьявол! Только что ты сказал мне, что не знаешь, прав ты или нет, а сейчас ты говоришь, что в буддизме Обаку нет ничего особенного. Что ты только что постиг? Говори!

Риндзай ударил Дайгу три раза по ребрам. Дайгу отпустил его и сказал:

— Мне с тобой больше нечего делать. Твой учитель — Обаку!

Риндзай попрощался с Дайгу и вернулся к Обаку, который встретил его словами:

— Вот идет тот, кто не находит себе места!

— Всё из-за вашей доброты ко мне! — сказал Риндзай.

— Что тебе сказал Дайгу? — спросил Обаку.

Риндзай рассказал ему о встрече с Дайгу.

— Пусть только Дайгу сюда придет! Он получил от меня щелчок по носу! — воскликнул Обаку.

— Зачем ждать? Почему бы не дать ему щелчок прямо сейчас? — воскликнул Риндзай и ударил Обаку.

— Сумасшедший дергает за усы тигра! — закричал Обаку.

Риндзай закричал: “Катц!”, и тогда Обаку обратился к прислужнику:

— Отведи этого сумасшедшего в зал для медитации!

Как и в случае Шестого патриарха, просветление Риндзая излагается драматично. Чтобы подчеркнуть, как сильно Риндзай изменился после просветления, в истории ничего не говорится о том, каково было его понимание дзэн до этого. То, что Обаку три раза бил Риндзая, когда тот задавал ему свой (бессмысленный) вопрос, физически подтверждает то, что мы не должны ходить перед вселенной с протянутой рукой и просить ее ответить на наши надуманные вопросы. Мы — сыны Божьи. Вещи — наши братья и сестры. Св. Франциск

знал это. Мы не должны спрашивать у Брата Огня, почему он жжет-ся. Мы должны просить его сварить рис.

Достигнув просветления и получив подтверждение у Обаку, Риндзай посетил Исана и Токусана, а затем поселился в маленькой хижи-не у реки Кода и преподавал дзэн. В 864 году, велев своим ученикам не помрачать Глаз Закона, Риндзай умер в сидячем положении. Чис-ло его просветленных учеников достигло двадцати двух; из них самы-ми знаменитыми являются Канкэй Сикан, Кокэ Дзонсё и Сансё Энэн.

Однажды Маёку посетил Риндзай. Разостлав перед Риндзаем подстилку для сидения, Маёку сказал:

— Из двенадцати лиц бодхисаттвы Каннона какое самое под-линное?

Риндзай спустился с помоста, взял одной рукой Маёку, другой его подстилку и сказал:

— Куда ушел двенадцатилкикий бодхисаттва?

Маёку попытался сесть на место Риндзая. Риндзай ударил его палкой. Маёку ухватился за палку. Вместе, держась за палку, они ушли в комнату Риндзая.

Эта психо-физическая борьба напоминает поединок Якоба с ан-гелом. Подлинное Лицо — это реальность, лежащая в основе види-мостей. Мы должны избавиться от всех двенадцати лиц бодхисаттвы, чтобы узреть его подлинное лицо. Полубоги должны уйти, чтобы боги пришли. Но бороться с реальностью не имеет смысла, а полу-боги — это тоже боги. Последняя сцена, Риндзай и Маёку, которые вдвоем уходят со сцены, держась за палку, — образец того, как каж-дый из нас должен вести себя со вселенной.

Прислужник О вместе с Риндзаем зашел в зал для медитации.

— Монахи читают сутры? — спросил О.

— Только не они! — ответил Риндзай.

— Монахи изучают дзэн? — спросил О.

— Они готовятся стать буддами и патриархами.

— Золотая пыль стоит дорого, но глаз — вещь тонкая.

— А я думал, что ты посредственный человек! — воскликнул Риндзай.

Выражение “золотая пыль” перекликается со словами “готовятся стать буддами и патриархами”. “Нет — сутрам! Нет — дзэн!” — это нормально, глаз при этом не пострадает. Но когда появляются амби-ции быть кем-то или стать кем-то, учиться и учить, утонченная пси-хическая анатомия человека оказывается поврежденной.

Риндзай сказал, обращаясь к избранной аудитории:

— Иногда я устраняю человека, а не вещь; иногда вещь, а не человека; иногда и человека, и вещь; а иногда не человека и не вещь.

Мы должны освободиться от эго, объекта, единства эго и объек-та, и пустоты.

— Что означает устранить человека, а не вещь? — спросил Ко-куфу, выйдя вперед.

— Когда солнце сияет, земля покрыта парчой; волосы младенца свисают до земли, белье, как шелк, — ответил Риндзай.

Младенчество младенца устранено, он становится седовласым старцем; цветы в поле остаются неизменными.

— Что можно сказать об устранении вещи, а не человека?

— Приказу императора внемлет вся страна; в дыму сражения главнокомандующий оставляет крепость.

Здесь битва наверняка является “вещью”, а император, который вездесущ и всемогущ, “человеком”.

— Что можно сказать, когда нет ни вещи, ни человека?

— Когда отношения разорваны, мы действительно одиноки.

Одиноки, полностью одиноки, даже широкое море не нужно, что-бы отделить нас от близких нам людей.

— Что можно сказать, когда ни вещь, ни человек не устранены?

— Император восходит на роскошный престол; в стране звучат древние народные песни.

Кажется, здесь описан земной рай, каким его видит Риндзай, но смысл этих слов в том, что мы не должны привязываться к человеку или вещи. Мы не должны привязываться даже к непривязанности.

Это не очень интересно. Трудно вообразить себя, чтобы кто-то достиг просветления, читая эти строки. Они показывают, как дзэн, если он замыкается на себе, начинает бегать ко кругу, словно мышь в клетке. Японцы были достаточно пронизательными, когда применили дзэн к чайной церемонии, драме и так далее. Изложенные принципы известны также как “четыре отношения” Риндзая.

Риндзай, став учителем, использовал в учебных целях крики и удары. Обычно свой разговор с монахом, который входил к нему, он начинал с окрика: “Катц!” Использование ударов уже объяснялось ранее. Они не были средством к просветлению. Они не были сочетанием садизма учителя и мазохизма ученика. Учитель учит тому, чему его учит вселенная. И учитель, и вселенная учат с помощью ударов. Чему вселенная желает научить? Она желает научить нас тому, чему она нас учит.

Объяснить “Катц!” трудно. Существует опасность неправильно понимания. “Катц!” — это боевой клич, но схватка напоминает поединок теней. Вселенная кричит на нас, мы кричим на нее. Мы кричим на вселенную, эхо возвращается к нам, и мы его слышим. Но этот крик и звучание эхо происходит постоянно; в духовном мире они звучат одновременно. Поэтому восклицание: “Катц!” ничего не выражает. У него нет отдельного звучания. Это чистая энергия без причины и следствия, без закономерности и объяснения.

— Откуда ты пришел? — спросил Риндзай у монаха.

Монах крикнул: “Катц!” Риндзай ударил его, но тут же поклонился и сел. Монах собирался заговорить, но Риндзай опять ударил его. Подошел еще один монах. Риндзай поднял *хоссы*. Монах поклонился. Риндзай ударил его. Показался еще один монах. Риндзай поднял *хоссы*. Монах не обратил внимания. Риндзай ударил его.

В этих ударах есть монотонность, которая напоминает нам Природу. Воля определяет всё. Есть воля на то, чтобы бить; есть воля на то, чтобы миловать. Когда в одном человеке встречаются обе эти воли, его действия безупречны.

Риндзай использовал “Катц!” в соответствии со способностями и потенциальными возможностями монаха. Монахи из числа его приближенных изучали “Катц!” Однажды Риндзай просил у них:

— Вы изучаете “Катц!” Позвольте задать вам вопрос. Предположим, монах восточного крыла (где живут обычные монахи) и монах западного крыла (где живут посетители) встречаются и одновременно выкрикивают: “Катц!” Можете ли вы отличить, кто хозяин, а кто гость? Если можете, значит, вы изучили мое “Катц!” до конца.

На самом деле “знать” означает знать, что вы знаете, а также знать, что вы знаете то, что вы знаете, а также знать, что те, которые не знают, не знают. Ваше знание можно проверить вашей способностью различать между теми, кто знают, и теми, кто только притворяются, что знают, а на самом деле обманывают себя.

Риндзай сказал монахам:

— Иногда восклицание: “Катц!” подобно драгоценному мечу Царя Ваджра; иногда оно подобно златогривому льву, который во весь рост растянулся на земле; иногда оно подобно тети барабанной палочки на песке, а иногда это не восклицание вообще. Как вы понимаете это?

Монахи не ответили. Риндзай выкрикнул: “Катц!”

Какое из четырех восклицаний выкрикнул Риндзай в конце случая? Первое уничтожает все эмоциональные и интеллектуальные различия, все фразы типа: “Мне бы не хотелось...” или: “Я бы предпочел...” Второе подобно царю зверей в том, как одолевает все остальные восклицания. Оно напоминает строки: “Я — судьбы своей хозяин, капитан своей души”. Третье направлено к другому человеку, чтобы испытать его понимание дзэн. Четвертое — самое трудное и загадочное. Оно не поддается анализу, поскольку является чем-то окончательным. У него нет цели и смысла. Пример такого “Катц!” дает Д. Г. Лоуренс, когда говорит о крике черепахи во время брачных игр. Восклицание Риндзая в конце истории, мне кажется, относится к первому типу.

В середине периода летних заятий Риндзай пришел на гору Обаку и застал старого мастера читающим сутру.

— Раньше я считал, что Обаку совершенный человек, а теперь я вижу, что это лишь старый подслеповатый монах, — сказал Риндзай.

Обаку ничего не ответил. Риндзай провел у него несколько дней, а затем зашел проститься.

— Прийдя сюда в период летних занятий, ты нарушил устав монастыря. Почему бы тебе не уйти, когда занятия кончатся? — спросил Обаку.

— Я пришел засвидетельствовать вам свое почтение, только и всего, — ответил Риндзай.

Обаку выгнал его палкой. Риндзай прошел несколько миль, обдумывая случившееся, а затем вернулся к Обаку и оставался у него до конца летнего периода занятий.

Эта история интересна тем, что показывает, что просветленного мастера, в данном случае Риндзая, всё еще можно кое-чему научить. Чтобы прекратить мыслить, то есть достичь просветления, мы должны мыслить. Когда же мы просветлены, мы должны даже больше, чтобы, как в этом случае, быть не только эксцентричным и своевольным, но и подчиняться тем (необязательным) правилам, которые общество считает обязательными.

— Куда ты направляешься? — спросил Обаку у Риндзая, когда тот пришел к нему проститься.

— Если не к югу, то к северу от реки.

Обаку ударил его. Риндзай перехватил палку и ударил Обаку. Обаку неистово захохотал, а затем позвал прислужника и велел ему принести *дзубан** и *хоссы*, которые принадлежали Хякудзё (чтобы вручить их Риндзаю). Риндзай велел прислужнику принести огоньку (чтобы поджечь это все).

— Когда-нибудь ты заставишь умолкнуть все болтливые языки под небесами! — сказал Обаку Риндзаю.

Подобные рассказы внушают нам по отношению к Риндзаю чувства, о которых доктор Джонсон сказал: “Я бы расцеловал его!” Слова Риндзая: “Если не южнее реки, то севернее реки” напоминают нам

* Палка шириной около пяти сантиметров и длиной около сорока, используемая по-разному во время медитации; иногда ее подставляют под подбородок, иногда кладут на колени, чтобы поставить на нее локти, а иногда подпирают спину.

школьную шутку: “Веллингтон был великим генералом, который перед битвой при Ватерлоо решил если не победить, то потерпеть поражение”. Риндзай похож на Бога в том, что ему не за что воздавать, его незачем хвалить (как глупо звучат некоторые Псалмы при всей их поэтичности!)

Однажды Риндзай, собирая милостыню, подошел к богатому дому.

— Подайте сегодня на одну чашку больше, чем обычно! — сказал Риндзай.

— Какой бесцеремонный монах! — воскликнула старуха, открывшая дверь.

— Я не вижу никакой пищи. Откуда бесцеремонность? — удивился Риндзай.

Старуха захлопнул дверь у него перед носом.

Риндзай попросил больше, чем обычно, чтобы испытать хозяйку дома. Своей репликой старуха, зная толк в дзэн, отразила его атаку. Тогда Риндзай придает духовное звучание происходящему, подобно Христу, стоящему у колодца. Однако старуха видит, что Риндзай слишком силен, и решает уйти от поединка. Иудейка у колодца была буддисткой. Старая китайка — нет.

Риндзая пригласили на обед в армейском подразделении. Увидев у ворот часового, Риндзай указал на столб и спросил:

— Этот столб обычный или священный?

Часовой ничего не ответил.

Риндзай постучал по столбу и сказал:

— Что бы вы ни ответили, это лишь кусок дерева.

Интересно, что Риндзай делал в военной части? Можно предположить, что, придя туда по доброте душевной, он решил научить чему-нибудь часового на входе. Отсутствие ответа свидетельствует о том, что для часового столб — не обычный и не священный, а просто пустое место. Кстати, следует отметить, что любой японский солдат до 1945 года сказал бы, что столб священный. Что бы Риндзай ответил на это?

— Где ты был? — спросил Риндзай у главного монаха.

— Продавал желтый рис в городе.

— Ты продал весь рис?

— Да.

Риндзай нарисовал посохом линию на земле и спросил:

— Можешь ли ты продать это?

Главный монах воскликнул: “Катц!”. Риндзай ударил его. Через некоторое время пришел монах *тэндзо*. Риндзай пересказал ему этот случай.

— Главный монах не понял, — ответил *тэндзо*.

— Как бы ответил ты? — спросил Риндзай.

Тэндзо поклонился. Риндзай ударил его.

Эта история напоминает мещанскую шутку. Женщина с мужем заходят в лавку мясника и женщина просит продать ей фунт мяса. “Говори, что тебе нужна говядина, а не мясо, дорогая”, — подсказывает муж. “Сами не знают, чего хотят”, — подумал посторонний. В данном случае мы подобны постороннему. Риндзай продает не мясо, а говядину. И “Катц!” главного монаха, и поклон *тэндзо* слишком подражательны, слишком заурядны, слишком безжизненны в качестве ответа на жизненно важную проблему: “Можно ли продать линию?” Продать рис, продать душу, как это сделал Фауст, — это лишком банально. Мы должны уметь продать всё, что угодно, даже то, что не продается. Только так мы сможем приобрести драгоценный самоцвет.

Однажды Обаку зашел в трапезную и просил у главного повара, что тот делает.

— Перебираю рис, — ответил тот.

— Сколько риса монахи съедают за день?

— Девять ведер.

— Не много ли будет?

— Боюсь, что будет мало.

Обаку ударил повара. Позже Обаку рассказал о случившемся Риндзаю.

— Я испытаю этого малого для вас! — сказал Риндзай.

Вернувшись, Риндзай сказал:

— Повар ответил неправильно. Но давайте разберем этот случай. Как бы вы ответили на вопрос: “Не много ли будет?”

— Если это много, можно доесть остатки завтра, — сказал Обаку.

— Не говорите о завтрашнем дне! Говорите о сегодняшнем! — воскликнул Риндзай и ударил Обаку.

— Этот безумец снова прицепился ко мне! Он пришел, чтобы тянуть тигра за усы! — возмутился Обаку.

Риндзай крикнул: “Катц!” и ушел.

Обаку пытался поведать главному повару, что количество риса не только относительно, но и абсолютно. Каждое количество либо слишком велико, либо слишком мало — и в то же время каждое количество — это как раз сколько надо. Когда Риндзай задал Обаку тот же абсолютный вопрос: “Не много ли будет?”, Обаку с иронией ответил ему относительно: “Если это много, можно доесть рис завтра”. Но Риндзай на мякине не поведешь, и он сразу же утверждает абсолютность времени. Он говорит, что прием пищи происходит вне времени, и поэтому съесть что-то сегодня и завтра — это одно и то же.

Риндзай шел к Хорину и встретил по дороге старуху. Она спросила у Риндзая, куда он идет.

— В гости к Хорину, — ответил Риндзай.

— Возможно, тебе не удастся его увидеть?

— Куда он ушел?

Старуха ничего не ответила и пошла прочь. Риндзай позвал ее. Она оглянулась. “Не факт, что Хорина нет дома”, — подумал Риндзай.

Старухи в древнем Китае, кажется, занимались тем, что дурачили дзэнских монахов во время путешествия. В этой истории старуха желает сказать, что во время диалога с Хорином Риндзай проиграет. Но Риндзай увидел ее уловку и разоблачает ее, окликнув ее. В *Странствии пилигрима* говорится, что если человек оглядывается, у него недостает веры.

Однажды Дзёсю, путешествуя, зашел в монастырь Риндзая. Дзёсю мыл ноги, когда Риндзай спросил у него:

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада?

— Я мою ноги! — ответил Дзёсю.

Риндзай подошел ближе, делая вид, что не расслышал.

— Понимай, как хочешь! Нечего говорить мне комплименты!
— воскликнул Дзёсю.

Риндзай вышел. Дзёсю сказал (обращаясь к себе):

— Я путешествую уже тридцать лет, но сегодня впервые совершил ошибку и дал объяснение.

Дзёсю говорит: “Меня так просто не проведешь”, а затем добавляет: “Это все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром”. Следует отметить также, что безмолвный уход Риндзая в свою комнату не был признанием поражения, и Дзёсю знал об этом.

Однажды Риндзай встретился с Мёкэ, который сказал ему:

— Какая польза в том, чтобы ты приходишь и уходишь?

— Я лишь напрасно ступаю соломенные сандалии, — ответил Риндзай.

— Какой из этого можно сделать вывод? — спросил Мёкэ.

— Даже ты, старый разбойник, меня не понимаешь! — воскликнул Риндзай.

Оскар Уайльд говорит, что любое искусство бесполезно. Дзэн — это искусство, искусство жизни. “О поцелуи, печати любви, вы поставлены напрасно!” (Шекспир) Это так, но, как (едва не) сказал другой, более поздний поэт: “Лучше целовать и проклонать, чем никогда не целовать напрасно”.

Однажды Риндзай взял в руки рисовый пирожок, показал его Ракухо, ученику Кассана, и сказал:

— Десять тысяч вещей, тысяча разных типов вещей отличаются от этого пирога, и всё же имеет место единство.

— В чем это единство, эта не-двойственность? — спросил Ракухо.

Риндзай поднял пирожок и показал ему.

— Пирожок принадлежит к десяти тысячам вещей, к тысяче разных типов вещей, — сказал Ракухо.

— Плохое объяснение!

— Ракан смотрится в зеркало, — сказал Ракухо.

В данной истории Ракухо следует признать победителем, поскольку его слова более человечны. Риндзай говорит, подобно Герцогу из шекспировской драмы *Мера за меру*: “Будь за пирожок абсолютно!” Ракухо говорит, что пирожок имеет также относительное существование. Риндзай говорит: “Ты смотришь на него слишком материалистично”. Ракухо отвечает не ударяясь в противоположную крайность: “В этом я беру пример с Природы. Ничего нельзя увидеть там, где глаз всматривается в глаз”.

Риндзай посетил ступу Юдзи, где, как гласит предание, похоронен Дарума. Служитель спросил у Риндзая:

— Ты вначале делаешь поклон Будде или Даруме?

— Я не поклоняюсь никому.

— Почему ты враждуешь с ними?

Риндзай встряхнул рукавами и вышел.

Когда Риндзай говорит, что не поклоняется никому, он желает сказать, что не поклоняется Будде больше, чем Даруме. Риндзай не поклоняется вселенной или Истине. Он не поклоняется даже Баху и Басё. Он не поклоняется вообще, равно как вселенная не поклоняется ему. Следует отметить, что служитель ступы соответствует занимаемой должности; он туп.

Риндзай слышал, как Токусан говорил монахам: “Если вы не можете говорить, тридцать ударов; если можете, те же самые тридцать ударов”, и послал своего прислужника спросить у Токусана: “Почему вы даете монаху тридцать ударов даже в том случае, когда он может говорить (дзэнские слова)?” Риндзай предупредил посылного, что Токусан ударит его за такой вопрос, но при этом нужно не теряться, ухватиться за палку Токусана, толкнуть его и посмотреть, что из этого выйдет.

Прислужник сделал так, как ему велели, и Токусан ушел в свою комнату, закрыв за собой дверь. Прислужник вернулся к Риндзаю и рассказал ему о случившемся.

— До сих пор я сомневался в старом приятеле, но теперь все мои сомнения развеялись. А ты понял Токусана? — спросил Риндзай.

Прислужник не знал, что ответить, и Риндзай ударил его.

Что удовлетворило Риндзая в поведении Токусана? Может быть то, что Токусан с готовностью подчинился действиям прислужника, но все же инстинктивно почувствовал в них что-то неправильное, неестественное и поэтому ушел в комнату без комментариев и поучений. В пользу этой трактовки свидетельствует также неуверенность прислужника, за которую Риндзай ударил его.

Риндзай пришел повидаться с Хорином.

— Можно задать вам вопрос? — спросил Хорин.

— Зачем ранить здоровое тело? — ответил Риндзай.

— Толщу морской воды пронизывает лунный свет, ясный и без тени, но глупые рыбы обманывают себя, — сказал Хорин.

Природа, человеческая природа, природа Будды никогда не обманывает нас.

— Если лунный свет ясный и без тени, как рыбы могут обманывать себя? — спросил Риндзай.

Если изначально ошибок нет, как люди могут обмануться?

— Волны поднимаются, когда дует ветер; переливаясь на фоне воды, полощется грубый парус, — сказал Хорин.

Причина ошибки в самом движении. Изменение ошибочно, сотворение мира ошибочно. Вещи ошибаются.

— Лягушка ярко сияет в лунном свете, реки и горы пребывают в покое; длинный вздох ветра — голос осени на земле и на небе, — сказал Риндзай.

В своем первозданном облике вещи пребывают в совершенной гармонии (хотя, возможно, и не в гармонии с нашими идеями о том, какими они должны быть).

— Хотя ты умело размахиваешь языком, описывая вселенскую гармонию, скажи хотя бы одно уместное слово! — сказал Хорин.

Объяснить природу вещей легко; быть совершенным в каждой конкретной ситуации трудно.

— Когда встречаешь мастера фехтования, покажи ему свой меч; не читай стихов тому, кто не разбирается в поэзии, — сказал Риндзай.

Этот обмен двустигшиями больше похож на литературу, чем на дзэн, хотя и выдает естественное тяготение дзэн к поэзии и естественное тяготение поэзии к дзэн. Сближение дзэн и поэзии очень важно. Перефразируя последнее двустигшие Риндзая, получим:

Когда говоришь о дзэн, говори поэтично;

Не критикуй поэзии, пока не познал дзэн.

Риндзай пришел к Андзану, ученику Унгана.

— Что такое белая корова на росистой лужайке? — спросил Риндзай.

— Му! Му! — ответил Андзан.

— Немой!

— Что можно сказать о вас?

— Животное!

“Росистая лужайка” означает естественное состояние бытия вне двойственности и действия без причины и следствия. “Белая корова” — это жизнь в целостном сознании и непривязанности к мыслям и чувствам. Своим мычанием Андзан возвращает разговор на землю. Риндзай с насмешкой спрашивает у него: “Можешь ли ты делать что-то еще, кроме мычания?” “Как насчет вас?” — спрашивает Андзан. “Я могу не только мычать. Я могу называть тебя коровой!” — отвечает Риндзай. Здесь мы видим, как Риндзай повторяет то, что почти через тысячу лет скажут британские поэты Герберт и Возн, которые утверждали, что природный мир камней и деревьев выше, то есть ближе к дзэн, чем мир людей.

Однажды, когда Риндзай гостил у Обаку, они сажали деревья.

— Зачем ты сажаешь столько деревьев далеко в горах? — спросил Обаку.

— Во-первых, чтобы улучшить вид из ворот храма. Во-вторых, чтобы быть образцом и наставником для грядущих поколений. — Закончив говорить, Риндзай ударил по земле лопатой и воскликнул: “Фью!”

— Благодаря тебе настанет эра процветания дзэн! — сказал Обаку.

Эта история воспринимается с облегчением после бесконечных ругательств и побоев. Риндзай заслужил похвалу.

Смерть Риндзая была достойной этого человека. При смерти он сказал монахам:

— Когда я уйду, не разрушайте сокровищницу Подлинного Глаза Закона.

— Разве у нас хватит смелости ее разрушить? — спросил Сансё.

— Если в будущем кто-то спросит вас о ней, что вы ответите? — поинтересовался Риндзай.

Сансё выкрикнул: “Кацц!”

— Слепой ослик не может разрушить ее! — сказал Риндзай.

После этого он погрузился в медитацию и умер.

Риндзаю недостает человеческого тепла (это справедливо в отношении секты Риндзай вообще), однако, по ясности и независимости ума немногие дзэнские мастера превосходят его.

Глава 22

УЧЕНИКИ РИНДЗАЯ

Двадцать два ученика Риндзая были просветлены. До нас дошли сведения о шестнадцати, но знаменитыми среди них можно назвать еще меньше.

Сансё, по-видимому, был главным учеником Риндзая. На смертном одре именно ему Риндзай передал свой Подлинный Глаз Закона. Впоследствии Сансё посещал Кёдзана, Кёгэна, Токусана и других мастеров. Проповедуя “Евангелие от Риндзая”, он жил в храме Сансё, от которого и получил свое имя. У него было несколько учеников

и среди них Суйрики и Дайхи, но со временем эта линия передачи оборвалась.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах у Сансё.

— Гниющее мясо привлекает мух.

Монах рассказал об этом Кокэ, другому ученику Риндзая.

— Я бы так не сказал, — заметил Кокэ.

— В чем же смысл прихода Дарумы с Запада?

— На тушедохлого осла полно навозных мух.

Кокэ, принадлежащий к прямой линии передачи секты Риндзай, сбивает монаха с толку тем, что вначале говорит, что Сансё был неправ, а затем повторяет его высказывание своими словами. А отличается от В, С отличается от В, но С равняется А. Именно это мы должны проглотить в теории, а затем осуществить на практике. Точнее, именно это мы произвольно делаем каждый день, но должны делать сознательно и преднамеренно.

— Когда приходит посетитель, я выхожу ему навстречу. Если я выхожу, я делаю это не ради него, — сказал Сансё.

— Когда приходит посетитель, я не выхожу ему навстречу. Если же я выхожу, я делают это ради него, — сказал Кокэ.

В этой истории дзэн демонстрирует правильное отношение. Мы должны действовать во имя действия *и* во имя других людей, подобно тому как каждая вещь существует для себя и для других вещей. “Маленький цветок — творение столетий”. (Блейк)

— Откуда ты пришел? — спросил Сансё у монаха.

Монах выкрикнул: “Катцц!” Сансё выкрикнул: “Катцц!” Монах снова выкрикнул: “Катцц!” Сансё снова выкрикнул: “Катцц!”

— Если вы слепо ударите меня, я буду говорить: “Катцц!” — сказал монах.

Сансё поднял свой посох. Монах приготовился получить удар.

— Спускаясь вниз по склону, так и хочется бежать! — сказал Сансё и ударил монаха.

— Разбойник! — воскликнул монах и ушел прочь.

— Почему этот монах вел себя так? — спросил другой монах.

— Сразу видно, что он виделся со старым учителем, — ответил Сансё.

“Старый учитель” — это Риндзай, общаясь с которым монах овладел всеми тонкостями ремесла. Это неизбежно. Подобные тенденции усиливались многие столетия вплоть до настоящего времени, когда мы имеем “мгновенный дзэн”.

Кокэ был соучеником Сансё. Кокэ выполнял обязанности главного монаха в нескольких храмах, посещал Унго и Риндзая, у которого стал прислужником. Кокэ умер в 925 году.

В качестве поощрения за учительство Кокэ получил в дар от императора лошадь. Кокэ сел на лошадь, но по дороге упал и сломал ногу. Вернувшись в храм, он велел главному монаху сделать для себя костыли. Идя по коридору на костылях, он спросил у монаха:

— Ты меня знаешь?

— Как вас не знать, мастер! — ответил монах.

— Проповедник Закона допроповедовался до того, что теперь не может ходить, — сказал Кокэ.

Дзэн этой истории в невозмутимости мастера. Ему не приходят в голову мысли: “Угораздило же меня сесть на эту лошадь!” или: “Каким же дураком меня, должно быть, считают монахи, которые видят, как я ковыляю по коридору на костылях!”

— О чем вы будете говорить перед Ступой Многих Детей? — спросил у Кокэ монах.

— Я один раз совру, и десять тысяч подтвердят, что это истина.

Жил да был богатый человек, у которого было тридцать сыновей и дочерей. Однажды, гуляя в лесу и наблюдая за тем, как дровосек валит деревья, богатый человек достиг просветления, став пратьятека-буддой. После его смерти тридцать потомков и другие верующие построили часовню, которую стали называть Ступой Многих Детей. В дзэнских писаниях говорится, что когда Будда передавал Махакашьяе Закон, он велел ему сесть перед этой ступой. Монах спросил у

Кокэ, что можно сказать, когда находишься перед этим прославленным памятником. Кокэ ответил: “Знающие не говорят, говорящие сеют неведение”.

— Что делать, когда приближается война? — спросил у Кокэ монах.

— Ешь свой хлеб насущный.

Этот совет о том, как действовать в военное время, во многих отношениях устарел, но все же может быть хорошим напоминанием (дзэнскому) пацифисту: “Никогда не думай о войне, ни до, ни после, ни во время войны”.

Самым известным учеником Кокэ был Нан-ин. Он был известен также под именем Хо, потому что жил в храме, носившем это имя. Нан-ин умер в 952 году. О его жизни почти ничего не известно, но историй о нем довольно много.

— Какую сутру ты проповедуешь? — спросил Нан-ин у ответственного монаха.

— Юймакё (Вималакирти-сутру).

Нан-ин указал на возвышение для дзэнской медитации и спросил:

— Ты понимаешь?

— Нет, — ответил монах.

— Принеси чай, — велел Нан-ин прислужнику.

Юймакё выражает дзэн даже лучше, чем Алмазная сутра, потому что последняя слишком абстрактна. Но мы должны учиться у вещей, мы должны изучать вещи. Вещи учат нас, но их учение нельзя записать в книгу и потом проповедовать. Вещи, как сказал Гёте, сами есть смысл.

— В чем великий смысл буддизма? — спросил у Нан-ина монах.

— Источник множества болезней.

— Исцелите меня!

— Целитель мира стоит, сложив руки.

Эта история поэтичная и содержит в себе следы меланхолического величия. Она в некотором смысле верна. Буддизм — одновременно причина и следствие нездорового ума в нездоровом теле. Обрати-

те внимание на то, что жадность, глупость, злоба и так далее — это не болезни, потому что мы встречаем их у животных. Болезнь подразумевает знание о том, что мы больны. Кто вылечит болезнь, которой человечество заразили доктор Будда и доктор Христос?

— В чем особенность вашего учения? — спросил монах у Нан-ина.
— Осенью жну, зимой сохраняю.

Скорее всего Нан-ин не осознавал своего положения в истории китайского дзэн и поэтому ответил, как Шпенглер, только с привлечением ботанических символов.

— Что такое Путь? — спросил монах у Нан-ина.
— Воздушный змей парит в небе, не оставляя следа.

С Богом нет невозможного. На Пути нет невозможного. Но небо потому пусто, что до этого по нему пролетел ястреб. Нет ястреба, нет неба. Нет неба, нет ястреба. Не забывайте о ястребе, когда смотрите на небо.

Нан-ин поднялся на кафедру и сказал:

— В этой массе из плоти и крови есть тот, кто достигает неизмеримых высот.

Монах вышел вперед и спросил:

— Правда, что высказывание: “В этой массе из плоти и крови...” содержит путь нашего мастера?

— Правда.

Монах опрокинул сиденье дзэнского мастера.

— Какой грубый человек!

Монах не смог ничего ответить, и Нан-ин выгнал его из храма.

Кажется, Нан-ин специально затеял этот эпизод, чтобы выгнать монаха, уличив его в подражании таким мастерам, как Фукэ и Риндзай.

— Что такое ступа без швов? — спросил монах у Нан-ина.
— Семь цветов, восемь срываний.
— Как чувствуют себя обитатели этой ступы?
— Они не умывают лицо и не причешивают волосы.

Выражение “ступа без швов” впервые было использовано Нан-ё Кокуси в разговоре с императором Сюкусю. Оно имеет тот же смысл, что и “яйцевидная башня”, подразумевающая бесформенность, выходящую за пределы формы. “Семь цветов, восемь срываний” означает усохшие цветы и пыль, крайнее запустение. Башня без формы означает смерть, и человек, живущий внутри башни без формы, не может ковырять в зубах и стричь ногти.

У Нан-ина было двое известных учеников, Эйкэан, годы жизни которого неизвестны, и Фукэцу.

Эйкэан однажды сидел у костра, когда чиновник Сё спросил у него:

— Как нам не обжечься в Трех Мирах?

Эйкэан взял щипцами для благовоний несколько тлеющих угольков и показал их чиновнику Сё со словами:

— Смотрите! Смотрите!

Сё достиг просветления.

Мы живем в горящем мире, в котором горим мы сами. Как нам справиться с огнем, к которому нельзя даже прикоснуться? Очевидно, нужны щипцы. Что такое щипцы? Скорее всего это дзэн. Что такое дзэн? Вы должны достичь просветления, чтобы узнать. Такого рода рассуждения ничего не дают. Предположим, что мы сами или другой человек мучаемся ревностью, неисцелимой ревностью, жгучей ревностью. Что нам делать в этом случае? Вордсворт говорит: “Нужно неотрывно, внимательно наблюдать за объектом”. Торо говорит: “Единственное средство от любви — любить еще больше”. Торо продолжает: “Никогда не гони от себя печаль, а лелей ее и ухаживай за ней, пока она не станет по-своему интересной”.

Фукэцу (896-973) вначале изучал конфуцианских классиков, затем стал священником, затем учился у Кёсэя, ученика Сэппо, но из этого ничего не вышло, и в конце концов он пришел к Нан-ину, у которого достиг просветления. Он оставался у Нан-ина шесть лет, после чего стал главой храма на горе Фукэцу, где оставался в течение семи лет. После этого он жил в течение двадцати лет в храме, подаренном ему господином Со.

— **Что такое Будда?** — спросил монах.

— **Бамбуковая метла в храме Дзёрин,** — ответил Фукэцу.

Это напоминает слова Христа: “Не мир пришел я принести, но меч”. (Мф. 10, 34)

— **Что такое Будда?** — спросил монах.

— **Что здесь не Будда?** — ответил Фукэцу.

Это не пантеистическое утверждение или признание имманентности божества, а риторический вопрос, заданный для того, чтобы монах прекратил задавать вопросы вообще. “Нечего меня спрашивать!” “Я есмь Сущий”.

— **Западный Патриарх принес послание. Прошу вас прямо сказать мне, в чем его смысл!** — попросил монах.

— **Когда собака лает на луну, тысяча обезьян злобно скалят зубы,** — ответил Фукэцу.

“Собака лает на луну” — эти слова сказаны о Христе, Будде, Даруме и их учениях (или положительном отсутствии у них учений). Мы же — обезьяны, которые боятся Небес, Ада, утверждения о том, что Небеса и Ад не существуют, или мысли о том, что мы не успеем достичь просветления до того, как утратим способность что-либо достигать.

— **В чем смысл прихода Дарумы с Запада?** — спросил монах.

— **Мы знаем излуины горного ручья, но не знаем самой горы,** — ответил Фукэцу.

Мы знаем феномены, относительное, а не их корень, Абсолют, из которого они возникают. Я не уверен, что это верно. Поскольку мы знаем одно, постольку мы знаем другое. Поскольку мы не знаем другого, постольку мы не знаем первого. Мы можем предположить, что Бог сотворил мир, потому что Он не мог познать себя как Абсолют, пока не увидел свое отражение в феноменах.

Сёдзин Дайси, пришедший из Индии, сказал Фукэцу:

— **Мы, изучающие Истину, имеем три порока тела, четыре порока языка. Прошу вас выслушать мою исповедь.**

Фукэцу шелкнул пальцами и сказал:

— **Пусть твои грехи исчезнут!**

Три порока тела, четыре порока языка и три порока воли вместе составляют Десять Пороков: убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, лицемерие, грубость, сквернословие, зависть, гнев и заблуждение. Первые три относятся к телу, следующие четыре — к языку, последние три — к воле. Идея устранения грехов, исповеди одного человека перед другим, относится к магической религии, и дзэн показал, как нужно действовать в таких случаях. Второй патриарх Эка избавил третьего патриарха Сосана от его грехов, показав, что грехов и добродетелей не существует. Фукэцу одним щелчком пальцев показывает то же самое индийскому мазохисту.

— **Людей собралось больше, чем облаков. Проповедуйте для нас Закон!** — сказал монах.

— **Люди преследуют кролика босиком, а мясо едят обутыми,** — ответил Фукэцу.

Эта не очень буддистская метафора в устах Фукэцу означает, что мы не достигаем цели, пока мы обуты. Мы не можем понять истину, посещая проповеди. Чтобы что-то понять, мы должны засучить рукава, закатать калоши и бегать, словно сумасшедшие.

— **Можно ли достичь Буддовости без дзэнской практики?** — спросил монах у Фукэцу.

— **Золотой петух возвещает о наступлении зари; бочка с дегтем излучает темное сияние.**

Это очень хороший пример одинаковости (Буддовости) совершенно разных вещей. В целом можно сказать, что у Фукэцу была плохая привычка отвечать на вопросы строками из стихотворений. В результате монахи привыкли задавать сложные вопросы и ожидать на них еще более сложных ответов.

— **Что такое меч Коэ?** — спросили у Фукэцу.

— **Он не разрубит мертвеца.**

Коэ — это название храма, в котором Фукэцу жил в течение двадцати последних лет жизни. Меч Фукэцу означает его дзэнскую силу, его дар учителя, его способность просветлять монахов. “Если у вас

нет навязчивых мыслей, если у вас нет нелепых амбиций. — говорит Фукэцу, — я вам не нужен”.

Фукэцу поднялся на кафедру и сказал:

— У меня есть стрела. Я долгое время не стрелял в десяти направлениях, и поэтому никто ее не видел.

— **Что такое ваша стрела?** — спросил монах.

Фукэцу сделал вид, будто стреляет из лука. Монах поклонился.

— **Унесите покойника!** — скомандовал Фукэцу.

Фукэцу желает сказать, что если монаха поразила стрела, кто-то должен “оттащить подальше потроха” (*Гамлет*, 3-4, пер. Лозинского).

У Фукэцу было трое знаменитых учеников — Сюдзан, Тёкоман и Коэ.

— **Что такое чистая самхарам?** — спросил монах у Тёкомана.

— **В соломенной хижине роятся навозные мухи.**

Самхарам (яп. *гаран*) — это главное здание храма. Слова “чистый храм” подразумевают, что монахи в нем свободны от сомнений и помраченности. Самого Будду называют Чистым Человеком, а его монастырь — Садам Чистоты. Еще одно популярное название монахов, живущих в монастыре, — “чистая община великого океана”, потому что все реки текут в океан, где становятся солеными и теряют различия (национальность и характер). Считается, что море обладает восемью чудесными достоинствами: увеличивающейся глубиной, бездонностью, повсеместной соленостью, повторяющимися приливами, залежами сокровищ, невиданными существами, нелюбовью к утопленникам, неизменным уровнем.

Об этом “чистом храме” Тёкоман говорит: “В вашем презренном храме роятся навозные мухи”, что может подразумевать также самих монахов. Монахи столь же нечисты духовно, сколь мухи физически. Такие понятия, как “чистота” нельзя применять к храмам, людям, даже обезьянам. Хорошо бы было грязным карандашом вымарать это слово из словаря.

— **Где занимались религиозными практиками древние Будды?** — спросил монах у Тёкомана.

— **Они ходили по всей земле.**

— **Что было, когда они уставали ходить?**

— **Лед тает, черепица ломается.**

— **Как это случается?**

— **Взрослые в городе, дети за его стенами.**

Монах желает знать, что делали древние Будды, у которых не было буддистских храмов и так далее. Тёкоман говорит, они жили обычной жизнью. Затем монах спрашивает, что случилось с ними. Тёкоман говорит, что и повседневная, и религиозная жизнь имеют один конец. “Почему так происходит?” — спрашивает монах. Тёкоман отвечает, что такова природа вещей. Религия — это обычная жизнь, а обычная религия — это жизнь. Когда их разделяют, религия становится шарлатанством, а обычная жизнь — скукой. Римская католическая церковь знала об этом, но тоже не смогла соединить монашескую и мирскую жизнь в одну “большую жизнь”.

— **Какой меч рассекает падающий волос?** — спросил монах у Тёкомана.

— **Ты не можешь к нему притронуться.**

— **Кто его использует?**

— **Его плоть и кости разлетаются на куски.**

— **Что плохого в том, что к этому мечу нельзя притронуться!**

Тёкоман ударил монаха.

Меч — это дзэн, который никто не может удержать, а если сможет, то потеряет жизнь, окажется распятым на кресте этого мира. Поэтому монах говорит: “Давайте есть, пить и веселиться, ведь завтра мы умрем”, и Тёкоман бьет его, потому что желает, чтобы монах умер *сейчас же* — раз и навсегда!

Вот одна короткая история о Коэ.

— **В чем особенность вашего учения?** — спросил монах у Коэ.

— **Грабли и лопата.**

Эта сельскохозяйственная метафора не хуже других. Переворачивать душу, докапываться до сокровенного характера, разбивать ступки предрассудков и эмоций, выбрасывать безжизненные и бесполезные мысли, накопившиеся за время человеческой жизни. — вот все, что мы можем делать.

Еще одним учеником Риндзая был Дзэгон, о котором ничего не известно, кроме нескольких историй.

— Учение патриархов и сутр одинаково или нет? — спросил монах у Дзэгона.

— Зимой холодно, летом жарко.

— Почему зимой холодно, а летом жарко?

— Когда нам жарко, мы снимаем одежду; когда нам холодно, мы одеваемся теплее.

Лето отличается от зимы, а дзэн отличается от буддизма, но одно не лучше другого. Все пары противоположностей одинаковы в своем абсолютном значении. Что касается причины, то можно сказать, что у нас есть просто жара и холод, просто дзэн и буддизм. Вместе эти противоположности составляют мир. Зачем Богу понадобилось сотворить именно такой мир, понять с каждым днем всё труднее.

— Что значит “слышать звук и получить освобождение”? — спросил монах у Рэкисона.

Рэкисон взял в руку щипцы для угольков, ударил ими по дереву и спросил:

— Слышишь?

— Слышу, — ответил монах.

— Кто тут еще не получил освобождение?

Недосказанность, присущая китайскому языку, придает последнему предложению множество (дзэнских) значений, идея самого лучшего и самого неочевидного из которых в том, что люди постоянно слышат звуки и достигают освобождения. “Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины”. (1 Тим. 2, 4) Кроме того, Бог есть звук, как *не* говорит Библия.

Однажды Рэкисон готовил чай.

— В чем смысл прихода Дарумы с Запада? — спросил монах.

Рэкисон поднял чайную ложечку.

— Уместно ли это действие?

Рэкисон бросил ложечку в огонь.

Дарума пришел из Индии учить людей тому, что они уже знали, а именно, что все вещи и их свойства обладают равной важностью. Успение Богородицы и успение чайной ложечки — это в равной мере религиозные действия, и относиться к ним следует с необычайной легкостью и необычайной серьезностью.

Бросание ложечки в огонь не было (следует предположить) вызвано раздраженностью Рэкисона, о котором письменных сведений не сохранилось, при виде невежества монаха, равно как не было это прихотью, демонстрацией окончательности и непогрешимости его предыдущих слов и действий. Это было еще одно проявление бессмысленности вещей. Чайная ложечка используется для вылавливания заварившегося чайного порошка. Ложечку можно бросить в огонь, ею можно барабанить по столу, ее можно использовать множеством способов. Каждое использование ложечки — это ее не-использование, каждое не-использование — использование.

О двух других учениках Риндзая, Танку и Ходзю, ничего не известно, кроме следующей истории.

— Когда человек приходит к тебе, устранив второй и третий корни зла, что ты ему скажешь? — спросил Ходзю.

— Задавая вопрос, ты уже совершил ошибку, — ответил Танку.

— Отвечая мне, ты тоже не избежал ошибки.

— Будь моим другом!

— Хорошо, старший разбойник!

Каждый вопрос, каждый ответ основываются на неправильном понимании. Три корня зла, или яда. — это желание, ненависть и неведение.

У Ходзю был ученик Сайин, годы жизни которого неизвестны. Вначале Сайин учился у Дайкаку, затем перешел к Ходзю, у которого после многих усилий достиг просветления.

— Что такое *самхарам***? — спросил монах у Сайина.

— Лес колючек и шипов.

* Главное здание храма.

— Что можно сказать о его жителях?

— Барсуки и хорьки!

Религия заставляет нас задуматься о наиболее неприятных событиях и людях этого мира.

— Как вы входите в Город Иллюзий? — спросил монах у Сайина.

— Мертвого не зарубишь.

— Зарублю!

— Не зарубишь!

— Зарублю!

Сайин ударил монаха. Монах повторил: “Зарублю!” десять раз и каждый раз Сайин бил его.

Город Иллюзии, или Волшебный Город, описан в *Хоккэке* и является одной из семи аллегорий. Древние мудрецы, которые нашли путь к Нирване, с помощью волшебства воздвигают этот город на пути искателей, чтобы привлечь их внимание, не дать им разочароваться на пути. Поэтому Волшебный Город — это “искусное средство”, используемое, чтобы заманить людей в Нирвану. В дзэн этот город символизирует частичное просветление, которое ведет к полному просветлению (если такое вообще существует). “Зарубание” означает уничтожение эго. Монах говорит: “У меня нет эго”. Сайин отказывается признать это, сколько бы раз монах ни повторял свое восклицание. Неприятная, но поучительная сцена.

Впервые встретив Сайина, Коё спросил у него:

— На какой вопрос не существует ответа?

Сайин ударил его. Коё подумал некоторое время.

— Если скажешь, что это палка, у тебя выпадут брови! — сказал

Сайин.

Услышав эти слова, Коё достиг внезапного просветления.

Задавать не-вопрос так же нехорошо, как задавать вопрос. Мы должны задавать то, что не является вопросом или не-вопросом, с помощью нашего языка, который не является языком или не-языком, тому, кто не является кем-то или никем. Коё постиг, что палка была не-палкой — и в то же время палкой.

Приложение I

СИНДЗИНМЭЙ

ТРАКТАТ О ВЕРЯЩЕМ УМЕ

Синдзинмэй (Синьсиньмин) — один из первых дзэнских трактатов, по крайней мере, из числа дошедших до наших дней. Автор этого буддистского “гимна” Сосан (Сэнцзань) — Третий китайский дзэнский патриарх, считая от Бодхидхармы, Первого китайского и двадцать восьмого индийского дзэнского патриарха. Сосан жил в VI веке и умер в 606 году. Место его рождения неизвестно. Просветление Сосана во время обучения у Второго патриарха Эка (Хуэйкэ) описано в третьей части *Дэнтороку (Чжуаньдэнлу)*.

Сосан обратился к Патриарху со словами:

— Я согрешил. Умоляю вас, освободите меня от грехов.

— Дай мне свои грехи, и я освобожу тебя, — сказал Патриарх.

Сосан задумался на некоторое время, а затем сказал:

— Я не могу добраться до них.

— В таком случае, я уже освободил тебя! — заключил Патриарх.

Сосан понял не умозрительно, а каждой косточкой своего тела, что его греховность иллюзорна, неотделима от иллюзии “я”. Доста-

точно нам глубоко осознать безответственность своих действий, как предпосылки нашего неправильного поведения исчезают, потому что устранена главная из них — иллюзия “я”. Если у нас нет “я”, некому грешить. Однако следует добавить:

Мне трудно себе представить, как мы с тобой, которых на самом деле не существует, можем встречаться, разговаривать и курить трубки, тогда как нас окружает эта видимость реальности.
(Р. Л. Стивенсон, Басни)

С другой стороны, наше “я” — вполне реальная сущность, реальная постольку, поскольку мы, как сказал Юйма (Вималакирти), знаем, что чужая болезнь — наша болезнь. Когда одна часть тела заболевает, всё тело заболевает, ибо “мы суть члены друг друга”. В этом смысле никто из нас, и тем более Бог, не успокоится, пока в мире останется хотя бы одна беспокойная душа. Но подлинный покой Бога, “покой человека, который постиг”, — это нечто более глубокое. Подлинный покой нельзя выразить сравнениями и метафорами, его суть пребывает в основе самого беспокойства. В старом стихотворении *вака* говорится:

Когда облака растаяли,
Не думай:
“Какое чистое небо!”
Ведь в небе все это время
Была утренняя луна.

Мир подлинного покоя воспет Мэттью Арнольдом в стихотворении *Кенсингтонский сад*:

Здесь птицы поют, всяк песню свою,
Средь шумного дня городского.
Как зелено всё, под ветвями деревьев!
Как подлинно каждое слово!

Но вернемся к Сосану. Он стал учеником Второго патриарха, занимался аскетическими практиками, вел жизнь почитания и нищеты. В конце обучения он получил традиционные символы передачи подлинного ума Будды — чашу и мантию, которые переходили от патриарха к патриарху, начиная от Бодхидхармы. Первого китайского

патриарха. В это время в Китае разразилось одно из периодических преследований буддизма. Буддистские сутры и картины сжигали без разбору, монахов и монашек возвращали к мирской жизни. В течение пятнадцати лет Сосан странствовал по стране, спасаясь от преследований. В 592 году у него появился ученик, которого звали Досин (Даосинь) и который впоследствии стал Четвертым патриархом. Просветление Досина состоялось следующим образом:

Досин пришел к Сосану и сказал:

— **Прошу вас сжалиться надо мной и дать мне наставление.**

Укажите мне путь к освобождению.

— **Кто тебя поработил?**

— **Никто.**

— **Почему же ты, тогда, просишь об освобождении?**

Досин пережил глубокое просветление. (Дэнтороку, 3)

Этот эпизод выглядит очень похоже, подозрительно похоже на просветление самого Сосана. Однако, вопрос об историчности имеет мало общего с вопросом об “истинности” этого эпизода. Речь идет об “истинности” самого трактата *Синдзинмэй*, появление которого, несомненно, связано с тем, что в те беспокойные времена “бессловесное послание от сердца к сердцу” подвергалось риску быть утраченным или, что еще хуже, неправильно понятым. О том, что такое это послание, можно судить из четырех основных утверждений секты дзэн. Происхождение этих утверждений неизвестно, и хотя их иногда приписывают Бодхидхарме, скорее всего они были сформулированы позже, в эпоху Тан или Сун.

1. Независимость от слов и символов.

В применении к поэзии, выражающейся с помощью слов и символов, это может показаться абсурдным. Это подобно картинкам без красок, музыке без звуков. Однако, слова — необычное средство выражения, потому что с их помощью проходит любое общение, не только поэтическое. В поэзии и параллельно с ней живет собственной жизнью неизреченный дух, пребывающий в вечном движении. Это темнота и безмолвие вещей, обычным поэтическим смыслом которых является свет и звук.

2. Специальное послание за пределами Писаний.

Дух поэзии передается от поэта к поэту во многом подобно тому, как дух дзэн передается от монаха к монаху. Поэт узнает другого поэта по незаметным и в то же время несомненным признакам. То же верно в отношении художников и музыкантов. Но поэты особенно глубоко чувствуют и, сами того не подозревая, передают друг другу мироощущение, отражающее суть подлинной поэзии.

Две прилетело,
Две улетело —
Бабочки. (Тёра, 1729-1781)

В этом стихотворении обычный поэтический смысл отсутствует. Осталось лишь темное пламя жизни, которое горит во всем. На это пламя лучше всего смотреть не глазом, а сердцем, “сосрадательным нутром”.

3. Прямое указывание на душу человека.

Можно ли указывать без указующего пальца? Может ли искусство существовать без средства выражения? Когда безмолвие говорит громче слов?

Чтобы не было мне одиноко,
Постучи по валку для пряжи —
И снова дай звуку затихнуть. (Бусон, 1715-1783)

Рыбачья деревушка
Танцует под луной
Под запах сырой рыбы. (Сики, 1866-1902)

Пламя тоже неподвижно
В тесном мире
Зимнего уединения (Яха, 1662-1740)

4. Видение собственной природы и достижение Буддовости.

Достичь Буддовости означает достичь человечности, стать полноправным гражданином этого мира, существом обоих полов. Кроме этого шекспировского состояния, Буддовость подразумевает пребывание в состоянии ребенка, животного, цветка, камня, даже слова и идеи, не говоря уже о пространстве и времени.

Когда смотришь на кожу,
Сколько различий
Между мужчиной и женщиной!
Но кости одинаковы
У всех людей. (Иккю, 1394-1481)

Весенний дождь.
Ветер носит по роще
Выброшенное письмо. (Исса)

Цветок камелии упал...
Пропел петух...
Еще один цветок упал. (Байсицу)

Глубинный смысл этих четырех дзэнских утверждений Сосан увековечил в 584 иероглифах своего трактата-стихотворения. В них он сжато выразил суть буддистских сутр и всех тысячи семисот коанов дзэн.

Название этого произведения можно истолковать следующим образом. Первый иероглиф *син* означает “вера”, но речь идет не об упрямом стремлении души к Богу, как веру понимают в христианстве. *Син* не подразумевает веру в невидимое на основе видимого, а скорее веру в то, что было пережито, познано и стало глубинным убеждением человека. Второй иероглиф *дзин* означает “ум”, но не в обычном смысле, а в смысле природы Будды, которая таится в каждом из нас. И наконец, третий иероглиф *мэй* означает “трактат”, то есть нечто записанное в назидание другим.

Таким образом, как явствует из заглавия, *Синдзинмэй* посвящен описанию той части нашего естества, по поводу которой не может быть сомнений. Непоколебимую убежденность такого рода имели Шелли, Бетховен и Гоген. Они также описывали то, что видели и слышали, не подвергаясь нерешительности и сомнениям. Особенно примечательна в подобных описаниях абсолютная вера в глубокий смысл того, что кажется тривиальным.

Старый храм.
Сковородка, брошенная
Среди петрушки. (Бусон)

Молодую зелень
Оставили на открытой веранде. —
Земля пристала к корешкам. (Рансэцу)

Что такое Будда? Сквородка, брошенная среди петрушки. В чем смысл прихода Дарумы с Запада? Молодая зелень с прилипшей к ней грязью на веранде. Но всё это существует не где-то за пределами сознания. Догэн (1200-1253) говорит: “Если вы ищите Будду вне ума, Будда превращается в дьявола”.

Но вернемся к нашему трактату-стихотворению. *Синдзинмэй*, или *Трактат о верящем уме*, был великолепно переведен на английский доктором Дайсэцу Судзуки и опубликован в 1927 году в его книге *Эссе по дзэн-буддизму (Essays in Zen Buddhism, Series 1, pp. 182-187)*. Предлагаемый ниже перевод во многих местах напоминает искаженную версию перевода Судзуки.

Стихотворение состоит из 146 нерифмованных строк, в каждой из которых содержится по 4 иероглифа. Подобные строки короче, чем традиционные для китайской поэзии строки, включающие по 5 или по 7 иероглифов. Возможно, краткость лучше отражает суть дзэн и позволяет избежать литературных и риторических отступлений. Известно много комментариев на *Синдзинмэй*. Первый из них, как предполагают, принадлежит Тёу Мёхону (1263-1323), который в качестве иллюстрации для идей *Синдзинмэя* цитирует трактат *Сёдока (Чжэн-даокэ)*, или *Песнь просветления*.

Говоря о других стихотворных изложениях дзэн, прежде всего следует упомянуть именно трактат *Сёдока*, написанный Ёка Дайси (Юн-цзя, ум. 713), одним из учеников Шестого патриарха Эно, и переведенный Судзуки в книге *Руководство по дзэн-буддизму (Manual of Zen Buddhism, 1935, pp. 106-121)*. Трактат *Сёдока* в три раза длиннее *Синдзинмэя* и намного более цветист по стилю.

К танской эпохе относится также трактат *Сандокай (Цзаньдунци)*, название которого можно перевести как *Согласие по поводу различия и тождества* или *Что есть феномены и реальность*, принадлежащий перу Сэкито (Шидоу, 700-790), и трактат *Хокёдзаммай (Баодзинсаньмэй)*, приписываемый разными исследователями разным мастерам — Якусану (Юэшаню, 731-834), Унгану (Юньяню, ум. 841) или Досану (Дуншаню, 807-867).

К этому же периоду относится также творчество самого знаменитого из дзэнских поэтов — Кандзана (Ханьшаня), время жизни которого точно не известно. Вот одно из его стихотворений:

Ум подобен осенней луне.
Словно горное озеро, ясен и чист.
С чем сравнить его?
Как его выразить словом?

Эти строки напоминают 18-й сонет Шекспира: “Сравню ли с летним днем твой черты?” (пер. С. Я. Маршака)

Переходя к сунской династии, находим поэтические комментарии Сэттё (Сюэдоу, ок. 1000) в сборнике коанов *Хэжигансю (Бяньчжи)*, составленном Энго (Юань, род. 1135), а также стихи, написанные Ванси (Хунчжи, 1091-1157) для сборника *Сёроку (Цзунжунлу)*.

Все эти дзэнские стихотворения, включая *Синдзинмэй*, представляются мне не поэзией, а прозой, разбитой на строки. Пародируя Кита, скажем: “Дзэн — это поэзия, а поэзия — это дзэн. Вот всё, что мы знаем, и всё, что нам нужно знать”. Но искусство отражает не жизнь, а неудовлетворенность жизнью. Ведь если бы жизнь людей была полностью приемлемой (каковой она является для других живых существ), никогда бы не появились псалмы и симфонии,

Что смотрят в прошлое и будущее
С тоской о том, чего нет.

Синдзинмэй больше напоминает изложение теоретических основ поэзии, особенно хайку, творчества британских поэтов Вордсворта и Клера, китайских поэтов Дао Цзиньмина и Бо Цюю. Поэтому в своих комментариях к *Синдзинмэю* я чаще цитирую поэтов, чем религиозных деятелей. Поэзия — это цветок, *Синдзинмэй* — это корень.

**На Великом Пути нет трудного,
Только избегай выбора!**

Мы страдаем одновременно от гордыни и самоуничижения. С одной стороны, наши мысли улетают туда, куда даже ангелы боятся вступать. С другой, мы готовы пасть ниц перед буддами и святыми, не понимая, что мы ничем не отличаемся от них. В *Кэгонкё (санскр. Аватамсака-сутре)* говорится:

Ум, Будда, живые существа — это не три различные вещи.

Стихотворения хайку разделены, впрочем, довольно произвольно, на семь тематических групп: времена года, небо и стихии, поля и горы, божества и будды, дела людей, животные и птицы, деревья и цветы. В стихотворениях каждой группы, кроме пятой, — в лепестках сливового цвета, осыпающихся в сумерках, в капельке росы на ячменном листе, в нежной улыбке на устах Каннона, в лунном свете, озаряющем ручей в долине, в голосах осенних насекомых, в зимних холодах — во всем этом мы видим Великий Путь, простирающийся во всех направлениях через прошлое, настоящее и будущее. Но когда мы попадаем в мир людей, в наш повседневный мир, всё меняется. Проиллюстрируем это на примере стихотворения английского поэта и двух хайку:

Так, под этим звездным небом
Среди гор, равнин, морей
Никогда я не был дома,
Никогда не знал покоя.

Первый день Нового Года.
Припоминаю
Одинокий осенний вечер. (Басё)

Рассыпать рис во дворе —
Тоже грех.
Птицы дерутся. (Исса)

В стихотворении *Сфинкс* Эмерсон пишет:

Словно солнечный луч,
Что ровно ложится на ладонь,
В джунглях рыскает слон,
Бесстрашный и невозмутимый.
Но человек заискивает и стыдится,
Увиливает и прячется,
Ползает и подсматривает,
Хитрит и крадет.

Таким образом, утверждая, что Великий Путь нетруден, Сосан прямо противоречит опыту человечества, который говорит, что повседневная жизнь тяжела, а многие обыденные вещи непоэтичны. Примером тому может служить известное стихотворение Ямадзаки Сокана (ум. 1553), включенное в собрание его стихотворений под названием *Инуцукуба*:

Как я жажду убить!
Как не хочу убивать!
Ведь пойманным вором
Оказался мой собственный сын.

Вспомним также английскую поговорку “Тот, кто следует за истиной по пятам, рискует оказаться забрызганным грязью”. Преследование истины, стремление ее заполучить приводит к ее исчезновению. Исполненные страсти, мы не можем удержать истину в своих объятиях.

Никто их не красит,
И все же сама по себе
Зеленеет верба,
Краснеют цветы.

Если мы сохраняем спокойствие и живем в простоте, никаких проблем не возникает.

Будь я императором, задумчиво
Я бы бродил по коридорам дворца.
Но моя тропинка петляет между соснами,
Синеет море и рядом порхает бабочка.

(Миёси Тацудзи)

Сосан связывает нашу обеспокоенность, недовольство собой и близкими нам людьми, неспособность понять, почему мы вообще живем, с одной великой причиной: выбором, привязанностью к чему-то одному и нетерпению всего остального. Вспомним поэтические строки:

Цветы осыпаются, хотя мы тоскуем,
Сорные травы растут вопреки нашему желанию.

Смерть иллюзорной личности, которая делает выбор, желает и испытывает отвращение, выражена также в стихотворениях:

Освободись от маленького ума,
Который называют этим “я”,
И ничто во вселенной не сможет
Повредить или помешать тебе.

Как прекрасно
Сделать всё пространство
Своим домом!
Тогда наш ум и сердце
Пребывают в покое.

Д. Г. Лоуренс говорит то же самое в романе *Кенгуру*:

Снова домой. Но где находится дом? Для рыб домом является безбрежный океан, а для человека это вневременность и пустота. “Я не буду обманывать себя мыслями о доме, — сказал он себе. — Четыре стены станут одеялом, в которое я завернусь и засну среди вневременности и пустоты”.

**Лишь когда ты чужд любви и ненависти,
Он возникает перед тобой в полной ясности.**

Бывает любовь и Любовь, но не бывает Ненависти; есть только ненависть. В Любовь включено то, что мы можем назвать Ненавистью и что Д. Г. Лоуренс назвал “темной стороной любви”. Поскольку мы любим, то есть привязаны, постольку мы ненавидим. Но если мы Любим, в страдании или в радости мы идем по Пути, мы есть сам Путь. Рёто, ученик Басё, говорит:

Иве передай
Всю ненависть, все желания
Своего сердца.

Еще одно поучительное стихотворение звучит так:

Этой весной
В моей хижине
Нет ничего, есть всё.

(Содо, 1641-1716)

**Отступи от него на волосок,
И глубокая пропасть разделит Небо и Землю.**

Маленькая иллюзия порождает пропасть шириной в милю. Самая незначительная мысль о себе — и Великий Путь навсегда потеряян. Капля чернил — и целый стакан прозрачной воды замутнен. Часто мы думаем: “Этот цветок вырос для меня. Это противное насекомое раздражает меня. Этот человек — бесполезный тупица. Эта женщина станет хорошей матерью, и поэтому я могу взять ее в жены”. Когда такие мысли возникают в нашем уме, гармония вещей нарушается, всё становится бессмысленным и разочаровывает. Вместо того, чтобы достигать целостности, мы увлекаемся мимолетными предпочтениями, действуем в угоду своих прихотей и предрассудков. Мы предполагаем, что один конкретный человек является Буддой, а сами мы являемся обычными людьми, что что-то одно в жизни прекрасно, а что-то другое отвратительно. При этом мы не видим, как “всё содействует ко благу”. (Рим. 8, 28) На самом деле, Небо и Землю невозможно разделить, одно не существует без другого. Вместе они составляют Великий Путь.

Мы должны помнить о двух вещах: во-первых, о близости Пути, во-вторых, о том, что Путь и мы неотделимы друг от друга. Последнее кажется непостижимым.

Это понимание далеко от нас,
За многие миллионы миль отсюда.
Едва ли мы доберемся туда,
Истоптав только одну пару
Соломенных сандалий.

Но Иккю замечает:

Говорят, что рай на западе.
Но он и на востоке тоже.
Ты ищешь его на севере,
И тут оказывается,
Что он в тебе самом (на юге).

В последней строке использована игра слов, основанная на схожести двух японских выражений: *минами* (юг) и *мина ми* (внутри

нас). Как только мы связываем счастье с достижением какой-то цели вне нас самих, вне Пути, с чем-то за пределами того, что у нас уже есть, что уже сейчас происходит в мире, в этот самый миг всё оказывается потерянным, и мы падаем с Небес в Ад.

Вещи едины и множественны. Интеллект не может объять и то, и то одновременно, но переживание — может, если пожелает. Но стоит нам промахнуться хотя бы на волосок, совершить ошибку, предположив, что мы и всё остальное не есть одно целое или что мы ничем не отличаемся от вещей, и мы сразу же обрекаем себя на постоянное чередование усталости, зависти, стыда, торжества победы и страха быть побежденным. Мы оказываемся в положении, которое св. Павел описывает так: “Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?” (2 Кор. 11, 29)

Если только этого состояния можно достичь, мы можем сказать о человеке так же, как сказал о нем Мэттью Арнольд в стихотворении *Летняя ночь*:

Просторы души его не знают границ,
Как широки и прозрачны они!

**Если желаешь постичь подлинный облик вещей,
Не поддерживай и не выступай против.**

Поскольку Великий Путь един, нет смысла беспокоиться о чем-то или пытаться помочь делу, которое изначально не нуждается в нашей помощи. Существует одно течение, Поток вселенной. Можно плыть вместе с ним или против него, можно плыть в фарватере, отдыхать в тихих гаванях или прозябать в застойной воде, но ничто не может ускорить или замедлить этот Поток. Но этот Поток не является чем-то отличным от нас самих. Это течение *нас самих*. Мы не являемся поплавками, покачивающимися на волнах потока неизбежности. Мы не похожи на шар, воспетый Фицджеральдом:

Бильярдный Шар не спрашивает, да иль нет,
Когда Игрок ударом посылает его в лузу.

Возможно, лучше будет сказать, что эти слова верны, но при этом верны также слова Хенли, причем эти две точки зрения верны не поочередно, а одновременно:

Я судьбы своей хозяин,
Капитан своей души!

Подобное отрицание и утверждение “я”, эта наполненность, переживая которую мы не становимся ни на одну точку зрения, есть нечто иное, как поэтическая жизнь. Не-поэтическая жизнь бывает двух типов: во-первых, движимые неприятием, мы живем в ограниченном мире, в полумире; во-вторых, исполнившись вдохновения, мы преувеличиваем, впадаем в сентиментальность, устаем от повторений.

**Конфликт устремленности и неприятия —
Это болезнь ума.**

Возникает то, что нравится нашему уму, что согласуется с нашими представлениями о полезности — и мы любим его. Возникает что-то заставляющее нас содрогнуться, не соответствующее нашим ожиданиям — и мы ненавидим его. Когда в своих действиях мы руководствуемся личными целями, просветление и заблуждение, страдание и удовольствие, приятие и неприятие, добро и зло раскачивают нас на волнах существования. Они никогда не несут нас вперед, всегда приводят к тому же беспокойству и сомнениям, к тому же страху перед страданиями и мимолетностью радости. Так Вордсворт говорит в *Оде о долге*:

Мои надежды больше не должны менять имя.

Кроме того, поскольку зеркало нашего сознания вносит искажения, мы не видим ничего в его естественном, изначальном виде. Гнида становится грязным, гнусным существом, а лев — благородным созданием. Но когда мы видим гниду, какой она есть, это не просто нейтральное существо — ее следует принять как нечто столь же неизбежное, как наша смертность. Вот стихотворение Басё:

Вокруг вши, блохи;
Лошадь помочилась
У моего изголовья.

В этом тоже можно увидеть очарование и глубинный смысл, как в хайку Исса:

Кормит грудью,
А между тем считает
Укусы блох.

В действительности, луна не более прекрасна и поэтична, чем навозная куча. Если на то пошло, навозная куча красивее, ведь она полна жизни, тепла и энергии.

В *Вайпуля-махавьюха-сутре* говорится:

Лотос растет в грязи, но остается незапятнанным.

Не так амбициозно то же самое выражено в следующей *вака*:

Избавьтесь от мыслей:
“Это хорошо”, “Это плохо”,
И тогда без каких-либо усилий
Везде вам будет хорошо.

Чуждые нравочению и литературным амбициям, далекие как от устремленности, так и от неприятия, эти строки Басё посвящены горным фиалкам:

Поднимаюсь по горной тропе,
Сколько трогательного
В этих фиалках!

Не постигнув глубинного смысла вещей,

Мы напрасно возмущаем изначальный покой ума.

Когда мы идем по Пути и действуем без любви и ненависти, без надежды и отчаяния, смысл вещей становится самоочевидным и выражать его нет необходимости. Напротив, когда мы пытаемся установить ценность вещей, ее не существует. Наше естество пребывает в совершенной гармонии со вселенной, причем это не гармония подобия или соответствия, а гармония единства. В трактате под названием *Сайконтан (Цзайгэндан)*, или *Вкус корней*, конфуцианца-даоса-буддиста Кодзисэя (Хун Цзычэна), который жил в Китае в эпоху Мин, говорится:

Сердце не есть то, чем оно является. Что же в нем созерцать? Будда говорил, что тот, кто занимается созерцанием своего сердца, воздвигает себе лишние преграды. Все вещи, по сути, — одна

вещь. Зачем же доказывать их равенство? Чжуан-цзы говорил, что тот, кто рассуждает о равенстве вещей, разбивает их единство.

(пер. Малявина в сб. *Афоризмы Старого Китая*, М., 1991, стр. 72)

Совершенный, как великое пространство,

Великий Путь не ведает недостатка или избытка.

Без начала и конца, без возрастания и убывания, Великий Путь совершенный, как окружность. В самых малых вещах нет ничего слишком малого, в самых больших вещах нет ничего слишком большого. Это совершенство в капельке росы и в Солнечной системе мы видим, точнее, склонны видеть, лишь тогда, когда постигли совершенство в самих себе. За пределами видимой путаницы и хаоса пребывает великая гармония и пропорция внешнего и внутреннего, которая не может быть понята умозрительно, но открывается нам, когда мы прослеживаем ее истоки в себе самих. Эта высшая форма вещей в сутре *Ханьясингё* называется бесформенностью:

Все вещи не имеют формы, не прибывают и не убывают, не обновляются и не ветшают, не чисты и не осквернены.

В поэзии эта идея выражается так:

Возраст не старит и привычка не помрачает
Ее бесконечного разнообразия.

(Шекспир, *Антоний и Клеопатра*)

Молодая девушка
Прочищает нос
Среди вечерней красоты.

(Исса)

Желание могущества приводит ангелов к падению; стремление к знанию приводит человека к падению.

(Ф. Бэкон, эссе *О благе*)

В поэзии, как и в жизни, избыток быстро утомляет. Именно поэтому мы любим Вергилия, Чосера, Басё. Круг символизирует умеренность, каким бы большим или малым он ни был. В дзэнских пас-

тушечьих картинках круг выражает безмятежность. Круглое зеркало используется в религии синто. Эмерсон написал эссе *О кругах*.

**Воистину из-за того, что принимаем и отвергаем,
Мы не можем постичь таковость вещей.**

В своем сознании мы не должны быть фаталистами, говорящими о плохом: “Тут ничего не поделаешь” и о хорошем: “Какая разница?” Мы должны желать того, что желает вселенная в этот момент в этом месте. Это желание есть Путь. Оно есть таковость вещей. Вне этого желания нет Пути, нет таковости.

Поэт стремится к постижению таковости вещей, именно в нее он всматривается, именно ее он осязает и пробует на вкус. Поскольку он и мы слушаем, прикасаемся и видим, эта таковость есть существование, смысл и значение. Если мы не попробуем мир на вкус, он всегда останется безвкусным, будет лишен таковости. Но мы не должны пробовать выборочно, пробовать что-то одно и не пробовать всего остального. Хун Цзычэн говорит:

В мире десять тысяч вещей, в человеческой душе десять тысяч чувств, на земле десять тысяч дел. Если смотреть на них помраченным оком, они предстанут бессмысленной путаницей. Если же смотреть на них прозревшим оком, во всем обнаружится неизблемый порядок. К чему беспокоиться о различиях? К чему выбирать да выгадывать?
(пер. Малявина)

**Не будь апологетом и даже сторонником
Учения о пустоте.**

Не следует позволять органам чувств, которые являют видимые различия между вещами, обманывать нас.

Дождь и град,
Снег и лед отличаются,
Но когда растают —
Это одна и та же вода
Горного ручья.

Но мы не должны совершать и противоположную ошибку — предполагать, что вещи нереальны или бессмысленны. Подобное отношение лежит в основе поэтического мышления британских по-

этов: Мэттью Арнольда, Слау, Кристины Россетти. Это основа любого пассивного, эскепистского мышления. Обе эти крайности неправильны. Юнцзя описывает положение следующим образом:

Отречение от вещей, привязанность к пустоте —
И то, и другое — болезнь.
Она напоминает стремление прыгнуть в огонь
Из страха утонуть.

**Когда сознание пребывает в покое,
Ложные представления исчезают сами по себе.**

Догэн написал такую *вака*:

Всегда одинаковы,
Не меняют оттенка
Цветущие вишни
У меня на родине,
Хотя весна уже кончилась.

В этом стихотворении отражено единство временного и вечного, постоянства и мимолетности. Вишневому цветку позволяют опадать, как всегда, сохраняя свой всегдашний цвет. Вишни здесь неотделимы в своем цветении и осыпании от самого поэта, но это не мир призрачных видений, в котором всё тщетно; это — мир формы и цвета, распускания и увядания; это — мир истины за пределами пространства и времени.

А вот стихотворение Гёсэя Сёнина:

Великое множество
Весенних цветов,
Разноцветных осенних листьев —
Всё это проблески мира,
Которого не коснулась фальшь.

Повседневный мир и мир реальности здесь составляют одно. Жизнь и смерть — это Нирвана. Основная ошибка жизни и поэзии состоит в побеге из реального мира в мир иллюзорный, в желании избавиться от неприятных сторон жизни, тогда как мы должны войти в них глубже. Но мир призрачных мечтаний, декадентской поэзии, музыки Вагнера и нелепых райских видений, — это также чей-то

образ жизни, который, если мы только это постигнем, является Великим Путем. Здесь мы снова видим, что просветление — иллюзия, спасение — проклятие, Небеса и Ад — одно и то же.

**Когда активность прекращается и воцаряется покой,
Этот покой, в свою очередь, является состоянием
активности.**

Современные теории вытеснения в подсознание можно считать иллюстрацией этого принципа. Когда мы выступаем против природы, подавляем инстинкты, пытаемся управлять желаниями, вытесненная энергия по-прежнему активна и может в любой момент прорваться в непредсказуемом направлении, как вулкан.

Нечто подобное происходит в поэзии. В стихах принято описывать только очаровательные, живописные картины природы, безобидных, привлекательных зверушек. Но это только половина жизни или даже меньше того. Такая избирательность не имеет ничего общего с Великим Путем. Каждый день Природа дает нам переживания, среди которых бывают приятные и не очень. Безразличные бактерии нападают на нас, возлюбленные изменяют нам, дети ведут себя неблагодарно, кошки ловят мышей, люди убивают друг друга, смерть неминуема. В трагедиях есть место для всего этого, но в обычной поэзии о неприятностях быстро забывают. Один взгляд на список предметов, которые могут стать темой хайку, показывает, насколько он ограничен. Время от времени появляется змея, здесь и там промелькнет покойник или мусорный ящик — но даже это редко встречается вплоть до недавних времен.

О чем бы ни было стихотворение, и у поэта, и у читателя должно быть то, что Вордсворт называет “мудрой пассивностью”. Этот активный покой описан в следующем хайку:

Я пришел к цветам
И спал под цветами;
Таков был мой отдых. (Бусон)

В каждом конкретном случае эту двойственную природу вещей нельзя упускать из виду. Летом нам хочется побыть в прохладной просторной комнате, но низкие потолки и стены давят на нас. Давайте же относиться к этому с радостью!

Низкий потолок хижины.
Какое счастье жить
В зимнем уединении! (Бусон)

“Каждый потолок — хороший потолок”, причем не иногда, а всегда. Он хорош уже только потому, что он *есть*. Что такое этот потолок? Это не-потолок, это пустота, это то, что мы захотим — и всё же. Это потолок, низкий потолок, который делает наше жилище летом жарким, а зимой уютным.

**Пребывая в движении или покое,
Разве можно познать Единство?**

Не только движение и покой, но просветление и иллюзия, жизнь и смерть, самсара и Нирвана, спасение и проклятие, приобретение и потеря, одно и другое — всё это приходит к нам от мгновения к мгновению и увлекает нас в иллюзию, если мы не постигаем, что Великий Путь единый и неделимый даже тогда, когда нам кажется, что мы его разделили.

**Если мы не постигли единства Великого Пути,
И действие, и покой лишены смысла.**

Другими словами, обычные действия без покоя или же обычный покой без внутреннего действия не отражают сути, не обладают нужным качеством и функцией. Свобода невозможна без закона, человек ничего не значит без Бога, иллюзия не существует без просветления, одно существует только потому, что существует другое. Однако, свобода и закон, иллюзия и просветление, одно и другое — всё это различные имена для чего-то одного. Если это не постигнуто в практической жизни, ни одна из противоположностей не является собой в полной мере. Если нет чего-то одного, нет и всего остального. Одно и другое — отличны и независимы лишь тогда, когда составляют целое.

В практической жизни это означает, что наш комфорт в кругу семьи является иллюзией, которая разрушается, когда мы выходим в мир, встречаемся с разочарованиями, становимся раздраженными или подавленными. Во время игры в шахматы мы ведем себя неправильно, если после нашего поражения лицо и голос противника становятся неприятными. Нам не хватает внутреннего равновесия, кото-

рое не дало бы проявиться злобе. хотя нет ничего удивительного в том, что поражение нас озадачивает.

В поэтической жизни важно постичь всеми органами чувств, что подлинное разнообразие проистекает из единства. Так, в научном мире природу многоножки можно понять лишь тогда, когда мы знаем образ жизни шестиногих насекомых. Природу перьев, кожи, волос, ногтей, чешуи и так далее можно понять лишь тогда, когда мы видим, что всё это принадлежит одному живому существу. Поэт наслаждается многообразием вещей, потому что глубоко в своем сердце знает, что “имя, которое можно назвать, не есть вечное имя”. (Лао-цзы)

Все эти
Заумные слова —
Весенние травы. (Сядо)

Возвращаясь к строфе Сосана, скажем, что поэт должен управлять творчеством и восприятием и при этом объединять их. В противном случае подлинная значимость вещей будет потеряна. Так, с одной стороны мы имеем стихи Суинборна, Китса и Шелли с их словесным калейдоскопом, а с другой — дидактические и описательные стихотворные строки, в которых нет ничего от автора. лишь видимость и шелуха идей. Великое множество хайку страдает от отсутствия в них самого поэта, чье умаление себя становится избыточным, например:

Землемерка
Шагает по листьям,
Покрывшим хижину. (Бусон)

**Когда устраняешь феномены, теряешь подлинный
облик вещей,**

**Когда увлекаешься Пустотой, отворачиваешься от
глубинной природы вещей.**

Если предположить, что вещи иллюзорны, что всё бессмысленно, мы неправильно понимаем учение о вездесущести ума и теряем связь с внешней реальностью. Выход из затруднения в том, чтобы прочно держать в уме эти два противоречивых элемента.

Рано утром мы выходим в сад и видим паука, заканчивающего плести паутину. С немалым мастерством и усердием паук завершает работу и садится в центре своего творения, которое переливается всеми цветами, пестрит причудливыми узорами. Неподалеку пролетает бабочка, неожиданно она соскальзывает вниз и попадает в сеть. Паук, который еще не проголодался, подползает к ней и своим ядом усыпляет жертву. Затем он возвращается обратно в центр паутины, решив съесть бабочку позже. Нация покоряет мир и преобразует его в соответствии со своим разумом и способностями. Появляется великий человек, его ловят и приковывают к кресту, превращая это в спектакль для будущих поколений.

Эти два примера идентичны, хотя во втором из них присутствует разум, мораль и религиозность. К обоим из них следует относиться одинаково, только с разной степенью интенсивности. Как бы ни погубил Бог ваших детей — с помощью землетрясения, руками грабителей или старостью — к их смерти следует относиться одинаково. Но наше отношение к землетрясению и грабителям различается, потому что эти факторы по существу различны.

В поэзии мы тоже не должны никого осуждать. Наше отношение должно быть похожим на отношение Мопассана, Сомерсета Моэма, Д. Г. Лоуренса, Томаса Гарди, поскольку они не ненавидели негодяев и не любили героев.

**Чем больше разговоров и размышлений,
Тем дальше от истины.**

Хайку — это самый короткий поэтический жанр, при котором стихотворение еще имеет форму и ритм. Сокращая поэтическое произведение до семнадцати слогов, мы приближаемся к невидимому, неопишуемому поэтическому переживанию, пока оно не станет безошибочным, пока каждая характеристика объекта не станет для него неотъемлемой, пока само стихотворение не станет прозрачным и как бы написанным без слов. Юнцзя говорит:

Если меня спросить: “Во что ты веруешь?”,
Я отвечу: “В силу Великой Мудрости”.
Порой я утверждаю вещи, порой отрицаю их;

Мои действия выше мудрости людей.

Я то следую здравому смыслу, то не следую ему;
Небеса не могут понять, что здесь к чему.

**Если ты прекратишь разговаривать и размышлять,
Нет места, куда бы ты не мог пойти.**

Суть не в том, что не должно быть разговоров и размышлений, а в том, что разговор должен быть не-разговором, а тишина выразительной. Мысль должна быть безличной. Она должна быть потоком сознания, в котором проявляется подлинная природа Ума. В этом безмысленном, невыразимом состоянии мышления и речи мы постигаем мимолетность вещей. Но постижение в данном случае означает не интеллектуальное понимание, а достижение некоего реально-потенциального состояния. Суть не в том, что мы видим недолговечность вещей, а в том, что наше “видение” переменчивости вещей и сама эта переменчивость составляют одно действие, не имеющее причины и следствия, не являющееся ни курицей, ни яйцом.

Смысл слов: “Нет места, куда бы ты не мог пойти” в том, что каждый из нас — Будда. Причем не какой-то непонятный Будда, а Будда, пребывающий за пределами времени и пространства — и в то же время Будда, живущий в нашем сознании здесь и сейчас. У вас есть всё, потому что у вас нет ничего. Когда у вас нет желаний, все они выполнены — и в то же время у вас есть имущество, вы надеетесь на одно и опасаетесь другого, говорите и думаете, планируете и мечтаете.

**Возвращаясь к корню, мы постигаем суть;
Увлечаясь видимостью, мы теряем дух.**

Что есть “корень” вселенной? Одни говорят — человек, другие — Бог. Иногда бывает удобно называть что-то одно двумя именами: духовным и материальным, человеческим и божественным, свободным и детерминированным, относительным и абсолютным. Но, представляя себе природу вещей как их корень, а сами вещи как ветви и листья, мы позволяем “размышлениям” и “разговорам”, о которых шла речь в предыдущей строфе, превращать живое единство в дуализм, мертвый до основания. Как бы мы ни смотрели на вещи, в их множественности, уникальности и разнообразии или с акцентом

на том, что их объединяет, — на “силе жизни” и научных законах, — мы далеки от истока, который не является ни тем, ни другим, ни третьим, который вообще не является чем-то конкретным — но это и не пустота.

Буддисты говорят, что корнем вещей является ум (*син*) — но этот ум не есть что-то внутри нас. Христиане говорят, что корнем вещей является Бог, — но этот Бог не есть что-то вне нас. Как познать, как постичь, что внутреннее и внешнее есть одно и то же, что мое приобретение — ваше приобретение, а моя потеря — ваша потеря? Как сделать это понимание не теоретическим принципом, а животворной частью своего естества? В этом наша личная, единственная проблема. Если она решена, у нас нет больше затруднений с мышлением и речью. Если же она не решена, каждая мысль развращает нас, каждое наше слово неправильно. Юнцзя использует ту же метафору, корень и листья, когда говорит:

Сразу рассечь корень [жизни и смерти] —
Вот признак Буддовости.
Если же вы собираете листья [поверий]
И ищите ветви [абстрактных принципов],
Я ничем не могу вам помочь.

**Лишь на миг устремив взор внутрь,
Мы выходим за пределы пустотности вещей.**

Мгновения постижения, если только мы открыты для них и не забываем о них, приходят и уходят, как дуновения воздуха, позволяя нам идти дальше мимолетности, пустоты, нереальности вещей — куда? Мы движемся из ниоткуда в никуда, и при этом наш путь — пребывание там, где мы есть. Такова вневременность и внепространственность, которые возможны только в пространстве и времени. Какое счастье — иметь много таких мгновений, позволить им сплошным потоком течь через наши жизни! Ницше, Моцарт, Спиноза, Марк Аврелий, Басё — подлинный смысл этих имен в том, что в них мы чувствуем мучительное счастье внутренних озарений.

**Изменения, происходящие в Пустоте,
Кажутся таковыми в силу неведения.**

Когда мы постигли, что реальности как таковой не существует, ничто нам не покажется реальным или нереальным. Все вещи пусты по своей природе, и когда мы постигаем, что нереального нет, мы чувствуем себя дома везде, каждое мгновение прошлого и настоящего имеет место сейчас. Даже в нашем предвкушении ожидаемого и в нашем сожалении о случившемся время окружено вечностью. Наши мысли заполняют собой бесконечное пространство, присутствующее в каждом из наших ощущений.

**Не стремись к истине;
Просто откажись от своих мнений.**

Утопающий просит поднести ему воды. Еще более простую и уместную метафору дает человек, который ищет очки, находящиеся у него на носу. Конфуций называет это так: “Искать топор с топором у руках”. Истины как таковой не существует. Лучшим приближением к пониманию этого является состояние сознания, когда мы отказываемся от поиска и живем своей жизнью. Об этом говорится в *Сутре совершенного просветления*:

Все утвердительные мнения — ложные;
Лишь не-мнения являются правильными.

Юнцзя также высказывается недвусмысленно:

Не ищи истину,
Не избегай заблуждений.

**Не потакай относительному видению вещей,
Старательно избегай его.**

Все в мире является двойственным: хорошим и плохим, прибыльным и убыточным, здешним и тамошним. С другой стороны, “нет ничего хорошего и плохого, а наши мысли делают его таковым”. Мы должны прекратить эти “мысли”, отказаться от “мнений”, от суждения. Но если мы скажем, что одно мнение правильно, а другое ошибочно, что одно мнение относительно, а другое абсолютно, мы по-прежнему будем “потакать относительному видению вещей”. Мы постигаем истину лишь тогда, когда понимаем, что постигать нечего. Вечность пребывает в нас лишь тогда, когда мы окружены временным и несовершенным.

**Если остается хотя бы след чего-то одного,
Истина потеряна в океане замысловатости.**

Шествовать по Срединному Пути нелегко. Идя по нему, мы совершаем типичные для человечества ошибки. Сравним этот китайский стих с иудейским: “Ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его — “ревнитель”; Он — Бог ревнитель.” (Исх. 34, 14)

Мы не можем не удивляться многообразию выражений одной и той же невыразимой истины. Здесь мы видим многообразие, в котором Ум не потерян: одно есть другое, даже если это не очевидно.

**Двойственность возникает из Единства;
Но не привязывайся к этому Единству.**

Именно Единство порождает двойственность. Без него, без природы Будды, Пустоты, Ума, вещи не могут существовать. Но не презирай вещей и не стремись к Первооснове Бытия. Вещи и обстоятельства сами по себе нейтральны. Они не бессмысленны, но и не окрашены “мнениями”, которые мы составляем о них.

Стоит хлопнуть в ладоши,
И служанка приносит чай,
Птицы взлетают,
Рыба подплывает к берегу —
У пруда Сарусава.

Хлопок в ладоши есть *Это*, а интерпретация звука служанкой, птицами, рыбой — лишь частный случай *Этого*. Без половинок не существует целого, равно как без целого нет половинок. Стремясь освободить себя от феноменов, от относительного мира, мы привязываемся к чему-то еще более прозрачному, к вещам в себе, к ноу-мену, и поэтому говорится: “Привязанность к Единому не есть истина.”

**Когда ум целостен, а мысли неподвижны,
Всё в мире безупречно.**

Выражение “мысли неподвижны” подразумевает понимание, что ничто не возрастает и не убывает, вещи таковы, каковы они есть. Это

можно постигнуть, когда ум не разделен, когда внутри меня самого “ты” и “я”, “он” и “я” являются обозначениями одного и того же — и в то же время двумя различными сущностями. Тогда ничто в мире не рассматривается как что-то одно в отрыве от всего остального, или как все вообще без элемента индивидуальности. Тогда природа делает свое, а мы свое. Тогда мы не имеем претензий к обстоятельствам и не занимаемся самоуничтожением, сознание чисто, мысли в нем не возникают. Честертон говорит:

Приключение — это лишь правильно понятое неудобство. Неудобство — это лишь неверно рассмотренное приключение. (Преследуя собственную шляпу.)

Вещи безупречны, они перетекают из формы в форму. Мы не можем ни хвалить их, ни порицать. Марк Аврелий говорит:

Все, что возникает из природы целого и направлено к его благополучию, несет в себе благо для каждой части этой природы. Однако, благополучие вселенной зависит от преобразования не только элементарного, но и составного. (Размышления)

Если вещи безупречны, они уходят из жизни,

Если мысли неподвижны, нет и сознания.

Мы не осуждаем и не хвалим, и вещи лишаются предосудительных и похвальных качеств. Мы не судим вещи, и вещи не судят нас. Когда вещи просто текут, когда каждый атом следует своей природе, своей природе Будды, у нас нет того, что можно было бы назвать умом и противопоставить всему остальному. Юнцзя говорит:

Иду — и это дзэн;

Сижу — и это дзэн.

Говорю или молчу,

Движусь или пребываю в покое —

Суть неподвижна.

Вещи исчезают, и ум уходит вместе с ними;

Ум исчезает, и вещи следуют за ним.

Субъект и объект, “я” и не-“я”, здесь и там, — когда одно (не важно что) пропадает, пропадает и другое. В зависимости от темпе-

раamenta нам легче осознать пустоту представления об эго или же пустоту представления о вещах. В этом различие между *дзирики* (путем собственных усилий) и *тарики* (путем посторонней силы). Первая строка стиха описывает *дзирики*, вторая — *тарики*. Юнцзя говорит:

Попытки избавиться от иллюзии и обрести

реальность,

Отказ от одного и стремление к другому — это лишь

софистика и обман.

Другими словами, поиски истины и отказ от выбора — это и есть выбор. Пока мы стремимся к реальности вне себя или внутри себя, вещи не последуют в небытие за иллюзорным эго, а иллюзорное эго не последует за вещами в их пустоту. Внешнее и внутреннее — одно и то же. Что находится вовне?

Лишь немного крови, несколько костей, сплетение нервов и сосудов. Немного воздуха, и тот постоянно движется. Ежеминутно, ежесекундно мы выдыхаем эго и вдыхаем снова.

Что находится внутри?

Чувственные образы, туманные и неочерченные... душевная субстанция, сновиденья, призраки. (Марк Аврелий)

Вещи есть вещи в силу наличия ума,

Ум есть ум в силу наличия вещей.

Цель дзэн, поэтической жизни — достичь недифференцированного состояния, в котором субъект и объект составляют одно, в котором объект постигается интроспективно, а субъект становится самосознающим объектом. Субъект и объект следует понимать как две стороны одного листа бумаги: их две — и в то же время это один лист. Ни одна сторона листа бумаги не существует без другой. Эта аналогия становится ошибочной, если мы не схватываем ее легко и быстро. Разве вселенную можно с чем-то сравнить? Каким иносказанием выразить Суть Бытия?

Если вы желаете знать, что такое ум и вещи,

Скажу, что изначально это Пустота.

Пустоту описывают следующим образом. Она идеально гармонична. В ней субъект и объект, Ум и Форма составляют одно целое. Она чиста и незапятнана. В ней вещи, формы они есть, лишены грехов и несовершенств. Она неограничена, в ней вещи свободны, взаимопроницаемы. Пустота не имеет возраста, чужда морали, не подчиняется законам. Она подобна свету, который содержит в себе все цвета, но сам остается бесцветным. Пустота — не вещь, но она содержит в себе все вещи. Пустота — не личность, но она включает ум каждого человека. Она не прекрасна и не уродлива, а составляет суть красоты и уродства.

В этой Пустоте ум и вещи составляют одно;

Мириады феноменов содержатся в обоих.

Все ментальные феномены содержатся в вещах; все вещи содержатся в уме. Но предлог “в” здесь имеет смысл взаимопроникновения. Вот другой пример взаимопроникновения:

Шаронскую розу
На краю дороги
Съела моя лошадь.

(Басё)

**Если ты не можешь отличить уточненное от грубого,
Как ты можешь поддерживать или выступать против?**

Под уточненным и грубым понимаются все пары противоположностей, присутствующие в нашем видении мира. Мы привыкли видеть мир таким образом, и эта привычка довлеет над нами “весом льда и глубиной ничуть не мельче самой жизни”. Но мгновения видения, достаточно глубокие, чтобы достичь Пустоты, Первоосновы Бытия, Великого Пути, свидетельствуют, что какими бы уточненными и грубыми ни были вещи, они не являются такими. Торо дает нам пример, истинность которого видна в его бессознательности, пример того, как шероховатое и гладкое являются одним и тем же:

Местность была окутана ясным, тихим светом, в котором леса и лесополосы придавали пейзажу новую регулярность, неровные и бугристые поля обретали удивительную гладкость и, словно лужайки, тянулись к горизонту, а живописные, четко очерченные облака казались изысканным украшением этой волшебной страны.

Все наши предпочтения от самого слабого до самого сильного следует считать односторонними — но не в том смысле, что есть другие, более оправданные точки зрения, а в том, что вещь просто-напросто не является тем, чем мы привыкли ее считать — качество, приписываемое ей, в ней всецело отсутствует. Что же в таком случае представляет собой вещь, лишенная всех качеств? Эта вещь лишена также отсутствия этих качеств, и это невозможное нагромождение отрицаний следует понимать как свидетельство того, что вещь существует в трепетном покое перемен. Она излучает темное, невидимое сияние. Она движется из ниоткуда в никуда. Ее прошлое и будущее вечно присутствуют в ней самой. Вещь есть тот Путь, по которому она движется. Как бы ни был мал этот Путь, он заполняет собой пространство. Это Первооснова Бытия и Цветение Духа. Это намеки на бессмертие и уверенность в исчезновении.

Действие Великого Пути широко;

Оно не легко и не трудно.

Путь называется великим, потому что мы не можем не идти по нему. “Я добровольно становлюсь рабом и все же должен следовать”. На Великом Пути нет ничего трудного или легкого, потому что он включает в себя все существующее и несуществующее, все реальное и нереальное. Мы думаем, что он легок, но это не так. Мы предполагаем, что он труден, но это тоже не так. Легкость и трудность Великого Пути определяются нашим воображением. Но это воображение также является частью безграничного действия Великого Пути и составляет его неотъемлемую часть. Марк Аврелий говорит:

Не забывай, что во всех сферах жизни господствует мнение, но ты можешь его изменить. Отказывайся от мнений, когда пожелаешь, и тогда, подобно мореходу, чей корабль обогнул мыс, ты окажешься в тихой гавани, где море спокойно, и волны улеглись.

Узкие мнения полны лисьих страхов;

Чем быстрее, тем медленнее.

Без смелости ничего не достигнуть. Мы видим двух птиц в кустах, но боимся отпустить ту, что у нас в руках. Птица в руках — не обязательно означает нашу жизнь. Это может быть, например, отцовство Бога. Отпуская ее, мы выходим за пределы жизни и смерти. Отказываясь от отцовства Бога, мы теряем также чувство зависимости и подчиненности. Но мы по-прежнему живы, Бог всё еще наш Отец — и всё же с некоторым отличием. Даже в сомнениях есть ограниченный подход и глубинный подход.

С одной стороны, мы можем сомневаться, как хитрая лиса, которая не ступит на лед, пока он не станет таким прочным, что выдержит слона. С другой стороны, бывает Великое Сомнение, которое положительно, активно, дерзновенно и в этом подобно любознательности, только намного сильнее и глубже.

Приобретение обычных знаний напоминает накопление того, что нам по праву не принадлежит, но в дзэн человек постигает то, что не приходит и не уходит, вневременное. Вот почему говорят: “Чем быстрее, тем медленнее”. Чем больше вы ищете, тем дальше вы удаляетесь от него, потому что это открытый секрет. Любить Бога и своих близких — выше этого нет ничего. Марк Аврелий говорит:

Жизнь и смерть, слава и беславие, радость и уныние, богатство и бедность выпадают на долю праведных и неправедных, потому что всё это не хорошо и не плохо, не поощрение и не наказание.

**Привязываясь к просветлению, мы теряем равновесие
И неизбежно становимся на ложный путь.**

Наш опыт научил нас чему-то. Мы желаем передать его другим. Когда они подвергают его сомнению, мы сердимся и теряем самообладание, претендуя на обладание тем, что столь же неуловимо, как снежинки или радуга. При этом мы теряем не просто спокойствие рассудка, но и нечто большее, Срединный Путь, понимание того, что наши лучшие интерпретации жизни следует выбросить за борт вместе с сентиментальностью, жестокостью, снобизмом и глупостью, из-за которых наша жизнь становится ничтожной. Ложный путь — это не морально ошибочный образ жизни. Пороков, идеалов, рели-

гиозных догм в нем столько же, сколько и добродетелей, а свободы и справедливости столько же, сколько деградации и тирании. На ложном пути слишком много печали из-за неизбежных страданий, слишком много привязанности к радостям, которые должны прекратиться. На ложном пути мимолетное кажется непреходящим, и мы устремляемся в иллюзорные миры “за светом утренней звезды”. (Блейк)

**В непривязанности вещи таковы, каковы они есть;
В жизни мы ничего не приобретаем и ничего не теряем.**

Ухватите, и ваши руки окажутся пусты. Бросьте, и ваши руки снова наполнятся. Не просите, и вы получите. Таков железный закон. Но не-просение не является безразличием или пустотой. Оно подобно “слабости” женщин, которая одолевает самых сильных мужчин. Оно напоминает силу гравитации, которая без каких-либо движений валит на землю самые высокие башни. Почки без усилий раскрываются весной, листья без сожаления осыпаются осенью. Времена года сменяют друг друга, один за другим проходят годы и столетия, — но Действие, Великий Путь, не истощается. В нем нет присутствия и отсутствия, возрастания и убывания.

**Следуя естеству, мы живем в согласии с Путем,
Странствуем свободно и невозмутимо.**

Наше собственное естество не отличается от природы вещей, в которой нет неестественного. Адские твари, монстры морских глубин, бактерии наших внутренностей, извращения маньяков не могут ни удивить, ни напугать нас. Дзэнская жизнь и ее противоположность, страх и раздраженность, садизм и мазохизм, уничтожение жизни и красоты, исчезновение вселенной — ничто из этого не пугает нас. Наши собственные ошибки и просчеты, преступления и заблуждения становятся приятными. Когда они наказывают нас, мы получаем еще одно подтверждение постижения подлинной природы, скрытой за иллюзиями и отделенной от нас привычками, которые стали инстинктивными и черпают убедительность из Действия, вечно свершающегося внутри и вовне.

**Когда наши мысли ограничены,
Они темны, подавлены, ложны.**

Наши мысли *темны*, и поэтому мы не можем различить под ними подлинной природы вещей. Наши друзья превращаются во врагов, усиливая наши испытания, превращая их в одну бесконечную раздраженность. Мы не видим в ошибках и просчетах других проявление их природы Будды. Наши мысли *подавлены*. Они не плавают на волнах обстоятельств, которые могут топить нас или поднимать на поверхность. Вещи трудятся вместе для нашего общего блага, когда мы любим Бога, другими словами, когда мы пытаемся изменить не неизбежное, внешнее, а лишь свободное, внутреннее. В этом случае мы легки, словно пробка, как бы высоко нас не выносило на гребне волны и как глубоко бы нас не увлекало под воду. Наши мысли *ложны*, потому что они обманывают нас, когда говорят, что мы не свободны.

Совершенное служение, когда ничто не остается недоделанным или сделанным кое-как, лучше всего проиллюстрировать постоянной, неослабевающей заботой матери, которая меньше всего думает о долге и общественном мнении. Оглядываясь по сторонам и видеть лишь нехороших людей, мир глупости и злобы, жаловаться на то, что погода слишком тепла или слишком холодна, чувствовать, что стихии словно сговорились, чтобы досаждают нам, думать, что скорая смерть уже сейчас напоминает о себе резкими болями в теле и тупыми уколами страха — вот что значит быть связанным, погруженным в темные, мрачные волны мысли. Снова Марк Аврелий:

Когда дает о себе знать старость, не думай, что ты у нее в рабстве. Не страдай, когда она делает тебя подобным кукле, насмехается над тобой и не трогает твоих знакомых. Никогда не жалуешься на свое настоящее и не смотри с надеждой в будущее.

**Глупо возмущать свой ум,
Избегая одного и преследуя другое.**

Наш обычный ум и повседневная жизнь предполагают, что мы будем избегать чего-то одного и устремляться к чему-то другому, но “духовная жизнь”, которая иногда выходит из глубин души в сферу сознательной жизни, существенно отличается от нее:

Человек, погрузившийся в себя и постигший свою силу, впоследствии не имеет ничего общего с утонченными и прият-

ными, а также с грубыми и болезненными движениями своей жизни.

(Марк Аврелий)

**Если желаешь путешествовать в колеснице,
Не презирай шесть прахов.**

Шесть прахов — это свойства материальных объектов, воспринимаемых шестью органами чувств: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, мышлением. Колесница — это учение буддизма махаяны, которое называют также колесницей единства. В *Хоккэке* говорится:

Колесница Закона одна,
Их не две и не три.

Шесть прахов, точнее, чувственное восприятие и сопровождающие его неправильные идеи, являются причиной наших несчастий и страданий, не позволяют нам видеть вещи такими, каковы они есть, а также иметь спокойствие ума, которое от рождения по праву принадлежит нам. Старая *вака* напоминает, что ничто не является хорошим или плохим по своей природе, а таким его делает наше мышление:

Грехи и порок
Не следует устранять
Любой ценой.
Терпкая хурма станет сладкой,
Когда высохнет.

Если вы откажетесь от незрелой, терпкой хурмы, как вы получите спелую? Если вы избавитесь от шести прахов, где будет пребывать ваша колесница? Известная японская поэтесса сказала то же самое, только более сентиментально:

Он не пустил меня в дом —
Как грубо с его стороны!
Но по его милости
Я переночевала под цветущими вишнями,
Глядя на подернутую дымкой луну.

**Воистину, не презирать шесть прахов
Означает быть подлинно просветленным.**

Отсутствие ненависти, нетерпимости, отвращения, праведного негодования, различения и осуждения есть состояние Буддовости. Однако, это отсутствие не является противоположностью наличия. Это не пассивное состояние, как может показаться. Его нельзя описать словами “возлюбите своих врагов”. Это не отсутствие чувств или безразличие, а то неопишемое состояние сознания, в котором зло принимают, не осуждая. Джордж Элиот описывает это состояние так:

“Да, сэ, — сказал Льюк, протягивая руку хозяину, — вам это не покажется таким странным, когда вы увидите всё до конца. Вы привыкнете. Так моя матушка относится к одышке. Она говорит, что подружилась со своей одышкой, хотя и пыталась бороться с ней сначала”.

(Мельница у ручья)

Это значит, что мы не должны ненавидеть ненависть.

Мудрец не делает ничего;

Глупец сковывает себя по рукам и ногам.

“Мудрая пассивность” сродни пассивности природы:

Почки распускаются незаметно без спешки и замешательства, словно короткий весенний день — это вечность.

(Г. Торо. Неделя на реках Конкорд и Мерримак)

Мы сковываем себя желанием и отвращением. Мы ограничены воображаемыми препятствиями. В мире нет ничего сильнее заблуждения, долговечнее, чем это воображаемое “я” и его сиюминутные приобретения и потери, его мимолетная любовь и ненависть.

Истина не имеет различий;

Их порождает наша привязанность.

Между мудрецом и глупцом, между мудрой и глупой мыслью есть различие, но этого различия нет в Природе Вещей. Здесь всё подчинено единству, здесь царит равенство и закон. Горы и реки, птицы, звери и цветы являются одной неделимой, невидимой вещью. Однако, с другой стороны, каждая вещь является собой и ничем иным.

Она уникальна, незаменима, бесценна. Тождественность и различие — также тождественны и различны. В одно мгновение мы видим смысл вещи в отдельности от других вещей, в следующий — смысл вещи как целого. Самые глубокие прозрения не передать словами — и в то же время без слов не вообразить. Они случаются с нами тогда, когда мы знаем, что вещь, личность, цветок и крик птицы являются единичными и всеобъемлющими одновременно. Тождественность и различие, а также их тождественность и различие, тождественны и различны с парадоксальной природой нас самих, существующих и несуществующих одновременно.

Искать ум с помощью ума —

Что может быть глупее этого?

Привязанность к поиску просветления — последняя слабость религиозного человека. Абсурдность этой слабости очевидна. Ведь зачем искать Будду, которого мы уже имеем? Зачем стремиться освободить себя от оков, которые мы сами для себя придумали? Именно стремление найти уводит нас в сторону. Это прекрасно выражено в следующих словах:

В недрах гор спрятано сокровище;
Лишь тот, кто жужд желанию, найдет его.

Иллюзия порождает покой и движение;

Просветление устраняет любовь и ненависть.

Состояние обычного человека таково, что он либо удовлетворен результатами своей деятельности, либо пребывает в самом ее центре в надежде приобрести или потерять, радуясь приобретению или догадуя о потере. Просветленный легко теряет и легко приобретает:

Все эти пары противоположностей

Созданы нашей собственной глупостью.

Однажды к Догэну подошел несдержанный человек и попросил излечить его от вспыльчивости. Догэн попросил этого человека показать свою вспыльчивость, и тогда человек сказал, что не может этого сделать. В тот момент несдержанность человека перестала существовать, равно как и его терпеливость. И то, и другое созданы

глупостью и праздным воображением. Когда наш ум заполняется чем-нибудь не частично, а полностью, когда у нас не остается места для мелких страстей, мы действуем без колебаний и поспешности. То, о чем сказал Третий патриарх, во многом подобно старой пословице: “Сагана всегда найдет зло, которое праздный человек мог бы сделать”.

Мечты, фантазии, воздушные замки —

Почему мы так стремимся ими овладеть?

Эти порождения ума столь обычны, что нам кажется, что под ними есть какая-то конкретная реальность, а между тем они являются главными героями во всех трагических драмах, которые разыгрываются в нашей жизни. Устоявшиеся представления о чести, собственности, добродетельности неизбежно конфликтуют с идеями о недосягаемой и неизреченной истине, которая в конце концов побеждает их. Жесткость борется против подалливости, имя — против безымянности, однако в самой этой готовности умереть за невозможную веру мы видим, что обычный человек, каков он есть — это Будда, а заблуждения, каковы они есть — это истина, без которой реальность невозможна.

Наше стремление преодолеть заблуждения ошибочно. Заблуждение и истина, приобретение и потеря — если мы принимаем их добродушно, словно они посланы нам заботливым Богом, помня, что даже дьяволы боятся Его и служат Ему, тогда эти мечты, фантазии, воздушные замки приобретают достоинство и красоту. “Каждое заблуждение есть образ истины”, в каждой иллюзии бьется сердце человечества, стремящееся к истине под маской заблуждения. Но маска *есть* лицо.

Полезное и бесполезное, правильное и ошибочное —

Отказаться от этого раи и навсегда!

Здесь Сосан призывает нас отказаться от идеи о том, что полезное действительно идет нам на пользу и что существует индивидуальное “я”, которое может приобрести или потерять. Забывая все моральные принципы, мы должны следовать принципу: *Dilige, et quod vis fac* (Люби — и делай, что хочешь). Этот отказ от выбора, от суждения

не означает, что мы не выбираем приятное или не осуждаем ошибки. Суть здесь в том, что Бог делает это за нас, Бог, к которому часто не прислушиваются, который подставляет другую щеку и прощает наших врагов. Когда, например, в лице учителя или чиновника мы отдаем приказ, у нас даже мысли не должно возникать о том, что нам могут не подчиниться. И если нам не подчиняются, в нашем негодовании не должно быть ни следа *личного* раздражения или уязвленного самолюбия. Законы природы, законы человеческого общества были нарушены, и поэтому вполне естественно, что наши эмоции спонтанно реагируют на это.

Учение о том, что во всех своих действиях мы должны слушать Природу, опасно, но опасной является каждая истина, потому что она высвобождает космические энергии, которые могут легко выйти из-под контроля. Религиозное преследование, мегаломания, политический фанатизм — всё это нарушения принципа, который проповедует Третий патриарх, и мы узнаём об этих нарушениях по их плодам: по несчастьям, катастрофам, воплям диктаторов.

Если око не спит,

Сновидения уходят сами по себе.

Человеческая жизнь — это сон не потому, что мы видим мир недолго и хаотически, а потому, что видимое нами почти всегда связано с нашими личными интересами. Однако мы должны “усердствовать в своей глупости” до горького конца и тогда спросить: “Боже мой, Боже мой! для чего Ты Меня оставил?” (Мф. 27, 46) В такие мгновения мы пробуждаемся и видим вещи, какими они есть, в их таковости: гвозди вбитыми в дерево, дерево закопанным в землю, солнце садящимся за горизонт, мать плачущей возле своего сына, вселенную бесчеловечной, безбожной, каждую вещь осуществляющей закон своего бытия. Когда мы пробуждаемся ото сна относительно и субъективизма, кошмар славы и позора, лести и проклятия уходит сам по себе.

Если ум не делает различий,

Все вещи таковы, каковы они есть.

С вещами нет никаких проблем, если только мы оставим их в покое и будем сотрудничать с ними. Для этого мы должны согласиться, что свинец тяжелый, и использовать его в качестве балласта. Мы должны согласиться, что нож острый, и довериться скальпелю в руках хирурга. Мы должны избегать страданий, но не отделять себя от них, не усиливать реальность воображением. Юнцзя описывает это состояние так:

Луна отражается в ручье, ветер веет среди сосен,
Вечерняя прохлада, темная ночь — для кого это всё?

Всё это для других, для нас, ни для кого. Такова таковость вещей.

**В глубокой тайне “вещей, каковы они есть”,
Мы освобождаемся от привязанности к ним.**

Вещи, каковы они есть, холод льда и шум дождя, падение листьев и тишина неба — всё это *окончательные* явления, которые нельзя подвергать сомнению или объяснять. Когда мы глубоко постигаем их, наше отношение к ним, их правильное и неправильное использование, все связанные с ними удовольствия и страдания забываются.

**Когда мы смотрим, не делая различий,
Вещи возвращаются к своей природе.**

Здесь снова дадим слово Марку Аврелию:

Все, что случается, столь же обычно и знакомо, как весенняя роза или летние сборы урожая.

**Никакими аналогиями невозможно описать
Состояние, в котором отношения прекратились.**

Метафоры и сравнения, басни и притчи можно использовать для описания того, что принадлежит к относительному, интеллектуально постигаемому миру, но даже самые простые и привычные переживания реальности — прикосновение к горячей воде, запах камфарного масла — непередаваемы никакими художественными средствами. Что уж и говорить тогда об Отцовстве Бога, бессмысленности смысла, абсолютной ценности поп-корна, ведь в таких случаях единство пустоты нашего сознания и пустоты вещей постигается как самосознательное действие, и необходимость в сравнениях пропадает.

В седьмой главе *Сутры помоста* приводится история встречи Нангаку (677-744) с Шестым патриархом.

— Откуда ты пришел? — спросил Шестой патриарх.

— Из Судзана, — ответил Нангаку.

— Из Судзана? Что такое Судзан?

— Мы не можем сказать, на что он похож.

В начале девятой главы той же самой сутры Эно цитирует *Вималакирти-нирдеса-сутру*:

Закон не имеет аналогий, так как он не относительный.

**Когда мы прекращаем движение, наступает не-движение;
Когда мы отказываемся от покоя, наступает не-покой.**

Ни покой, ни движение не имеют отдельной реальности. Это лишь два имени для обозначения единой невещественности, которую нельзя уничтожить, потому что она не была создана. Известная *вака* говорит:

Когда он дует,
Какой шум поднимает
Этот горный ветер!
Но когда он не дует,
Куда он уходит?

Ветер дует, ветер не дует, но разве что-то существует, кроме пустоты, кроме невидимого, неосязаемого, слышимого-неслышимого нечто?

**Когда нет ни движения, ни покоя,
Где пребывать Единству?**

Единство не более реально, чем дуализм. Относительное и абсолютное — два названия безымянного. Слово “дзэн” используется как алгебраический знак для обозначения всего безымянного, всего того, что выходит за пределы мышления, определений, толкований, но живет в словах или безмолвии и передается несмотря на наши усиленные попытки передать его. Действия не хороши и не плохи, ничто не хорошо и не плохо, а наше мышление делает его таковым. Другими словами, вещи одновременно хороши, плохи и не-хоро-

ши-и-не-плохи, относительны, абсолютны и, если хотите, не-относительны-и-не-абсолютны. Вещи чужды как дуализму, так и Единству.

В своем подлинном виде

Вещи не подчиняются никаким законам.

Речь идет о том, что вещи не подчиняются никаким научным, логическим, психологическим, философским или каким-либо другим законам. Д. Г. Лоуренс говорит: “Жизнь — это то, чего человек желает в глубине своей души”. Жизнь — это не что-то налагаемое на нас извне. В действительности, закон — это интеллектуальное, рациональное построение, относящееся только к интеллектуальным, рациональным аспектам вещей, которые оторваны от целого.

Для целостного, гармоничного ума

Индивидуальные действия прекращаются.

Когда ум находится в согласии со всеми существами и с Буддой, когда он един с вещами, он перестает действовать как отдельная сущность. То, чем Моцарт был у рояля, Бах у органа, Шекспир с пером в руках, Тернер у мольберта, — тем же мы с вами являемся в повседневных делах нашей жизни. Когда это не так, когда мы сомневаемся в своих действиях, наши действия не выдерживают критики, наша жизнь полна страха перед будущим и сожалений о прошлом. Тогда даже паук на своей паутине, даже фиалка возле камня вселяют в нас зависть, понимание нашей отдаленности от Бога, которую не могут восполнить никакие наслаждения.

Одни люди склонны акцентировать различия, другие — бессмысленное единство. И те, и другие ошибаются, вторые, наверное, больше, чем первые. Для исправления этой ошибки вспомним поговорку:

Высокое место находится на высоком уровне;

Низкое место находится на низком уровне.

Все сомнения проясняются;

Подлинная вера подтверждается.

Подлинная вера и сомнение возможны лишь там, где идет речь о вселенском Благе, которое мы пристально и самоуглубленно ищем в себе. Если с самого начала мы откажемся от личного Божества, ин-

дивидуального бессмертия и так далее, мы не разрешим своих сомнений и не утвердимся в вере. Мы не должны предъявлять требования к миру. “Не суди”, — эта заповедь здесь также уместна. Стоять в стороне от вещей и задавать вопросы, хвалить и порицать их — в этом наша основная ошибка. Жить их жизнью, умирать их смертью, быть раздавленным вместе с червем и сгореть вместе с мотыльком в пламени свечи — вот единственная возможность постичь тайну бессмысленного страдания, решить проблему утраты красоты и блага.

Ничто не остается позади;

Ни о чем не нужно помнить.

Мы не обязаны “подражать Будде”. У нас нет заученных формул, непродуманных принципов, подгонки под имеющиеся представления, предрассудков и идеалов, которым мы должны следовать. Мы можем пройти обряд крещения, если чувствуем к нему расположение, или же предпочесть сожжение на костре. Мы предоставляем другим такую же свободу. Никого не нужно обращать в ту или иную веру. Совершив ошибку или поступив неправильно, мы с удвоенным рвением приступаем к следующему делу. Опрометчивый поступок не может выбить нас из колеи и заставить многократно вспоминать о нем с угрызениями совести.

Пустота, ясность, сознание;

Никакого напряжения в ментальных действиях.

Пустота означает, что ничто не переполняет ум, в котором осталось личных интересов. *Ясность* означает, что мы видим нерациональное так же четко, как и рациональное, замечаем отвратительное так же четко, как и прекрасное. *Сознание* означает, что истина не приходит в нам извне, а изначально пребывает в нашем внутреннем мире.

Лишнее напряжение в ментальных действиях было свойственно Отелло, мистеру Тулливеру, мистеру Домби и героям всех трагических драм. Нет ничего трагичного или комичного; мышление делает его таковым — мышление актеров и мышление внимающей им аудитории, которая отождествляется с интересами актеров, живо пережи-

вает их неудачи, но все же остается самосознательной в том смысле, что безрассудность и добровольная гибель героев не становятся их собственными.

**Вот где мысль бесполезна;
Вот куда знание не проникает.**

Этот стих переключается со словами из *Лотосовой сутры*: “Великий закон не охватить мыслью, не постичь рассудком” и предвосхищает ответ Уммона монаху, который спросил:

— Где мысль бесполезна?

— Знание и эмоции не могут постигнуть! — последовал ответ.

Это безмысленное, безвестное, безэмоциональное состояние, в котором мысль, знание и эмоции сплелись в инстинкты высшего порядка, можно выразить с помощью слов: “Лотос цветет среди пламени”.

Это высказывание слишком интеллектуально в своем отрицании интеллекта. Более уместны следующие слова Торо:

Водоросли на дне реки, плавно раскачивающиеся, овеваемые водяным ветром, выросшие там, где упали их семена, обреченные вскоре умереть и последовать дальше по течению; светлые камни, неподвижно лежащие, равнодушные к возможности улучшить свое положение; щепки и стебли камыша, а изредка целые бревна и стволы деревьев, проплывающие мимо, следующие своей судьбе — всё это возбуждало во мне необычайный интерес, и в конце концов я тоже решил довериться заботливому течению реки и плыть туда, куда она меня вынесет.

(Неделя на реках Конкорд и Мерримак)

**В мире реальности
Нет личности, нет безличностного.**

Говорить это легко; верить в это интеллектуально нетрудно. Эти слова обладают эмоциональной, поэтической притягательностью, перед которой лишь немногие могут устоять. С полным желудком, с кругленькой суммой в банке, когда дела идут хорошо, такое учение принять легко. Но когда пищи не хватает, когда мы потеряли работу, в часы уныния, когда умирают дети и наша собственная смерть кажет-

ся недалекой — можем ли мы радоваться с теми, кто радуется, и скорбеть с теми, кто скорбит?

О себе могу сказать, что ничто более не помогает мне безропотно принимать свой жребий, чем видение страданий других людей или знание о том, что мои дети умнее и милее, чем дети моих коллег. Как далеко это от идеала приведенных выше строк!

**Если ты желаешь познать эту реальность,
О ней можно сказать лишь: “Нет дуализма!”**

Но даже слова: “Нет дуализма!”, понимаемые как отсутствие относительности, воздержание от суждения, осознание без выбора, нельзя возводить в жизненный принцип. Их можно использовать для оценки нашего поведения в прошлом или как идеал для будущих действий, но к жизни, которая свершается в вечном настоящем, они не применимы, потому что об этой жизни нельзя сказать вообще ничего.

**Когда нет дуализма, все вещи суть Единство;
За пределами Единства нет ничего.**

Когда Торо был при смерти, его спросили, обрел ли он примирения с Богом, на что он ответил: “Мы никогда не ссорились”. В мире Торо присутствовало всё, ничто не было отвергнуто и превращено во врага. Там, где нет дуализма, нет и ссор. Когда Бог в течение двух лет жил у озера Уолден, Торо не критиковал, не восхвалял, не порицал Его. У св. Августина есть слова: “Счастлив, кто живет, внимая намерению Бога”.

**Просветленные всех времен и народов —
Каждый из них сроднился с этой Истиной.**

Это звучит угнетающе. Можно подумать, что обычные люди здесь ни при чем. Однако, Сосан желает сказать, что лишь немногие осознают, что проникли в мир Будды, в котором существуют все без исключения люди и вещи. Даже воробей не может лишиться Божьего попечения, но сколько бы человек ни носил власяницу, сколько бы он ни занимался умерщвлением плоти, он не может изменить промысел Божий. Можно только осознать свое подлинное состояние, и о том, кто осознал его, говорят: “Он сроднился с этой Истиной”.

**Истину нельзя увеличить или уменьшить,
Мимолетная мысль длится миллиарды лет.**

Ограничения пространства и времени не имеют силы перед Истиной. Путем, природой Будды. Длинное и короткое, близкое и далекое, мгновенное и вечное — всё включено сюда, не только на словах. Блейк говорит: “Каждой мыслью полнится безбрежность”.

Нет близкого и далекого;

Бесконечность пребывает у нас перед глазами.

Деление на близкое и далекое — проявление дуализма, ограничение совершенной жизни. Бесконечность находится у нас перед носом. Наш нос бесконечно длинный. Юнцзя говорит:

Зеркало сознания сияет ярко и незамутненно;

Всё во вселенной беспрепятственно отражается в нем.

Когда это сознание становится нашим сознанием, когда нам не скучно быть *здесь*, когда мы не стремимся быть *там*, когда жизнь вещей входит в нас и выходит из нас с каждым нашим вдохом, когда мы живем в прошлом нашего мира и не желаем устранить то, что было, когда мы видим призрачное будущее нашего мира и не пытаемся его избежать, тогда мы живем вневременной жизнью *сейчас* и внепространственной жизнью *здесь*.

Бесконечно малое не меньше бесконечно большого;

Все различия существуют в нашем воображении.

Таково сведение к абсурду поэтической повседневной жизни, в которой великое и малое принято считать взаимоисключающими качествами. Если крайности сходятся, то же можно сказать о середине и всем остальном. Пределы и границы изобретены людьми. Но что человек соединил, то он может и разъединить. В качестве примера приведем стихотворение:

Гора Фудзи
Хороша в солнечную погоду,
Хороша в дождь —
Ее подлинная форма
Не меняется.

Торо говорит: “В безветрие самая мелкая вода бездонна”.

Бесконечно большое не больше бесконечно малого;

Ни один глаз не увидит различия между ними.

Лежа ночью в лагере, Торо говорит о “лае сторожевых собак от самого громкого и хриплого лая до наиболее утонченных сотрясенный воздуха, которые когда-либо звучали под небом”.

Что есть, того нет;

Чего нет, то есть.

Так звучит наиболее парадоксальное высказывание в учении махаяны. Оно соответствует христианскому (мистическому и, поэтому, еретическому) утверждению о том, что Бог выше всех качеств и утверждений, и ничего нельзя сказать даже о его существовании. Ведь представление о “существовании” — фантазия, которую разделяют те, кто болезненно увлечен жизнью. То же самое можно сказать и о “несуществовании”. Жизнь — сон, но то же самое можно сказать и об этом высказывании. Глубоко осознать эти слова нелегко.

Когда мы говорим, что нереальность также нереальна, это не значит ничего, особенно тогда, когда наш ум устал. Подобные высказывания раздражают нас своей нелогичностью. Они ставят нас лицом в лицу с парадоксом, понять который мы не в силах. Поэтому говорить такие вещи себе и другим нужно лишь тогда, когда мы знаем, о чем говорим. В противном случае, часто повторяя чужие суждения, мы уподобимся язычникам, которые не осознают, когда их посещает божественное вдохновение.

Так, смерть страшна своей необратимостью, но иногда, когда мы меньше всего его ждем, нас посещает понимание, что индивидуальная душа не может прекратить существовать, потому что ее никогда не существовало. То, что рождается, сразу же умирает. В каждое мгновение мы ничего не можем сказать ни о существовании, ни о несуществовании, — но какая большая разница между живым ребенком и его бездыханным телом!

Обратите внимание на предложение из книги Торо, представленное в виде хайку:

На старом
Деревянном мосту —
Никто.

Этот Никто, подобно безлюдным дорогам, пустым стульям, беззвучным органам, содержит больше поэзии, больше смысла, осознанности, постоянства, чем любой мыслимый путник. “Никто” в данном случае не подразумевает “никого и ничего вообще”. “Никто” здесь означает “всё и вся”: вы, я, Бог — все мы вечно переходим по трясущемуся деревянному мосту и, подобно дерзким любовникам на греческой вазе, никак не достигнем цели.

**Пока ты не постиг этого,
Твое понимание ничего не стоит.**

Здравый смысл восстает против утверждения: “Чего нет, то есть; что есть, того нет”. Но на практике одно лишь это высказывание имеет смысл. История о монахе, которого похвалили за то, что он принес плетёную корзину, чтобы собирать воду, капающую из протекающей крыши, иллюстрирует единство того, что есть, и того, чего нет. Ведро или корзина — все равно. Лекарство для одного — яд для другого. Лист травы — двухаршинный золотой Будда. Жизнь — постоянное умирание.

Если же вы будете придерживаться так называемой здоровой точки зрения (которая более гибка, чем мы можем себе вообразить), вы обнаружите, что жесткое деление на правильное и неправильное, на полезное и бесполезное, на безопасное и вредное — неприменимы к вашим проблемам и обстоятельствам жизни, которые вы чувствуете и переживаете. Блейк говорит:

Прислушайся к оскорблению глупца — ведь это королевский титул!

Юнцзя говорит то же самое за тысячу лет до Блейка:

Пусть другие плохо отзываются обо мне, злословят на меня,
Сколько бы они ни жгли небо огнем, они лишь утомятся.
Слушать их — все равно что пить нектар вечной жизни,
Всё уходит, а я оказываюсь в удивительном мире.

**Одна вещь — все вещи;
Все вещи — одна вещь.**

Это высказывание в крайней форме выражает состояние сознания, к которому мы непроизвольно стремимся. В логике это состояние называется парадоксом, в литературе — метафорой, на популярном жаргоне, по соглашению, — гениальностью или безумием. Один юморист, описывая красавицу-актрису, сказал: “Когда она входит в комнату, комната возникает вместе с ней”. Забудьте об этих словах и сделайте шаг туда, где

Одно предложение разделяет небо и землю,
Один меч уравнивает все вещи под луной.

Действительно, увидев один цветок, вы увидели не только все остальные цветы, но и все не-цветы. Один принцип, одна жизнь, одно одушевленное или неодушевленное проявление движется и содержит в себе все вещи, и поэтому говорят:

Один взгляд — и сознание вместило всё,
Подобно великому круглому зеркалу.

**Если это верно для тебя,
Незачем беспокоиться о совершенном знании.**

Беспокойство — наш величайший враг. Поиск просветления откладывает его. Ошибочным является не страдание или скорбь, а мысль о том, что мы страдаем и скорбим. Муссолини сказал: “Никогда не оглядывайся назад”. Поэтому, постигнув единство вещей хотя бы временно, давайте не будем терять твердой убежденности в нем, рассказываясь в своих грехах и упущениях, сожалея о несостоятельности слов и действий. Торо говорит:

В пени петуха слышится одна добродетель — свобода от печали. Певцы могут легко повергнуть нас в слезы или смех, но кто может вселить в нас чистую радость утра? Когда рано в воскресенье среди унылой сырости я шагаю по деревянному настилу тротуара или среди жуткой тишины стою у гроба в доме, где кто-то умер, и вдруг петух своим криком оглашает переулоч, я думаю: “По крайней мере одному из нас сейчас хорошо”, и тогда что-то во мне пробуждается, и я внезапно прихожу в себя. (Прогулки.)

Тот же самый дух дышит в словах Миямото Мусаси, великого мастера меча и художника:

Что касается меня, я не сожалею ни о чем.

Верящий ум недвойственен;

Двойственный ум не может быть верящим.

Когда мы верим во *что-то*, это нельзя назвать верящим умом. Если мы говорим, что верим в себя, мы совершаем ошибку в переживании или в высказывании. “Верящий ум верит в самое себя”, — если понять эти слова правильно, они не содержат ошибки. В *Ланкаватара-сутре* говорится:

Вера в подлинную жизнь вне времени — вот что такое верящий ум.

Еще яснее звучат слова из *Нирвана-сутры*:

Верящий ум — природа Будды.

Здесь не возникает опасности, что кто-то будет верить во что-то. Природа Будды — это подлинная природа каждой вещи и каждого существа. Верящий ум — действие Будды. Менуэт Гайдна, молитва Господня, котенок, который ловит падающие осенние листья — всё это ясные мысли этого ума, гармоничные движения природы Будды. Все эти проявления единичны, уникальны, полны, всеобъемлющи и поэтому совершенны.

Его не описать никакими словами;

Для него нет прошлого, настоящего, будущего.

Язык построен на временных соотношениях. Путь лежит за пределами времени. Путь присутствует в языке, не отрицая его. Тишина также является разновидностью разговора подобно тому, как промежутки холста между мазками составляют неотъемлемую часть картины. Путь лежит вне времени, но он не может без него. Вечность и время любят друг друга. Пребывая в божественном единении, они объемлют друг друга — но в то же время они всегда различны для человеческого взора.

Синдзинмэй

На Великом Пути нет трудного,
Только избегай выбора!

Лишь когда ты чужд любви и ненависти,
Он возникает перед тобой в полной ясности.

Отступи от него на волосок,
И глубокая пропасть разделит Небо и Землю.

Если желаешь постичь подлинный облик вещей,
Не поддерживай и не выступай против.

Конфликт устремленности и неприятия —
Это болезнь ума.

Не постигнув глубинного смысла вещей,
Мы напрасно возмущаем изначальный покой ума.

Совершенный, как великое пространство,
Великий Путь не ведает недостатка или избытка.

Воистину из-за того, что принимаем и отвергаем,
Мы не можем постичь *таковость* вещей.

Не будь апологетом и даже сторонником
Учения о пустоте.

Когда сознание пребывает в покое,
Ложные представления исчезают сами по себе.

Когда активность прекращается и воцаряется покой,
Этот покой, в свою очередь, является состоянием

активности.

Пребывая в движении или покое,
Разве можно познать Единство?

Если мы не постигли единства Великого Пути,
И действие, и покой лишены смысла.

Когда устраняешь феномены, теряешь подлинный облик
вещей.

Когда увлекаешься Пустотой, отворачиваешься от
глубинной природы вещей.

Чем больше разговоров и размышлений,
Тем дальше от истины.

Если ты прекратил разговаривать и размышлять,
Нет места, куда бы ты не мог пойти.

Возвращаясь к корню, мы постигаем суть;
Увлекаясь видимостью, мы теряем дух.

Лишь на миг устремив взор внутрь,
Мы выходим за пределы пустотности вещей.

Изменения, происходящие в Пустоте,
Кажутся таковыми в силу неведения.

Не стремись к истине;
Просто откажись от своих мнений.

Не потакай относительному видению вещей,
Старательно избегай его.

Если остается хотя бы след чего-то одного,
Истина потеряна в океане замысловатости.

Двойственность возникает из Единства;
Но не привязывайся к этому Единству.

Когда ум целостен, а мысли неподвижны,
Всё в мире безупречно.

Если вещи безупречны, они уходят из жизни,
Если мысли неподвижны, нет и сознания.

Вещи исчезают, и ум уходит вместе с ними;
Ум исчезает, и вещи следуют за ним.

Вещи есть вещи в силу наличия ума,
Ум есть ум в силу наличия вещей.

Если вы желаете знать, что такое ум и вещи,
Скажу, что изначально это Пустота.

В этой Пустоте ум и вещи составляют одно;
Мириады феноменов содержатся в обоих.

Если ты не можешь отличить утонченное от грубого,
Как ты можешь поддерживать или выступать против?

Действие Великого Пути широко;
Оно не легко и не трудно.

Узкие мнения полны лисьих страхов;
Чем быстрее, тем медленнее.

Привязываясь к просветлению, мы теряем равновесие
И неизбежно становимся на ложный путь.

В непривязанности вещи таковы, каковы они есть;
В жизни мы ничего не приобретаем и ничего не теряем.

Следуя естеству, мы живем в согласии с Путем,
Странствуем свободно и невозмутимо.

Когда наши мысли ограничены,
Они темны, подавлены, ложны.

Глупо возмущать свой ум,
Избегая одного и преследуя другое.

Если желаешь путешествовать в колеснице,
Не презирай шесть прахов.

Воистину, не презирать шесть прахов
Означает быть подлинно просветленным.

Мудрец не делает ничего;
Глупец сковывает себя по рукам и ногам.

Истина не имеет различий;
Их порождает наша привязанность.

Искать ум с помощью ума —
Что может быть глупее этого?

Иллюзия порождает покой и движение;
Просветление устраняет любовь и ненависть.

Все эти пары противоположностей
Созданы нашей собственной глупостью.

Мечты, фантазии, воздушные замки —
Почему мы так стремимся ими овладеть?

Полезное и бесполезное, правильное и ошибочное —
Отказаться от этого раз и навсегда!

Если око не спит,
Сновидения уходят сами по себе.

Если ум не делает различий,
Все вещи таковы, каковы они есть.

В глубокой тайне “вещей, каковы они есть”,
Мы освобождаемся от привязанности к ним.

Когда мы смотрим, не делая различий,
Вещи возвращаются к своей природе.

Никакими аналогиями невозможно описать
Состояние, в котором отношения прекратились.

Когда мы прекращаем движение, наступает не-движение;
Когда мы отказываемся от покоя, наступает не-покой.

Когда нет ни движения, ни покоя,
Где пребывать Единству?

В своем подлинном виде
Вещи не подчиняются никаким законам.

Для целостного, гармоничного ума
Индивидуальные действия прекращаются.

Все сомнения проясняются;
Подлинная вера подтверждается.

Ничто не остается позади;
Ни о чем не нужно помнить.

Пустота, ясность, сознание;
Никакого напряжения в ментальных действиях.

Вот где мысль бесполезна;
Вот куда знание не проникает.

В мире реальности
Нет личности, нет безличностного.

Если ты желаешь познать эту реальность,
О ней можно сказать лишь: “Нет дуализма!”

Когда нет дуализма, все вещи суть Единство;
За пределами Единства нет ничего.

Просветленные всех времен и народов —
Каждый из них сроднился с этой Истиной.

Истину нельзя увеличить или уменьшить,
Мимолетная мысль длится миллиарды лет.

Нет близкого и далекого;
Бесконечность пребывает у нас перед глазами.

Бесконечно малое не меньше бесконечно большого;
Все различия существуют в нашем воображении.

Бесконечно большое не больше бесконечно малого;
Ни один глаз не увидит различия между ними.

Что есть, того нет,
Чего нет, то есть.

Пока ты не постиг этого,
Твое понимание ничего не стоит.

Одна вещь — все вещи;
Все вещи — одна вещь.

Если это верно для тебя,
Незачем беспокоиться о совершенном знании.

Верящий ум недвойственен;
Двойственный ум не может быть верящим.

Его не описать никакими словами;
Для него нет прошлого, настоящего, будущего.

Приложение II

ТРИ ДЗЭНСКИХ ЭССЕ

Четыре японских монаха

Японцев нельзя назвать религиозными людьми в обычном смысле слова. Японцы могут религиозно пить чай, религиозно делать цветочные композиции, религиозно писать поэзию, рисовать картины и строить храмы. Они могут даже религиозно убивать и религиозно ходить в уборную, но они не могут быть просто религиозными людьми. В церкви или в храме они выглядят лицемерами и подлецами. Поэтому, обращаясь к четырем величайшим дзэнским монахам Японии: Иккю (1394-1481), Такуану (1573-1645), Хакуину (1685-1768) и Рёкану (1758-1831) (я не включил в этот список Догэна, потому что считаю его одержимым, непоследовательным, неприятным), мы не должны искать в них того, что находим у Мумона или Риндзая. Упрямство китайцев сменилось мягкостью японцев; твердое здесь стало жидким. Таким образом, нам лучше начать с Рёкана, но не потому что он самый великий из этих четырех монахов, а потому что, по-моему, если мы сможем понять Рёкана, мы сможем понять всех остальных. Он служит примером и задает тон.

Рёкан

Рёкана вы не найдете в *Дзэнсю дзитэн* (Дзэнском словаре) и даже в самых подробных буддистских словарях, но в японской литературе и каллиграфии ему отведено почетное место. Фактически, если бы мы не знали, что он относится к Дзэнсю (секте Дзэн), мы бы отнесли его к Дзёдосю или Синсю, то есть к традиции буддизма *тарики* (спасения без приложения усилий). Именно эта антисоциальная, антиобщественная черта Рёкана наиболее интересна. Однако, в этом человеке мы находим не презрение к миру в духе Дао Юньмина или Ёсида Кэнко. Рёкан чувствовал себя не выше, а ниже обычных людей, но не из-за комплекса неполноценности, а потому что он действительно был ниже их во всем, кроме самопознания. Рёкан был в некотором смысле юродивым. Отчасти поэтому он стал монахом и жил в одиночестве.

В детстве я, как и все английские дети, зачитывался *Робинзоном Крузо*. Но мне кажется, я читал эту книгу чаще и усерднее, чем другие мальчишки, но не потому, что хотел стать путешественником, побывать в далеких странах или вести жизнь, полную опасностей и приключений, — ничего подобного. Просто мне хотелось жить в одиночестве, как жили Джон Клер или Вордсворт, а еще лучше — как жили древние китайские и японские отшельники вроде Хандзана и Тёмэя. Подобное желание возникает вследствие особого малодушия, тупости, но оно толкает человека в сторону природы, поэзии и одиночества. Таким образом, физическая трусость и неспособность относиться к жизни критически обладает духовной ценностью, которую наполеоны и нищие мира сего часто не замечают.

Сома Гёфу не только написал много книг о Рёкане, но — и это самое странное — глубоко понял этого человека. Одну из своих книг Сома назвал *Великий юродивый Рёкан* — причем если мы постигнем смысл слова “юродивый”, оно станет для нас ключом к пониманию жизни Рёкана и его человеческого достоинства. В первой главе *Первого послания к коринфянам* св. Павел приближается к смыслу юродивости, особенно в стихе двадцать пятом: “Немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков”. В средние века по всей Европе была мода на шутов — и шут из *Короля*

Лири приближается к Рёкану по своей слабости, пафосу, правдивости и пониманию трагизма человеческой жизни. Однако, в отличие от шуток из трагедии Шекспира, у Рёкана нет желания поучать королей. Как дитя Господне, дитя Будды, дитя природы, Рёкан чувствует себя в своей стихии, общаясь с детьми:

*Кодомора-то тэ тадзусаэтэ хару-но но ни
Вакана-о цумэба таносику ару кана*

Как я счастлив,
Когда, взявшись за руки
С детьми,
Иду собирать цветы
На весенние поля!

Рёкан часто упрекает себя, но никогда не ставит под сомнение свой образ жизни. Однако, он и не предлагает его другим в качестве образца для подражания. Возможно, Рёкан считал, что каждый человек должен жить (и обязательно живет) в соответствии со своей подлинной природой. Все дело в том, какова природа этого конкретного человека. Какова моя природа? Какова ваша природа? Одинаковы ли они? Можно ли их назвать “природой Будды”? Едва ли можно, потому что в результате возникло бы ужасное единообразие. В любом случае, каждый человек должен свободно самовыражаться, а не действовать в соответствии с некоторой надуманной теорией о глобальной и всеобщей природе людей.

На самом деле, подобрать ключ к внутреннему миру Рёкана не могут не столько “грубые руки мира сего”, сколько образование, мораль и официальная религия. Бедный, слабый человек, который не делал ничего для человечества, который, подобно насекомому, жил смиренной жизнью, — почему этот человек из народа, этот простой Симон так берет за душу в век силы и громогласных призывов служить людям? Рёкан не работал даже три дня в неделю, как Торо:

Таку-ходо ни кадзэ га мотэ куру отиба кана

Ветер принесет достаточно
Опавших листьев
Для костра.

Мы готовы считать Рёкана художником, поэтом и (что теперь общепризнанно) великим каллиграфом, но он сам говорит:

Я не люблю три вещи: стихи поэта, почерк каллиграфа и угощение повара.

Рёкан никогда не проповедовал, никогда не пытался загонять людей на Небеса. Подобно Христу из романа Д. Г. Лоуренса *Человек, который умер*, он мог сказать: “Учитель и спаситель мертвы во мне”. Он никогда не делал добрых дел и жил свободно, как ему хотелось, но крестьяне любили его и восхищались им. Никто не стремился отравить или распять его. С одной стороны, жизнь Рёкана была чистой и спокойной. Она приносила ему глубинное удовлетворение вроде того, которое Вордсворт находил в светлячке или куковании кукушки:

*Куса-но ой ни аси сасинобэтэ коямада-но
ямада-но кавадзу кикуга таносиса*

Какое счастье
Слышать кумканье лягушек
На горных лугах,
Когда лежишь, растянувшись,
В хижине из соломы!

Но, с другой стороны, он не забывал неурядицы своего времени: распад военного правительства Токугава, брожения в народе, самоубийство своего отца, пошлость, зубоскальство — ведь даже традиция *сэнрю* в это время переживала упадок. Он не мог не сокрушаться о мире:

*Омоумадзи омоумадзи-то ва оmozэдомо
омоидаситэ-ва содэ сиору нари*

Хотя я думаю
Больше не думать об этом,
Я все же думаю об этом,
И мои рукава мокнут от слез,
Когда я думаю об этом.

Какое у него теплое, простое, отзывчивое сердце! Его любовь к ближним не продиктована волей, он ее никогда не развивал; эта лю-

бовь непритворна и безыскусна. Она выросла в нем, когда он жил одинокой жизнью отшельника, углубляя и очищая свое понимание жизни. Эмерсон говорит:

Когда полубоги уходят,
Боги приходят.

Если мы ни к чему не привязаны, мы видим, что всё в мире опадает, подобно листьям осенью. И тогда наши чувства естественно обращаются к ближним, и мы “благословляем их, сами не ведая об этом”. Это сострадание включает также нас самих:

*Ямадзуми-но аварэ-о дарэ-ни катарамаси
марэ ми-ни по хито-но китэ мо тованэба*

Кому мне поведать
О своей одинокой
Жизни в горах,
Если люди не приходят ко мне
Даже изредка.

Шли годы, и душа Рёкана становилась все более безмятежной и неотделимой от природы, бескорыстной и ясной (исполненной света). Вот его последнее стихотворение:

*Катами-тотэ нани ка нокосан хару-ва хана
нацу хототогису аки-ва момидзиба*

Что я оставлю
В память о себе?
Цветы — весной,
Кукушку — летом,
Разноцветные листья — осенью.

Это напоминает последние строки стихотворения Вордсворта *Уроки у Природы*:

Она умерла и оставила мне
Эту пустошь, этот тихий безлюдный пейзаж.

Теперь мы видим, что Рёкан всегда жил в духе дзэн, о котором никогда не говорил и даже не думал. Он жил в дзэн так, как рыба

живет в воде, а птица в воздухе. Добрые не видят добра; для правдивых не существует правды и лжи, чтобы противопоставлять или отождествлять их. Если бы перед смертью Рёкана спросили, примирился ли он с Богом, он мог бы сказать то же, что и Торо: “Я никогда не ссорился с Ним”. У Рёкана было много общего с китайским отшельником Хандзаном, но еще больше он напоминает человека, описанного в стихотворении Вордсворта *Эпитафия поэта*:

Он спокоен, как полуночная роса
Или как фонтан в полуденной роще.
И вы полюбите его еще до того,
Как он покажется вам достойным любви.

Он немощен — одновременно старик и дитя —
И никогда не сделал ничего в своем краю.
Он рад, если ему удастся наслаждаться
Тем, что другие понимают.

Хакуин

Самое интересное в Хакуине — не те сомнительные истории, которые известны о нем, не его учение и заповеди для сохранения здоровья, а его реальная жизнь. Своей устремленностью к *сатори*, искренностью и уверенностью в себе он напоминает величайших дзэнских монахов Китая, но при этом ему немного недостает того, что можно было бы назвать широтой души. Только это не позволяет нам назвать его великим. Хакуина нельзя оправдать тем, что он жил в эпоху феодализма в стране, которая отделяла себя от остального мира. Басё, основоположник Пути Хайку, был современником Хакуина, но в нем не было ничего ограниченного, замкнутого, предубежденного или педантичного. Однако мы должны помнить, что если бы японский дзэн не был создан-открыт такими людьми, как Хакуин, Басё навсегда остался бы простым дилетантом.

Хакуин, возродивший традиции дзэнской секты Риндзай в Японии, родился в 1683 (Басё умер в 1684). С ранней молодости Хакуин был одержим страхом попасть в Ад. Когда ему исполнилось двенад-

цать лет, он пожелал стать монахом, но ему позволили осуществить свой замысел, только когда он достиг четырнадцатилетнего возраста. В пятнадцать он прилежно изучил сутру *Хоккэкё*, но не увидел в ней глубокого религиозного смысла и отозвался о ней с презрением, о чем раскаивался в зрелые годы.

Когда Хакуину было девятнадцать, он путешествовал по всей стране в поисках просветления. Тогда он не мог понять нескольких вещей, в том числе смерти Ганто (828-887), китайского дзэнского мастера танской эпохи. Предание об этом мастере гласит, что его предсмертные крики были слышны на много миль вокруг. Ужасная, неподобающая смерть Ганто не давала покоя Хакуину ни на миг. Одно время он даже бросил изучать дзэн и занялся изучением каллиграфии и китайской поэзии. Когда ему было двадцать три, во время медитации на коане *Му* мастера Дзёсю он пережил первое *сатори*. В книге *Оратэгама* Хакуин говорит, что в тот день услышал далекий звон колокола, и это произвело глубинный переворот в его сознании. Не теряя представления о себе, Хакуин постиг, что ни в чем не отличается от Ганто. Он увидел, что жизни-и-смерти не существует, и поэтому для достижения просветления не нужно искать высшей мудрости.

Теперь мы подходим к самому интересному эпизоду в жизни Хакуина — к его второму просветлению с легкой руки (легкой ли?) Сёдзю Родзина. Когда Хакуин пришел к Сёдзю, мастер с первого взгляда увидел, что Хакуин больше всего на свете гордится своим *сатори*. Сёдзю спросил у него:

— В твоём стихотворении говорится о том, что ты *узнал*, но скажи мне, что ты *постиг*?

— Если у меня есть, что вам показать, вы сейчас это увидите! — сказал Хакуин и сделал вид, что собирается блевать.

Сёдзю ударил его и попросил ответить на коан *Му* мастера Дзёсю. Хакуин сказал, что когда смотрит на *Му*, ему некуда девать руки и ноги.

— И все же, кажется мне, ты хорошо знаешь, куда девать руки и ноги! — едко заметил Сёдзю, вlepил ему затрещину и с тех пор всегда встречал словами: “Пошел прочь, дьявол из темной пещеры!”

Хакуин был в замешательстве, но начал понимать, что обладает не дзэн, а *дзэн-кусай* (отвратительным запахом дзэн), ведь подлинный дзэн не пахнет ничем — или пахнет всем.

Однажды, идя по улице, Хакуин подошел к двери дома, чтобы попросить милостыню. Женщина отказала ему, но он был в трансе и в ответ на ее слова не сдвинулся с места. Женщина, очевидно, была взбалмошной или же, подобно многим женам, сердитой на всех мужчин вообще. Она снова повторила свой отказ, но Хакуин не ответил, продолжая стоять как вкопанный, и тогда онахватила его метлой по голове. Хакуин упал без сознания, и когда пришел в себя, это был уже другой человек. С какой радостью Сёдзю встретил его! Восемь месяцев воспитания проклятиями принесли плоды.

Из-за аскетизма и непрестанных занятий *дзадзэн* Хакуин болел воспалением легких и другими болезнями, но смог излечить себя в течение трех лет с помощью того, что мы нынче называем самоушением. По его представлению, ум должен заполнить все части тела, каждый волосок и ямочку в коже, и тогда для болезни не останется места.

Однажды Хакуин занимался *дзадзэн* несколько дней и ночей подряд. Свое *сатори* тогда он запечатлел в очень хорошем стихотворении.

Как бы мне хотелось,
Чтобы люди услышали
В лесах Синода в старом храме
Эти приглушенные звуки снега
В сгущающихся сумерках!

Следует отметить, что выражение “приглушенные звуки снега” в данном случае подразумевает звуки, которые производят комья снега, падая с деревьев или крыши.

Когда Хакуину исполнилось тридцать один, он поселился в старом храме Сёиндзи возле горы Фудзи. Когда он впервые пришел сюда, храм был в запустении. Вот как Хакуин описывает свою жизнь в то время: “В храме не было пола. Сквозь крышу ночью сияли звезды. Когда шел дождь, и мне нужно было проводить церемонию в цент-

ральной части храма, я одевал плащ и высокие *гета*”. Однако, со временем всё наладилось, и поскольку храм был расположен на острове Токайдо, его посещали многие представители высших и низших сословий. Хакуин наставлял каждого в соответствии с его положением, беседуя с владыками о милосердии, с самураями о смерти, с чиновниками о простоте жизни, с фермерами о карме, со слугами о преданности.

В 1768 году, когда Хакуину было восемьдесят три, он заболел, но отказался послать за врачом. Вскоре его состояние ухудшилось. Затем ему стало очень плохо, он застонал и умер. Эта смерть таит в себе проблески какой-то необычайной гармонии — ведь когда-то этот человек был озадачен “неподобающей” смертью другого мастера.

Наиболее впечатляющее в Хакуине — его стремление к *сатори* как цели всей жизни. *Сатори* — бесценная жемчужина, и чтобы приобрести ее, человек должен продать всё, что у него есть. Своей целеустремленностью, суровым аскетизмом и воспеванием радости просветления Хакуин напоминает испанского мистика XVI века — св. Хуана де ла Круза, который “никогда не давал покоя своей плоти”. В *Восхождении на гору Кармель* де ла Круз говорит:

Такова сладостность и глубинный восторг сих коротких прикосновений Божьих, что каждое из них с избытком воздает за страдания жизни, коим несть числа.

В *Оратэгаме* Хакуин говорит о *сатори* как “о событии, сопровождающемся великой радостью, восхитительнее которой мы ничего не переживали.”

Радость просветления не связана с пониманием, что просветление, наконец, достигнуто. Это не удовлетворение, которое мы испытываем, когда осознаем, что “венеч славы уготован нам на Небесах”. Это радость, выражаемая Хакуином в начале *Песни медитации*:

Все живые существа изначально есть Будда.

И еще раз, в конце этого стихотворения:

Эта самая земля есть Лotosовая Земля Чистоты,
Это самое тело есть совершенное тело Будды.

Хакуин не пробуждает в нас такой душевной симпатии, как Рёкан, но затрагивает нечто более глубокое — вечное стремление к истине, той самой живой истине, без которой, как нам кажется, жизнь и любовь, смех и плач — все напрасно.

Такуан

Такуан Сохо родился в 1573 году и жил в самый интересный период истории Японии — во время правления трех первых *сёгунов*: Иэясу, Хидэтада и Иэмицу. Но в то же время можно сказать, что Япония XVI и XVII веков ничем не отличалась от других мест в любое другое время. В *Токайява* Такуан говорит:

Живя мирской жизнью, мы отворачиваемся от Пути: если мы не отворачиваемся от Пути, мы не живем мирской жизнью.

Первая часть жизни Такуана прошла в строгости и попытках проникнуть в открытые секреты дзэн. Он также изучал конфуцианство и китайское стихосложение под руководством Бунся.

В 1609 году, когда Такуану исполнилось 37 лет, он стал настоятелем знаменитого храма Дайтокудзи, в котором похоронен Ода Нобунага. Однако, вскоре Такуан отказался от этой должности. До нас дошло его стихотворение, в котором он говорит, что рожден быть странствующим монахом и поэтому не может жить “в столице в расписной клетке”. После этого Такуан вел одинокую жизнь до 56 лет (до 1628 года), занимаясь писательством и восстановлением нескольких знаменитых дзэнских храмов. Вот что он говорит о себе в сборнике *Токайява (Вечерние беседы в храме Токайдзи)*:

Я никогда не чувствую себя одиноким. Когда посетитель уходит, я чувствую, как радостно оставаться самому. Затем наступают сумерки, и я думаю: “Теперь никто уже не придет, я буду сам. Луна и дождь тоже одиноки и безмятежны, и я понимаю, что это мой дождь, моя луна”.

Эти слова могут показаться романтическими и сентиментальными, но дальше Такуан говорит, что это не так. Он объясняет, что

просто действует в соответствии со своей глубинной природой и не ищет аскетического или эстетического удовольствия. Ведь поиск удовольствия на лоне природы или в одиночестве мало чем отличается от поиска удовольствия в развлечениях и общении.

Вскоре Такуан был сослан. До этого времени главного священника храма Дайтокудзи (построенного в 1323 году Дайто Кокуси и ставшего известным в XV веке благодаря Иккю) всегда назначал император, но *сёгун* Иэясу пожелал делать это сам. Однако, Иэясу умер раньше, чем сумел добиться этого. Вторым *сёгун* предъявил столь высокие требования к священникам, что Такуан и другие монахи выступили с протестом, за что Такуан был сослан на Усю, где прожил с 1625 до 1632 года. Тем временем, император Гомидзуно в ярости отрекся от престола. Третьим *сёгун*, Иэмицу, любил и уважал Такуана и, чтобы удержать его в Эдо, построил для него храм Токайдзи.

Когда в 1645 году Такуан умирал, его попросили написать стихотворение. Он отказался, но затем все же написал иероглиф *юмэ* (сон) и умер. За год до этого родился другой выдающийся человек и поэт хайку, Басё, написавший перед смертью стихотворение, в котором встречался тот же иероглиф:

Болезнь в пути.
Мои сны разбрелись
По вересковой пустоши.

Интересно завещание Такуана. Такое же завещание мог бы оставить Бернад Шоу:

Похороните мое тело в горах за храмом. Просто засыпьте его землей и уходите. Не читайте сутр, не делайте алтаря, не принимайте поминальных приношений. В день похорон одежда и еда монахов должна быть такой, как обычно. Не требуйте присвоения посмертного титула. Не возводите надгробия и не ставьте доски с надписью. Не пишите моей биографии.

Такуан стремился вычеркнуть себя, Такуана, из истории, чтобы утвердить себя на Пути. В одном из своих писаний, в *Кэцудзёси*, он говорит, что у нас никогда не будет неприятностей, если мы будем считать, что пришли в этот мир как гости. Как гости, мы должны

хвалить еду, даже если она невкусная. Как гости мы должны с готовностью принимать летнюю жару и зимний холод. Как гости мы должны быть в хороших отношениях со своими близкими, которые пришли в этот мир на таких же правах, как и мы. В *вака* Такуан говорит:

Приглашенные родителями,
Мы приходим сюда
На время, как гости,
А затем уходим к Истоку
Без памяти о былом.

Такуан сочинял *вака* (классические пятистишья), *кёка* (безумные стихи), *утай* (пьесы Но) и *рэнка* (цепочки стихов). Он писал об уходе за садом и об искусстве чая, но многие знают его за две на первый взгляд не связанные между собой вещи: за рецепт квашения редиски, названный по его имени *такуан-дзукэ*, и за применение дзэн к искусству поединка на мечах. Сам Такуан был олицетворением знаменитой строки из *Алмазной сутры*, возможно, величайшей строки в истории человечества, которая подвигла на просветление Шестого патриарха Эно и создала всё, что есть лучшего в японской культуре:

О-му-сё-дзю-ни-сё-го-син

Пробуди ум, не останавливая его нигде.

Такуан применил это принцип к боевым искусствам, в которых человек ставит своей целью сразить противника. В начале *Фудоти-синмёроку* (*Писания о непоколебимой мудрости*) Такуан говорит:

Фудо означает “не двигаться”, однако смысл неподвижности здесь не в том, что вы должны быть подобны безжизненному камню или дереву. *Фудоти*, неподвижная мудрость, означает двигаться здесь и там, направо и налево, в любом направлении, в котором ум пожелает, но не позволять уму останавливаться ни на чем, не позволять ему цепляться ни за один объект... Если противник занесет над вами меч и ваш ум остановится на нем, вы не сможете двигаться естественно, и ваш противник убьет вас... Если же вы не останавливаете свой ум на мече и движениях противника, на

технике нападения и теории защиты, вы сможете обратить меч противника против него самого и убить его.

Если в этих словах Такуана что-то неправильно, это не убийство; убийство, как сказал де Куинси, относится к изящным искусствам. Ошибка Такуана в том, что он делает слишком сильный акцент на победе. Вполне понятно, что мы желаем победить, но дзэн — это не искусство побеждать. Дзэн — это искусство побеждать или терпеть поражение. Чтобы не заканчивать рассказ о Такуане на этой критической ноте, позвольте процитировать одно из лучших стихотворений Такуана, которое, как может показаться, не имеет ничего общего с нападением и защитой. Однако, в действительности, эта *вака* имеет непосредственное отношение к боевым искусствам, если только видеть в ней нечто большее, чем сентиментальность.

*Кокоро да ни макото-то мити-ни иру нараба
Инорадзу тотэмо kami я мамораму*

Когда в своем сердце
Мы следуем
Истинному Пути,
Боги будут с нами,
Даже если мы не читаем молитв.

Иккю

Иккю Дзэндзи — выдающийся монах в истории японского буддизма; единственный японец, которого можно поставить в один ряд с такими великими китайскими мастерами дзэн, как Дзёсю (778-897), Риндзай (ум. 867) и Уммон (ум. 996). Но Иккю отличался от этих и многих других мастеров тем, что не замалчивал существование секса. Подобно тому, как луна, освещая пруд, не делает дырки в воде, просветление — подлинное просветление — не лишает человека его человеческой природы.

Торо говорит в своем *Дневнике* за 1857 год: “Я вижу, как безбожники и атеисты объединяются в секты и каждое воскресенье собира-

ются по звону церковного колокола”. Иккю настолько же свободен от дзэн, *дзадзэн* и 1700 коанов, как Торо свободен от церквей, церковных проповедей и догм, — и поэтому для Иккю нет места в официальной версии истории дзэн. Иккю напоминает также священника XIX века Сидни Смита, которого следовало бы назвать анти-священником, потому что он верил в целительную силу юмора и не заботился о том, что о нем подумают. Иккю не похож на Басё и Рёкана. В нем нет “умиротворенности”; он может быть непристойным. Иккю больше других напоминает дзэнского монаха Сэнгай (1750-1837), который тоже общался со всеми сословиями и нарисовал лучшие *дзэнга* (дзэнские рисунки). Подлинного Иккю очень трудно понять. В нем есть неуловимая чистота. В нем нет орла и решки, которые присущи даже парадоксам. Он воистину подобен облаку в небе, пене на поверхности воды, тени от бамбука на ступенях дворца и шуму ветра на рисунке.

Иккю родился в канун нового 1394 года, за шесть лет до смерти британского поэта Джеффри Чосера. Мать Иккю была фрейлиной императора Го-Комацу, сотого императора Японии. Вероятно, она пользовалась особой расположенностью императора, потому что забеременела, чем навлекла на себя немилость императрицы (так гласит предание), которая настояла на ее увольнении. Когда Иккю исполнилось двадцать лет, он узнал о Касо Дзэндзи из Кагада, пожелал обучаться у него, долго добивался согласия мастера и в конце концов был допущен. Храм, в котором жил Касо, был в очень плохом состоянии, и еды в нем едва хватало для поддержания жизни. Когда продукты и одежда полностью заканчивались, Иккю изготавливал благовония, продавал их в Киото и возвращался обратно с вырученными деньгами.

Шесть лет длилась своеобразная дуэль угрюмого учителя и отчаянного ученика. Утром 20 мая 1420 года, услышав карканье ворона, Иккю достиг просветления. В 1428 году Касо умер; Иккю тогда было 34 года. Когда Касо дал ему первое письменное подтверждение просветления, Иккю его выбросил. Тогда Касо написал другое подтверждение. После смерти мастера этот документ попал в руки Иккю, и он плакал, читая его:

Когда ты, Дзюн-дзосу (Иккю), был просветлен, я дал тебе свиток с буддистскими заповедями. Ты спросил, почему я пытаюсь привязать тебя к столбу, словно осла, и ушел прочь, взмахивая рукавами... Подлинный Закон секты Риндзая потерян, и ты, Дзюн-дзосу, должен восстановить его. Ты — мое дитя. Держи это в своем сердце. Подумай об этом.

27 мая года Оэй, Касо

После смерти учителя Иккю посвятил себя наставлению учеников и обличению лживых монахов своего (и не только своего) времени. Где бы Иккю ни жил, в горной хижине или в храме Дайтокудзи, он был окружен ревностными последователями. В 1467 году началась гражданская война, Киото был разгромлен, и Иккю стал отшельником в Ямато, Идзуми и Сэццу. В 1475 году император попросил Иккю возглавить храм Дайтокудзи. Иккю не смог отказаться от этой должности, но выразил свои чувства в стихотворении:

В Дайтокудзи ученики погасили тусклую лампу;
Им трудно понять поэзию ледяной ночи;
Пятьдесят лет я носил плащ из соломы и шляпу-зонт;
Теперь мне стыдно одевать пурпурную мантию.

В тот же самый год Иккю отстроил Святилище Закона, которое было сожжено во время гражданской войны, а через два года восставил Великие Врата и другие врата храма. В эту зиму он заболел и неожиданно умер 21 ноября 1481 года в возрасте 88 лет. Говорят, перед смертью он написал стихотворение:

Туманно прошло тридцать лет;
Тускло прошло тридцать лет —
Туманно и тускло прошло шестьдесят лет.
Умирая, я предлагаю свой прах Брахме.

На автопортрете Иккю написал:

Верба зеленая, цветок красный;
Путешествие закончилось.
Сегодня я ломаю свою палку
И сжигаю ее в июльских снегах.

В другой ситуации Иккю говорит то же самое, но иначе:

Жизнь или смерть? Смерть или жизнь?
 Верба зеленая, цветок красный. Катц!
 Верба — не зеленая, цветок — не красный!
 Остерегайся! Остерегайся!

Иккю предостерегает нас против односторонней увлеченности наукой или фантазиями, единством или множественностью, фактами или парадоксами.

Переходя к работам Иккю, отметим, что, как это ни странно, до сих пор не издано сборника изречений Иккю. Но у нас есть сомнительные антологии юмористических историй *Иккю-Банаси* (1700) и *Дзоку Иккю-Банаси* (1725). Подобно Ока Тадасукэ (1677-1751), Иккю пользовался славой юриста, о котором рассказывают много анекдотов. Иккю был настолько жизнерадостным и остроумным, что его высказывания и предания о нем росли, словно снежный ком, и поэтому в настоящее время, спустя пятьсот лет, мы уже не можем отличить правду от вымысла. Мы имеем также трехтомное собрание китайской поэзии *Кюунсю* (*Безумное облако*). В нем приводятся стихотворные переложения коанов, сатира на устои тогдашнего общества и стихи, в которых Иккю выражает свои впечатления. Последние можно сравнить с похожими стихотворениями китайского юродивого и отшельника Хандзана. Вот его стихотворение под названием *Шум дождя*:

Рыдание за дверью — чей это голос?
 Если не знаешь, спрашивай у Кёсэя.
 Мирские люди спятили и гоняются за вещами,
 В полночь у моего окна горит голубая лампа.

Первые три строки практически дословно повторяют XLVI случай *Хэкиганроку*. Их смысл в том, что легко слышать шум дождя как Глас Божий, но трудно перейти в сферу, где заблуждение и просветление — одно. Возможно, именно в этом смысл последней строки стихотворения. Кёсэй был последователем Сэппо (822-908), знаменитого китайского мастера.

Сборник *Гайкоцу* (*Скелет*) составлен из иллюстраций, на которых написаны *вака* о смерти и мимолетности мира в стиле, напоми-

нающем о Сэнсю. *Буккигун* (*Полчища демонов и бодхисаттв*) — история о том, как Будда Амида и бодхисаттва Каннон возглавили своеобразную Армию Спасения, чтобы воевать против Ада, а затем с помощью Дайнити Нёрая превратили Ад, каким он был, в Небеса. В *Футари Бикуни* (*Две монахини*) одна монахиня приходит в гости к другой и задает ей вопросы о буддизме. В этой книге есть интересная *вака* о религиозном умс, цветущем сердце:

Если расколоть
 Дерево вишни,
 Будут ли там цветы?
 Но весной посмотри,
 Как они цветут!

Канахого (*Легкая проповедь*) содержит мировоззрение Иккю-пессимиста. Такие крайности можно объяснить гнетущими обстоятельствами той эпохи, а также двойственностью его природы, одновременно веселой и меланхоличной. Возможно, чаще всего слово *юмэ* (сон) встречается в описаниях именно этой эпохи (и японского мировоззрения в любое время). Иккю цитирует *вака* Мусо Кокуси (1271-1346), которую тот сочинил, достигнув просветления.

Я родился, как сон,
 В этом мире снов,
 Но как легко у меня на душе!
 У меня, который растает,
 Словно капелька утренней росы.

Мидзукагами (*Водяное зеркало*) — это легкая беседа о буддизме с включенными к ней *вака* и *кёка*, а также примечаниями Мори Дайкё. Вот одно из стихотворений из этой книги:

Сознание —
 Но если воистину
 Нет такой вещи,
 Каким просветлением
 Его просветлять?

Сатори — постижение, что нет такой вещи, как сатори.

Амида-хадака-моногатари (*Откровенный разговор об Амиде*) представляет собой ответы Иккю человеку, который спросил у него, действительно ли на Западе существует рай Амиды. Ответ Иккю сводится к тому, что учение секты Чистой Земли и секты Дзэн по сути одно и то же. Затем Иккю цитирует древнюю *вака*:

Напрасно
Амиду ищут
На Западе,
Не зная,
Что он на Юге.

В этом стихотворении использована непереводаемая игра слов — *минами* (юг) и *минами* (в теле, внутри тела). Амида пребывает в душе или нигде, но когда мы забываем, что Царство Божье внутри нас, мы говорим, что оно на небесах или на Западе.

Известен также комментарий Иккю на *Ханьясингё* (санскр. *Праджняпарамита-хридая-сутру*). Это самая короткая из сутр. В оригинале или дословном переводе она занимает всего лишь страницу, выражая дзэнскую трансценденцию на языке абстрактных противоречий. Комментарий Иккю на эту сутру очень “добренский”, фактически, это скорее буддистский комментарий, чем дзэнский. В нем Иккю доходит до неприличия, объясняя читателю Шесть Источников Скверны, Двенадцать Звеньев в Цепи Существования и другие буддистские представления, как это делают учителя воскресных школ. Кроме того, Иккю приписывают две пьесы *Но Эгути* и *Ямауба*. До наших дней дошли также около полутора сотен его *дока* (буддистских *вака*), большинство из которых очень хороши.

Жизнь и характер Иккю исполнены противоречий. Это буддистский священник, который следует всем буддистским предписаниям, и в то же время это дзэнский священник, который свободно нарушает любую заповедь. Это сын императора, который большую часть жизни прожил в крайней бедности. Иккю имел большое политическое влияние, но не занимал никакой официальной должности, пока на восемьдесят первом году жизни не стал настоятелем Дайтокудзи. Иккю был просветленным человеком в подлинном, религиозном

смысле этого слова — и в то же время дважды пытался совершить самоубийство, один раз в молодости, другой раз в старости. В нем больше противоречий, чем в Гамлете, однако он, говоря словами Хазлитта, “всегда погружен в тончайшие оттенки чувств и причуды разума, всегда один и тот же неподражаемый гений”.

Пути и Путь

Существует ли нечто под названием Путь? Или же справедливо то, во что японцы верят инстинктивно: существует столько путей, сколько (типов) личностей? Верно ли, что есть хороший вкус и плохой вкус? Или есть только мой (хороший) вкус и ваш или его (плохой) вкус? Все религии высказываются в пользу Пути; все наши переживания и здравый смысл свидетельствуют против него. Однако брак, обычный брак мужчины и женщины, подразумевает, что, по крайней мере, двое идут по одному пути, а единоклассники — вообще, что бы ни сблизало их: звуки, слова, формы, цвета — подразумевает, что у писателя есть читатель, у музыканта — аудитория, у философа — последователи, но так ли это на самом деле? Кто может соединить то, что Бог сотворил раздельным?

У Природы, возможно и очень даже вероятно, есть некоторая Цель, но под давлением обстоятельств она может легко изменить эту Цель на другую. Подобно нам, людям, Природа подвержена всевозможным случайностям и делает лишь то, что можно сделать, а не то, чего нельзя. Человек, у которого есть путь, ничем не лучше животного. Человек, полагающий, что обладает Путем, несомненно заблуждается. Но, как сказал Ницше, некоторые ошибки и заблуждения так же необходимы для жизни, для Пути, как истина, и, возможно, даже больше. Природа обманывает нас; мы обманываем себя, но Природа также обманывает себя, и в этом оправдание экзистенциализма, который утверждает, что каждый должен обманывать себя и никого больше. Слова “пусть твоим учителем будет Природа” — из той же оперы.

Человек — не просто еще одно животное во вселенском зоопарке. Человек должен верить в то, что является не только движением в каком-то направлении, но и конечной целью этого движения. “То далекое божественное событие, к которому приближается весь сотворенный мир”, происходит здесь и сейчас. Но нашей настоящей проблемой является не столько то, есть ли у человечества Путь, сколько то, является ли мой путь этим Путем, или же мой путь — это всего лишь мой путь.

Путь подразумевает два необходимых условия: во-первых, должны быть люди, которые более или менее сознательно идут по нему; во-вторых, должна быть более или менее неизвестная и непостижимая конечная цель, в которую верят. Количество людей, идущих по пути, разумеется, не так важно, как их качество. Нужно, чтобы эти люди были, так сказать, острым концом человечества, а не его тупым концом. Большинство всегда будет преследовать меньшинство, но большинство, хотя оно никогда не право, не всегда ошибается, (обычно оно ни то ни се), и поэтому меньшинство, хотя оно никогда не ошибается, не всегда право.

Мы говорим о “правильном” и “неправильном”, но какими стандартами мы при этом руководствуемся? Ответ ясен: таких стандартов нет. Но даже к этому ответу нельзя относиться догматически. Мы можем сделать еще несколько шагов вперед по этой зыбкой почве и сказать, вполне в духе первого предложения из *Даодэцзина*, что путь тем дальше от Пути, чем больше он настаивает на обратном.

У поэта Джона Клера есть строка, которую здесь уместно вспомнить: “Безмолвна жизнь цветов”. Путь цветов безмолвен, но цветы молчат не потому, что не могут произнести ни слова, а потому, что им не приходит в голову заговорить. Стоит им только пожелать этого, и они будут петь, подобно камням Иерусалима, когда Христос входил в этот город. Впечатляющее безмолвие цветов не вынужденное, а добровольное и сознательное.

Жизнь и Путь людей также безмолвны, но для безмолвия людей характерно, что оно может сопровождаться произнесением слов. Торо говорит: “Чтобы в комнате воцарилось молчание, в ней должен

быть человек”. Это Молчание, или Безмолвие, никогда не прекращается, какой бы шум мы ни поднимали. Христианство, буддизм, гуманизм, дзэн, экзистенциализм, натурализм — всё это звуки, всё это пузырьки на поверхности реки, течение которой не прекращается ни на миг. В детстве я напевал:

Ближе к горизонту
Солнце подошло,
Радужными красками
Небо расцвело.

Таково небо, такова река, такова тишина. Таков путь, который не нужно писать с большой буквы.

Таков также и Путь, но как нам идти по нему? Должны ли мы идти по нему сами или же рука об руку с кем-то? И если да, то с кем? Что мы будем делать, идя по Пути, что мы не будем делать, и как мы будем делать одно и не делать другое? Ответить на эти вопросы очень важно, ведь мы живем в бес-путном мире, в котором люди давно смирились с тем, что вертятся, словно волчок. Позвольте мне выложить свои карты на стол, ведь, кажется, у меня легкая рука. — не всю колоду, конечно, но...

Я пацифист, позволяющий другим оберегать меня от миллионов тех, кто при первой же возможности позарится на мое имущество, свободу да и саму жизнь. Я вегетарианец, чьи туфли сделаны из кожи. Я учитель, который учит, что только учителя человечны, тогда как бизнесмены, политики, врачи, юристы и так далее — всего лишь наглые вымогатели, и который учит также, что люди необучаемы. Самое важное в этой жизни, самое человеческое в ней — это, как сказал Д.Г. Лоуренс, иметь правильные отношения с некоторой женщиной. Когда я говорю “правильные отношения”, я имею в виду то, что Лоуренс не имел в виду, а именно — что она должна идти по Пути (который, тем самым, становится моим путем) так же, как это делаю я, только женскими ножками.

Это означает, что женщина также должна быть пацифисткой, вегетарианкой, учительницей (без учеников) и, что почти то же самое, ученицей (без учителя). Кроме того, она должна быть равнодушна к

деньгам, своим и чужим. У нее не должно быть амбиций, желания “приумножить души своей богатства”. Никого, кроме Баха (всегда) и Моцарта (иногда), она не слушает, а если и слушает, то вполуха. Все элементы повседневной жизни она выбирает с величайшей тщательностью (но не самые дорогие). Чашки и чайники у нее — лучшие из тех, которые можно купить за скромную зарплату. Поезда, автобусы, здания, улицы и люди на улицах — на всё это она смотрит с каким-то ужасом, сродни тому, который был у Данте, когда тот попал в Преисподнюю. Мерзость, глупость, бессмысленность — всё это не касается ее. Она никогда не читает газет, рекламы, буддистских журналов. Она не “отдыхает” и не “развлекается”. Всегда занята, она ничего не делает, чтобы “убить время”. Всё это звучит с такой претензией! Но что христиане планируют делать на Небесах? Какие книги они будут там читать? Или они думают, что будут с утра до вечера играть Иоганна Штраусса на золотых арфах? Данте не был так глуп, чтобы предположить, что в Аду люди будут говорить о грехах. Люди жадны и вульгарны сейчас, потому что полагают, что не смогут быть такими в загробном мире.

Такой путь, как не трудно убедиться, не подразумевает, что каждый человек живет своей собственной жизнью и, повинаясь глубокой природе, развивает свои дарования — то есть, живет свободно. Каждый человек живет так, как *моя* природа велит ему жить, как она велит мне заставлять его жить. Прежде всего нужно изменить свой характер: полюбить змей и возненавидеть джаз, начать презирать биржи труда и восхищаться трудолюбивыми муравьями, с ужасом смотреть на буддистские общества и интернациональную культуру, ненавидеть социализм и капитализм, любить людей, которые любят что-то или кого-то, не слишком увлекаться разговорами о Пути и другой подобной бессмыслицей.

Более того, этот Путь не гарантирует никакого духовного успеха, спокойствия ума, повышения производительности труда, здоровья, уверенности в себе, концентрации усилий, *сатори*, “сочетания приятного и полезного каждый день”, чтобы после нас мир стал немного лучше, чем он был, когда мы в него пришли. Вордсворт и его сестра Дороти, Торо, Басё, Ницше, Кьеркегор, Свифт, Купер — этих людей

не ставят в пример молодежи, хотя они захаживали на Путь, по крайней мере, иногда.

Возвращаясь к первоначальному вопросу, можно спросить, существуют ли разные пути для разных людей или же есть только один единственный Путь для всех? Ответ в том, что каждый индивид полностью субъективно и с полной свободой выбора может стать на этот единый Путь (но тем не менее никто на него не становится). В этом мире жизнь предопределена кальвинистически. Характер человека определяется в момент рождения, а вместе с ним и то, как далеко человек пройдет по этому Пути. Бог, или Природа, решает, кто пойдет на Небеса, то есть, будет следовать Пути, а кто нет. Усилия человека мало что решают. Поддержка, которую мы оказываем Обществу защиты животных, ничего не говорит о нашей любви к животным (Небеса) или равнодушии к ним (Ад). Преподавание, писательство, медитация под деревом Бо и смерть на Кресте не имеют ничего общего со спасением людей. Но хотя мы знаем об этом, и именно потому что мы знаем об этом, мы продолжаем учить, писать, медитировать и умирать за других. Почему? Таков Путь.

Дзэн и юмор

Когда в иронии видна сила и утонченность человеческого духа, когда мы воспринимаем юмор в его глубочайших проявлениях — это дзэн. Говоря о дзэнском юморе, вполне можно ограничиться дзэнским юмором японского буддизма. Слова “японский буддизм” обозначают здесь “буддистов-японцев”, а под “японцами” мы понимаем людей, живущих в Японии и смеющихся над миром и вместе с ним. Этот смех или, лучше сказать, эти смеющиеся люди — и есть дзэн.

Религия учит, как “преодолеть мир”, и предлагает для этого разные пути: смирение, как в буддизме Чистой Земли, развитие энергии, как в секте Нитирэна, или воссоединение с Божеством, как в индуизме. Популярный буддизм, подобно популярному христианству, создан для трусов и глупцов, то есть для нас. Суть буддистского учения

в побеге из этого мира в Западный Рай, или на Небеса. Между тем, юмор в значительной степени принадлежит этому миру. Давным-давно Будда показал, что жизнь — это страдание. Мы не получаем того, чего хотим, а лишь то, чего не хотим. Но юмор нельзя назвать побегом из мира; юмор преодолевает мир не вознесением на Небеса, а благодарным принятием парадоксов жизни. Мы преодолеваем мир, смеясь над ним. Мы преодолеваем мир в той мере, в которой мы смеемся над ним. Таким образом, юмор — это своеобразная религия. В основе юмора лежит воля, подсознательная воля. Юмор направляет эту волю против коммунизма и демократии, буддизма и христианства, против любой другой направленности воли, другими словами, против любой другой религии.

Буддизм, подобно христианству, ненавидит этот мир. В Новом Завете мир, плоть и дьявол свалены в кучу. В буддизме мир, как уже говорилось, представляет собой страдание, то, что мы ненавидим. Вопреки здравому смыслу христианство и буддизм учат нас любить то, что мы ненавидим. любить наших врагов, быть сострадательным к вещам, существам и людям, которые нас раздражают и уничтожают. Юмор же позволяет нам смеяться над нашими врагами и (еще громче) над нашими друзьями, над Богом и Дьяволом, над самими собой. На самом деле смех — это любовь. Мы убеждаемся в этом, глядя на Гамлета и Офелию, на Отелло и Дездемону, которые любили друг друга без юмора, и поэтому любовь обернулась для них трагедией.

Если мы согласимся, что юмор — это природа вселенной, источник жизни и ее цель, тогда неприятие христианством и буддизмом юмора станет подтверждением их анти-религиозности. Разумеется, когда мы утверждаем важность юмора столь серьезным образом, юмор исчезает, и мы получаем еще один безжизненный “-изм”, еще одну бесполезную “-ологию”. Я хочу сказать, что если теория жизни вызывает улыбку, совсем не важно, хороша она или плоха, правильна или ошибочна.

История христианства в Англии — это история облагораживания англо-саксонским юмором еврейского и позднегреческого фанатизма и культа героев. Так, в библейское предание о Ное были добавле-

ны семейные ссоры, а в предание о Рождестве — эпизод с кражей овец. Люди, подобные Христу, Сократу, Будде и Шелли, одержимы манией, мегаломанией спасения мира, обучения необучаемому. (И я тоже.) Но людей нельзя препроводить на Небеса ни запугиванием, ни упреками, ни какими-то другими уловками. Можно ли их заманить туда смехом? В какой-то мере да, поскольку юмор очень распространен. Но целью должно быть не вознесение на Небеса, а сам юмор. Здесь, как и везде, лучше идти окольным путем.

Обратимся теперь к буддизму. Буддизм критиковали в Индии, его несколько раз преследовали в Китае. Так, между 438 и 452 годами нашей эры против буддизма выступал даос До-ба Дао, а в 845 году У-цзун. В 820 году знаменитый китайский писатель Ханю (ум. 824) послал петицию императору Сяню, умоляя его запретить буддизм:

Это религия варваров, неведомая древним... Она была создана человеком, презревшим свой сыновний и общественный долг. И Ваше Высочество допускает, чтобы Вам преподносили высохшую кость этого человека, грязные останки его тела! Умоляю Вас, передайте эту мерзкую кость палачу, велите ему бросить ее в реку или сжечь... Если Будда узнает об этом и сможет что-либо сделать, что ж, пусть его мечь падет на Вашего преданного слугу, Ханю, который готов понести всю ответственность за содеянное Вами.

В Японии IX века синтоизм и буддизм слились, но нео-синтоисты Мотоори Норинага и Харата Ацутанэ выступают против индийских идеалов безбрачия и отречения от мира. Они отдают предпочтение китайской традиции сыновнего долга и конфуцианскому идеалу преданности. Между тем, для нас интересны в первую очередь не официальная критика и профессиональное порицание буддизма, а то, как относились к нему простые японцы. В этом смысле поучительны буддистские пословицы. Для понимания отношения японцев к буддизму они даже более важны, чем личные мнения литераторов в *кёка* и *сэнрю*, поскольку они показывают, что обычные люди находили в буддизме хорошего или плохого, словом, что их в нем интересовало.

Пословицы часто имеют критическое звучание. Например:

Амида тоже весь в золоте.

Будда — это сила, деньги — это сила, поэтому...

Снаружи бодхисаттвы, внутри демон.

Так говорят о женщинах, но так можно и нужно говорить о природе.

Поклонение Будде, в туалет — и одно, и другое необходимо!

В равной мере необходимо.

Порок Девадатты — прощение Авалокитешвары; Глупость Пантхаки — мудрость Манджушири.

Это изречение пришло из пьесы Но *Сотоба Комати*. Девадатта совершил пять грехов и попал в Ад, пытаясь повредить Будде. Пантхака (Хандоку) был так глуп и рассеян, что забыл всё, чему Будда учил его. Смысл этих слов в том, что зло — это добро, а иллюзия — это просветление.

Лицо Яма-раджи, когда отдает; лицо Кситигарбхи, когда получает.

Наша человечность, наша природа Будды требует этого. Мы можем и должны быть уверенными и благодарными, когда берем в долг и недовольными, когда возвращаем.

Проповедовать сутры перед Буддой.

Именно этим автор занимается в настоящей книге.

Он пытался улучшить статую Будды, но при этом нос отломался.

Улучшения всегда приводят к этому.

Мой Будда свят.

Больше всего этой иллюзии подвержены Христос и Будда.

Молитва секты Нитирэн утром; молитва секты Синсю вечером.

Молитва *Намумёхорэнгэкё* сопровождается ударами в барабан. Она позволяет активно начать новый день, особенно молодому человеку. В молитве *Намуамидабуцу* преобладают спокойные чувства.

Она больше подходит для вечера и для пожилого возраста. Следующее изречение процитируем, потому что оно перекликается с Ветхим Заветом:

Красьте свой ум, а не одежды.

В Книге пророка Иоила читаем: “Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши” (2, 13).

Жизнь — всем сокровищам сокровище.

Без жизни никакое добро невозможно. Приведенное изречение пришло из *Дайтидорон* — шастры, приписываемой Нагарджуне и посвященной толкованию сутры *Ханьякё*.

Жизнь — грязное дело.

Это верно, потому что есть и быть съеденным — в равной мере отвратительно.

Жизнь подобна свече, мерцающей не ветру.

Подумать только, и эти мерцающие свечи еще умудряются раздражать, терзать и тушить друг друга!

Желание просветления — тоже иллюзия.

В таком случае, может быть, желание иллюзии — просветление?

Вначале посмотри на аудиторию, а потом проповедуй.

Если неукооснительно следовать этой заповеди, может случиться, что проповедовать не придется вообще.

Религия — тоже результат алчности.

Чтобы умиротворить ум, нужно пожелать этого, чтобы прекратить желания, нужно пожелать этого, — сколько трудностей в этом мире!

Туалетная метла воистину не уступит в мудрости пяти сотням архатов.

Вера в божественность вещей — даже вера язычников, которые “преклоняются перед идолами и камнями”, — предвосхищает высшее постижение всепроницающей тождественности вещей.

Триумф заканчивается; встретившиеся прощаются.

Неужели это правило не имеет исключений? Не имеет.

Куца мудрость — помеха спасению.

К черту посредственность!

Дзэн — подметание, Сингон — стряпня, Монто — цветочки, Хоккэ — подарки, Дзёдо — грязнули.

Этот перечень, надо полагать, отражает отношение обычного человека к различным сектам. Как бы то ни было, первое и последнее в списке представляется мне правильным.

Когда в храме беспорядок, невозможно как следует читать сутры.

Невозможно изучать что-то серьезно, живя в туристической палатке. Для этого нужно хорошее помещение.

Человек ест и произносит имя Будды кусочками.

Как вам этот пример “физического закона в духовном мире”?

Лучше одна лампа бедняка, чем тысяча ламп богача.

Эти слова находят точную параллель в евангельской притче о лепте вдовы. (Мк. 12, 41-44)

В Аду тоже люди живут.

Как тяжело бы нам ни жилось, другой жизни у нас нет.

Глухой, который подслушивает.

Так можно определить философа.

Плевать в небеса.

Верно, что сколько ни плюй в небеса, все равно упадет вниз. И всё же давайте будем плевать. Это помогает расслабиться.

Переносной фонарь и колокол в храме.

Эти вещи похожи, но отличаются по весу. Вид иногда бывает тяжелее веса.

Считать чужие сокровища.

В ходе обучения человек занимается этим, и всё же это лучше, чем не считать ничего.

Цветок лотоса в грязи.

Одна из лучших метафор. Просветление — это иллюзия подобно тому, как лилия — это грязь.

Жизнь одна — когда вы плачете и когда вы смеетесь.

Жизнь без плача и без смеха — не жизнь вообще. Стойки, берегитесь!

Повторяющие имя Будды, деревья камелии — среди тех и других много ли найдется стройных?

Ответ отрицательный, как выражаются некоторые.

Ницета — мать спасения; богатство — отец кармы.

Об этом мир забыл и, возможно, никогда больше не вспомнит.

Буддистская проповедь и шум дождя по соломенной крыше — чтобы услышать их, нужно выйти наружу.

Удачная метафора для выражения необходимости видеть истину объективно и субъективно.

Моральный (и юридический) закон существует, потому что существует буддизм.

Основная ошибка общества в том, что оно проводит различие между этими двумя законами. Как судья, чье эго не существует, может приговорить преступника, чье эго также не существует, за “кражу” вещи, который никто не обладает?

Мирские страсти, как они есть, суть просветление.

Не исключено, что это один из величайших парадоксов мира, наряду с христианским учением о воплощении и индусским изречением: “Ты есть не-ты”. Этот парадокс озадачивает японцев с тех пор, как его импортировали в страну.

Мирские страсти — все равно что домашняя собака; она не уйдет из дома, даже если вы будете ее бить. Просветление — все равно что горный олень; он не подойдет близко, даже если вы будете его приманивать.

Эти сравнения хороши, очень уж хороши.

Отречься от мира, но не отречься от самого себя.

Таков удел всех отшельников. будь они учеными или святыми. Поэтому остается лишь отречься от отречения, и тогда, возможно, нам удастся отречься от не-отречения от себя.

Мир создавался тысячу лет.

Блейк выразил то же самое веселее: “Маленький цветок — творение столетий”.

Жизнь короткая; желание длинное.

Достойны жалости те, кто успел осуществить свои мечты за семьдесят лет.

Священник копает картошку.

При этих словах перед нами возникает священник маленького горного храма. Жаркий день. Священник так увлекся своей работой, что забыл о буддизме, и не замечает, что мы на него смотрим. В этой картине присутствует глубокое чувство *aspirare regnum* до тех пор, пока мы не вспомним, что Бог наблюдает за нами точно так же, как мы наблюдаем за священником. Кто наблюдает за Богом?

Назойливый священник.

Этот священник отрекся не только от мира, но и от доброты и человечности. Впрочем, в этом есть что-то закономерное.

Там, где доктор бессилен, вступает священник.

Там, где священник бессилен, вступает Бог. А там, где...

Священник, собирающий лягушек.

Это вариация на тему “священника, перемалывающего кунжут”, потому что в обоих случаях, если наблюдать за священником со стороны, его тело движется туда-сюда, словно он кланяется и заискивает.

Жадный священник.

Интересно, что японцы называют скрягу *кэтимбо*, словно не знали, что такое жадность, пока не встретили скупых священников.

По всей Японии в народе поют песни, в которых содержится немало насмешек над священниками. Вот пример колыбельной из провинции Ямасиро:

Священник — великий игрок.
Он заложил Амиду Нёрая
В ломбарде, в ломбарде!

А вот прозаический перевод песни лесников из провинции Исэ:

Когда священник Сайгё путешествовал по Японии, он перешел вброд реку Хосоя и, наступив на позвоночник угря, поранил ногу. Есть ли для него подходящее лекарство? Да, есть много лекарств: зеленые бамбуковые побеги в конце года, баклажаны в середине зимы, грибы, растущие на дне моря, устрицы, обитающие на вершине горы, летний снег. Возьмите их, подогрейте в воде, охладите в огне, смешайте со слезами муравьев и приложите полученную массу к ране, которая сразу же заживет.

Другой поэтический пример дает нам детская песенка *Мино*, вызывающая жалость к детям, которые, поступая в монастырь, очень рано покинули отчий дом:

Храм виден в просвете между деревьев,
В нем жалкий монашек живет.

А вот довольно утонченный пример из провинции Этиго:

О новый, полный солнца день!
И ты, монах, что в колокол звонил,
Благодаря тебе он наступил!

Вспомним о жаворонке британского поэта Лили:

День не начнется, пока он не споет.

Самая сокрушительная, точнее, юмористическая критика буддизма встречается в *сэнрю*, сатирических хайку. Традиция *сэнрю* возникла в середине XVIII века (около 1765) и продолжается до наших дней. Приведем здесь несколько примеров *сэнрю*, древних и современных:

В других краях,
Там, где не знают о буддизме,
Тоже цветут сливы и вишни. (Нанпоку)

Это двойная ошибка, ошибка религии и ошибка поэзии.

Погода слишком хороша.

Похоронная церемония

Кажется неуместной.

(Сантаро)

Похороны требуют дождя или, по крайней мере, облачного неба.

Дым из трубы крематория

Кажется таким безмятежным

Весной.

“Патетические заблуждения” не свойственны *сэнрю*, но может ли религия без них обойтись?

С точки зрения буддизма

Вишневый цвет всегда

Вот-вот начнет осыпаться.

Религия часто видит только отрицательную сторону вещей.

Впервые в этой жизни

Лицо его приняло человеческий вид —

В гробу.

(Кэнкабо)

Возможно, Кэнкабо высказывается несколько цинично, но неожиданно это стихотворение подтверждает учение о природе Будды. Под жадностью, мстительностью и пошлостью, которая при жизни была написана на лице у человека, скрывалась человечность, проявленная смертью.

Ункэй варил рис

Вперемешку со стружками

Будды.

Ункэй был знаменитым скульптором XII века. Это стихотворение — сама ирония, но в нем тоже есть символический смысл.

Проповедь —

Зевота, смешанная

С верой.

(Канно)

Возможно, такова истинная человеческая природа, природа человеческой истины и истинная человечность Природы.

Когда мне случилось

Идти рядом с монахом,

Я был на грани просветления.

Рассуждая по аналогии, если долго носить под мышкой книгу, можно что-нибудь узнать.

Зал для медитации.

Внутри никого — должно быть,

Они устали медитировать.

(Кэнкабо)

Это пример весомой критики дзэн, которая чаще всего основана на невежестве и непонимании. *Дзадзэн* — это не средство к достижению цели, а сама цель. Зал для медитации пуст, словно просветленные монахи больше не нуждаются в медитации, а непросветленные вполне могут обойтись и без просветления.

У этого статного мужчины

Только один недостаток —

Он монах.

Здесь мы видим противоположность обычного отношения. В *Макура-но соси* видна другая крайность.

Проповедник сутр должен иметь привлекательную наружность. Ведь во время проповеди мы внимательно смотрим на него и при этом постигаем истину учения. Если же он будет выглядеть уродливо, мы будем смотреть в сторону и не расслышим его слов. Разве в этом случае уродство проповедника не станет причиной наших грехов?

Новенькая монахиня

Чувствует отвращение к себе,

Когда видит свою тень.

Странно, почему силуэт кажется монахине намного хуже, чем ее отражение в зеркале? Впрочем, это стихотворение относится к эпохе, когда зеркала еще были большой редкостью.

Священник

Молчит — или говорит,

Но только о дзэн.

Мистер Блайс похож на этого священника. Однако это не подлинный дзэн, потому что подлинный дзэн будет говорить обо всем, в том числе о дзэн.

В японском дзэн и, следовательно, в японском буддизме, в отличие от китайского буддизма недостает одного вида юмора — чистой бессмыслицы. В *Мумонкане* полно нелепых историй, которые надо полагать, пользовались популярностью в Китае задолго до того, как там заговорили о “шань”. Гений китайских дзэнских монахов VIII века состоял в том, что они увидели дзэн в этих нелепостях и смеялись над ними сознательно, тогда как неграмотные крестьяне смеялись, не сознавая этого. Что значит смеяться над чем-то сознательно? В этом самая суть дзэн.

Люди стремятся найти в этой на первый взгляд хаотической вселенной объединяющий принцип, и бессмыслица — один из таких принципов. Другой подобный принцип, более распространенный в современном мире, — это наука, открывающая (или порождающая) причины и следствия. Проблема с наукой в том, что причинно-следственные объяснения работают слишком хорошо; в них нет ничего таинственного, удивительного, интересного. Еще одним объединяющим принципом может быть религия. Буддизм соединяет вещи, наделяя их природой Будды, но при этом они несколько механически оказываются возведенными в ранг Будды. Христианство сочетает браком душу и Христа, или едиnorodного Сына Божьего, но весь остальной мир при этом не принимается во внимание. По мнению Китса, смысл всему придает Красота — но как быть с тем, что вызывает отвращение, или с такими многомерными существами, как люди?

В гимнах поется: “Любовь есть узы, соединяющие вещи воедино”, но необъятные космические пустоты вселенной не источают любовь. Возможно, поэзия в практическом смысле, как ее понимают Басё, Торо и Вордсворт, поэзия как “видение жизни вещей” — самый лучший объединяющий принцип, если под “жизнью” понимать экзистенциальный смысл вещей, одухотворенных и неодухотворенных. Юмор — еще один объединяющий принцип, поскольку нужно и даже желательно смеяться (или по крайней мере грустно улыбаться) при виде всего, чего угодно, без исключения.

Наиболее примечательным и неожиданным объединяющим принципом является бессмыслица. Бессмыслица не означает, что смысл вообще отсутствует. Она подразумевает смысл, не постижимый мыслящим рассудком. Ее можно оправдать лишь *переживанием* этого смысла, точнее, его отсутствия. Существует сверхъестественный уровень переживания, на котором нет интеллекта, красоты, морали, объединяющего принципа, никаких уровней, естественных или сверхъестественных. Таков мир поэзии, мир дзэн, мир бессмыслицы.

Следует отметить, что в поэзии бессмыслицы больше, чем в прозе — по крайней мере, в английской литературе. Причина в том, что ритм, рифма, аллитерация и так далее, будучи полностью бессмысленными требованиями, помогают уйти от иллюзии здравого смысла. Примером такого ухода может быть следующее стихотворение:

“Кто убил Петуха Робина?”

“Я, — сказал воробей, —

Стрелой, пущенной из лука,

Убил Петуха Робина!”

Шерлок Холмс никогда не догадался бы, кто убил Петуха Робина. С этой задачей не справится ни один современный психолог-криминалист, но поэт знает, кто это сделал. Это сделал воробей! Как поэт об этом догадался? Элементарно. Слово “воробей” (sparrow) в английском языке рифмуется со словом “стрела” (arrow). Почему в конце стихотворения птицы начинают вздыхать и рыдать? Нет, не потому что у них доброе сердце, и им жаль убитого петуха, а потому что слово “рыдание” (sobbing) рифмуется со словом “Робин” (Robin). Для ребенка, которого Вордсворт называет лучшим философом, это вполне ясно, этого вполне достаточно. Сравните приведенное стихотворение со следующим дзэнским диалогом:

Однажды монах сказал Уммону:

— **Человек может убить отца и мать, а затем покаяться перед Буддой. Но если он убьет всех будд и патриархов, перед кем ему каяться?**

— **Ясно, — сказал Уммон.**

Что ясно Уммону? Ясно, что вопрос не столь важен, как думает монах. Ясно, что ни один вопрос не имеет ответа. Ясно, что нет ничего плохого в том, чтобы каяться перед кем-нибудь, перед пустотой, или не каяться вообще, или каяться о своем покаянии. “Бог на небе — всё хорошо на земле”, — немного самодовольно говорит британский поэт Браунинг, и поэтому нет ничего плохого в том, что Петух Робин убит. Ясно, что всё ясно.

Бессмыслица иногда состоит в том, чтобы говорить очевидное с интонацией дельфийского оракула. В этом легко убедиться, вспомнив знаменитое стихотворение Льюиса Кэрролла *Морж и плотник*:

И был, как суша, сух песок,
 Была мокра вода.
 Ты б не увидел в небе звезд —
 Их не было тогда.
 Не пела птица над гнездом —
 Там не было гнезда. (пер. Д. Г. Орловской)

Это в точности соответствует дзэнскому изречению: “Цветы красные; верба зеленая”. Именно в *Nursery Rhymes (Детских песенках)* и древней бессмыслице мы находим дзэн бессмыслицы и бессмыслицу дзэн в ее самых лучших, свежих и естественных проявлениях. Тогда как у Эдварда Лира и Льюиса Кэрролла, а также в *Мумонкане* и *Хэкиганроку*, ощущается сознательное сопротивление рациональному смыслу, интеллектуальное отрицание интеллекта. В качестве примера приведем стихотворение Эдварда Лира:

Старик сказал: “Вот это да!
 Молоденькая птичка смотрит из куста”.
 Когда его спросили: “Велика она?”
 Ответил он: “Совсем не велика!
 Всего лишь раз в четыре поболее куста!”

В XXXVIII случае *Мумонкана* читаем:

Госо сказал:

— Это напоминает корову, которая проходит мимо окна. Голова, рога и четыре ноги прошли. Почему же не может пройти хвост?

Ответ на этот вопрос такой же, каким был ответ Мартовского Зайца на вопрос Алисы о том, почему две маленькие девочки рисовали только то, что начинается на букву “М”. “А почему бы и нет?”

Бессмыслица и дзэн — и одно, и другое освобождает нас от эмоций, интеллекта, морали, от устоявшихся представлений о красоте и уродстве. Бессмыслица и дзэн дают возможность покинуть этот нереальный мир эгоизма, соревнования, надежд, отчаяния и перейти в мир реальный. Бессмыслица и дзэн упраздняют ложные ощущения, любые ощущения, любую науку и здравый смысл, которых больше всего в газетах и на школьных уроках. Кроме того, они помогают сохранить молодость и здоровье. Одна луковица в день — и вам не нужны врачи. Немножко бессмыслицы в день — и вы не пострадаете от серьезности. “Истинно, истинно говорю вам, кто не станет глупеньким человечком...”

Жизненный путь Р. Х. Блайса

Реджинальд Хорейс Блайс (1898-1964) не написал автобиографии и не рассказывал о себе друзьям. Поэтому мы знаем о его жизни очень мало. Едва ли не единственным источником сведений из первых рук является его предисловие к одной из последних книг. Показательно, что даже в этом отрывке, размером не больше страницы, нет никаких дат. Здесь мы имеем дело с еще одним проявлением жизненной философии этого человека, который, должно быть, считал свое земное существование вневременным.

Реджинальд Блайс родился 3 декабря 1898 года в Эссексе в городе Лейтонстоун на улице Трамрингтон-Роуд в доме номер 93, из окон которого были видны два кладбища, христианское и иудейское. Реджинальд был единственным ребенком Хорейса Блайса и его жены Генриэтты Блайс (в девичестве Уильямс). Хорейс был сыном маляра: Генриэтта — дочерью строителя и торговца скобяными изделиями.

Первые детские воспоминания Реджинальда были связаны с Илфордом, куда вскоре после рождения мальчика переехала его семья. Здесь Блайсы жили на улице Пирмонт-Роуд, и Реджинальд сначала посещал общеобразовательную школу на Кливленд-Роуд, а затем поступил в Высшую школу графства для мальчиков. Его отец в это время работал клерком в управлении Великой восточной железной дороги. Семья жила очень бедно, и впоследствии Блайс часто рассказывал, как бегал по платформе железнодорожной станции и продавал пассажирам шоколад; любовь к шоколаду он пронес через всю жизнь. Он был одаренным юношей, обожал музыку Баха, увлекался литературой и с легкостью, достойной удивления, изучал иностранные языки. Он был силен и отличался хорошим телосложе-

нием. У него было открытое лицо, темные глаза и вихрастые карие волосы.

Одно из первых важных событий в жизни Блайса произошло в 1916 году, во время первой мировой войны, когда, по достижении восемнадцатилетнего возраста, он был призван в армию. Он объявил себя пацифистом и сознательным противником войны, за что был заключен в Вормвудскую тюрьму. Возможно, к тому времени он прочел книгу Шоу *Здравый смысл о войне* (1914) или антивоенные эссе Бертрانا Рассела. В те ура-патриотические времена отказ от службы в армии требовал намного большего мужества, чем в наши дни, поскольку немногочисленные британские пацифисты тогда считались предателями родины и изгонялись из благопристойных собраний.

Не исключено также, что на юного Блайса повлияли рассказы о Максе Пламене, о котором тогда много говорили. Пламен был офицером английской армии, но провозгласил себя пацифистом и был отдан под трибунал за неисполнение своих обязанностей. В юности Блайс посещал чтения, которые по вторникам и четвергам проводились в «Книжной лавке поэтов», открытой в 1912 году на Девонширской улице Гарольдом Монро. Там часто собирались Айвор Гурни, Сигфрайд Сассон, Уилфред Оуэн и другие поэты, потрясенные войной. Кроме того, Блайс наверняка был знаком с произведениями Ралфа Ходжсона, с которым они впоследствии встречались в Сэндае (Япония), где Ходжсон работал преподавателем.

После окончания войны Блайс поступил в Лондонский университет, где изучал английскую литературу и историю языка. Он также посещал занятия по латинскому, французскому и логике и окончил университет в октябре 1923 года с отличием по английскому языку. В свободное время он самостоятельно изучил итальянский, испанский, немецкий и русский до уровня, необходимого для чтения в оригинале Данте, Сервантеса, Мейстера Экхарта, Гёте (а позже Германна Гессе) и Достоевского. Более того, он самостоятельно занимался музыкой и научился играть на органе и на флейте. По окончании университета он в течение года учился в Лондонском дневном колледже подготовки учителей и в 1924 году получил сертификат препода-

вателя. Одной из его подруг по колледжу была Анна Беркович. Они полюбили друг друга и поженились перед тем, как Блайс занял свою первую преподавательскую должность.

Однако ему не пришлось преподавать в обычной британской школе. В то время в Лондонский университет прибыл японский ученый Акио Фудзий, наделенный полномочием найти хорошего преподавателя на вакантное место в Кэйдзё, как назывался Сеул в годы оккупации Кореи Японией. Фудзий встретился с Блайсом и предложил ему занять это место. Блайс согласился сразу же, без колебаний. Уже тогда он интересовался Востоком, в особенности Индией, и его возмущало то, как британские колониальные власти обращаются со свободолюбивыми жителями этой страны. В 1924 году он покинул Англию, чтобы стать профессором-ассистентом в университете Кэйдзё.

Именно в Корее Блайс заинтересовался японской литературой и, в частности, дзэн-буддизмом. Неизгладимое впечатление на него произвели *Эссе по дзэн-буддизму* Дайсэцу Судзуки, первую книгу которых он прочел сразу же после ее публикации в 1927 году. Тогда же он приступил к изучению японского и китайского языков (корейский язык был запрещен в годы японской оккупации). С различными аспектами японской культуры он был знаком еще до отъезда из Лондона по переводам Артура Уэйли и, возможно, по стихотворениям Йитса, который проявлял интерес к дзэн. Блайсу было суждено преподавать английский язык и литературу в Сеуле в течение последующих шестнадцати лет.

Хотя Блайс был всего лишь профессором-ассистентом, он получал жалование, которое было значительно выше, чем у его японских коллег. Вскоре он смог купить земельный участок и построил на нем дом в японском стиле с садом, который приводил его в восторг. Ральф Ходжсон прославился в Сэндае тем, что разводил птиц и бульдогов. В Сеуле любителем животных прослыл Блайс, в имении которого всегда обитало множество собак, коз и лошадей.

В 20-х годах в Азию хлынул поток беженцев из России и Польши. Многие из них ютились в Сеуле, и Блайса часто принимали за русского, потому что, несмотря на хорошие заработки, одевался он очень

скромно. Его гордая осанка и широкое лицо казались славянскими. Его любимым досугом в Сеуле тех лет был просмотр японских фильмов, только входивших в моду. Фильмы помогли ему овладеть японской разговорной речью и пленили характерной для этого языка красотой и естественностью.

В первом томе серии *Дзэн и дзэнские классики* Блайс загадочно упоминает о неразделенной любви, которая способствовала пробуждению его интереса к дзэн. Семейные дела Блайса, очевидно, складывались не лучшим образом, поскольку жена покинула его, вернувшись в Англию в апреле 1934 года. Задолго до этого Блайсы, у которых не было детей, взяли на воспитание из бедной корейской семьи мальчика, наделенного большими талантами. В 1935 году Блайс на год взял академический отпуск, чтобы посетить Англию, где жили Анна и приемный сын. Получив законный развод, в начале 1936 года Блайс вернулся в Корею, оставив приемного сына на попечении своей бывшей жены. Но вскоре случилось непоправимое.

После школы способный юноша поступил в Лондонский университет, который окончил с отличием и после второй мировой войны вернулся в Корею, где стал профессором в университете. В 1947 году во время Корейской войны он был схвачен солдатами Северной Кореи. Когда выяснилось, что он свободно владеет английским языком, его принудили читать по радио пропагандистские воззвания, обращенные к войскам ООН. Впоследствии он попал в руки властей Южной Кореи и был расстрелян за пособничество врагу. Эта трагедия сильно омрачила последние десятилетия жизни Блайса. Его утешением стал дзэн-буддизм.

Но было еще одно, более осязаемое утешение. В 1937 году он познакомился с молодой японкой по имени Томико, которая работала в одном из универмагов Сеула. Вскоре он сделал ей предложение, и в том же году они поженились. Томико была красавицей и даровала ему семейное счастье, родив двух милых и смысленных девочек, которых называли Харуми и Нана. Первая дочь Блайса родилась за год до войны, а вторая — через два года после ее окончания.

В Корее, где мясо является повседневной пищей, а животной пище отдают предпочтение перед рыбой, приверженность вегетарианству

доставляла Блайсу немало хлопот. Во время академических банкетов в ресторанах сеульских гостиниц “Тёсун” и “Кэйдзё” он мог есть лишь несколько видов *суси* — *инаридзуси* и *норимаки* — тогда как его коллеги налегали на жирные *сукияки* и бифштексы. Любимым рестораном Блайса был “Суси-Хиса”, который находится в японском гетто Сеула на улице Хонмати. Владелец этого ресторана был его близким другом.

Блайс постоянно упрекал японцев в том, что они преклоняются перед западным образом жизни. Он любил традиционное японское приветствие, отдавал предпочтение поклону перед западными поцелуями и рукопожатиями. Он любил простоту в мебели и возделывании сада, хотя нередко японские предметы домашнего обихода — *татами*, *сёдзи*, *хибати*, *о-фуру* и другие — доставляли ему неудобство. Он говорил: “Вещи, претендующие на роль произведений искусства, всегда непрактичны, неудобны и неуместны — именно это делает их прекрасными”. В некотором смысле, он был более японец, чем многие японцы.

В течение двух последних лет, проведенных в Корее, Блайс довольно хорошо научился читать *кандзи* (китайские иероглифы, используемые в японской письменности). Когда в 1939 году разразилась вторая мировая война, Блайс вместе с женой и дочерью уехали из Кореи и поселились в Японии в городке Канадзава на побережье Японского моря. Он стал преподавателем английского языка в Четвертой высшей школе, которая впоследствии стала университетом Канадзавы. Кстати, именно в этом городе родился и вырос Дайсэцу Судзуки, духовный учитель Блайса.

Но когда Япония начала военные действия, он был интернирован по подозрению в шпионаже и в течение последующих четырех лет жил в относительно нетяжелых условиях (только отопление зимой было проблемой) в Кобэ на улице Тор в здании, называемом Маркс-Хауз. Его жена и дочь поселились поблизости, и раз в неделю Блайсу разрешалось бывать у них, что позволяло ему пользоваться своей большой библиотекой, пока во время одного из воздушных рейдов его дом не был разрушен. После этого у него остались только те книги, которые находились в камере. К счастью, во время налета семья Блайса не пострадала.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства во время заключения, Блайс продолжал работать. Его первая большая работа *Дзэн в английской литературе и восточной классике* была опубликована издательством *Хокусэйдо* в 1942 году. В Японии во время войны это было дерзкое начинание, поскольку за публикацию книги на английском языке интернированному сообщнику врага могло не поздоровиться.

В начале войны Блайс подал прошение о принятии японского гражданства, и в этом ему помогали влиятельные друзья: Дайсэцу Судзюки, Носэй Абэ (впоследствии ректор университета Гакусюин в Токио) и старый друг Кацуносин Яманаси (тогдашний ректор университета Гакусюин). Однако, его заявление не было рассмотрено.

Интернированным вместе с Блайсом в Кобэ был американец Роберт Айткен, которого арестовали и привезли с Гуама, где он впоследствии стал мастером дзэнского *додзэ* на Гавайях. Вместе с Блайсом во время заключения они занимались дзэнской медитацией. Блайсу также разрешили играть на его любимой серебряной флейте. По окончании войны Блайс получил от правительства Японии компенсацию за потерянное имущество.

Когда американские оккупационные власти вошли в Японию, Блайс был освобожден и сыграл важную роль в процессе урегулирования послевоенных разногласий в пользу Японии. Он любил говорить: “Если бы японцы не отреклись от своих традиций и проявляли больше интереса к хайку и сэню, эта глупая война никогда бы не началась”. Эти слова кажутся упрощенными, но нам нетрудно понять, что имел в виду произносивший их человек. Он и Гаролд Г. Хендерсон были основными посредниками в деле примирения Японии и Союзников.

Также изучавший хайку Хендерсон работал в штабе генерала Мак-Артура. Однажды Блайс встретился с ним и узнал, что Мак-Артур собирается закрыть университет Гакусюин. Блайс убедил его не делать этого, а напротив, открыть его для широких кругов населения. Впоследствии Носэй Абэ говорил, что своим существованием этот университет обязан именно Блайсу.

После войны Блайс перешел преподавать в университет Гакусюин. Среди его коллег по работе были французский ученый и поэт

хайку Ноэль Ноуит и немецкий профессор философии Роберт Шинзингер. Тогда же Блайс стал личным наставником наследного принца Японии Акихито. Впоследствии Блайс говорил, что принц был учеником, которого ему довелось учить дольше всего: фактически, Блайс занимался с ним до самой своей смерти, даже после женитьбы принца на принцессе Митико.

Блайс впервые встретился с императором Хирохито 14 февраля 1946 года. Их неформальная беседа длилась в течение часа, и на ней присутствовала также императрица. При содействии Кацуносина Яманаси Блайс преподнес императору (полученное по официальным каналам через главного гофмейстера Сукэмасу Ириэ) издание *Британское королевское семейство во время войны*. Этот популярный в те годы альбом был фотодокументальным отчетом о деятельности короля Джорджа VI и королевы Елизаветы, которые посещали места бомбардировок, убежища на станциях лондонской подземки, а также больницы, где лежали пострадавшие. Таким образом, благодаря близости к императорскому двору, Блайс сумел убедить императора, до самого конца войны почитавшегося как божество, в необходимости совершить путешествие по всей Японии и предстать перед согражданами “в обличье простого смертного”.

Кроме того, Блайс вместе с Хендерсоном подготовили для императора эпохальную речь, которая была передана по радио. В этой речи император впервые заявил во всеулышание, что является обычным человеком, а не богом. Хендерсон показал набросок этой речи генералу Мак-Артуру, который был очень доволен ею и велел перевести ее на японский так, как подобает звучать речам императора.

Кацуносин Яманаси вспоминает, что Мак-Артур обсуждал с Блайсом свои попытки убедить императора отказаться от синтоистской религии. Однако, Блайс придерживался мнения, что религия человека связана с его утонченными личными переживаниями, и поэтому побуждение изменить религию к каждому должно прийти изнутри. Поэтому, по мнению Блайса, на императора не следовало оказывать никакого давления. Между тем, Блайс пообещал объяснить императорской семье смысл христианства и тем самым способствовать их пониманию верующих этой религии. Впоследствии Блайс высказал

мнение, что наследному принцу полезно позаниматься с преподавателем-женщиной, желательнее, из числа американских квакеров. Так при дворе японского императора появилась Элизабет Грэй Вининг.

Во время первого визита Блайса во дворец японского императора Ее Высочество императрица, стараясь завязать с ним непринужденный разговор, отметила, что он выглядит полным — ведь Блайс любил шоколад и пирожные. Он ответил ей, что в студенческие годы имел спортивное телосложение и добавил, что даже слоны, питающиеся зелеными листьями, быстро толстеют. Императрица была тронута его чувством юмора и самокритичностью.

Получив образование в Англии, Блайс иногда испытывал затруднения во время общения с японскими студентами. В Корее он считал, что отношения со студентами должны строиться по британским стандартам. Однако, эти стандарты оказались слишком жесткими в Японии, так как японские студенты хотели, чтобы университетские преподаватели были “не слишком заумными”. В конце концов они устроили забастовку и отказались отвечать, когда Блайс задавал им вопросы. Но один студент стал на сторону преподавателя; это был Кёси Касай, и когда они встретились через десять лет, Блайс вспомнил смелый поступок своего любимого ученика. Блайс сказал ему: “Если у преподавателя нет контакта с аудиторией, он сам виноват в этом. Тогда я был молод и следовал исключительно британским традициям обучения. Мне недоставало смирения”. И это говорит человек, который по договоренности с университетом из собственного кармана оплачивал обучение бедных корейских и японских студентов!

Один из бывших учеников Блайса, ученый-хайкуист и переводчик, профессор Кадзуо Сато из университета Васэда рассказывал, что Блайс был необычным преподавателем. Он никогда не читал из года в год одни и те же записки, как делают многие японские профессора, называя это “лекцированием”. Блайс имел обыкновение просто входить в аудиторию с куском мела в руках и начинать лекцию стихотворением, которое он читал по памяти, а затем записывал на доске, чтобы студенты могли его запомнить. Он никогда не готовился к занятиям — по крайней мере, так всем казалось. Каждый раз он

импровизировал в своем неподражаемом стиле. Он никогда не терял чувства юмора и был настолько лишен педантизма, что студенты подчас не могли его понять. В его преподавании всегда был элемент неожиданности, поэтическое вдохновение, оценить которое по достоинству могли лишь немногие студенты. Так, например, он часто настолько увлекался отождествлением себя с поэтами-романтиками, что однажды в разговоре с Сёносукэ Синки воскликнул: “Я — Вордсворт, а вы — Колридж!”

Первое издание четырехтомника *Хайку* (1949-52) Блайс открывает посвящением влиятельным людям — президенту банка Японии и премьер-министру Сигэру Ёсида, которые финансировали этот проект. Блайс был наделен счастливым даром легко знакомиться с видными деятелями во всех сферах жизни японского общества — в политике, финансах, образовании, религии и книгоиздательстве. Без подобных личных знакомств ни один, даже самый одаренный иностранец не может снискать признания японцев. Между тем, Блайс легко сходил с людьми и не был снобом, хотя, возможно, замечал свою склонность к этому, поскольку один из его студентов видел на стене его кабинета слова: “Не будь сентиментальным. Не будь жестоким. Не будь эгоистичным. Не будь чванливым”. Человек не станет делать себе подобные напоминания без достаточных на то оснований.

Блайс был искренним и всегда выражался прямо. На одном из летних семинаров в Одаваре, почти все участники которого были буддистами, Блайс дал одной из своих лекций провокационное название: “За что я ненавижу буддизм”. В самом начале выступления он объяснил, что не выносит всех “-измов”, поскольку последователи любого “-изма” отвергают все мнения, кроме собственного, и пытаются завербовать себе как можно больше сторонников. Религия самого Блайса сочетала в себе на первый взгляд противоречивые суждения. Его буддизм был крайне индивидуалистичен, с неожиданностями, в дзэнском духе. Президент Британского буддистского общества Кристмэс Хамфрис, несколько раз встречавшийся с Блайсом в Японии, восхищался его взглядами.

Блайс любил музыку, и произведение Баха или Шопена иногда трогало его до слез. Стихотворение тоже могло заставить его просле-

зиться, даже когда он читал его во время занятий своим студентам. Он говорил им: “Мне грустно, когда я наблюдаю закат солнца и вспоминаю о своей матери, которая живет в далекой Англии совсем одна”. В 1954 году Блайс хотел побывать в Англии, чтобы повидаться с ней в последний раз, однако ему помешали жесткие ограничения на ввоз-вывоз валют, которые тогда действовали в Японии. Эта бесчувственность бюрократии повергла его в глубокое уныние.

Он не любил, когда его заслуги признавали. И все же за свой труд *Дзэн в английской литературе и восточной классике* и четырехтомник переводов хайку и комментариев к ним он принял ученую степень доктора литературы Токийского университета. Правительство, которое не позволило ему съездить домой повидаться с умирающей матерью, наградило его Дзюйхосё (Почетным Орденом) четвертой ступени. За разрешением носить этот орден он обратился через Британское посольство в Японии к королеве Великобритании и был очень обрадован, когда разрешение ему было дано. Для него это стало свидетельством того, что родина простила его пацифистские выступления и признала его вклад в дело мирного урегулирования отношений между странами.

В октябре 1964 года Блайс был госпитализирован в токийскую больницу Сэйрока, а затем переведен в больницу Синдзюку-Сэйва, где находилось специальное медицинское оборудование. Он страдал от воспаления легких и для окончательного выздоровления собирался отправиться на Гавайи, однако при обследовании у него обнаружили опухоль в мозгу, и путешествие пришлось отложить. Блайс скончался 26 октября.

Поскольку его дом был далеко, в Ойсо, похоронная церемония в дзэнском стиле, как он пожелал, была проведена в старой библиотеке университета Гакусюин. Его прах нашел последнее пристанище на живописном кладбище храма Токэйдзи в Камакуре, где он покоится среди останков выдающихся религиозных деятелей, философов и писателей. Тэцудзо Таникава похоронен рядом, а могила его духовного учителя, Дайсэцу Судзуки, находится под могилой самого Блайса. Здесь уместно вспомнить, что почти все книги Блайса посвящены

Судзуки, причем среди посвящений есть такие: “Тому, кто научил меня не учить”, или: “Тому, кто научил меня всему, что я не знаю”.

Чтение книг Блайса — увлекательное путешествие, в ходе которого постоянно делаешь для себя открытия, причем не только в сфере мировой литературы и восточной поэзии, но и в самом себе. Он лишает гордыни, развеивает иллюзии и дает нам возможность видеть мир по-новому, глазами ребенка. Внимательный читатель его книг постигает ограниченность рационального мышления и обретает источник познания, который помогает восполнить пробелы в наших знаниях о философии, литературе, жизни. Открыть для себя Блайса означает встретиться и навсегда подружиться с интересным человеком.

А. Мищенко

Отзывы о книге можно направлять составителю и переводчику по адресу: alan@squirrel.icyb.kiev.ua или Украина, 252187, Киев-187, Мищенко Александру, до востребования.

ISBN 5-8071-0013-1

9 785807 100139 >